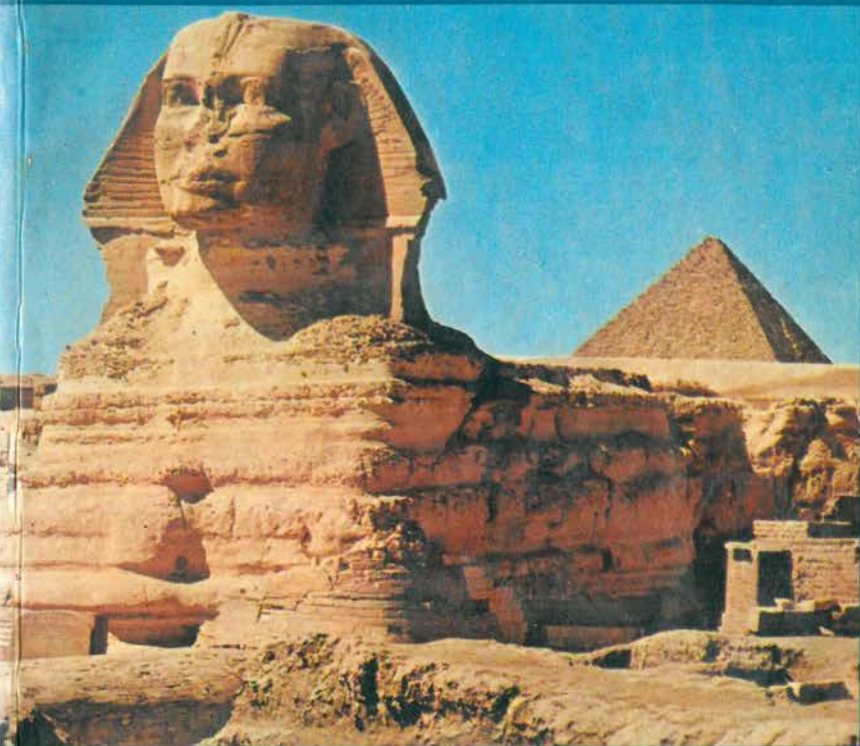

Петр Перминов

УЛЫБКА СФИНКСА

3(62)

№115

11-28

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

2. Чл. /кандидат наук
Г. И. Лу

Петр Перминов

УЛЫБКА СФИНКСА

14612

✓

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНΙΑ

Ответственный редактор

А. М. ВАСИЛЬЕВ

Перминов П.

П28 Улыбка сфинкса. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

303 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Книга посвящена главным образом проблемам, встающим перед современным Египтом в различных областях. В то же время на основании новых египетских и зарубежных источников в ней освещаются и такие ключевые вопросы новой и новейшей истории страны, как наполеоновская экспедиция 1798—1801 гг., строительство Суэцкого канала. Ряд очерков рассказывает о мистических и спекулятивных теориях, которые до сих пор продолжают окружать историю древнего Египта, о грабеже колонизаторами бесценного наследия древнеегипетской цивилизации, трудном пути познания египтологами и археологами жизни и культуры древних египтян.

П 1905020000—002
013(02)—85 105—84

ББКл8(6Ег)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Амон устроил все земли, устроенные им, но землю Египетскую — раньше других, и искусство вышло из нее, и учение вышло из нее, чтобы дойти до места, где я пребываю». Так говорил правитель финикийского города Библ более трех тысяч лет назад, в конце XII в. до н. э. Папирус с этим первым из дошедших до нас свидетельств иностранцев о стране фараонов был найден и прочитан в конце прошлого века основоположником русской школы египтологии В. С. Голенищевым.

С тех пор о Египте писали Геродот и Плиний, Страбон и Плутарх, французские крестоносцы и греческие монахи, немецкие египтологи и английские дипломаты, итальянские купцы и русские паломники. Много пишут о нем и до сих пор. На витринах каирских книжных магазинов соперничают друг с другом красочными глянцевыми обложками немецкие, французские, английские, американские издания, посвященные культуре и политике древнего и современного Египта.

В чем секрет поистине неувядающего интереса к этой стране? Может быть, в том, что Египет никого не оставляет равнодушным: он будто бы создан для того, чтобы будить мысль и воображение. В самом деле, много ли на свете стран, чью историю мы можем проследить на протяжении нескольких тысяч лет? А скольким из них было суждено стать перекрестком цивилизаций? Где еще, кроме Египта, самой историей собраны воедино памятники пятитысячелетней культуры, шедевры эллинского гения, сокровища раннехристианского искусства, мечети первых лет арабского завоевания? И не просто памятники, а памятники уникальные.

Египет — громадный музей под открытым небом. В мире много знаменитых музеев: Лувр, Прадо, Британский музей, Эрмитаж; есть города-музеи: Рим, Венеция, Ленинград, Суздаль. Египет — страна-музей, притом записники его до сих пор поражают нас все новыми и новыми находками.

Однако не только любителей старины притягивает страна на берегах Нила. Сложна и интересна и мозаика политических будней сегодняшнего Египта. Нелегко в ней разобратся. Общие закономерности социально-политической жизни, характерные для развивающихся стран, нередко проявляются в Египте в специфической форме, обусловленной устоявшимися в веках традициями.

Символом Египта — древней страны, многое в которой казалось европейским путешественникам, впервые ступившим на ее землю, загадочным, с незапамятных времен стал Большой сфинкс, лежащий у подножия пирамиды Хефрена. Ореол таинственных мифов, окружавший страну фараонов, рассеивался медленно, нехотя отступал перед усилиями египтологов, тщательно собиравших крупицы фактов о жизни и культуре древнего Египта.

Мифы окутывают не только далекое прошлое, но и современную историю Египта. Все, что касается колониального закабаления и грабежа Египта, освещается в буржуазной исторической литературе настолько тенденциозно, что добраться до истины в вопросе, например, об экспедиции Бонапарта в Египте, о строительстве и эксплуатации Суэцкого канала или тройственной агрессии 1956 г. против Египта бывает не легче, чем прочесть папирус времен Хатшепсут. Однако эти мифы рождаются уже не отсутствием знаний, а, скорее, нежеланием признавать процессы, происходящие в современном мире, спекуляцией на подлинной или мнимой специфике проблем, встающих перед Египтом.

Предлагаемая вниманию читателя книга была задумана как сборник очерков о сегодняшнем дне Египта. Большая ее часть написана в Каире. Однако начавшаяся в Москве работа над источниками показала, что понять и почувствовать существо и своеобразие этой страны невозможно, не спроецировав сегодняшнюю действительность в прошлое.

И хотя исторические параллели — дело опасное, тем не менее полезно иногда обращаться к опыту минувших веков, особенно имея такой материал, как записки и воспоминания русских ученых, дипломатов, журналистов, туристов, побывавших в Египте на различных этапах его бурной истории.

УЛЫБКА СФИНКСА

У ПОДНОЖИЯ «РУКОТВОРНЫХ ГОР»

Недалече от Египта, обон пол реки Нила, суть рукотворные горы, а от греков нарицаемые пирамидами иже суть четверограничный.

В. Григорович-Барский (1727 г.) *

Пирамиды возникли из ночной мглы неожиданно. Дорога резко взмыла вверх, оставив справа мягко подсвеченные стрельчатые арки самого дорогого каирского отеля «Мена-хаус», и наша машина, круто свернув на обочину шоссе, останавливается у подножия каменной громады, края которой сливаются с тьмой ночного каирского неба. Выходим из машины и медленно идем к пирамиде Хеопса — самой большой из трех знаменитых пирамид Гизе. Мало-помалу глаза привыкают к темноте. Осторожно ступая, поднимаемся по отшлифованным миллионами ног ступенькам, высеченным в гранитных глыбах. Вот и вход в пирамиду, наглухо закрытый на ночь тяжелой металлической дверью.

Усаживаемся на еще хранящий тепло щедрого египетского солнца гранит и осматриваемся. Мы забрались всего на десятую или одиннадцатую ступень, но высота кажется довольно внушительной. Направо, налево и вверх уходят ряды каменных глыб. Впереди и внизу, в гигантской ложбине переливается огнями ночной Каир. Долго сидим, вдыхая живительно прохладный воздух пустыни. Молчим, не хочется разменивать на слова глубокое чувство, которое испытываешь рядом с этими каменными колоссами — безмолвными свидетелями расцвета и гибели великой цивилизации древнего Египта. Перед ними проходили чужеземные завоеватели: гиксосы, персы, греки, римляне, спаги ** султана Селима I и гренаде-

* Здесь и далее в скобках приводится год пребывания автора эпитафия в Египте.

** Спаги — вид легкой кавалерии в турецкой армии времен Османской империи.

ры Наполеона, к ним совершали паломничество великие философы древности. Мы словно соприкоснулись с окаменевшим временем.

Впрочем, сколько людей посетило пирамиды за их многовековую историю, столько было и суждений, зачастую полярно противоположных. Древнегреческий поэт Пиндар слагал стихи, восхваляющие творения египетских фараонов, а французский писатель Шатобриан, будучи в Каире, не пожелал даже взглянуть на них. Наполеон вопреки распространенному мнению отказался взойти вместе со своими офицерами на вершину Большой пирамиды. Тем не менее и Наполеон, и Шатобриан все же приказали высечь свои имена на ее вершине. Надо сказать, что в этом они не были оригинальны. Вся верхняя площадка пирамиды Хеопса, а она довольно обширна (10 кв. м), испещрена именами людей, решивших хотя бы таким образом оставить о себе память в веках. Самая старая из сохранившихся надписей датируется 1475 г. Не устоял перед соблазном и известный русский путешественник XIX в. А. С. Норов, признавшийся, что он «имел слабость присоединить свое имя к несчетному числу других не с тем, чтобы кто-нибудь его прочел, а как бы для того, чтобы оставить свой бранный след на таком памятнике, который в соперничестве с существованием земли»¹.

Плато Кафр ас-Самман, на котором высятся пирамиды Гизе, давно уже стало излюбленным местом отдыха каирцев, приезжающих побродить в тени пирамид Хеопса и Хефрена. Окрестности пирамид Гизе давно объявлены заповедной зоной, но тем не менее в 70-е годы здесь выросли целые поселки загородных вилл египетской элиты, протянувшиеся от пирамиды Микерина до туристического комплекса «Сахара-сити». Заповедный облик Гизского некрополя был восстановлен лишь в конце 1981 г., когда президент Мубарак приказал снести все без исключения виллы, построенные вблизи пирамид. Бульдозеры, сровнявшие их с землей, не пощадили и загородную резиденцию Садата.

Нескончаемый поток местных и иностранных туристов создает немало забот египетской Службе древностей, которая явно не справляется с функциями поддержания порядка и чистоты в районе пирамид Гизе. Ответственные лица ссылаются на нехватку денежных средств и людей не только для этих целей, но и для обслуживания всех туристов. Как всегда в таких случаях, в дело вме-

шивается частный сектор. На каждого иностранца, появляющегося в районе Большой пирамиды, со всех сторон набрасываются погонщики ослов, верблюдов, лошадей и просто гида и наперебой предлагают свои услуги.

Гомон, крики, пыль. Вот лукавый шейх с загорелым морщинистым лицом ударяет верблюда палочкой под колена, заставляя его опуститься на землю и демонстрировать подседельные попоны и медные колокольчики, которыми он в изобилии украшен. Однако неопытного туриста, доверчиво согласившегося взять гида из этой компании, ждет горькое разочарование. Дело в том, что проводник в районе пирамид — это потомственная профессия, которой из поколения в поколение занимаются жители нескольких деревушек, расположенных в районе Гизе. Долгие годы общения с иностранными туристами научили их самым изощренным методам вымогательства. Книжки как древних, так и современных путешественников, посетивших пирамиды Гизе, заполнены жалобами на плутовские проделки этих хитрецов.

Вот как описывает их в своей книге «Патриархи земледелия» русский метеоролог и агроном И. Н. Клинген, побывавший в Египте в конце прошлого века: «Мгновенно обступили нас нового вида добытчики, и на этот раз более опасные, потому что они были организованны, дисциплинированы и слушались во всем своего шейха, который пришел собрать с нас законную дань владельца за право восхождения на пирамиды... Они схватили нас и повлекли к пирамидам, до которых было еще довольно далеко. Начался подъем. Я не горец и никогда не был быстроногим альпинистом, хотя, обладая выносливостью, не раз карабкался с успехом на высокие кручи и горы, но не помню, чтобы когда-нибудь подъем давался мне с таким трудом. Кажется, что секрет заключался в том, что, при восхождении на гору, вы идете обыкновенно осторожным, мерным шагом, отдыхаете так часто, как вам захочется, — здесь же арабы, делая вид, что поддерживают вас, на самом деле почти вовсе не помогают, быть может, намеренно запаздывая напрочь усилие там, где это вам в данный момент необходимо, а вместе с тем они слишком быстро увлекают вас наверх и не дают передохнуть ни минуты. В результате — быстрая усталость, дрожание ног и страшная одышка. Пройдя немного более полдороги, я чувствовал, что задыхаюсь. Догадались ли арабы по моему лицу, или просто мы достигли удобного пункта, но только они сами усадили меня на выдающий-

ся камень и обратились в участливых сиделок. Старший из них, почтеннейший старшина Магомет — сын Сулеймана, с красивым выразительным лицом праведника древнейших времен, с ласковой укоризной начал меня усовещивать: „Так нехорошо, куда торопиться, сердце лопнет, удар будет, смерть будет, нездоров будешь“, — строго заключил он, покачивая головой, и осторожно, как нежнейшая мать, растирал мне сердце. Вторым проводником, добродетельным Сулейманом — сыном Гуссейна, делал усерднейший массаж ног в то время, как добрейший Али — сын Дезуки, без всякой надобности бережно схватил меня под мышки, и, наконец, откуда ни возьмись, какой-то четвертый благодетель, назвавшийся Ибрагимом — сыном Файди, в то время, когда я почти уже не мог пошевелить пальцем в объятиях моих новых друзей, чуть не насильно вливал мне в горло свежую родниковую воду из длинного восточного кувшина. Теперь четыре благороднейших сердца бились несомненно в унисон, творя с увлечением доброе дело... Было от чего пролить слезу неподдельного умиления. „Ты кто, господин? Ты не франк? Ты не англичанин? Ты кто будешь?“ — наивно-добродушно приставали они. Я сказал. „А, москвич! Любим москвич, москвич хороший человек!“, и они удвоили свои заботы...

„Мы на все готовы для доброго москвича, — пели хором добрые арабы: Для щедрого москвича, москвич богат и щедр, он не обидит бедных арабов, он даст им сейчас же по два франка, только по два небольших серебряных франка, потому что, увы, шейх, их повелитель, не даст им и понюхать из условной суммы, а что может сделать бедный араб против могущественного шейха“, и они разом опускали смиренно головы при слове „бедный араб“ и гордо поднимали их и вскидывали пальцы, упоминая о шейхе. Медом текла их ласковая речь. Ритм задушевных вздохов сопровождал им, переводя из тона в тон всю сложную гамму искреннего душевного волнения. „Москвич добрый! Уу, добрый! Он даст бакшиш, москвич даст 2 франка на каждую душу!“ — хором кричали они, и все разом тянулись ко мне руки их... Теперь они ластились ко мне, как лукавые кошки, и я даже чувствовал, как они слегка обшаривали мои карманы. Идиллия кончилась. Роковое слово „бакшиш“ слетело с их уст и разрушило все очарование...».

Раздав бакшиш, Клинген подумал: „Ну, теперь конец, кажется, весь репертуар кончен“, и, вздохнув с об-

легчением, начал раздвигать подзорную трубу. Не тут-то было. „Разве господин не захочет посмотреть на нашего молодца Ибрагима, как он сбежит в один миг с пирамиды и взлетит, как горный дух, на соседнюю гладкую, как стекло, пирамиду? Это чудо, господин, и только за один франк с персоны!“ Я хотел было уже пожелать всей этой честной компании отправиться к их подозрительным родичам, но тут заинтересовалась вся молодежь, и торг был заключен. Ибрагим с ловкостью птицы буквально вспорхнул, а не сошел с огромной Хеопсовой пирамиды, на которой мы стояли, и, как белка, стал карабкаться на гладкую пирамиду. Глазам не верилось, когда часы отмерили всего только 8 минут в момент появления его на вершине высокой пирамиды Хефрена, а на нее взбираться вдвое труднее и опаснее, чем на нашу»².

Сегодня власти не рекомендуют туристам взбираться на вершину пирамиды Хеопса — слишком много несчастных случаев произошло в последние годы. Да в этом сейчас и нет необходимости.

Знакомство с пирамидами Гизе стоит начать с представления «Звук и свет». Оно проходит на смотровой площадке вблизи полуразрушенных пилонов погребального храма Хефрена. Это наилучший способ для туриста хотя бы бегло ознакомиться с историей древнего Египта. Представления даются каждый вечер после захода солнца. Рассказ на английском, французском, немецком или арабском языках, многократно усиленный мощной аппаратурой, ведется от имени Большого сфинкса, который «вспоминает» о том, как строились пирамиды, как жили и умирали фараоны и простые люди в древнем Египте. Рассказ сфинкса сопровождается очень красивыми световыми эффектами. Подсвеченные прожекторами, каменные громады пирамид медленно окрашиваются в мерцающий голубоватый свет, а их вершины вспыхивают пурпуром, как бы отражая первые лучи восходящего солнца. Затем неожиданно прожекторы выхватывают из темноты загадочную фигуру сфинкса, охраняющего покой этих исполинских памятников древности.

За смотровой площадкой и примыкающим к ней административным комплексом, на окраине маленькой арабской деревушки есть конюшня, где за сравнительно умеренную плату можно взять напрокат лошадей. Речь, конечно, идет не о чистокровных арабских скакунах, хотя сам владелец конюшни — шейх Мухаммед, — важный, осанистый, в дорогой, с ручной вышивкой, гала-

бее*, за обязательной чашечкой кофе будет утверждать, что приготовил специально для вас лучшего коня. Напрасны ваши уверения, что лучший конь вовсе не нужен, что вы в общем-то довольно посредственный наездник. Прервав ваше бормотание суровым жестом руки, шейх Мухаммед твердо заявит о том, что долг вежливости и гостеприимства обязывает его дать только лучшего из своих скакунов. Впрочем, не отчаивайтесь. Чашка кофе выпита, шейх делает знак рукой стоящему в ожидании мальчику, и из ворот конюшни появляется понурое существо, вид которого кажется вам очень знакомым. Если вы напряжете свою память, то обязательно вспомните собрата этого «скакуна», известного всем по фильму «Волга-Волга»; лошади шейха Мухаммеда, как и мерин из этого фильма, досконально знают свой маршрут. Даже когда вы, освоившись в тряском седле, наберетесь храбрости и слегка ткнете своего «скакуна» каблуком в бок, он вряд ли отступит хоть на шаг от протоптанной десятками его предшественников тропинки. Обогнув по вершине песчаной дюны небольшое арабское кладбище, притаившееся в ложбинке за пирамидой Хеопса, он совершит большой полукруг, провезет вас с южной стороны мимо всех трех пирамид и благополучно доставит обратно в объятия шейха Мухаммеда.

Мы вскоре признали, что у такого путешествия есть свои преимущества и основное из них — возможность любоваться изумительным видом трех главных пирамид Гизе вдали от шумных толп туристов.

Гизехские пирамиды удобнее всего осматривать с юга, со стороны пустыни. На скалистом плато вытянулись в стройную цепь с запада на восток три главные пирамиды. Первая из них — пирамида Хеопса; ее называют также Большой пирамидой. В древности ее высота от вершины до основания составляла 146 м. Однако в настоящее время верхняя часть пирамиды разрушена и ее нынешняя высота равна 137 м.

На строительство Большой пирамиды пошло 2,3 млн. каменных блоков. Средний вес каждого из них — около 2,5 т, однако при сооружении внутренних ходов Большой пирамиды использовались и более тяжелые плиты. Девять плит главной погребальной камеры весят не менее 400 т; соответственно вес каждой из них составляет при-

* Галабeya — длинная рубаха, традиционная одежда египетского крестьянина-феллаха.

мерно 4,5 т. Во времена Хеопса грани пирамиды были облицованы отполированными плитами из мелкозернистого песчаника, добывавшегося в карьерах Тора и Масара на близлежащих Мукаттамских холмах. Еще в XIV в. французский путешественник Симон де Сарребрюш, побывавший у пирамид Гизе, видел Большую пирамиду, до половины покрытую облицовкой. Однако, по его свидетельству, на гранях пирамиды Хеопса копошились, как муравьи, рабочие, отбивавшие облицовочные плиты. Этот первосортный камень шел на строительство дворцов мамлюкских султанов и сооружение домов в Каире.

Колоссальные размеры Большой пирамиды неизменно производили большое впечатление на всех, кто ее посещал. Наполеон, оказавшись у ее подножия, мгновенно подсчитал, что из блоков пирамиды Хеопса можно было бы построить стену вдоль границ Франции высотой более 3 м и толщиной 30 см. А согласно подсчетам английских ученых, на строительство всех христианских церквей в Англии пошло меньше камня, чем на одну Большую пирамиду.

Особенно красива пирамида Хеопса в косых лучах раннего утреннего или заходящего солнца. Ее грани приобретают ровный и глубокий оттенок светлой охры и прекрасно гармонируют с окружающим песчаным пейзажем. Еще большее впечатление Большая пирамида производила во времена фараона Хеопса, когда ее идеально отполированный облицовочный камень, отражая солнечные лучи, отбрасывал светящийся отблеск на окружавший ее гранитный постамент. Вершина Большой пирамиды, как и вершины ее младших сестер, была тогда покрыта тонкими пластинами золота. Ранним утром, когда пустыня была еще погружена во мглу, первые лучи солнца, коснувшиеся ее вершины, создавали вокруг нее как бы золотой ореол.

Часть первоначальной облицовки сохранилась только на вершине второй пирамиды, которую построил сын Хеопса — Хефрен. Пирамида Хефрена на полметра ниже Большой пирамиды. Ее высота 136,5 м. Она к тому же заметно уже. Однако поскольку она стоит на более высоком месте, то создается впечатление, что она чуть выше пирамиды Хеопса.

Пирамида Хефрена представляла в свое время единый комплекс с гранитным храмом, руины которого находятся около Большого сфинкса. Во времена Хефрена

от храма к пирамиде вела дорога процессий, по которой жрецы несли в последний путь мумифицированное тело фараона. От храма мало что осталось, но сохранившиеся части входных пилонов и остатки вестибюля поражают глаз строгостью и соразмерностью пропорций. Они были раскопаны французским археологом Огюстом Мариетом в конце прошлого века. Мариет нашел прекрасную диоритовую статую самого Хефрена. Археологи обнаружили также остатки погребального храма Хеопса, сделанного из базальта и гранита, однако полностью раскопать его оказалось невозможно, так как над ним находится арабская деревня Назлат ас-Самман.

Меньшая из пирамид Гизе, пирамида Микерина, внука Хеопса, — крайняя с западной стороны. Ее высота 66 м, а длина каждой из сторон основания 108 м. Пирамида Микерина сохранилась хуже двух других пирамид Гизе; немалая часть ее камней пошла на постройку каирской Цитадели. К югу от нее выстроились в ряд три маленькие полуразрушенные пирамиды. Из них более или менее исследована только одна. Ученые считают, что она принадлежит супруге Микерина Хамерернепти. Вдоль всего скалистого плато, на котором стоят пирамиды Гизе, расположены многочисленные захоронения стражей некрополя, вельмож и приближенных трех фараонов IV династии — строителей пирамид.

Комплекс Гизехского некрополя даже в своем нынешнем, пострадавшем от времени виде представляет собой величественную картину. Можно только предполагать, как прекрасен он был во времена фараонов IV династии. Греческий историк Геродот, побывавший у пирамид Гизе в середине V в. до н. э., оставил нам свидетельство о некоторых не дошедших до нас элементах этого грандиозного комплекса. В частности, по его словам, дорога, которая вела от погребального храма Хеопса к Большой пирамиде, по мастерству исполнения украшавших ее барельефов производила не меньшее впечатление, чем сама пирамида Хеопса.

Интересно, что Геродот ни слова не говорит об одном из самых замечательных памятников эпохи Древнего царства — Большом сфинксе, лежащем около погребального храма Хефрена, примерно в 350 м восточнее пирамиды Хеопса. Это по меньшей мере странно, так как большинство археологов считают сфинкса современным фараонов IV династии и во времена Геродота он, очевидно, находился на своем месте.

Сфинкс представляет собой колоссальную фигуру с туловищем льва и головой человека, вырубленную из цельного камня. Лицо его обращено на восток. Несмотря на многочисленные повреждения, которые были нанесены сфинксу за долгие века вандализмом туристов и фанатиков, его лицо хранит величественное и загадочное выражение. Длина сфинкса от кончиков лап до хвоста 57,3 м; высота 20 м. Когда-то его пятиметровая голова была украшена традиционным головным убором фараона — царским немесом (праздничный плат, спускающийся с затылка на плечи); теперь он частично обломан, а царский урей (символ власти в виде приподнявшейся на лбу кобры) безвозвратно исчез. У огромных лап сфинкса приютился маленький храм, в настоящее время почти полностью разрушенный. Специалисты датируют его эпохой фараона Хефрена. По общепринятому мнению, лицо сфинкса — скульптурный портрет Хефрена. В надписи на стене между его лап говорится, что по приказу фараона Тутмоса IV (конец XV в. до н. э.) была произведена расчистка сфинкса от песка, который занес его почти полностью. В последующие эпохи эта операция производилась регулярно.

Египтологи раскрыли настоящее имя сфинкса — Хоремхет (по-гречески — Хармахис), значащее «Хор (Гор) на небосклоне». Хором египтяне называли обожествляемого фараона, а горизонтом или небосклоном — место, где он после смерти сливается с богом солнца, начиная свое вечное путешествие по небу. В период Среднего и Нового царств сфинксы нередко изображались и с головой барана или сокола. В Карнакском храме, например, сохранилась целая аллея бараноголовых сфинксов, посвященных богу Хнуму*.

Однако Большой сфинкс в Гизе — наиболее древний из известных нам египетских сфинксов. В эпоху Древнего царства культ Харемахета еще не оформился, и археологи могут только предполагать, какой смысл вкладывала фантазия древних египтян в образ этого мифического существа. По всей вероятности, сфинкс и в этот период олицетворял мудрость, загадочность и власть обожествленного фараона. Кроме того, если судить по тому, что сфинксы обычно находились около крупных храмов или пирамид, они были призваны играть роль стражей этих священных мест.

* Хнум — в древнегреческой мифологии бог плодородия, изображался в виде барана или человека с головой барана.

Археологи до сих пор не могут дать исчерпывающих ответов на многие вопросы, связанные с Большим сфинксом. Ряд из них еще сравнительно недавно отстаивал мнение о том, что сфинкс гораздо древнее пирамид в Гизе и сходство его лица с лицом Хефрена не более чем случайность.

Что же говорить о временах, когда египтология еще не существовала или делала свои первые шаги? В этот период и родилась загадка сфинкса, над которой бились многие ученые прошлого. Как всегда или почти всегда случалось с памятниками древнеегипетской культуры, смысл или символику которых трудно было уловить, не обладая конкретными знаниями о религии древних египтян, вокруг сфинкса начала нагнетаться многозначительная таинственность. Первыми за это взялись древние греки. Образ сфинкса с его знаменитой загадкой, разгаданной Эдипом, попал в их мифологию, хотя и в трансформированном виде*. Молчание Геродота о сфинксе было истолковано позднейшими авторами как нежелание открыть одну из тайн египетских храмов, о которых, возможно, рассказали ему сопровождавшие его жрецы. Никому как-то и в голову не приходило, что во времена Геродота сфинкс попросту мог быть занесен песком (до того, как его обнесли в 1925 г. оградой, требовалось всего не более 50—60 лет, чтобы сфинкс оказался полностью погребенным под песчаными заносами). Постепенно Большой сфинкс превратился как бы в символ тайны, которой была окутана история древнего Египта.

Интересно, что почти каждый из путешественников прошлого судил о сфинксе на основании сложившихся у него под влиянием определенной исторической эпохи взглядов и представлений. Не составляли в этом отношении исключения и русские путешественники XIX в. Любопытный образец христианско-схоластической трактовки символики сфинкса дает архимандрит Порфирий Успенский, много поездивший по Египту и Синаю. Ссылаясь на мнение известного богослова Климента Александрийского, он высказал предположение, что египетские

* В греческой мифологии сфинкс или сфинга — чудовище с женской головой, львиным телом и крыльями птицы, сидевшее на скале близ Фив и задававшее людям загадку: «Кто ходит утром на четырех ногах, в полдень на двух, а вечером на трех?». Тех, кто не мог ее разгадать, сфинкс убивал. После того, как Эдип разгадал загадку, ответив: «Человек. В младенчестве он ползает на четвереньках, в зрелом возрасте ходит на двух ногах, а в старости опирается на клюку», сфинкс бросился в пропасть и разбился насмерть.

жрецы видели в сфинксе символ «разнородных сочетаний стихий мира», «знамение лада в природе и напоминание наблюдателю о том, что познание бога и естества весьма трудно». «В самом деле, сфинксы выражают эти три понятия. Так как женское тело* обозначало, по мнению древних, влажную силу природы, а тело львиное — стихию огненную, то соединение сих двух тел в сфинксе служило образом сочетания воды и огня, кои, по учению египтян, составляют основу всей природы, и выражением гармонии, происходящей от соединения этих двух стихий. Когда сфинксу придавали лицо богини Исиды, тогда он означал природу творящую, которую можно постигать не иначе, как изучая ее постепенно, когда же виделось на нем лицо другого божества, тогда он возвещал собой возведенного в таинство, что каждое светило небесное или каждая стихия земная соответствует всемирному ладу и что мир есть загадка, предложенная человеку на удивление и изучение и для изощрения ума. Если сфинкс держал трещотку в лапе, он напоминал, что гармония существ происходит от их взаимного движения, если он был прикрыт, то давал понять, что бог, мир и человек — суть тайны, в коих сущность понять и проникнуть невозможно. Сфинкс, пожиравший тех, которые не разгадывали его, служил знамением веры, обрекающей на вечные мучения безбожников»³.

Интересно рассуждает о символическом значении фигуры сфинкса и А. С. Норов. Он высказывает предположение, что сфинкс — это, возможно, «символ приращения Нила в месяцах июле и августе, когда солнце находилось в созвездии Льва и Девы»⁴. При этом он ссылается на то, что египетские жрецы наиболее ревностно охраняли и зашифровывали те свои знания, которые были связаны с предсказаниями разливов Нила и погодных явлений, т. е. оказывали самое непосредственное влияние на жизнь и судьбы египтян. Может, конечно, возникнуть резонный вопрос: причем здесь Дева, если у Большого сфинкса на львином теле мужская голова фараона Хефрена? Дело в том, что, согласно Плутарху (а Норов на него и ссылается), сфинксы в Египте посвящались богине Нейт, предшественнице греческой Афины или римской Минервы. Поэтому объединение в фигуре сфинкса символов созвездий Льва и Девы и могучей лич-

* По всей вероятности, Успенский путает греческих и египетских сфинксов — только в Греции сфинксы иногда изображались с женской головой или телом.

ности фараона во времена Норова должно было представляться вполне естественным.

Уязвимость рассуждений Норова с точки зрения современной египтологии очевидна: он оперирует опосредствованными (через античных греческих историков) представлениями о древнем Египте. Он не располагал, да и не мог располагать научно достоверными данными о жизни и религиозных верованиях древних египтян: египтология как наука только еще делала свои первые шаги.

Но пришло время вернуться к пирамидам. Давайте сойдем с лошадей, возвратим их в целости и сохранности ожидающему нас шейху Мухаммеду и поднимемся по шоссе к северной стороне пирамиды Хеопса.

Первоначальный вход в Большую пирамиду находился на уровне примерно тринадцатого ряда гранитных плит. Однако ныне он закрыт. Проникнуть внутрь можно, воспользовавшись лазом, проделанным грабителями еще в древние времена. Вступаем внутрь пирамиды. Перед нами узкий, почти горизонтально идущий коридор. Застоялый жаркий воздух насыщен пылью. Метров через тридцать упираемся в новый коридор. Такой же тесный, как и первый, он ведет вверх. Его пол устлан деревянным настилом с поперечно набитыми планками. Путь освещается лишь тусклым светом свисающих с потолка электрических лампочек. В конце коридор разветвляется. Проходим метров тридцать и попадаем в так называемую камеру жены фараона. Она расположена точно в середине пирамиды, приблизительно в 120 м от ее вершины. Это довольно просторная, совершенно пустая комната с гранитными стенами. Археологи установили, что, несмотря на свое название, эта камера не имеет никакого отношения к супруге Хеопса. Дело в том, что пирамида Хеопса трижды перестраивалась. На первом этапе строители, очевидно, намеревались разместить погребальную камеру Хеопса в скале, служившей естественным фундаментом пирамиды. Однако затем по неизвестным причинам они изменили первоначальный план и соорудили погребальную камеру, приписанную впоследствии первыми исследователями пирамиды Хеопса его жене.

Находясь внутри пирамиды, все время как бы ощущаешь над головой многотонную тяжесть каменной громады. Людям, подверженным клаустрофобии, не рекомендуют находиться здесь длительное время. Известны случаи, когда туристам становилось плохо в лабиринтах пирамиды. Это довольно естественное явление породило

немало мистических домыслов о некоей магической силе Большой пирамиды и ее таинственном воздействии на психику людей.

Наполеон, в частности, почувствовал себя плохо, попав в погребальную камеру Хеопса, и впоследствии не любил вспоминать об этом.

Сравнительно недавно англичанин Пол Брантон, человек, по всей вероятности, склонный к острым ощущениям, решил проверить, насколько правдивы слухи о магической силе Большой пирамиды. С большим трудом он добился от египетской Службы древностей разрешения провести ночь в погребальной камере Хеопса. Первые часы он находился в большой восходящей галерее, а затем уселся в углу камеры. Неожиданно он почувствовал, что его мысли начали путаться. Он закрыл глаза и через некоторое время якобы потерял сознание от охватившего его безотчетного ужаса. Утром его, как бурсака Хому Брута из гоголевского «Вия», извлекли из пирамиды в полубессознательном состоянии. По сообщениям печати, он не мог связно рассказать о видениях, которые проходили перед его глазами. Однако, по мнению специалистов, происшедшее с ним скорее всего имеет отношение не к свойствам Большой пирамиды, а к особенностям человеческой психики.

Покинув погребальную камеру, возвращаемся по тому же горизонтальному коридору, а затем по узкой деревянной лестнице поднимаемся в довольно просторную гранитную галерею (длиной 50 м), уходящую вверх под углом около 30°. Она оканчивается коротким коридором, ведущим непосредственно в другую погребальную камеру, где и находится саркофаг Хеопса. Эта камера чуть больше второй, ее высота 10,45 м. Невольно обращаешь внимание на тщательную отделку гранитных стен. Массивные плиты настолько плотно пригнаны друг к другу, что швы между ними почти незаметны. Посреди камеры стоит большой саркофаг из черного гранита. Крышка отсутствует, она исчезла еще во времена экспедиции Бонапарта. Несмотря на то что мы стоим в самом сердце пирамиды Хеопса, духоты не чувствуется; вентиляция осуществляется через два отверстия, которые выходят на северную и южную стороны пирамиды. Над погребальной камерой находятся пять небольших помещений; в одном из них была обнаружена единственная над-

пись, имеющаяся в пирамиде Хеопса, — картуш* фараона Хеопса, несколько раз нарисованный красной краской на гранитном блоке.

Выйдя наружу, испытываем невольное облегчение: можно снова распрямиться, вдохнуть полной грудью свежий воздух. Нет, все же царство бога солнца Амона-Ра привлекательней подземных владений Осириса.

ЧЕРТОВЩИНА ВОКРУГ ПИРАМИД

...взоры мои были привлечены, как магнитом, пирамидами... Мысль, что это есть древнейшее создание рук человеческих, что самое время, все поглощающее, забыло о них, что их видели Иосиф, Моисей и что теперь вижу их я, — эта мысль приводила меня в какое-то исступление.

А. Норов (1834/35 г.)

За пять тысяч лет своего существования пирамиды Гизе видели немало великих и смешных, забавных и странных сцен. Однако в последнее время, а точнее, с того момента, как на берега Нила хлынул поток заокеанских бизнесменов и туристов, наблюдается крен в сторону странного.

Зимний вечер 1980 г. Прямо у погребального храма Хефрена устраивает концерт заезжая американская рок-группа «Dreadful Dead». Ребята из «Dreadful Dead», стяжавшие себе сомнительную известность самой громкой группы Старого и Нового Света, не подкачали. Они оправдали надежды своих поклонников, которых в Каире оказалось порядочно. С раннего утра к древнему сфинксу тащились, переговариваясь по-английски, странные босые юноши в одежде цвета хаки с остекленевшими глазами наркоманов. Непринужденно рассаживаясь прямо на песке, они наблюдали за тем, как музыканты устанавливали свои супермощные усилители. Уже первый опус, который грянули американские гастролеры, можно было слушать без ущерба для барабанных перепонек только из каирского района Сеида Зейнаб, расположенного за добрый десяток километров от Гизех-

* Картуш — овальная рамка, в которую в древнеегипетской письменности заключалось имя фараона.

ских пирамид. Мы ушли, не дождавшись конца, опасаясь, что древние пирамиды могут и не выдержать этой какофонии. Рухнул же в Фонтанку в свое время известный всем по учебникам физики Египетский мост, а ведь причиной этого была всего лишь рота солдат, шагавших в ногу, а не банда юных дарований, вооруженная тысячеваттной акустической аппаратурой.

Примерно в это же время кое-кто в Каире попытался превратить пирамиды в декорации для бездарного политического фарса под названием «Кэмп-Дэвид». На том же месте, у храма Хефрена, в ознаменование подписания египетско-израильского мирного договора был устроен концерт, на который были приглашены сливки американского, европейского и каирского общества. Впрочем, представления такого рода пирамидам в Гизе не в новинку. Примерно то же самое происходило в Египте в 1869 г. во время открытия Суэцкого канала. Переменились только действующие лица. Сценарий остался прежний. Все та же псевдосветская мишура, все то же стремление пустить пыль в глаза...

Однако и это шоу бледнеет перед картиной, которая открылась у подножия пирамиды Хеопса погожим апрельским днем 1981 г. перед проводниками верблюдов и ослов. Они с изумлением наблюдали, как около 200 экстравагантно одетых людей всех возрастов стояли на коленях лицом к пирамиде Хеопса, воздев в экстазе руки и закатив глаза к небу. Перед ними извивалась облаченная в длинную зелено-голубую галабею танцовщица.

Как выяснили журналисты каирского журнала «Октобр», немедленно прибывшие на место странного происшествия, коленопреклоненные люди были членами американской секты «Поднимающиеся Атланты». Танцовщица же оказалась жрицей древнеегипетской богини Хатхор, олицетворявшей женскую красоту и являвшейся вследствие этого предметом особого поклонения со стороны членов секты. «Поднимающиеся Атланты» пересекли Атлантический океан с единственной целью — посетить Египет, который они считают своей прародиной. Дело в том, что «Атланты» верят в то, что они являются потомками жителей таинственной, давно исчезнувшей с лица земли Атлантиды, куда их еще более далекие предки попали в качестве пришельцев некой внезапной цивилизации. После гибели Атлантиды в пучине океана предки «Атлантов» переселились в Египет, где и заложили основы древней египетской культуры. Тела «Атлан-

тов» закончили свое земное существование вот уже несколько тысяч лет назад, однако души их переселились в других людей, которые волей случая все поголовно оказались американцами. Члены секты объединены верой в то, что некий сверхсекрет их цивилизации хранится в капсуле, зарытой тысячи лет назад под пирамидой Хеопса, вследствие чего они и совершают к ней регулярные паломничества.

Один из «Атлантов» заявил репортеру Хусни Абдель Муаты, что уже видел его пять тысяч лет назад здесь же, у подножия Большой пирамиды. Американец был в то время фараоном Сети I, а вот кем был Хусни Абдель Муаты, он за давностью времени не помнит...

В стороне от основной группы «Атлантов» стоит средних лет женщина с глубоко запавшими глазами религиозной фанатички. Одета во вполне современные розовые брючки и легкую белую рубашку, она, как в трансе, смотрит на вершину пирамиды Хеопса. Эта женщина считает себя земным воплощением древнеегипетской богини Исида, супруги Осириса, — богини плодородия у древних египтян. У ее ног стенает и рыдает другая женщина, твердо убежденная в том, что плач у ног Исида принесет ей духовное очищение.

Эта экстравагантная компания собралась у подножия Большой пирамиды вовсе не в результате коллективного побега из психиатрической клиники. Среди членов секты есть врачи, философы, социологи, профессора университетов, но своим духовным наставником они считают некоего скромного фотографа из штата Кентукки, родившегося в конце прошлого века. По их мнению, фотограф далеко не так прост, как казалось окружающим. «Атланты» убеждены, что он обладал сверхъестественными качествами, до сих пор непонятными его современникам. В частности, не имея никакого медицинского образования, он якобы умел лечить самые тяжелые заболевания, включая рак. Именно он перед своей смертью в 1945 г. поведал, что египетская цивилизация — дело рук жителей таинственной Атлантиды.

«Поднимающиеся Атланты» — не единственная мистико-религиозная секта в Америке, которая верит в некие скрытые, недоступные человеческому пониманию свойства Большой пирамиды. В США существуют и другие аналогичные секты, в частности «Пирамидиэнс».

Ее основатель, американский историк Джон Уэст утверждает, что пирамиды в Гизе имеют не по четыре гра-

ни, а по восемь, но четыре невидимые грани появляются перед взором человека только в определенный час, в день летнего солнцестояния 21 июня.

Нормальному человеку подобные «прозрения» трудно расценить иначе, чем клинический случай массового помешательства. Причины его трудно поддаются анализу, хотя в некоторых случаях, в частности касающемся личности одной из сектанток, пожилой, благообразного вида женщины, профессора экономики американского университета, твердо убежденной в том, что она мать фараона Сети I, все более или менее ясно. Она сама признает, что в детстве упала с крутой лестницы и с тех пор ее неотвязно преследуют таинственные голоса. Можно, очевидно, понять и странности в поведении Джона Уэста, должно быть переутомившегося во время изучения египетских древностей. Ну а остальные? Их все же 200 человек.

Впрочем, что значит эта цифра? Ведь количество adeptов другой мистико-религиозной американской секты, совершивших массовое ритуальное самоубийство в Гайяне, было в несколько раз больше...

Да и в конечном счете стоит ли тратить время на бредни «Поднимающихся Атлантов»? Ведь они лишь частный случай из разнообразных спекулятивно-мистических теорий, которые буржуазная наука нагородила вокруг египетских пирамид. На Западе выходят книги многочисленных «пирамидологов», повествующие о «проклятии фараонов», «загадке пирамид», тайнах египетских жрецов.

Геродот, один из первых древних историков посетивший пирамиды Гизе, не сомневался в том, что они представляют собой усыпальницы фараонов. Однако впоследствии нашлось немало людей, желающих поспорить с ним. Аристотель, в частности, считал, что пирамиды — не могилы фараонов, а памятники-колонны, возведенные с целью демонстрации их неограниченной власти. Римский историк IV в. Марцелин предполагал, что они были хранилищем секретных архивов древних мудрецов, а иудейский историк Иосиф Флавий — легендарными «столпами Сета», на которых, согласно древнему преданию, начертана вся накопленная древними египтянами мудрость. В средние века, когда посещавшие долину Нила практически не имели сведений о Египте, кроме библейских сказаний, весьма распространена была точка зрения, что пирамиды — не что иное, как житницы Иосифа, пост-

роенные для того, чтобы Египет мог перенести семь непосланных ему голодных лет.

Да и сведения о египетских пирамидах, которые сообщают европейские путешественники XVII—начала XVIII в., мягко говоря, не очень достоверны. Русские «путепроходцы» в этом отношении не представляют исключения. Знаменитый паломник XVIII в. Григорович-Барский (1727 г.) считал, что пирамиды построены фараонами для того, чтобы «имат прибежище тамо, внегда бы случилось божим попусшением разлитися реце до зела и потопити все поля египетская». Из русских путешественников этой эпохи только Арсений Суханов (1651—1652) упоминает, что в пирамидах были «древние фараоновы могилы учинены».

Во второй половине XIX в. немалый вклад в разработку мистических спекуляций «пирамидологов» внесла и наша соотечественница Елена Петровна Блаватская, основательница Теософического общества. Стоит в двух словах рассказать об этой колоритной женщине, тем более что ее теософические труды снова, кажется, входят в моду на Западе (в 60-х годах вышло девятитомное собрание сочинений Блаватской).

Елена Петровна Блаватская с юности была одержима любовью к странствиям и приключениям. В 17 лет она покинула дом своей бабушки, известной писательницы Елены Павловны Фаддеевой и вышла замуж за 60-летнего чиновника Блаватского. Спустя всего несколько месяцев Блаватская оставила мужа и отправилась на Восток, где провела около 10 лет. Из них два года, как она рассказывала впоследствии, она прожила в буддийских монастырях в Тибете. С 1873 г. Е. П. Блаватская обосновывается в Нью-Йорке и пишет на английском языке книгу «Разоблаченная Исида», в которой впервые излагается доктрина так называемой «теософии» — религиозно-нравственного учения, целью которого, по ее собственным словам, является «спасение человечества, заедного материализмом».

Блаватская дважды побывала в Египте. В своей книге она упоминает о секретах и магических церемониях египетских жрецов, ставших ей известными каким-то таинственным образом.

Характерен такой отрывок: «Внешними формами Большая пирамида символизирует творческие принципы Природы, одновременно иллюстрируя таким образом принципы геометрии, математики, астрологии и астроно-

мии. Внутри она была величественным храмом, в темных закоулках которого совершались мистерии и стены которого были свидетелями сцен посвящения царской семьи. Саркофаг из порфира, который профессор Пьяцци Смит — королевский астроном Шотландии — сводит до роли сундука для хранения зерна, был на самом деле некой купелью, в которой неопит, рождавшийся заново, становился адептом...»⁵.

Бульварные петербургские и парижские издания начала века часто помещали описания сеансов, на которых мадам Блаватская вызывала тени знаменитых людей и вела с ними непринужденные беседы на актуальные политические темы. Однако способ общения с потусторонними силами у Блаватской, по нынешним понятиям, был довольно примитивен. После того, как тушили свет, откуда-то сверху, очевидно с люстры, сыпались конвертики, в которых знаменитые мертвецы за просто слали записочки Елене Петровне.

На русского литератора Всеволода Соловьева, посвятившего Блаватской книгу «Современная жрица Изиды»⁶, как и на других представителей философствующей буржуазной интеллигенции, Блаватская производила одно время большое впечатление. Соловьев описывает, как поражали его звонившие по мановению ее руки таинственные колокольчики, какое впечатление производили на него раздававшиеся таинственные звуки, падавшие с потолка розы, летавшие огненные шары и невесть откуда появлявшиеся письма, которые она прочитывала, не распечатывая конверта.

Однако ореол таинственности окружал Блаватскую недолго. В ряде европейских журналов появились сенсационные разоблачения проделок и мошенничеств Блаватской, раскрывавшие тайны всех ее «чудес».

Бросается в глаза сходство многих ее мошеннических трюков с теми, к которым прибегают бродячие фокусники в Египте. В настоящее время тип бродячего фокусника — *дервиша*, — предлагавшего за умеренную плату любому желающему пообщаться со своими умершими предками, довольно редок, но в середине прошлого века это была одна из главных фигур живописной толпы каирских базаров.

Англичанин Уилкинсон, автор одного из путеводителей по Египту прошлого века, следующим образом описывает свое посещение сеанса магии у известного каирского шейха Абдель Кадера в 1843 г. Уилкинсон отпра-

вился на свидание с магом в сопровождении нескольких друзей. После короткой беседы Абдель Кадер приказал принести ему лист бумаги, на котором написал пять фраз — призывы к духам. Затем он позвал мальчика, служившего ему помощником, и торжественно начертил на его ладони два квадрата: один внутри другого. В центре внутреннего квадрата он написал цифру «5», которая, согласно его пояснению, таила в себе некий разрушительный смысл. В другом квадрате он расположил цифры от «1» до «9» таким образом, что если сложить цифры, находившиеся на одной линии, то в сумме они давали 15.

Маг и его юный помощник уселись по обе стороны небольшого столика, и мальчик по приказанию мага стал пристально смотреть на точку, которую тот поставил в центре внутреннего квадрата, при этом он рассказывал все, что ему виделось. Шейх же принялся читать заклинания и молитвы во имя «нашего господина Сулеймана» и, разрывая клочки бумаги, покрытые мистическими письменами, бросал их в огонь.

По окончании этой подготовительной церемонии он предложил присутствующим назвать кого-нибудь из умерших родственников. Некто господин Льюис выразил желание повидать своего отца. «Шауиш, приведи Фредерика Льюиса», — сказал мальчику маг. «Вот он», — ответил мальчик и описал его: «Одет в черное, небольшого роста, толстый, с седой головой, без бороды, но с усами, на голове — тарбуш, на ногах — турецкие туфли с загнутыми носами». Конечно, этот персонаж ничем не походил на отца уважаемого господина Льюиса. Шейх был вынужден сказать мальчику: «Пусть он уйдет». Затем он вызвал тень Шекспира, который предстал в образе человека «небольшого роста, толстого, одетого в черное, с бородой, но без усов». Королева Викторая, вызванная после Шекспира, представилась мальчику «одетой в черные панталоны, белую шляпу, с плечами, прикрытыми красной мантией, однако же без бороды и без усов». Когда один из присутствовавших спросил у мальчика, какого пола был вызванный им дух, он без промедления ответил: «Мужчина». Магу указали на его ошибку, и он тут же ответил: «Я, конечно же, знал, что это женщина. Не понимаю, почему эти противные мальчишки никогда не говорят правду. Они говорят все, что им взбредет в голову».

Тем не менее изредка у мальчика случались и удачи.

Уилкинсон, анализируя вопросы, которые задавал мальчику шейх, пришел к выводу, что шейх, зная внешность некоторых исторических личностей, прямо направлял мальчика своими вопросами. В частности, он спросил: «Сколько рук у тени лорда Нельсона, одна или две?» Естественно, что сообразительный мальчик тут же ответил: «Одна»⁷.

Рассказ Уилкинсона поразительно напоминает описываемые Соловьевым любимые трюки мадам Блаватской. Даже сами атрибуты ее таинственных церемоний кажутся как бы скопированными с уловок, к которым традиционно прибегали факиры и маги в Египте, Индии и других восточных странах, в которых бывала Блаватская. Скорее всего, именно из их практики и почерпнула Елена Петровна те магические обряды египетских жрецов, о которых рассуждает она в своих книгах.

В наш век использование секретов древней египетской магии поставлено на Западе на более солидную основу. Потребность в записочках отпала в связи с возникновением новых, «научных» методов, в частности так называемой ксеноглоссии (от греческих слов «ксенос» — иностранный, посторонний и «глосса» — речь, язык).

Филипп Ванденберг, автор книги «Проклятье фараонов»⁸, приводит интересный пример, наглядно иллюстрирующий, как причудливо переплетаются в «пирамидологии» действительно любопытные феномены, связанные с пока еще не познанными учеными секретами древнеегипетской цивилизации, передержки и спекуляции, рассчитанные на то, чтобы сделать бизнес на очередной «фараонской» сенсации, и явное мошенничество. Этот пример интересен еще и тем, что дает пищу для размышлений о том, в какой питательной среде рождаются и существуют на Западе секты, подобные уже известным нам «Поднимающимся Атлантам». Вот излагаемые Ф. Ванденбергом факты.

4 мая 1936 г. специалисты Международного института психологических исследований в Лондоне впервые прослушали сделанную ими граммофонную запись горланного женского голоса, произносящего странные слова: «иу е тена». Оказалось, что они принадлежат древнеегипетскому языку, на котором никто не говорит уже многие тысячи лет. «Иу е тена» означает: «Я очень стара».

Сенсация заключалась в том, что их произнесла никому не известная учительница из английского города

Блэкпул, после того как она была погружена в гипнотический транс.

Странная способность учительницы из Блэкпула разговаривать на древнеегипетском языке, да еще не от своего имени, а от имени некоей египтянки, жившей во времена XVIII династии, проявилась совершенно случайно. В школе, где она преподавала, она встретила с учителем музыки по фамилии Вуд, большим энтузиастом парапсихологии. Именно он открыл в скромной учительнице замечательные способности медиума. Дело было так. Как-то осенним вечером 1927 г. они сидели вместе, склонившись над письменным столом. И вдруг учительница (она отказалась назвать свое имя) быстро начала писать на бумаге какие-то непонятные знаки. «Я сразу понял, — говорил позже Вуд, — что имею дело с так называемым пишущим медиумом». Специалисты-египтологи из Оксфорда идентифицировали каракули учительницы с египетскими иероглифами.

Английским парапсихологам потребовалось около трех лет, чтобы выяснить личность таинственной древней египтянки, которая общалась с миром через посредство английской учительницы. Это была Телика, четвертая жена египетского фараона Аменхотепа III. В знаменитом архиве клинописей, обнаруженном археологами в египетском городе Тель-эль-Амарна, действительно есть упоминание о том, что Аменхотеп III женился в четвертый раз на сестре вавилонского царя. Однако имя ее до сих пор не было известно науке. В течение нескольких лет Телика на радость неприязнительным журналистам раскрывала перед Вудом одну за другой тайны из личной жизни египетских фараонов XVIII династии. Вряд ли стоит останавливаться на них подробно. Думается, что по части мистификаций мистер Вуд оставил далеко позади Елену Петровну Блаватскую, которая на фоне его «исследований» смотрится как жалкая любительница. Однако далеко не всегда в «пирамидологии» можно с уверенностью определить, где кончается научный поиск и начинается прямое надувательство публики.

В частности, в ходе дискуссий «пирамидологов» о форме, которую древние египтяне избрали для гробниц своих фараонов, выяснилось, что пирамидальные структуры (при условии строгого соблюдения определенных размеров и пропорций, ориентации граней по сторонам света), очевидно, обладают некоторыми пока не исследованными наукой свойствами. Для этого есть ряд объек-

тивных данных. В частности, в 1959 г. чехословацкий радиоинженер Карел Дрбал, посетивший пирамиды Гизе, случайно обнаружил, что оставленное им внутри пирамиды старое бритвенное лезвие стало острым, как новое. Продолжив эксперименты в сделанной им точной модели пирамиды Хеопса, отношение основания к сторонам у которой, как и у оригинала, составляло 15,7:14,94, Дрбал даже получил в Чехословакии патент на создание приспособления под названием «Хеопсовский заточиватель бритвенных лезвий».

Обнаруженный Дрбалом эффект трудно отрицать: его приспособление работает. Применяя его, он использовал стандартное лезвие более 200 раз.

Вот объяснить его труднее, хотя такие попытки и делаются. В частности, английский знаток египетских пирамид Кен Джонсон, автор книги «Древняя магия пирамид»⁹, считает, что современная наука имеет пока единственный ключ к разгадке этого феномена: установленный учеными факт соответствия пирамидальной структуры или тетраэдра и кристалла магнетита или железной руды.

Кен Джонсон солидно аргументирует свою точку зрения и, что самое важное, не пытается увязать свои выводы с сомнительными гипотезами «пирамидологов».

Чаше происходит обратное: даже добросовестно поставленный эксперимент, попадая в фокус внимания буржуазной прессы, дает толчок к появлению далеких от науки гипотез. За примерами далеко ходить не надо.

В 1965 г. известный американский физик, лауреат Нобелевской премии, доктор Луис Альварес решил поставить на пирамиде Хефрена эксперимент, конечной целью которого было доскональное исследование внутренней структуры пирамиды, и в первую очередь выявление возможной системы потайных ходов и скрытых помещений. Альваресу, который возглавлял группу ученых из американского Калифорнийского университета, помогли египетские физики.

Весной 1967 г. в погребальной камере пирамиды Хефрена было размещено около 30 т современного телеметрического оборудования. Сложную аппаратуру пришлось разобрать, чтобы втиснуть в пирамиду. Наконец все было готово. Но тут неожиданно разразилась шестидневная война 1967 г., и осуществление эксперимента пришлось отложить.

Возобновить работу Альварес смог только весной 1968 г. После нескольких месяцев работы ученым удалось получить первые результаты. Они были проанализированы на компьютере и сначала выглядели довольно многообещающими. Однако после того, как результаты были обработаны и заложены в электронную машину «IBM II 30» Айн-Шамского университета, египетский физик Гонеид квалифицировал их как «научно немыслимые». Полученные данные не только не позволили выполнить поставленную задачу — определить скрытые ниши и камеры пирамиды Хефрена, но и дали искаженное представление о геометрических пропорциях самой пирамиды. В интервью лондонской газете «Тайм» от 26 июля 1969 г. доктор Гонеид сказал: «На наши результаты повлияла либо существенная ошибка, вкрапшаяся в геометрию пирамиды, либо же тайна, которую мы не в состоянии объяснить. Называйте ее как хотите — оккультизм, проклятие фараонов, волшебство или магия».

Заявление Гонеида дало пищу для падкой на сенсации западной печати, поднявшей шумиху вокруг очередной «загадки пирамид». Однако в 1974 г., когда был, наконец, получен снимок пирамиды Хефрена, оказалось, что никакой сенсации нет и в помине. Физики подтвердили и мнение археологов о том, что неизвестных науке помещений в этой пирамиде нет.

Тем не менее за семь лет, прошедших от начала эксперимента и до его завершения, гипотеза о том, что египетская пирамида является сверхмощным генератором земной энергии, созданным жрецами древнего Египта, приобрела новых сторонников. Ее авторы ссылались на то, что Альварес своими опытами якобы подтвердил существование сильного магнитного поля, окружающего пирамиду Хефрена. Это вызвало к жизни целый поток статей, в которых древним хранителям египетской храмовой науки — жрецам — приписывалась способность вызывать силовые поля Земли и использовать их для того, чтобы творить «чудеса»: исцелять тяжелобольных, доводить толпу до религиозного экстаза.

В недавно появившейся на русском языке книге известного польского популяризатора науки В. Замаровского «Их величества пирамиды» разбираются основные антинаучные концепции западной «пирамидологии». Поэтому мы остановились лишь на наиболее ярких примерах, характеризующих главные направления, на которых действуют «пирамидологи». Таких направлений три.

Одни считают пирамиды храмом, в котором производилось посвящение жрецов в служителей культа бога солнца Амона-Ра, другие — огромным естественным генератором земной энергии, способным воздействовать на психику человека, третьи — прототипом научной лаборатории, возможно обсерваторией.

Сторонники этого последнего направления доводят разумное и несомненно обоснованное предположение об относительно глубоких научных познаниях древних египтян до абсурда.

В частности, в середине прошлого века ряд английских «пирамидологов», в основном дилетантов-археологов, выдвинул версию о том, что в пирамиде Хеопса в символической форме зафиксированы математические и астрономические познания египтян, а также хранятся точные эталоны мер и весов. Главными доводами в ее пользу служило то, что, во-первых, в пирамиде Хеопса не было обнаружено мумии фараона, а, во-вторых, внутри пирамид Гизе отсутствовали настенные росписи, столь характерные для захоронений древних египтян. Английский ученый Тейлор считал, что древние египтяне воплотили в пропорциях Большой пирамиды свои конкретные математические познания. По его мнению, древние египтяне знали, что Земля круглая, знали значение числа «пи» и сумели с его помощью вычислить окружность Земли, наблюдая за передвижением планет и звезд.

Идеи Тейлора не нашли, да и не могли найти признания среди серьезных ученых, и он умер в 1864 г., прославшись неисправимым чудаком. Тем не менее вскоре после его смерти астроном Пьяцци Смит провел новые измерения пирамиды Хеопса, настолько по тому времени точные, что один из британских университетов наградил его золотой медалью. К открытиям Тейлора он добавил и свои. В частности, поделив длину периметра Большой пирамиды на предполагаемую длину «царского локтя» — основной единицы измерения, которой пользовались при строительстве пирамид древние египтяне, — он получил цифру «365,2». Таким образом, по его мнению, в пропорциях пирамиды нашло свое отражение представление древних египтян о продолжительности календарного года.

Закключение абсурдное даже с точки зрения формальной логики — символика связи периметра пирамиды с числом дней в году попросту непонятна. Кроме того, совершая математические операции с обмером пирамид,

можно «доказать» что угодно. В. Замаровский это блестяще показал в своей книге.

Смит был хорошим астрономом и очень посредственным египтологом. Главный порок его метода состоял в том, что он пытался подогнать свои обмеры Большой пирамиды под заранее готовый и не подлежащий сомнению вывод о высочайшем уровне развития точных наук в древнем Египте. В частности, обнаружив, что одна из внутренних галерей пирамиды Хеопса ориентирована на Полярную звезду, он сделал заключение, что Большая пирамида использовалась как обсерватория.

Но есть ли серьезные основания для такого заключения? Египтологи считают, что нет. Стоило ли возводить такое грандиозное сооружение лишь для того, чтобы наблюдать за Полярной звездой, которая, кстати говоря, четыре с половиной тысячи лет назад находилась в другой части небосвода.

Не следует забывать также и того, что и Тейлор, и Смит были глубоко верующими людьми, можно сказать, воинствующими христианами. Они облазили пирамиды с Библией в руках, будучи твердо убежденными в том, что Земля, как подсчитал некогда один из английских религиозных схоластов, сотворена в 4004 г. до рождества Христова, а всемирный потоп состоялся в 2400 г. Жонглирование цифрами, которым они занимались, было подчинено задаче защиты собственных представлений о цивилизации древнего Египта и обоснования догматов церкви, абсурдность которых становилась все очевидней.

Необходимо отметить, что церковь, в частности католическая, немало сделала для того, чтобы затормозить, отбросить назад развитие египтологии. Французский египтолог Шампольон долгое время не мог публиковать статьи о своих исследованиях. (Кстати, гениальный французский ученый был избран почетным членом Петербургской Академии наук за три года до избрания его членом Французской Академии.) Причина козней Ватикана против основателя египтологии проста: его открытия разрушали схоластические догматы о происхождении мира и истории человечества.

К концу XIX в. мистики, с одной стороны, и богоискатели — с другой, нагородили столько спекуляций вокруг египетских пирамид, что назрела необходимость дать им квалифицированную отповедь. Первым серьезным уда-

ром по различного рода псевдонаучным теориям о происхождении и свойствах египетских пирамид стала книга английского египтолога Уильяма Кингслэнда «Большая пирамида в фактах и в теории» (Лондон, 1932—1935).

На весьма обширном фактическом материале Кингслэнд доказывает, что большинство спекулятивных теорий базировалось на неверных исходных данных, поскольку техника измерения пирамид, особенно в прошлом веке, была весьма несовершенна, а данные египтологии — очень скудны. К примеру, оказалось неверным утверждение, что в пирамидах Гизе не обнаружено мумий. Остатки мумий были найдены в пирамиде Микерина и в одной из малых пирамид, принадлежавшей жене фараона, а также в ряде пирамид Саккара, в том числе и в пирамиде Джосера. Кроме того, согласно свидетельствам арабских хроникеров, во время разграбления Большой пирамиды халифом аль-Мамуном в XII в. в ней был найден саркофаг Хеопса с его мумией. Известный французский египтолог Масперо восхищался точностью деталей, приведенных в рассказах хроникеров.

Жан-Филипп Лауэр, продолживший работу Кингслэнда и исправивший ряд его ошибок, писал в своей книге «Загадки египетских пирамид»: «Благодаря работам Уильяма Флиндерса Питри, Борхардта и их последователей каждый из закоулков пирамиды Хеопса может быть в настоящее время объяснен чисто техническими причинами в соответствии с чисто погребальными потребностями, не прибегая к изобретению каких-то других причин»¹⁰.

Тем не менее любители подпустить «чертовщинки», порассуждать о потусторонних свойствах пирамид не переводятся и в наше время. Сравнительно недавно некий Джон Мальц обнаружил, что древнеегипетские представления о времени заложены не только в пирамидах, но и во всем известных игральные картах. Дело в том, что современные игральные карты, как полагают, ведут свое начало от магических гадальных карт Тарот и многие специалисты так называемых оккультных наук считают, что их родиной является Египет. Мальц рассуждал следующим образом: 4 карточные масти символизируют собой 4 времени года, 12 так называемых «картинок» совпадают с числом месяцев в году, а общее количество карт — 52 — равно числу недель в году. Если сложить цифровые достоинства карт в колоде, считая вала, даму и короля как соответственно 11, 12 и 13, то общая

сумма цифровых значений всех карт будет равна 365, ровно столько, сколько дней в году. Ну это уж, как говорится, высший пилотаж мистики.

В чем же причина того, что спекулятивное направление в «пирамидологии» оказалось настолько живучим, что его рудименты сохранились до наших дней? Очевидно, ответ на вопрос надо искать не только в парадоксах массового сознания, порожденных общим кризисом современного западного общества, или стремлении некоторых недобросовестных бизнесменов от науки нажиться на вызывающей неизменный интерес публики теме, но и в самих пирамидах — уникальных творениях человеческого гения. Как показали работы по измерению Большой пирамиды, проведенные одним из наиболее эрудированных знатоков египетских пирамид, британским археологом Уильямом Флиндерсом Питри, грани пирамид Гизе почти идеально ориентированы по сторонам света. Более того, они непостижимо ровные, прогибаются лишь на $\frac{1}{4}$ дюйма, а средняя ошибка в каменной кладке составляет всего $\frac{1}{60}$ дюйма на 150 футов. Неудивительно, что дискуссии об этих сооружениях, воздвигнутых человеком четыре с половиной тысячи лет назад, не утихают и в наше время.

«ЯПОНСКАЯ» ПИРАМИДА НА ПЛАТО КАФР АС-САММАН

Мы дивимся еще и ныне огромности египетских зданий. Неупотребительские пирамиды через долгое время доказывать будут смелое в сознании египтян зодчество.

А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву», 1790 г.

Почти за полтора века методической работы археологи накопили громадный материал, дающий убедительные ответы на большинство вопросов, связанных с египетскими пирамидами. На большинство, но пока далеко не на все. Процесс познания истории труден и противоречив. Прежде чем сверкнет крупница истины, рождается и умирает немало теорий и гипотез.

В настоящее время нет ни одного серьезного ученого, который оспаривал бы утверждение, что египетские пирамиды строились как усыпальницы фараонов. Что же касается других, кажущихся порой установленными ис-

тин, знакомых всем нам еще со страниц школьных учебников, то и в них открытия египтологов нередко вносят существенные коррективы.

Возьмем хотя бы такой вопрос: сколько в Египте пирамид? Он не так прост, как кажется на первый взгляд. Если известный египетский археолог доктор Мухаммед Закария Гонец, опубликовавший в середине 50-х годов книгу «Потерянная пирамида» (М., 1959 г.), насчитывал 67 пирамид, а с открытой им самим пирамидой III династии 68, то к концу 70-х годов некоторые ученые довели эту цифру до 80, включая и полностью или частично разрушенные пирамиды.

Все египетские пирамиды расположены в некрополях — древних городах мертвых, которые раскинулись на западном берегу Нила. И это не случайно. По представлениям древних египтян, страна мертвых лежит именно на западе. Ладья бога солнца Ра, совершив свое дневное путешествие с востока на запад, опускалась с ночными сумерками в страну мертвых с тем, чтобы утром вновь появиться на востоке.

Строительство огромных некрополей, усыпальниц фараонов, могил вельмож и более скромных захоронений простого люда, а также тесно связанный с этим комплекс сложных погребальных обрядов уходят своими корнями в религиозные верования древних египтян, в их представления о жизни и смерти. В древности египтяне твердо верили в то, что после смерти умерший переселяется в царство мертвых, где будет нуждаться в тех же предметах повседневного обихода, которые окружали его при жизни.

Важную часть подготовки к загробной жизни составляло мумифицирование. Широко известно, какого искусства достигли древние египтяне в бальзамировании. Об этом подробно рассказал еще Геродот. По его словам, в древнем Египте существовало три основных способа бальзамирования: первый, наиболее дорогой — для знати, второй — подешевле, а третий, самый дешевый — для простого люда. Вот как описывает их Геродот: «Сначала... извлекают через ноздри железным крючком мозг. Этим способом удаляют только часть мозга, остальную же часть — путем впрыскивания [растворяющих] снадобий. Затем делают острым эфиопским камнем разрез в паху и очищают всю брюшную полость от внутренностей. Вычистив брюшную полость и промыв ее пальмовым вином, мастера потом вновь прочищают ее растертыми

благовониями. Наконец, наполняют чрево чистой растертой миррой*, касией** и прочими благовониями (кроме ладана) и снова зашивают. После этого тело на 70 дней кладут в натровый щелок. Больше 70 дней, однако, оставлять тело в щелоке нельзя. По истечении же этого 70-дневного срока, обмыв тело, обвивают повязкой из разрезанного на ленты виссонного полотна и намазывают камедью (ее употребляют вместо клея). После этого родственники берут тело назад, изготовляют деревянный саркофаг в виде человеческой фигуры и помещают туда покойника. Положив в гроб, тело хранят в семейной усыпальнице, где ставят гроб стоймя к стене.

Таким образом богачи бальзамируют своих покойников. Если родственникам из-за дороговизны [первого] приходится выбирать второй способ бальзамирования, то [мастера] поступают вот как. С помощью трубки для промывания впрыскивают в брюшную полость покойника кедровое масло, не разрезая, однако, паха и не извлекая внутренностей. Впрыскивают же масло через задний проход и затем, заткнув его, чтобы масло не вытекло, кладут тело в натровый щелок на определенное число дней. В последний день выпускают из кишечника ранее влитое туда масло. Масло действует настолько сильно, что разлагает желудок и внутренности, которые выходят вместе с маслом. Натровый же щелок разлагает мясо, так что от покойника остаются лишь кожа да кости. Затем тело возвращают [родным], больше уже ничего с ним не делая.

Третий способ бальзамирования, которым бальзамируют бедняков, вот какой. В брюшную полость вливают сок редьки и потом кладут тело в натровый щелок на 70 дней. После этого тело возвращают родным»¹¹.

Благодаря искусству бальзамирования древних египтян в настоящее время в зале № 52 Египетского музея можно увидеть несколько десятков мумий фараонов, большинство из которых находится в отличном состоянии. Сохранности мумий в течение столь длительного времени несомненно способствовали и благоприятные климатические условия Верхнего Египта: сухой воздух, отсутствие резких перепадов температуры. Однако, извлеченные из своего многовекового уединения и поме-

* Мирра (смирна) — ароматическая камедь (смола) аравийского мирта.

** Касия — ароматическое и целебное растение (дикая ко-рица).

щенные во влажную, загрязненную атмосферу сегодняшнего Каира, мумии начинают разлагаться, и требуется вмешательство специалистов, чтобы остановить этот процесс. Сравнительно недавно в Париж была отправлена на реставрацию мумия могущественного фараона XIX династии Рамсеса II: в Каире не оказалось специалистов, способных выполнить столь сложную работу.

После бальзамирования мумия укладывалась в саркофаг, богатство отделки которого зависело от степени знатности покойного. Мумии фараонов обычно находились в двух-трех, нередко четырех саркофагах, из которых последний, внешний, делался, как правило, из гранита.

После этого наступал черед погребения.

Погребальные сооружения древних египтян прошли в своем развитии несколько стадий. Известный английский египтолог Уолтер Эмери обнаружил на севере Саккарского некрополя, расположенного неподалеку от Каира, гробницы I династии египетских фараонов, т. е. наиболее древние династические захоронения. Захоронения фараонов I династии представляли собой кирпичные сооружения, по форме напоминающие глиняные скамейки, которые до сих пор египетские феллахи ставят у стен своих домов. В связи с этим они получили название «мастабы» (скамейки). В центральной части мастабы, как правило, располагалась усыпальница фараона, а вокруг нее множество мелких отсеков и комнат, где находились различные атрибуты загробной жизни фараона. В еще более древних, додинастических захоронениях были обнаружены даже следы ритуальных убийств рабов и дворцовых слуг, которые должны были сопровождать монарха и после его смерти. Однако этот жестокий обычай вскоре исчез, и в династический период вместо слуг в могилы фараонов начали класть небольшие, весьма изящно выполненные статуэтки слуг, воинов и придворных, так называемые «ушебти» (в переводе с древнеегипетского — «ответчики»). Считалось, что «ушебти» должны в загробной жизни выполнять обязанности слуг фараона. Кстати говоря, в погребальных обрядах древних египтян было немало условностей. Так, впоследствии вместо изготовления статуэток — «ушебти» было достаточно просто нарисовать слуг, воинов и придворных, чтобы загробная магия превратила их в помощников фараона в его новой жизни. В многочисленные сосуды для пищи и питья, которые помещались в могилу фараона,

также было вовсе не обязательно класть настоящую пищу.

Мастаба была первым шагом к настоящей пирамиде. Однако, прежде чем проследить эволюцию египетского погребального зодчества от мастабы к пирамиде, вспомним в общих чертах исторические и хронологические вехи, характеризующие эпоху Древнего царства, фараоны которого завоевали себе если не бессмертную жизнь, то бессмертную славу строительством пирамид.

Сразу же следует оговориться, что хронология древнеегипетской истории в значительной степени условна. Она основана на незначительном количестве дошедших до нас документальных источников, главными из которых являются три «египетских документа», написанных около 300 г. до н. э. египетским жрецом Манефоном по приказу Птолемея II. К сожалению, до нас не дошли ни труды самого Манефона, ни источники (очевидно, какие-то храмовые записи), которыми он пользовался. Фрагменты работ Манефона были сохранены для нас философами и историками птолемеевского периода.

Манефон делил всю историю Египта на 30 династий, которые последовательно правили Египтом. Список Манефона грешит многочисленными неточностями и пропусками. Однако в своей основе ученые признают его верным. Основанием для такого суждения послужили археологические раскопки, в результате которых были найдены многочисленные документальные подтверждения данных Манефона. К ним относятся: «Палермский камень» — большой кусок базальтовой глыбы с высеченными на ней именами фараонов, начиная с I и кончая серединой V династии, с перечислением их подвигов и важных событий в истории страны; «Саккарский список», найденный в 1861 г. в могиле фараонского писца Тунери в Саккара, который находится сейчас в Египетском музее. В нем приведены имена 47 египетских фараонов с I по XVIII династию. Списки правивших Египтом фараонов находятся также на «Туринском папирусе» и в «Абидосском списке» — большой стеле из храма Сети I в г. Абидос.

Наиболее полным считается «Карнакский список», найденный французскими археологами в 1825 г. и в настоящее время хранящийся в Лувре; он содержит имена 62 фараонов.

Опираясь на эти документальные источники, а также на раскопки древних захоронений, в том числе додина-

стического периода, археологи тщательно реконструировали историю древнего Египта. Исключительно благоприятные природные условия Нильской долины привлекали сюда людей уже в период раннего неолита, т. е. в VI—V вв. до н. э. Огромную роль в формировании египетской нации сыграли общественные работы, связанные со строительством разветвленной сети каналов и плотин, задерживавших на полях воду после ежегодных разливов Нила. Потребности земледелия дали толчок к развитию науки в древнем Египте. Египтянам приходилось учиться фиксировать уровень воды в Ниле в различные времена года, чтобы предвидеть силу разлива, от которого зависел урожай, а следовательно, и сама жизнь. Естественно, что эти наблюдения необходимо было записывать, а это, в свою очередь, обусловило возникновение в Египте письменности на очень раннем этапе развития культуры.

Считается, что иероглифическое письмо было уже довольно развито в тот период, когда правил фараон Мени, или, как его иначе называли, Менес. На знаменитой палетке Мени, которую ныне можно видеть в Египетском музее, Менес предстает в короне Верхнего и Нижнего Египта. Насколько известно, это единственный случай в истории, когда косметическая принадлежность (палетки в древнем Египте использовались для того, чтобы растирать темную краску, которой намазывали верхние веки с целью предохранить глаза от солнца; своеобразный прототип нынешних солнцезащитных очков) стала памятником важнейшего события в истории страны. Это событие — покорение Нижнего Египта — произошло (по хронологии академика В. В. Струве) в 3200 г. до н. э. Барельеф на обратной стороне палетки изображает Мени с палицей, занесенной над головой своего врага, очевидно, одного из вождей Нижнего Египта. Ногами фараон попирает две лежащие фигурки, которые символизируют наиболее крупные города Нижнего Египта — Мемфис и Саис. В правом верхнем углу бог Гор, изображенный в виде сокола, протягивает Нармеру веревку, продетую через ноздри пленного.

Создание централизованного государства способствовало быстрому расцвету египетской цивилизации. Впрочем, для этого существовали уже весомые предпосылки. Так, еще в додинастическом Египте было известно календарное летосчисление, были развиты ремесла, в частности гончарное, оружейное, ювелирное. Время правле-

ния двух первых династий (3200—2700 гг. до н. э.) археологи называют архаическим периодом.

Эпоха Древнего царства начинается с восшествия на престол первого фараона III династии Джосера, по приказу которого и была сооружена знаменитая ступенчатая пирамида.

Преемники Джосера — фараоны III династии (2780—2680 гг. до н. э.) также строили ступенчатые пирамиды. Сын и преемник Джосера Сехемхет начал строить шестиступенчатую пирамиду и белую ограду вокруг нее. Остатки третьей пирамиды, подобной же формы, но имевшей только пять ступеней, до сих пор можно видеть в Закиет эль-Ариане, в нескольких километрах к югу от некрополя Гизе. Четвертая пирамида, сооруженная, как предполагают некоторые археологи, Хуни, последним фараоном III династии, возвышается в Медуме, недалеко от Файюмского оазиса. После того, как основатель IV династии (2680—2565 гг. до н. э.) Снофру — отец Хеопса покрыл ее облицовочными плитами, и появилась на свет первая «настоящая» пирамида. Каждая из сторон ее насчитывала 146,7 м, а высота достигала 118 м.

Снофру построил в Дашуре первую действительно колоссальную пирамиду, каждая сторона которой достигала 185,5 м, а высота около 100 м. Ее называют «ромбовидной» или «ломаной» пирамидой. Исследовательские работы, проведенные в этой пирамиде египетским археологом Абдель Салямом Хусейном, показали, что такая форма была обусловлена стремлением архитектора облегчить нагрузку, которую несли своды погребальных камер. Тем не менее Снофру, очевидно сомневаясь в прочности этой пирамиды, велел построить к северу от нее вторую, основание которой было еще большим (218,5×221,5 м), однако высота оставалась примерно прежней.

Рекорд в отношении высоты и размеров установили пирамиды Гизе.

Шепсескаф, последний фараон IV династии, отказался от пирамидальной формы и построил к северу от Саккара гробницу, которой он придал вид огромного саркофага. Она известна под названием «Мастаба фараона».

С началом V династии (2565—2420 гг. до н. э.), когда усилилась власть жрецов храма Ра в Гелиополе, фараоны снова стали строить пирамиды, но они уже значительно уступали по размерам даже пирамиде Микерина. Самой маленькой из них является пирамида Унаса, послед-

него фараона V династии, где впервые были обнаружены так называемые тексты пирамид. Высота ее около 48 м. Расположение входных галерей и погребальной камеры в этих пирамидах унифицировано. Этот порядок соблюдается и фараонами VI династии (2420—2270 гг. до н. э.). Стабилизируются и размеры пирамид. Сторона пирамиды почти всегда составляет 150 «царских локтей», т. е. около 78,6 м, и высота 100 «царских локтей» — около 52,4 м. Все эти пирамиды находятся в Саккара, за исключением четырех пирамид V династии, расположенных в Абусире.

Археологам известна лишь одна пирамида, относящаяся к так называемому Первому переходному периоду (2270—2100 гг. до н. э.), наступившему после заката Древнего царства, это маленькая пирамида Аба в Саккара. В этой пирамиде также сохранились тексты на стенах погребальной камеры.

Строительство пирамид возобновляется только в эпоху Среднего царства (2100—1700 гг. до н. э.) во времена XII династии. Фараоны Аменемхет I и Сенусерт I возвели свои пирамиды в Лиште, Аменемхет II — в Дашуре, Сенусерт II — в Иллахуне, Сенусерт III и Аменемхет III — снова вернулись в Дашур, где построили соответственно северную и южную пирамиды. Затем Аменемхет III соорудил себе вторую пирамиду в Хаваре, в Файюмском оазисе.

В эпоху Среднего царства была нарушена традиция располагать вход в пирамиды на северной стороне, поскольку это давало слишком большие шансы грабителям. С этого времени вход во внутренние галереи мог находиться на любой стороне пирамиды. Огромное значение строители пирамид эпохи Среднего царства придавали созданию запутанных лабиринтов и ловушек для воров.

Одна из последних пирамид — маленькая пирамида из кирпича-сырца, ныне почти полностью разрушенная, так называемая пирамида Амене А-Аму, азиата, который, очевидно, был одним из фараонов-гиксосов XIV—XVII династий (1700—1555 гг. до н. э.), владычествовавших в Мемфисе и в Дельте.

В период Нового царства (1555—712 гг. до н. э.) пирамиды уступают место гробницам, вырубленным в скалах. Все фараоны Нового царства лично наблюдали за строительством своих гробниц в Долине царей, близ древних Фив. Впрочем, пирамиды на египетской почве

появлялись и в этот период: фараоны строили кенотфы* в Абидосе, священном городе древнего Египта, чиновники и ремесленники возводили себе в Дейр-эль-Медине в Фиванском некрополе небольшие надгробные памятники из кирпича-сырца в форме пирамид. Традиция включать маленькие пирамидки в надгробные ансамбли сохранилась в Египте вплоть до греко-римской эпохи.

Как известно, пирамиды Гизе возникли в момент высшей концентрации фараонской власти в эпоху Древнего царства. Они превосходили все ранее достигнутое египтянами в этой области не только по размерам, но и по совершенству исполнения и справедливо считались в древнем мире одним из чудес света. Однако пирамиды Гизе построены, так сказать, на отшибе, основная же часть египетских пирамид находится в Саккарском некрополе, возникшем вблизи Мемфиса, бывшего в период Древнего царства столицей объединенного Египта.

Поездка в Саккарский некрополь, к так называемым дальним пирамидам (в отличие от ближних, Гизехских), — самое увлекательное путешествие, которое может совершить турист в окрестностях Каира. Некрополь мемфисских фараонов в некоторых отношениях превосходит даже пирамиды Гизе, где из-за их близости к Каиру всегдалюдно. Саккара же находится приблизительно в 30 км от столицы, к тому же вход в Саккарский некрополь платный, что не только ограничивает число посетителей, но и дает египетской Службе древностей возможность поддерживать его территорию в чистоте и порядке.

И вот мы на пути в Саккарский некрополь. Вдали уже мерцают и переливаются, как миражи в жарких лучах солнца, силуэты Абусирской группы пирамид, построенных четырьмя фараонами V династии. Однако прежде чем свернуть к Саккарскому некрополю, хотелось бы взглянуть на руины Мемфиса — столицы фараонов Древнего царства, города, из которого они отправлялись в свой последний путь к приготовленным для них в пирамидах усыпальницам.

Перед нами пальмовая рощица. В одном углу ее бетонный навес укрывает от песчаных бурь и дождей простертую на земле огромную статую Рамсеса II, великого фараона XIX династии, жившего в XIV—XIII вв. до н. э.

* Кенотф — памятник, поставленный не на могиле умершего, а в другом месте в память о нем.

Рамсес II — смелый завоеватель, совершивший (вместе со своим отцом Сети I) удачный поход в Палестину. О Рамсесе II египтологам сегодня известно, наверное, чуть ли не столько, сколько об остальных египетских фараонах, вместе взятых. Дело в том, что он сам много сделал для популяризации собственных подвигов. Например, о битве при Кадеше повествуют рельефы на стенах нескольких храмов, построенных в честь этого события в Нубии. В период царствования Рамсеса II (а дожил он до глубокой старости) по всей стране воздвигались его статуи. Более того, чтобы удовлетворить свое тщеславию, фараон приказал каменотесам сбивать имена со статуй предшественников и заменять их своим. Рамсес II был огромного роста, атлетического сложения. Он пережил 12 сыновей, имел 42 жены и наложницы и 187 детей, в том числе 120 сыновей и 67 дочерей, три из которых стали его женами.

Поднявшись по лестнице на деревянную галерею, мы внимательно осмотрели великолепную статую, вытесанную из цельного куска песчаника. Она в прекрасном состоянии, если не считать отколотых ног; но и в нынешнем виде длина статуи Рамсеса II достигает 10,3 м. Когда-то рядом с ней лежала вторая статуя-близнец из розового гранита, в настоящее время украшающая привокзальную площадь в Каире.

Мы полюбовались алебастровым сфинксом эпохи фараона Аменофиса II. Он примечателен тем, что является самым крупным из «транспортабельных» сфинксов, откритых до сих пор. Его вес всего 80 т.

Благодаря раскопкам, проведенным в Мемфисе Уильямом Флиндерсом Питри, известно, что сфинкс, как и статуя Рамсеса II, стоял в древности у южной стены ограды знаменитого храма Птаха*, от которого в настоящее время ничего не осталось.

Вот, в сущности, и все, что можно увидеть в некогда славной столице фараонов Древнего царства. А между тем с этим городом-призраком связано немало славных страниц истории древнего Египта. Бродя по аккуратным песчаным дорожкам вокруг стройных пальмовых стволов, мы пытались, пользуясь путеводителем, восстановить основные вехи жизни Мемфиса, считавшегося в те

* Птах — в древнеегипетской мифологии бог города Мемфиса, изображался в виде человека в одеянии, плотно закрывающем его, кроме кистей рук, держащих посох.

чение не веков, а тысячелетий одним из красивейших и могущественнейших городов Востока.

Греческое название города — «Мемфис» — произошло от египетского Маннефре. Однако у Мемфиса было и другое название — «Хи-ку-Птах», от которого греки, собственно, и произвели ныне укоренившееся название страны — «Египет».

Мемфис, согласно данным, которыми располагают египтологи, был основан Менесом и расширен в период правления фараона Джосера. В эпоху IV династии Мемфису пришлось пережить трудные времена: гордые фараоны Хеопс, Хефрен и Микерин покинули его, избрав своей резиденцией великолепный дворец, находившийся в 18 км севернее, на восточном берегу Нила. Мемфис снова стал столицей в царствование фараона VI династии Пепи I. В этот период расцвет Мемфиса достигает своего апогея. Храм Птаха становится одним из главных в Египте.

На протяжении своей бурной истории Мемфис знал периоды и упадка, и нового расцвета. Он был опустошен во время нашествия гиксосов и возрожден фараонами XVII династии. Несмотря на то что столицей Египта тогда были Фивы, находящиеся в Верхнем Египте, Мемфис рос, хорошел и процветал благодаря своему выгодному местоположению. Мемфис был городом-космополитом, в нем жили представители многих народов древнего мира, имевшие там свои храмы. Восстанавливая картины жизни Мемфиса, французский археолог Масперо писал: «Религиозные праздники, в особенности праздник Аписа, привлекали в него в определенные периоды года множество паломников. Роль Мемфиса как крупного торгового центра способствовала притоку в город иностранцев, приходивших из всех уголков Африки и Азии; его порт и улицы должны были представлять собой, как сегодня улицы Каира, великолепные зрелища сотен рас и тысяч различных костюмов».

Финикийцы, евреи, армяне, греки, ливийцы уживались в нем с одетым в белую юбку египетским жрецом с наголо обритой головой и персидским солдатом из крепости возле белой стены и негром из Судана...».

Причиной окончательного упадка Мемфиса археологи считают возникновение Александрии, к которой начиная с IV в. до н. э. постепенно перешла роль основного внешнеторгового порта Египта. Однако еще в XIV в. арабский путешественник Абуль Феда поражался размаху и ве-

личию руин Мемфиса. Окончательное исчезновение древнего города приходится на эпоху мамлюков, когда из-за разрушения плотин, ограждавших Мемфис от разливов Нила, город начал систематически подвергаться наводнениям и плодородный нильский ил сровнял с землей его остатки.

Гробницам фараонов Древнего царства — пирамидам повезло больше, чем их земным жилищам. Да это, наверное, и естественно, поскольку свою земную жизнь древние египтяне понимали лишь как кратковременный эпизод перед бесконечным существованием в царстве мертвых.

Саккарский некрополь — самый крупный в Египте. Его длина 8 км, а ширина от 800 м до 2 км. В этом колоссальном музее под открытым небом можно найти пирамиды и могильные сооружения, относящиеся практически ко всем эпохам древнего Египта.

Первое, на что обращаешь внимание, когда поднимаешься на песчаное плато Саккара, где расположен некрополь, — это величественный комплекс шестиступенчатой пирамиды Джосера. В последние годы он буквально преобразился благодаря труду французских археологов во главе с Жаном-Филиппом Лауэром. Французские археологи, широко используя метод реконструкции наиболее характерных элементов, тщательно восстановили часть стены, некогда окружавшей пирамиду Джосера, входную колоннаду, храмовый комплекс.

Стоя у подножия пирамиды Джосера, находишься как бы у первоисточников человеческой культуры. И действительно, куда ни глянь, буквально ко всему можно применить эпитет «первый». Ступенчатая пирамида — первое в мире каменное сооружение человека. До этого древние египтяне строили свои погребальные сооружения из обожженного кирпича. Пирамиду Джосера возводил первый из известных нам архитекторов древности Имхотеп. Уже во времена Джосера за ним признавались феноменальные способности. Помимо искусства строителя ему не были чужды философия и медицина. Древние египтяне чтили Имхотепа как одного из величайших мудрецов. Его статуэтка была непременной принадлежностью жилища египтянина. Слава Имхотепа докатилась и до греков, он считался у них олицетворением бога медицины Асклепия (у римлян — Эскулапа).

Пирамида Джосера — это первая попытка заменить примитивную мастабу монументальным погребальным

сооружением. Чтобы оценить значение, которое имело ее появление, надо лишь вспомнить, что еще предшественник Джосера построил себе обычную мастабу из обожженного кирпича. Каменные плиты он использовал только для погребальной камеры.

Пирамида Джосера предстает в виде шестиступенчатой массы камней. Ее облицовка давно исчезла (по тем же причинам, что и облицовка пирамид Гизе). В древности ее окружала массивная десятиметровая стена, полностью скрывавшая от глаз непосвященных последнее пристанище фараона. Несомненно, что сооружение такого монумента было под силу только могучему правителю, твердой рукой управлявшему страной.

Идея создания комплекса ступенчатой пирамиды, очевидно, не была изобретением Имхотепа. Мастабы раннего периода также окружались стенами, однако во внутреннем дворе построенного им комплекса Имхотеп возвел несколько великолепных храмов, равных которым раньше не было. Главными из них были храмы, окружавшие двор, где проводилась «церемония Сед». Корни этого таинственного обряда уходят в глубокую древность. Ученые считают, что в додинастические времена египтяне, как и некоторые другие древние народы, очевидно, убивали своих правителей, когда они достигали такого возраста, что не могли больше править. Позднее этот жестокий обычай был заменен «церемонией Сед», которая заключалась в следующем: фараон должен был пробежать внутри священного двора круг, подтвердив тем самым свою мощь и силу. Одновременно жрецы возлагали на алтари богов Верхнего и Нижнего Египта обильные жертвы. После этого фараон вновь короновался на царство в торжественной обстановке.

Первоначально ступенчатая пирамида была задумана как гигантская мастаба. Как мы уже отмечали, в мастабах кроме самой погребальной камеры для мумии предусматривалась, как правило, комната, где родные и близкие покойного могли бы совершать жертвоприношения, приносить ему еду и питье, необходимые для поддержания его *Ба*. В системе религиозных верований древних египтян *Ба* считалась духовной квинтэссенцией человека, его душой. За погребальной камерой обычно находилось небольшое помещение, которое археологи называли «сердаб» (по-арабски — погреб). В нем складывались вещи, которые, по мнению египтян, были необходимы покойному в загробной жизни, там же стави-

лось скульптурное изображение покойного. Эта статуя была связана с представлением древнеегипетской религии о том, что кроме души, *Ба*, каждый человек в загробном царстве приобретал еще своего двойника, *Ка*. *Ка* не должен был являться на глаза живым, поэтому его прятали в наглухо замурованный сердаб. Только на уровне глаз статуи *Ка* делалась узкая щель для того, чтобы душа покойного, *Ба*, могла удостовериться в схожести статуи с покойным, вселиться в нее и благосклонно принимать жертвоприношения.

Большинство скульптур эпохи Древнего царства, вызывающие восхищение посетителей многих музеев мира, ведут свое происхождение как раз из сердабов. Таким образом, удивляющий нас ныне реализм египетской скульптуры эпохи Древнего царства был связан с чисто утилитарными потребностями: обеспечить максимальное сходство статуи с покойным. Той же цели служили и изумительные барельефы, которые мы видим на стенах поздних мастаб. Боясь, что с течением времени его дальние родственники могли забыть о необходимости регулярных жертвоприношений, египетский вельможа повелевал нарисовать себя на стенах собственной мастабы принимающим богатые дары и жертвоприношения. Уже само изображение этой церемонии для древнего египтянина означало, что *Ка* покойного будет всегда доволен. Кроме того, в стене, отделяющей сердаб от погребальной камеры, делалась ложная дверь, которой, по представлению древних египтян, было достаточно, чтобы *Ка* вышел и принял жертвоприношения.

В погребальном комплексе пирамиды Джосера тоже имелся сердаб. Внутри через узкое отверстие до сих пор можно видеть статую самого Джосера, сидящего в кресле. На голове его завитой парик с локонами до плеч. Длинная одежда ниспадает мягкими складками до пола. Это, конечно, всего лишь копия подлинной скульптуры фараона Джосера, которая в настоящее время находится в Египетском музее в Каире.

Пирамида Джосера, как и многие другие захоронения, была ограблена в глубокой древности. Мумия Джосера не обнаружена археологами, хотя в 1934 г. в пирамиде и была найдена мумифицированная человеческая стопа, которая вполне может принадлежать останкам великого фараона.

Тщательное изучение пирамиды Джосера показало, что Джосер сначала заказал мастабу, такую же, как он

уже соорудил себе в Верхнем Египте, в Бейт-Халафе (фараоны Древнего царства часто строили две гробницы: одну — в Саккара, другую — в Абидосе, городе египетского бога мертвых Осириса, но, поскольку похоронить одного человека в двух местах невозможно, то одна из могил, как правило в Саккара, была подлинной, а в Абидосе — ложной). Однако первоначальный план строительства менялся 5 раз, и в результате масштаба приняла форму шестиступенчатой пирамиды.

Почему же все-таки фараоны избрали для своих усыпальниц форму пирамиды? Египтологи немало потрудились, чтобы найти ответ на этот вопрос. Общепринятой в настоящее время является концепция, принадлежащая немецкому ученому Борхардту, работавшему в районе пирамиды Джосера. Его концепция называется эволюционной, и суть ее заключается в том, что строители пирамид проходили медленную и трудную эволюцию в сооружении царских гробниц — от мастабы к пирамиде.

Однако почему же все-таки пирамиды? На этот счет среди египтологов нет полного единства мнений. Одни считают эту форму случайной, другие видят в ней какую-то скрытую символику. Вот что утверждает, например, известный американский археолог Дж. Брестед: «Пирамидальная форма гробниц фараонов имеет глубоко священное значение. Фараона погребали под символом бога солнца, который хранился в святой святынь Храма солнца в Гелиополе... Когда увеличенная над гигантских размеров пирамида вздымалась над усыпальницей фараона, возвышаясь над его городом и над всей долиной на много миль вокруг, она становилась самой высокой вершиной, первой встречавшей солнце во всей стране. Утренние лучи озаряли сверкающую верхушку пирамиды задолго до того, как солнечный свет рассеивал мрак у ее подножия, в котором еще пребывали простые смертные»¹².

Еще более захватывающую картину рисует американский египтолог Эдвардс: «Поздним вечером в облачный зимний день в Гизе иногда можно наблюдать поразительное зрелище. Если встать на дороге, ведущей в Саккара, и посмотреть на запад, в сторону плато, где расположены пирамиды, иной раз можно увидеть, как солнечные лучи, прорываясь через просвет в тучах, конусом падают на землю примерно под тем же углом, что и грани Большой пирамиды. В такие мгновения кажется, что перед вами предстает одновременно мираж — прототип и

его материальная копия»¹³. Свою гипотезу Эдвардс пытается подтвердить текстами, обнаруженными на стенах внутренних галерей пирамид V и VI династий, в которых пирамида изображается в виде как бы лестницы, упирающейся в небо.

Б. А. Тураев в своей книге «Древний Египет» писал: «Пирамиды — оружие борьбы со смертью и памятники победы над ней царей, земных богов, отошедших к своим небесным первообразами и нашедших для своих тел вечный покой под сооружением, по грандиозности достойным их, а по форме соответствующим культу солнечного божества, которому особенно была близка пирамидальная форма — его фетиш в Илиополе * имел эту форму, ему посвящались обелиски, также заканчивающиеся сверху пирамидкой»¹⁴.

Следует отметить, что упомянутые концепции не считаются бесспорными в научном мире. В частности, египетский археолог Мухаммед Закария Гонеим является сторонником другого взгляда на происхождение формы пирамид. По его мнению, Джосер, строя свою ступенчатую пирамиду, скорее всего просто хотел создать памятник, который был бы выше гробниц его предшественников.

Другой видный египетский ученый, правда не египтолог, а физик-атомщик, доктор Фарук эль-Баз обратил внимание на то, что пирамиды Гизе и Большой сфинкс являются весьма стабильными аэродинамическими структурами. Сильные и постоянные ветры, дующие в египетской пустыне, не наносят ущерба этим древним памятникам египетской цивилизации. Доктор эль-Баз предполагает, что форма пирамид была найдена древнеегипетскими архитекторами по аналогии с естественными пирамидообразными холмами, которые и в настоящее время можно видеть, например, в Западной пустыне Египта. Фарук эль-Баз сфотографировал несколько таких холмов, действительно удивительно напоминающих формой пирамиды Гизе. Более того, ему удалось сфотографировать и ряд холмов, основу которых составляли отложения песчаника, напоминающие фигуру лежащего сфинкса. В интервью «Эджипшн Газет» в апреле 1981 г. он сказал: «На мой взгляд, древние египтяне хорошо изучили естественные структуры, встречающиеся в пустыне,

* Гелиополь.

прежде чем приняли решение относительно формы надгробных памятников фараонов».

Древнеегипетская цивилизация хранит еще немало загадок, причем загадок подлинных, а не мнимых. Как мы видели, далеко не на все вопросы, связанные с пирамидами, ученые в настоящее время могут дать исчерпывающие ответы. Однако любая из гипотез, выдвигаемых серьезными учеными, выглядит предпочтительней мистических бредней о сверхъестественных свойствах пирамид уже потому, что она является плодом систематической научной работы, основанной на всестороннем изучении жизни и религиозных верований древних египтян.

Давайте остановимся еще на одном вопросе, вокруг которого не затихают дискуссии египтологов. Как египтяне эпохи Древнего царства с их относительно несовершенными техническими средствами и ограниченными познаниями в области точных наук (в частности, строители пирамид не умели определять углового градуса, что кажется нынешним архитекторам невероятным) смогли возвести столь грандиозные сооружения? Как на ранней стадии развития общества можно было организовать производительные силы таким образом, чтобы успешно начать и довести до конца столь колоссальную работу? (Не будем забывать, что, по современному подсчетам, только для укладки каменных блоков Большой пирамиды было затрачено свыше 1,2 млрд. человеко-часов тяжелейшего труда.)

По свидетельству Геродота, на строительстве пирамид каждые три месяца сменялась стотысячная армия рабочих. Однако в настоящее время исследователи внесли коррективы в слова «отца истории». Они предполагают, что в строительных работах участвовало больше людей, но велись они неравномерно. Их «пик» приходился, очевидно, на три месяца разлива Нила, когда крестьянские поля исчезали под водой. У тех, кто трудился на строительстве пирамид, был, очевидно, какой-то морально-религиозный стимул: участие в возведении «вечного дома» фараона могло, по господствовавшему в то время представлениям, служить гарантией благополучия в загробной жизни.

И тем не менее организация труда огромной армии наемных рабочих была крайне сложной задачей. Каждый этап строительных работ, начиная от обмера и выпиливания каменных глыб и кончая их перевозкой и окончательной установкой, был тщательно спланирован

и выполнен с абсолютной точностью. Недаром немецкий ученый Энгельбах назвал строителей пирамид Гизе «лучшими организаторами человеческого труда, которых видел мир».

Поражает мастерство, с которым древние строители вырубали громадные гранитные блоки весом в несколько тонн. Их размеры выдерживались с точностью до 5 мм. Надо к тому же учесть, что огромные каменные глыбы обрабатывались при помощи весьма простых инструментов. Предполагают, что первоначально камни из карьеров в Мукаттамских холмах вырубались огромными медными стамесками (кстати, до сих пор не раскрыт секрет применявшегося египтянами способа закаливания меди). Некоторые ученые предполагают, что они использовали при этом алмазные наконечники. Вырубленные блоки камней окончательно отшлифовывались уже у подножия пирамид. Особенно искусным мастерам доверилось полировать облицовочные плиты.

После того, как обработка каменных блоков заканчивалась, наступал черед их установки на место. Египтяне не оставили рисунков, на которых был бы показан использованный ими способ. Тем не менее на египетских фресках есть сцены, рассказывающие о том, как перевозились в древности египтянами колоссальные статуи и обелиски. На них можно видеть большое число людей, впрягшихся в специально сконструированную упряжь. Совершенно отчетливо можно различить фигуры рабочих, льющих воду или жир под полозья тележек, напоминающих санки, чтобы уменьшить трение. Видны также надсмотрщики и люди, которые руководили перевозкой, обеспечивали ритмичность этого процесса во избежание напрасной траты сил и энергии (обычно надсмотрщики изображаются сидящими верхом на перевозимых предметах). Очевидно, та же самая техника использовалась и при транспортировке камней для пирамид.

Мы можем только предполагать, что тяжелые каменные блоки волочили и переправлялись к строительной площадке при помощи рычагов, веревок, наклонных плоскостей, катков, салазков и плотов. По мере того, как пирамида поднималась вверх, строились наклонные земляные насыпи, которые росли вместе с ней. Затем, когда рабочие занимались окончательной отделкой пирамиды и укладывали облицовочные камни от вершины до основания, эти насыпи убирали.

Геродот утверждает, что на строительство Большой

пирамиды в Гизе потребовалось 20 лет, причем 10 из них ушли на строительство дороги длиной примерно в один километр.

Первоначальная ориентация граней пирамиды по сторонам света производилась по звездам. Научный мир поразили измерения Большой пирамиды в Гизе, произведенные Уильямом Флиндерсом Питри в 1880—1881 гг. Многие восприняли как нечто сверхъестественное точность, достигнутую египтянами, когда им, несомненно, не был еще известен магнитный компас. Однако новые обмеры Большой пирамиды, проведенные в 1925 г. англичанином С. Коулом, находившимся в то время на службе у египетского правительства, внесли коррективы в подсчеты Питри. Оказалось, что максимальная ошибка, которую допустили строители Большой пирамиды, составляет лишь чуть более $1/12$ градуса. Каким образом могла быть достигнута такая точность? Эдвардс полагает, что строители пирамид могли определить стороны света, наблюдая за положением звезды в северной части неба в момент ее восхода и захода.

Представьте себе, например, воткнутый в землю вертикальный стержень, окруженный на некотором расстоянии низкой стеной с абсолютно горизонтальным верхним срезом. У стержня стоит человек, а у стены, внутри нее, другой. В северной части неба выбрана для наблюдения яркая звезда. Когда человек у стены замечает ее, он предупреждает того, кто стоит у стержня. Как только звезда появляется над краем стены, первый наблюдатель смотрит на нее через стержень, отмечает ее положение, а второй делает метку на стене. Звезда пересекает небосвод, и когда она заходит через двенадцать часов за край стены, тот же процесс повторяется, и на стену наносят вторую метку. Для большей точности такие наблюдения проводят множество раз. Затем прочерчивают линии от стержня к меткам, по земле. Разделив пополам угол между линиями, наблюдатели получают линию, указывающую север и юг. Две другие кардинальные точки можно получить, проведя еще одну линию, под прямым углом к первой. Это, разумеется, упрощенное объяснение, но оно показывает, каким образом могли быть ориентированы пирамиды по сторонам света¹⁵.

Не правда ли, иной раз сухой язык настоящего исследователя оказывается неизмеримо интересней фантастических гипотез неорелигиозных мистиков?

...Погожий осенний день 1978 г. На расстоянии 300—400 м от пирамиды Микерина — необычное скопление народа. Подходим поближе и сразу как бы переносимся на несколько тысячелетий назад. Голые по пояс египтяне втаскивают по наклонной песчаной насыпи огромные глыбы из белого песчаника. На наших глазах возникает контур изящной маленькой пирамиды.

Как выяснилось, мы стали свидетелями поставленного группой японских исследователей с разрешения египетского правительства эксперимента по сооружению пирамиды в условиях, максимально приближенных к тем, в которых находились древние строители, т. е. без применения современной техники и с привлечением прямых потомков древних египтян — нынешних феллахов, живущих в районе Гизе. Было решено построить маленькую пирамиду размером в $1/16$ пирамиды Микерина.

Работа спорилась, египтяне трудились дружно, чувствовалось, что это занятие им по душе. В них как бы проснулась кровь их далеких предков. Закария Гонеим в своей книге «Потерянная пирамида» с гордостью отмечает прирожденную ловкость рабочих, которых он использовал при раскопках: «Они работают среди памятников, воздвигнутых их предками, и порой кажется, что они унаследовали даже их строительное искусство. Так, они, например, с необычайной легкостью умеют передвигать тяжелые предметы, почти не прибегая к механическим приспособлениям. Один мой знакомый англичанин рассказывал, как он с удивлением и трепетом наблюдал в Каирском музее за передвижкой гранитного колосса, весившего около 100 т: „Кучка жилистых, невысоких парней, одетых в галаби,— говорил англичанин,— собралась вокруг статуи со своими железными ломом и несколькими деревянными брусками. Среди громких воплей и суеты статуя вдруг покачнулась. Катастрофа казалась неминуемой. Я уже был готов зажмурить глаза и заткнуть уши. Однако прошло совсем немного времени и колосс был передвинут на десятки метров, а затем без единого повреждения установлен на новом месте“»¹⁶.

Японские специалисты работали несколько недель. Подробный отчет о результатах эксперимента еще не опубликован, однако в интервью египетским газетам они признавали, что до сих пор многие строительные секреты древних египтян остаются для них тайной за семью печатями.

Белоснежная, «японская», как ее называли кайры, пирамида недолго красовалась у подножия великих гигантов Гизе. Египетское правительство разрешило эксперимент с условием после его завершения разобрать пирамиду. Это условие было продиктовано заботой о сохранении Гизехского некрополя — национальной гордости египетского народа. Однако организаторы эксперимента не прогадали. Все камни «японской» пирамиды были раскуплены одной из мистико-религиозных сект Японии. Вот уж поистине безумие заразительно!..

ГРАБИТЕЛИ, УЧЕНЫЕ И НАПОЛЕОНОВСКИЕ ГРЕНАДЕРЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ЕГИПЕТСКОМ МУЗЕЕ

А муталибами называют людей, которые в горах Египта ищут клады и сокровища. Из Магриба, со всех концов Египта и из Сирии собираются люди, и каждый из них трудится в горах и скалистых местностях и тратит на это деньги. Было много людей, которым удалось найти клады и сокровища, но были и такие, которые растрачивали все свое имущество и ничего не находили.

Носир Хисроу (1046—1050)

В самом центре Каира, на площади ат-Тахрир стоит массивное здание неоклассической постройки. Туристы со всего света сплошным потоком входят в двери этого здания и ручейками растекаются по его многочисленным залам. Это — знаменитый Египетский музей, в стенах которого собрана богатейшая коллекция египетских древностей. В настоящее время она насчитывает более 100 тыс. экспонатов, представляющих, в сущности, всю историю древнего Египта: от додинастической эпохи до греко-римского периода.

Нынешнее здание музея, построенное в 1902 г., сразу же после открытия начало перестраиваться и расширяться. Тем не менее сейчас Египетский музей не может вместить даже самые ценные экспонаты, число которых к тому же непрерывно пополняется за счет новых находок. Несмотря на предпринимаемые министерством культуры и Службой древностей меры, теснота в музее становится все более ощутимой. Но, как говорит Заки Искандер, известный египетский археолог, долгое время занимавший пост директора Службы древностей АРЕ: «Это приятная проблема. Порядок в собственном доме мы всегда наведем. Гораздо труднее было сохранить все это, — он де-

¹ А. С. Норов. Путешествие по Египту и Нубии в 1834—35 гг. СПб., 1840, с. 204.

² И. Клинген. Среди патриархов земледелия. СПб., 1898, с. 126—129.

³ «Путешествие по Египту и в монастыри Святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 г. архимандрита Порфирия Успенского». СПб., 1856, с. 43.

⁴ А. С. Норов. Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг., с. 188.

⁵ Цит. по: Jean-Philippe Lauer. Le mystère des Pyramides. P., 1974, с. 216.

⁶ В. Соловьев. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1904.

⁷ Oleg V. Volkoff. Comment on visitait la vallée du Nil: les guides de l'Egypte. La Caire, 1967, с. 62—64.

⁸ Ph. Vandenberg. The Curse of the Pharaohs. L., 1975.

⁹ Ken Johnson. The Ancient Magic of the Pyramids. L., 1978.

¹⁰ Ж.-Ф. Лауэр. Загадки египетских пирамид. М., 1966.

¹¹ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972, с. 105.

¹² G. Breasted. The Development of Religion and Thought in Ancient Egypt. N. Y., 1912, с. 72.

¹³ I. Edwards. The Pyramids of Egypt. L., 1954, с. 234.

¹⁴ Б. А. Тураев. Древний Египет. Петроград, 1922, с. 44.

¹⁵ Цит. по: Л. Коттрелл. Во времена фараонов. М., 1982, с. 73—74.

¹⁶ М. З. Гонейм. Потерянная пирамида. М., 1959, с. 34.

лает широкий взмах рукой,— в одном месте, в Египте.

Посещение Египетского музея, как правило, начинают с левой галереи первого этажа, где выставлены экспонаты эпохи Древнего царства. Лучшие по исполнению и выразительности памятники культуры древнего Египта возникли именно в этот период, который по имени столицы Древнего царства называют мемфисским. Вот перед нами скульптурная группа принца Рахотепа и принцессы Нофрет, относящаяся ко времени IV династии. Рахотеп — юноша 17—18 лет — современник строителей пирамид Гизе, будущий верховный жрец храма Солнца в Оне (Гелиополе). Его фигура исполнена глубокого внутреннего динамизма. Правая рука прижата к груди. Гордо поднятая голова свидетельствует о решительности и силе характера. Особенно привлекает взгляд больших, широко расставленных глаз Рахотепа. Юноша смотрит куда-то поверх голов зрителей; чувствуется, что этот энергичный молодой человек сознает величие предначертанной ему судьбы. Сидящая рядом с ним принцесса Нофрет — прямая противоположность застывшему в энергичной позе Рахотепу. Сквозь облегающую белую одежду как бы просвечивают мягкие, женственно округлые формы. Руки спокойно сложены на груди, на пухлых губах застыла загадочная усмешка. Обе фигуры раскрашены, причем краска великолепно сохранилась. Кожа Нофрет значительно светлее и теплее по оттенку. Особенно хорош колорит массивного ожерелья на ее шее.

В соседнем зале экспонируются две статуи фараона Хефрена. Одна из них сделана из розового алебаstra, другая — из черного диорита. Они почти идентичны. Диоритовый Хефрен сидит в массивном кресле, подлокотники которого украшены головами пантер. Бесстрастное величественное лицо фараона — это уже лицо не человека, а полубога, безраздельного владыки и вершителя судьбы народа Египта. Невольно вспоминаешь Геродота, который говорил, что египтяне считали первых двух фараонов IV династии, Хеопса и Хефрена, самыми жестокими правителями за всю историю Египта.

Прямой противоположностью Хефрену предстает внук Хеопса — Микерин. Он изображен в полный рост, в типичной для мемфисского периода позе. Левая нога энергично выставлена вперед, плечи широко разведены, лицо округлое, добродушное. Непременный атрибут мудрости и силы фараона — накладная борода — на его добродушном лице кажется лишней. Правая рука Микерина

вложена в руку богини Хатхор*, как бы выглядывающей из-за его плеча. Помимо демонстрации традиционного союза фараона с одной из самых почитаемых богинь древнего Египта это еще, на мой взгляд, и намек на преклонение Микерина перед женской красотой. Египтяне любили Микерина; по словам Геродота, он смягчил жестокие порядки, установленные Хеопсом и Хефреном, вновь открыл древние храмы, облегчил каторжный труд на строительстве пирамид, на который народ был обречен по прихоти своих правителей.

Остановимся ненадолго перед статуей «скрибы» — сидящего с поджатыми под себя ногами писца. Пальцы его правой руки согнуты для того, чтобы взять кисточку для письма. Курчавый парик плавно спускается на плечи, оттеняя грубоватые, но исполненные ума черты лица. Интересно отметить, что найдено около 50 подобных статуй мемфисской эпохи. Это, по мнению специалистов, отражает большую роль, которую играли администраторы, в частности писцы, в организации общественной жизни Древнего царства. Их социальный статус, возможно, был даже выше, чем воинов, поскольку надгробные статуи воинов этой эпохи весьма редки.

«Скриба» из Египетского музея заслуженно пользуется мировой славой как один из наиболее древних в истории искусства скульптурных портретов. Однако до нас дошел и еще более совершенный портрет египетского писца мемфисской эпохи, находящийся ныне в Лувре.

Гуманистические, глубоко человеческие мотивы, присущие искусству эпохи Древнего царства, особенно ярко проявляются во фресках этого периода. Вот фреска из одной гробницы в Мейдуме, на которой строго симметрично расположены две группы гусей. Изумительна точность, с которой художник изобразил самих гусей, их оперение, клювы. Чувствуется как незаурядность профессионального мастерства, так и присущая древним египтянам любовь к животным, о которой упоминают многие древние авторы. Геродот, в частности, сообщает, что особое почтение в древнем Египте выказывалось кошкам из-за их привязанности к детенышам.

Искусство эпохи Древнего царства — это, по мнению многих ученых, апогей египетской культуры. Конечно, и в последующие эпохи происходили яркие вспышки твор-

* Хатхор — богиня неба у древних египтян, изображалась в виде женщины с рогами коровы.

ческой активности, однако в них уже было нечто вторичное. После длительного периода застоя, наступившего с упадком Древнего царства, новый расцвет египетского искусства наступает только ко времени XII династии, когда столица была перенесена в Фивы. Этот период отмечен такими шедеврами, как храмы Абу-Хисна, обелиск в Гелиополе и наиболее древние элементы Карнакского храма. Затем снова начинается период длительного упадка, перемежающийся с возрождением искусства при XVIII, XIX и XX династиях, принесших Египту знаменитых фараонов-завоевателей Тутмоса III, Рамсеса II и Рамсеса III. Ими и их преемниками воздвигнуты величественные храмы «столбчатых Фив». По всей стране возводятся колоссальные гранитные обелиски, которыми туристы восхищаются до сих пор. Египетское искусство ставит перед собой задачу изобразить и увековечить подвиги своих воинственных правителей. Такой мотив был несвойствен мягкому, гуманному искусству Древнего царства.

Даже греко-римский период, давший немало шедевров удивительного симбиоза древних традиций египетского искусства и эллинского гения, менее интересен, чем эпоха Древнего царства. Вряд ли можно признать самостоятельной, например, египетскую терракоту* или надгробные памятники в катакомбах Ком-эль-Шугафа в Александрии. Единственное исключение — «файюмский портрет» — своеобразнейшее явление позднего периода египетского искусства. Честь открытия «файюмского портрета» принадлежит Флиндерсу Питри, обнаружившему его при раскопках римского кладбища в Файюме в 1887 г. «Файюмский портрет» представляет собой восковой рисунок на деревянной доске, который при жизни владельца висел в доме, а после смерти клался поверх его мумии.

Древнеегипетское искусство оптимистично по своей природе. На фресках и рельефах не встретишь ни больных, ни стариков. Боги, фараоны и простые люди изображены, как правило, в расцвете сил. Это, очевидно, связано с религиозными верованиями египтян, считавших, что каким человек попадает в загробное царство, таким он там и остается.

Если догмы христианской веры побуждали художни-

* Терракота (итал. terra cotta, букв. 'обожженная земля') — здесь — керамические изделия бытового и культового назначения, архитектурные детали, вазы и т. п.

ков воспевать страдание, жертвенность, бессилие человека перед богом, то в искусстве древнего Египта человек бодр, весел. Темы любви, семейного счастья, труда занимают здесь не меньше места, чем религиозные сюжеты. Та гуманистическая в своей основе концепция, которая сложилась в искусстве древнего Египта, помогала художникам ценить и понимать символику образа, стремиться не только к точной передаче деталей и бытовых подробностей, но и самой сути своего понимания жизни.

Известная советская исследовательница искусства древнего Египта М. Матье отмечала, что религиозные взгляды древних египтян способствовали застойности форм, да и содержания их изобразительного искусства. Действительно, в искусстве древних египтян было немало условных традиционных приемов и элементов: своеобразные позы человеческих фигур, развернутых на египетских фресках плечами анфас, с головой в профиль, строго определенная раскраска лица и тела, относительная величина фигур (жены Рамсеса II, например, в его скульптурных портретах достают ему только до колена). Поразительны сила и постоянство этих традиций. Дети на скульптурной группе карлика Сенеба и его семьи, относящейся к VI династии, застыли точно в такой же позе, как спустя три тысячи лет изображался, допустим, сын Исиды и Осириса Хор — младенец с пальцем во рту, символом детства.

Конечно, за долгие тысячелетия развития египетского искусства в нем были и периоды, когда художники и скульпторы отступали от вековых традиций, пытались найти новые выразительные формы и средства. Таков, в частности, период фараона Аменхотепа IV — Эхнатона, взбунтовавшегося против жрецов Солнца и перенесшего свою столицу Ахетатон («Город солнечного круга») из Фив в Тель-эль-Амарну. Скульптура Амарнского периода, представленная в Египетском музее, удивительно реалистично передает черты как самого Эхнатона, так и членов его семьи, что было неслыханно в предыдущие эпохи и больше не повторилось в истории древнего Египта.

Эпоха Эхнатона — первый известный нам религиозный переворот в истории человечества — всегда привлекала внимание как специалистов, так и просто любителей древнеегипетского искусства. Руины Ахетатона находятся всего в 300 км от Каира. К сожалению, «Город солнечного круга» был построен из песчаника, а не из мрамора

или гранита, и сегодня от него мало что осталось. Огромная плоская равнина, окаймленная известняковыми холмами, не сохранила прекрасных дворцов Эхнатона и Нефертити, тенистых садов и величественных храмов, вызывавших трепетное восхищение современников. Трудно даже представить, что когда-то на этом пустынном месте кипела жизнь в столице молодого фараона-еретика. Не лучше обстоит дело и с рельефами и фресками, которыми полны могилы вельмож и приближенных Эхнатона, находящиеся в пещерах, выбитых в близлежащих холмах. Их можно рассматривать при помощи способа, который применяли еще древние египтяне: солнечный зайчик, направляемый системой осколков зеркал, бежит по стенам гробниц и вырывает из тьмы то, что осталось от рельефов, так восторженно описанных Косидовским¹. А сохранилось от них, к сожалению, совсем немного — сначала преднамеренное разрушение мстительными жрецами, а затем сырость, отсутствие ухода сделали свое губительное дело.

Вернемся снова в музей. От небольшого алькова на втором этаже, в котором выставлены экспонаты периода Эхнатона, переходим на противоположную галерею с великолепной экспозицией вещей, найденных в могиле фараона Тутанхамона американским археологом Г. Картером. Это единственная могила в районе Фиванского некрополя, избежавшая ограбления в древние времена. Экспонаты из гробницы Тутанхамона видели крупнейшие музеи Европы, Америки и Японии, они демонстрировались и в нашей стране.

Здесь мы продолжаем беседу с Заки Искандером. Он недаром начал разговор с того, как трудно было сохранить шедевры древнеегипетского искусства в Каире. Даже с великолепной коллекцией Тутанхамона, найденной сравнительно недавно, в 1922 г., связана довольно неприглядная история. Лорд Карнарвон, финансировавший работу Г. Картера, в течение года под различными предлогами затягивал обследование ее специалистами. Между ним и египетскими представителями шел ожесточенный торг о том, как будут поделены найденные вещи между Египетским музеем и музеями Англии и США, эксперты которых участвовали в раскопках.

Что же говорить о временах, более отдаленных? В Египетском музее имеется только один, кстати вызывающий сомнения специалистов, скульптурный портрет знаменитой супруги Эхнатона — Нефертити. Два бюста

Нефертити, пользующиеся мировой славой, находятся в Берлинском музее.

Розеттский камень, который дал ключ к расшифровке египетских иероглифов, хранится в Британском музее, в Каире имеется только его копия.

Это и неудивительно. Вплоть до начала XX в. национальное достояние Египта безжалостно расхищалось различного рода авантюристами и бизнесменами от искусства.

Справедливости ради надо отметить, что ограбление великолепных усыпальниц фараонов, пирамид и захоронений знатных людей происходило, как правило, вскоре после их сооружения и долгие тысячелетия этим занимались сами египтяне. Очередь иностранцев наступила значительно позже. Более того, к XIX в., когда началось систематическое разворовывание памятников египетской культуры представителями так называемого цивилизованного мира, большинство пирамид и древних захоронений оказалось уже разграблено.

Естественно, что это явление имело свои социальные корни: уровень имущественного неравенства в древнем Египте был чрезвычайно велик, фараона, небольшую группу его приближенных, а также привилегированную касту жрецов отделяла от простого народа глубокая пропасть.

Кроме того, колоссальные египетские некрополи возникали не сами по себе. Их строительство являлось одной из наиболее распространенных форм общественных работ в древнем Египте. В некрополях постоянно жила и трудилась многочисленная группа рабочих высокой квалификации — каменотесов, резчиков. Дошедшие до нас документы свидетельствуют о восстаниях подневольных рабочих. Социальная несправедливость постепенно подтачивала некогда казавшееся незыблемым отношение к могилам. Появились хорошо организованные группы грабителей некрополей, имевшие, очевидно, контакты с некоторыми жрецами и представителями администрации.

Характерно, что простой народ не только не осуждал, но и восхищался ловкостью смельчаков, посягавших на освященное жрецами имущество фараонов. Сохранилось множество легенд о грабителях пирамид, которым устная народная традиция придавала черты этаких египетских Робин Гудов, мстителей богачам за народные бедствия. Геродот приводит одну из них в своей «Истории». В качестве жертвы ограбления фигурирует некий фараон

Рампсинит. Желая сохранить свои сокровища в безопасном месте, Рампсинит повелел построить каменный тайник, примыкающий к внешней стене своего дворца. Однако главный строитель, которому он поручил это дело, схитрил и устроил так, что один из камней в стене легко вынимался. Главный строитель вскоре умер, но перед смертью успел рассказать двум своим сыновьям о секрете тайника. Естественно, что они не преминули воспользоваться возможностью и похитить сокровища Рампсинита. Каким-то образом это стало известно, и взбешенный фараон приказал соорудить капканы внутри своей сокровищницы. Ловушка сработала, и один из братьев попал в капкан. Однако он оказался благородным человеком и приказал второму брату «как можно скорее спуститься и отрубить ему голову, чтобы и тот не погиб, когда его самого увидят и опознают. Скрепя сердце брат выполнил его приказ и ушел домой, унеся голову брата»².

Рампсинит все-таки решил не оставлять это дело без последствий и «повелел повесить тело вора на городской стене, затем поставил около тела стражу с приказанием: если увидят, схватить и немедленно привести к нему всякого, кто вздумает оплакивать или сетовать о покойнике»³.

Узнав о случившемся, мать покойного принялась жестоко бранить оставшегося в живых сына и умолять его сделать все, чтобы тело брата было похоронено достойным образом.

Далее события развивались следующим образом: «Брат запряг своих ослов, навьючил на них полные мехи вина и затем погнал. Поравнявшись со стражами, которые стерегли тело, он потянул к себе два или три завязанных в узел кончика меха. Вино потекло, и он стал с громкими криками бить себя по голове, как будто не зная, к какому ослу сначала броситься. А стражи, увидев, что вино льется [рекой], сбежались на улицу с сосудами черпать льющуюся [из меха] жидкость, считая, что им повезло. Вор же, притворно рассерженный, принялся осыпать их всех по очереди бранью. Стражи старались утешить его, и через некоторое время он сделал вид, будто понежко сдается, гнев его проходит. Наконец он согнал ослов с улицы и снова стал навьючивать (мехи). Затем у них начались разговоры, и, когда один из стражей рассмешил его какой-то шуткой, он дал им еще мех. А стражи тут же на месте расположились пить, причем пригла-

шали и его остаться, чтобы вместе выпить. Он позволил себя уговорить и остался с ними. Во время попойки стражи чрезвычайно любезно пили за его здоровье, и он тогда подарил им еще мех с вином. От славной выпивки все стражи скоро захмелели. Сон одолел их, и они завалились спать тут же на месте. Была уже глубокая ночь. Тогда вор снял тело брата со стены и затем остриг в насмешку всем стражам правую щеку наголо. Потом навьючил тело брата на ослов и погнал домой. Так он выполнил приказание своей матери. Когда же царю сообщили, что вор похитил тело, он распалился гневом и захотел во что бы то ни стало узнать, кто этот хитрец, придумавший такие ловкие плутни. А сделал царь для этого вот что. (Я-то, впрочем, этому не верю.) Он поместил будто бы свою дочь в публичный дом, приказав ей принимать всех без разбора. Но прежде чем отдаться, она должна была заставить каждого (мужчину) рассказать ей свой самый хитрый и самый нечестный поступок в жизни. А кто расскажет историю с вором, того она должна схватить и не отпускать. Дочь так и сделала, как приказал отец. Вор же понял, чего ради царь отдал такое приказание. Он решил превзойти царя хитростью и сделал вот что. Отрубив руку по плечо у свежего мертвеца и скрыв ее под плащом, вор пошел к царской дочери. Когда он явился к ней, царевна задала ему тот же вопрос, как и другим, и он рассказал, что совершил самый нечестный поступок, отрубив голову брата, попавшего в западню в царской сокровищнице, и самый ловкий поступок, когда напоил допьяна стражей и унес висевшее на стене тело брата. Царевна же, услышав эту историю, хотела схватить его. А вор в темноте протянул ей руку мертвеца. Та схватила ее, думая, что держит его собственную руку. Вор же оставил отрубленную руку в руке царевны и выбежал через дверь. Когда царю сообщили об этой [новой] проделке, царь поразился ловкости и дерзкой отваге этого человека. Тогда наконец царь послал вестников по всем городам и велел объявить, что обещает вору полную безнаказанность и даже великую награду, если тот объявится пред его очи. А вор поверил и явился к царю. Рампсинит же пришел в восхищение [от него] и отдал за него замуж свою дочь, как за умнейшего человека на свете. Ведь, как он полагал, египтяне умнее прочих народов, а этот вор оказался даже умнее египтян»⁴.

Эта легенда обратила на себя внимание Генриха Гей-

не, посвятившего Рампсиниту одно из своих стихотворений. По его версии, вор оказался совсем не плохим пра-вильником:

Правил он не хуже прочих:
Опекал торговлю, даже
Меценатствовал. По слухам,
Он в Египте вывел кражи⁶.

Впрочем, последнее — явное преувеличение. Кражи в Египте не перевелись. Наука располагает многочисленными свидетельствами об ограблениях древних некрополей, причем разграбления могил фараонов учащались в периоды упадка, когда шатались и рушились древние верования. Знаменитые захоронения в Долине царей, большинство которых относится к периоду XVII—XIX династий, оставались, по всей вероятности, нетронутыми лишь до конца XX династии. Затем, в силу ослабления центральной власти, все они неоднократно подвергались ограблению.

Наиболее крупное из документально зарегистрированных ограблений гробниц произошло в эпоху фараона Рамсеса IX (конец XII в. до н. э.). Губернатор восточной части Фив, города живых, Па-Сер начал официальное расследование по делу об ограблении гробниц фараонов, расположенных по другую сторону Нила, в городе мертвых. Трудно сказать, какими мотивами руководствовался Па-Сер. Возможно, он пытался просто дискредитировать своего соперника — Па-Вера — правителя города мертвых. Обвинив Па-Вера в преступной небрежности, Па-Сер подтвердил это свидетельствами многочисленных очевидцев. Более того, наемные грабители, будучи припертыми к стене, сами сознались в том, как они грабили мумии фараонов, срывали с них золотые украшения, амулеты и даже золотые маски.

Па-Сер потребовал провести официальное расследование злоупотреблений Па-Вера. Однако он явно недооценил предприимчивости и беспринципности своего соперника. На новом расследовании все свидетели, представленные Па-Сером, дали совершенно противоположные показания и начали клясться в своей полной невиновности. Процесс провалился. Па-Сер решил отпраздновать свою победу должным образом, но явно переборщил. Он собрал рабочих некрополя, стражу, инспекторов могил и организовал шумную процессию перед домом Па-Сера, во время которой последний подвергался всяческому униже-

ниям и оскорблениям. Возмущенный Па-Сер бросился жаловаться к управляющему дворцом фараона. Однако тот сам, очевидно, был нечист на руку и сделал строгий выговор искателю истины. Однако Па-Сера не так-то легко было заставить замолчать. Потратив целый год, он все-таки добился повторного расследования, в ходе которого перед судом предстало сорок грабителей. Казалось бы, справедливость восторжествовала. Однако эта история имеет трагикомическую концовку, растянувшуюся, правда, на три тысячи лет. В конце XIX в. папирус с показаниями основных свидетелей процесса Па-Сера был продан на черном рынке древностей в Луксоре и вывезен из Египта в обход закона, т. е. украден.

Опасаясь совершенно распоясавшихся грабителей, жрецы были вынуждены постоянно перемещать мумии умерших фараонов. Даже такие гиганты XVIII и XIX династий, как Тутмос III, Рамсес II и Сети I, одни имена которых при жизни наводили страх как на врагов, так и на друзей, перепрятывались несколько раз. В конце концов жрецы решили собрать мумии всех фараонов в потайном месте, вблизи от Фиванского некрополя, где они и были случайно обнаружены в 1870 г.

Как опустошительный смерч промчались римляне по долине Нила после того, как Рим оккупировал Египет в 30 г. до н. э. Правда, к тому времени многие из гробниц фараонов были уже ограблены и им осталось лишь одно развлечение: писать свои имена на потолках царских усыпальниц копотью от факелов, которыми они освещали себе дорогу. Диодор Сицилийский, посетивший долину Нила в середине I в. до н. э., с сожалением отмечает, что в усыпальницах фараонов остались только следы ограблений и вандализма.

Среди римских императоров нашлось немало любителей египетских древностей. В частности, Константин Великий (306—337) обожал обелиски. По его приказу, исполненному, правда, уже после его смерти, обелиск, воздвигнутый в Фивах Тутмосом III в XV в. до н. э., был перевезен в Константинополь и установлен на ипподроме возле храма св. Софии. Там он стоит и до сей поры. Второй из знаменитых фиванских обелисков был перевезен Калигулой в Рим и украсил колоссальный Циркус Максимус. Однако вскоре он упал и был водружен на место только по приказу Папы Сикста V в 1587 г. Форма египетского обелиска весьма привлекала римлян, которые заимствовали ее. Римляне много спорили о символиче-

ском значении обелисков. Плиний Старший, например, высказывал предположение, что они являются отображениями солнечных лучей.

Мрачную страницу в историю уничтожения египетских древностей вписало христианство. После того, как в 313 г. император Константин Великий признал христианство в качестве официальной религии Римской империи, в Египте начались гонения на поклонников древних культов. В VI в. император Юстиниан приказал закрыть храм Исиды на о-ве Филе. Статуи из него были перевезены в Константинополь. В христианскую эпоху искусство и архитектура древнего Египта, памятники его высокой культуры как бы погрузились в многовековую спячку. Пески пустыни медленно заносили Большого сфинкса, на крыше храма Хора в Эдфу, также занесенного песком, местные крестьяне построили свои хижины, даже не подозревая, что под ними скрывается древний храм.

Охота за древностями чрезвычайно распространилась в Египте после арабского завоевания. Особенно активно занимались ею в средние века. В это время появились даже специальные учебники для начинающих грабителей древних гробниц. Из очень немногочисленных свидетельств этой эпохи до нас дошли записки арабского путешественника, багдадского врача Абдель Латыфа, который прибыл в Каир около 1200 г. преподавать медицину. Когда он посетил Большую пирамиду в Гизе, то увидел возле нее немало охотников за сокровищами, которые с древними путеводителями в руках пытали свою судьбу.

Однако все это выглядит детскими шалостями по сравнению с тем, что началось в 1517 г., после включения Египта в состав Османской империи. В Египет устремился поток паломников, дипломатов и купцов. Широкое распространение приобрела торговля мумиями, на которые в средневековой Европе смотрели как на панацею от всех болезней. В XVI в. мумии стали в Европе самым дорогостоящим лекарством.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Само слово «мумия» — не египетского происхождения. Оно происходит от персидского слова «муми́а» и означает ароматическую смолу — битум, которую с древних времен находили в горных районах Среднего Востока. Она всегда пользовалась хорошей репутацией на Востоке как лекарство, заживляющее раны и глубокие царапины. Однако с течением времени добывать ее становилось все труднее, и предприимчивые европейские спеку-

лянты начали продавать набальзамированные египетские мумии как адекватную замену этой лечебной ароматической смолы. Удачливым дельцам было несложно в те времена сколотить целое состояние на вывозе египетских мумий в Европу и продаже их аптекарям. В частности, некто Сандерсон, агент турецкой торговой компании, живший в Египте с 1585 по 1586 г., завел знакомство с крестьянами из окрестностей Мемфиса и ухитрился купить у них более 600 ф. набальзамированных мумий. Небольшой взятки оказалось достаточно, чтобы вывезти этот ценный груз из Египта. В Шотландии в 1612 г. фунт мумифицированного вещества стоил 8 шилл., так что Сандерсон одним махом сколотил целое состояние.

Вслед за охотниками за египетскими мумиями наступил черед собирателей древностей. Коллекционирование предметов древнеегипетского искусства превратилось в серьезный бизнес уже в XVI в. Первые крупные коллекции составили итальянские кардиналы. Особой популярностью у итальянских любителей древностей пользовались предметы греко-римского периода. Античные статуи и скульптуры из Александрии десятками перекочевывали в кабинеты европейских вельмож. Возросший спрос породил и профессиональных посредников по продаже египетских древностей в лице заезжих купцов, дипломатов и даже пилигримов.

С конца XVII в. утечка за границу памятников египетской древности принимает массовый характер. Этому способствовало и создание первых национальных музеев в Европе в середине XVIII в. В 1756 г. в Лондоне был открыт знаменитый Британский музей. В те далекие времена совет директоров музея не проявлял особой щепетильности в собирании древностей. Ему было все равно, каким путем вывозились из Египта предметы древнего искусства, папирусы, статуи. К этому времени в Египте появляются и первые археологи-любители, понявшие, что раскопки фараонских древностей — дело довольно прибыльное.

Справедливости ради надо сказать, что наряду с беспринципными авантюристами, которыми руководил только дух наживы, существовали и бескорыстные почитатели древнеегипетского искусства. Одним из первых был французский консул в Каире Бенуа де Майе. За свое шестнадцатилетнее пребывание в Египте (1692—1708) де Майе только одну Большую пирамиду в Гизе обследовал более 40 раз. Он вел широкую переписку с евро-

пейскими учеными, пытаясь привлечь их внимание к долине Нила.

В середине XVIII в. король Дании Христиан VI направил в Египет специальную экспедицию во главе с Фредериком Норденом, художником и строителем кораблей. В 1755 г. Норден опубликовал свою книгу «Путешествие в Египет», имевшую большой успех в Европе. Впервые читающая публика получила возможность познакомиться с рисунками и планами древнеегипетских памятников, которые были сделаны с достаточной достоверностью.

Вслед за Норденом долину Нила посетил знаменитый философ эпохи Великой французской революции граф Константин Франсуа Вольней.

Памятники культуры древнего Египта вызвали восхищение Нордена и Вольнея. Однако их записки не проливали, да и не могли пролить нового света на историю Египта. Невозможно было изучать древний Египет без знания его языка. Расшифровка иероглифов стала насущной задачей новой отрасли исторической науки — египтологии.

НЕДОЛГОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ СУЛТАНА ЭЛЬ-КЕБИРА

Запад есть Запад, Восток есть Восток,
И вместе им не сойтись.

Р. Киплинг, 1889 г.

1 термидора 7 года Великой французской революции гражданин Бушар, офицер инженерных войск наполеоновского экспедиционного корпуса в Египте, нашел в коптской деревушке недалеко от г. Розетта треугольный обломок базальтовой плиты, покрытой ровными рядами надписей. В тот момент вряд ли кто-либо мог предположить, что это заурядное событие станет отправной точкой в развитии египтологии, а знаменитый Розеттский камень, найденный Бушаром, тем ключом, с помощью которого известный французский ученый Жан-Франсуа Шампольон сумеет расшифровать древнеегипетские иероглифы, сравнив высеченные на камне на греческом и древнеегипетском языках (демотическим и иероглифическим шрифтами) тексты, датированные временем царствования Птолемея Филопатора.

Египтология — дочь французской экспедиции в Еги-

пет. Масперо любил повторять, что документы о ее рождении появились во время кампании Бонапарта.

Действительно, группа французских ученых, входивших в состав экспедиции Бонапарта, проделала огромную работу по изучению памятников древнеегипетской культуры и заложила серьезный научный фундамент для развития египтологии. После экспедиции Бонапарта мрачную фигуру европейского контрабандиста, вывозившего бесценные памятники тысячелетней истории древнего Египта в Европу, постепенно вытесняет фигура ученого, для которого папирусы и древние камни, испещренные иероглифами, не что иное, как книга, рассказывающая об истории и культуре древней страны. Европейские ученые медленно, порой наугад погружались в чтение совершенно новой для них главы в истории человечества.

Однако в эпоху колониального раздела мира даже такая, вроде бы далекая от политики, сфера, как изучение древнеегипетской культуры, оказалась втянутой в водоворот политической борьбы, сопровождавшей создание крупных колониальных империй. За спинами ученых незримо стояли фигуры дипломатов, разрабатывавших хитроумные комбинации, а за дипломатами, направляя их действия, маячили призраки представителей парижских банкирских домов, дельцов из лондонского Сити, владельцев манчестерских мануфактур.

Даже сейчас, когда страсти первых сенсационных открытий поутихли, в Париже и Лондоне по-разному смотрят на историю египтологии. Глава находящегося в Каире французского Института восточной археологии Серж Сонерон в своей книге, посвященной египтологии и египтологам, на первое место среди исследователей древнего Египта ставит Шампольона, далее Огюста Мариета, первого директора египетской Службы древностей, а затем уже Гастона Масперо — преемника Мариета, немецкого археолога Эмиля Бругша и англичанина Уильяма Флиндерса Питри. Это, впрочем, общепринятая точка зрения. Однако в английских книгах, посвященных первым шагам египтологии, вы прочтете, что расшифровка иероглифов была осуществлена Янгом и Шампольоном. Англичане традиционно подчеркивают первенствующую роль в этом деле английского учителя гимназии Янга.

Что же говорить о конце XVIII — начале XIX в., когда соперничество между Англией и Францией за обладание Египтом только начиналось? Документы о рождении египтологии действительно появились во время экспеди-

ции Бонапарта, но не надо забывать, что они заполнялись под аккомпанемент оружейной канонады. Подвижнический труд французских ученых был только одной и далеко не главной стороной «цивилизаторской миссии» Франции в Египте. Как образно сказал современный французский исследователь Лука: «Победоносная буржуазия оправдывала свою экспансию своими талантами»⁶.

Колониальный характер своей египетской экспедиции не считал нужным скрывать и сам Наполеон, писавший: «Египет должен заменить Сан-Доминго и Антильские острова и примирить свободу черных с интересами наших мануфактур». Однако впоследствии эта сторона наполеоновской экспедиции как бы отступила на второй план. История пребывания французского экспедиционного корпуса в Египте постепенно обросла мифами, призванными замаскировать неприглядную подоплеку англо-французского соперничества за новые колонии. Один из них гласит: «Наполеон не был намерен воевать с египетским народом».

Так ли это? Ведь еще Вольней предупреждал честолюбивого молодого генерала: «Для того, чтобы нам обосноваться в Египте, необходимо будет вести три войны: первую — против англичан, вторую — против Порты и третью — самую трудную — против мусульман, которые составляют население этой страны»⁷.

И вот благодаря чистой случайности мне попали воспоминания полковника Виго Руссилона о египетской экспедиции, вышедшие в русском переводе в 1890 г. в типографии Казанского университета.

«Ну и что?» — спросит читатель. Эка невидаль, воспоминания какого-то заштатного наполеоновского вояки, который за сорок четыре года безупречной службы дослужился до чина полковника. Эпоха Наполеона породила массу ярких людей, которые оставили самые разнообразные мемуары. Среди них Талейран, графиня де Ремюза, да всех и не перечислить. Сам Наполеон также надиктовал в ссылке два пухлых тома «Записок с острова Святой Елены». Историки исследовали все стороны правления Бонапарта. Есть несколько монографий, посвященных египетской экспедиции, и самая значительная из них, пожалуй, книга французского историка Шарля Ру «Бонапарт — правитель Египта».

И тем не менее почувствовать атмосферу происходивших событий, посмотреть на них глазами их участника не

так-то просто. Ведь подвиг французских ученых, сопровождавших Бонапарта, — это одно, а вандализм гренадеров, которые выкуривали орудийным огнем восставших египтян из Большой мечети Аль-Азхара, закалывали пленных штыками, дабы сэкономить патроны, и сожгли на костре руку Сулеймана аль-Халеби, убившего Клебера, наместника Наполеона, — это совсем другое.

Давайте перелистаем страницы этой любопытной книги.

В мае 1798 г., когда французский экспедиционный корпус собирался в Тулоне, за плечами Виго Руссилона было уже пять лет ожесточенных сражений в рядах наполеоновских войск в Италии и в Тироле. Ему было всего 18 лет, когда он поступил на военную службу, горя, как он признавался сам, «желанием присоединиться к храбрецам, взявшим оружие на защиту отечества, которому грозила опасность». Судя по всему, ко времени Египетской кампании Руссилон, как и герой Стендаля Фабрицио дель Донго во время битвы при Ватерлоо, уже успел потерять изрядную долю своего романтизма. Его старший брат был убит в Италии, а младшему суждено было навеки остаться в египетской земле.

18 мая 1798 г. 32-я полубригада, в составе которой служил Руссилон, разместилась на борту 74-пушечного корабля «Меркурий». Войскам цель и назначение экспедиции были совершенно неизвестны.

Строжайшая тайна, окружавшая экспедицию, объяснялась не только военно-стратегическими соображениями. Подоплека этой поразившей Европу авантюры была довольно сложна. После блестящих побед в Итальянской кампании 1796—1797 гг. слава Бонапарта росла не по дням, а по часам. Маленький генерал, инкогнито вернувшийся 5 декабря 1797 г. в Париж и скромно поселившийся в небольшом доме на улице Шанторен, в скором времени переименованной ликующими парижанами в улицу Победы, как магнитом притягивал к себе военных, ученых, политических деятелей. Естественно, Директория во главе с Баррасом была не прочь поскорее избавиться от Бонапарта и поручила ему рискованное предприятие: колониальную экспедицию в Египет, планы которой давно хранились в сейфах на Кэ д'Орсэ. Документы французского министерства иностранных дел, подписанные Шуазелем, Лозеном, де Гийеном, Сен Дидье и, наконец, Талейраном, свидетельствуют о том, что начиная с последней четверти XVIII в. Франция не переставала серьезно

обдумывать планы колониального захвата Египта. Идея такой экспедиции, очевидно, импонировала и самому Бонапарту, который мечтал о покорении английской Индии и, как свидетельствуют некоторые его современники, подумывал о том, чтобы после захвата Египта идти в Индию через Константинополь, который намеревался превратить в центр мировой империи.

20 мая французская эскадра вышла из Тулона и вскоре обросла многочисленными транспортом, присоединившимися к ней в Аяччо и Чивитта-Веккиа. Эскадра взяла курс на восток. Это крайне удивило французских солдат, так как из приказа Бонапарта, оглашенного в Тулоне, можно было понять, что эскадра направится к Гибралтару, а оттуда в Англию или в английские колонии.

Трудное и опасное плавание по Средиземному морю прошло спокойно. Почти без сопротивления была покорена Мальта. Счастливая звезда Бонапарта помогла ему избежать столкновения с эскадрой Нельсона, которая рыскала в поисках его кораблей.

3 июля 1798 г. французы высадились на пустынном побережье в миле от Александрии, вблизи местечка Бург-эль-Араб. В полночь Наполеон сошел на берег и проспал несколько часов на морском песке, укрывшись походным одеялом. С восходом солнца он сам повел войска на Александрию.

Александрия вовсе не была взята без единого выстрела, как пишут некоторые историки. Ее гарнизон, как свидетельствует Руссильон, был немногочисленным, однако и французов в момент штурма насчитывалось не более 4 тыс. Кроме того, они не имели ни одного осадного орудия, и если бы защита города была организована должным образом, неизвестно еще, как обернулось бы дело. Руссильон вскочил на городскую стену одним из первых. «Я подавал руку подполковнику нашей полубригады Массу, — пишет он, — как вдруг турок, которого я не заметил, бросился из-за стены и моментально убил Массу подле меня. Город был взят сразу, но всю ночь шла перестрелка на улицах. На другое утро турки, которые укрылись в форте маяка, сдались безо всяких условий»⁸.

6 июля французская армия направилась в Каир. Здесь-то, в пустыне и начались зловещие французских солдат, вызванные нераспорядительностью интендантов и плохой организацией. Солдаты получили солонину, немного прованского вина и виноградной водки.

С кораблей выгрузили также бисквиты и сушеные овощи, но у армии не было ни котлов, ни воды. В невыносимой жаре все продукты, кроме бисквитов, оказались бесполезными. Солонина, прованское вино и водка никоим образом не могли поддержать людей в походе по безводной пустыне под палящими лучами июльского солнца.

32-я полубригада шла самым тяжелым маршрутом: не берегом Нила, а напрямик через пустыню. По признанию Руссильона, истомленная жаждой и невероятной жарой, армия роптала. Были случаи нарушения дисциплины.

12 июля колонна, в которой находился Руссильон, наконец вышла к берегу Нила и солдаты могли вдоволь напиться. Здесь же их нагнала французская флотилия, вошедшая в Нил через устье Розетты.

С завистью глядя на начальство и ученых, двигавшихся легким речным путем, Руссильон сокрушается по поводу «непростительной непредусмотрительности тех, кто организовывал экспедицию». Он пишет: «Главномандующий, виновник этой небрежности, знал страну, в которой он нас вел, тогда как нам даже название ее почти не было известно. Если он боялся, что раздача манерок (фляжек) открыла бы заранее тайну нашего назначения, можно было бы их секретно погрузить на эскадру и выдать нам наполненными водой в момент выхода из Александрии»⁹.

В довершение всего голодная, оборванная французская армия на протяжении всего пути из Александрии до Каира постоянно подвергалась нападением кавалерии мамлюков, которая пользовалась в то время репутацией лучшей в мире. «Всякий, кто отставал на 200 шагов, был человек погибший», — пишет Руссильон и приводит характерную сценку: «Во время марша один мамлюк подскочил к нашему каре и закричал по-итальянски: „Если между французами есть храбрый, я жду его!“ Наши кавалеристы не были в состоянии тогда принять его вызов. Мамлюк нас преследовал, продолжая оскорблять и галопируя вокруг нас. Несколько выстрелов ему были посланы напрасно, пока, наконец, один сержант из волонтеров не убил его наповал»¹⁰.

Подобная фанаберия была не единичным случаем. Правившие Египтом в то время мамлюкские беи Ибрагим и Мурад оказались неспособны оценить реальное соотношение сил. Анализируя причины ошеломляюще быстрого разгрома мамлюков, которые пользовались солидной во-

енной репутацией, Арнольд Тойнби писал: «Пикантность ситуации заключается в том, что французы уже высаживались в Египте ранее, в XII—XIII вв., в то время, когда уровень их цивилизации стоял ниже восточной, включая военное искусство. Средневековый французский рыцарь представлял собой более неуклюжий и менее умелый вариант мамлюка, поэтому, когда наступил бой, он был жестоко побит и его попытки захватить Египет закончились полным провалом. В течение пяти с половиной веков мамлюки оставались на одном уровне, за исключением того, что они сменили свои азиатские луки на английские карабины. Они, естественно, предполагали, что и французы изменились столь же мало, как и они сами. В связи с этим, когда они слышали, что Наполеон имел неосторожность высадиться в Александрии, они предполагали обойтись с ним так же, как они обошлись с Людовиком Святым»¹¹.

21 июля около 10 часов утра французская армия появилась вблизи селения Эмбаба, расположенного на берегу Нила вблизи Каира. Здесь Руссилион впервые увидел мамлюкское войско. Впереди, насколько хватал глаз, стояли палатки и шатры всевозможных цветов, со знаменами и позолоченными полумесцами над ними. Вдали обрисовывались высокие минареты Каира. «Трудно себе представить что-либо более красивое, блестящее, разнообразное, чем кавалерия мамлюков,— пишет Руссилион.— Она покрывала всю равнину и, хотя была неприятельская, прельщала наш взгляд прекрасными цветами одежды и блеском штандартов»¹².

В этом сражении мамлюки проявили, с одной стороны, безумную храбрость, а с другой — непонимание элементарных канонів военной стратегии и тактики. Руссилион признает, что мамлюки сражались отчаянно, на смерть, они шли в атаку, имея при себе все свое богатство. В седельных сумках некоторых убитых мамлюков французы обнаруживали от 300 до 400 лундиров. Это было целое состояние для французских гренадеров, получивших в месяц всего несколько су.

Собственно сражения, как такового, и не было. Хорошо отлаженная французская военная машина безжалостно перемалывала храбрых, но безграмотных в военном отношении мамлюков. Используя передовую для своего времени военную тактику, французы встречали конные атаки мамлюков точными залпами, и сразу десятки всадников вместе с лошадьми падали замертво.

Сражение около деревни Эмбаба получило название «Битва у пирамид». В первой половине XIX в. художники любили изображать Бонапарта гарцующим на белом коне у подножия пирамид и произносящим свое знаменитое обращение к войскам, начинавшееся словами: «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас с вершин этих пирамид!». Это тоже одна из легенд. Эмбаба находится в 12—15 км от пирамид. Маленькая, казалось бы, неточность, а истребление мамлюков у Эмбабы выглядит в результате как романтическое приключение.

23 июля французы вступили в столицу Египта. Каир разочаровал их, так как он сильно уступал европейским городам. Его узкие улицы утопали в грязи, население имело несчастный и жалкий вид, громадные великолепные дома, которые занимали мамлюки, стояли пустыми.

32-й полубригаде был зачитан приказ, в котором солдатам вменялось в обязанность с почтением относиться к мечетям и службам, проходившим в них, а также устанавливать добрые отношения с населением и мусульманским духовенством. Капрал Руссилион, конечно, не мог знать, что этот приказ был связан с тактикой, которую Наполеон избрал, стремясь использовать в своих интересах довольно шаткий политический баланс, существовавший тогда в Египте. Верховным правителем страны номинально являлся представитель Порты — *вали*. Реальная же власть концентрировалась в руках соперничавших между собой мамлюкских беев. Учитывая это, Бонапарт стремился противопоставить мамлюков, с одной стороны, Порте, с другой — египетскому народу. Уже в первой своей прокламации он выдвинул следующие лозунги: «Слава султану! Слава французской армии! Проклятье мамлюкам и счастье народу Египта!». Замысел Бонапарта был очевиден — разобщить своих противников и разгромить их поодиночке.

Такая линия требовала преодоления культурно-религиозного барьера, разделявшего египтян и французов. Все, что Бонапарт делал в Египте, он старался придать печать местного колорита: учитывая любовь египтян к зрелищам, он устраивал в Каире парады, на которых стремился превзойти роскошью мамлюков. С площади Эзбекия запускались диковинные для египтян воздушные шары. Сам Бонапарт, избравший в качестве своей резиденции дом мамлюка Альфи-бея, бежавшего с другими уцелевшими мамлюкскими беями в Верхний Египет, жил очень открыто, лично принимал депутации от

народа. Особое расположение Султан эль-Кебир (Великий султан), как называли его египтяне, питал к восточной одежде и оружию. До конца жизни он не расставался с кривой мамлюкской саблей, добытой в Каире. По его указанию живописец Риго сделал эскизы новой формы для французского экспедиционного корпуса, взяв за образец одежды мамлюков. Однако эта форма так и не была введена в армии: солдаты не одобряли увлеченности главнокомандующего восточной экзотикой. Не увенчалось успехом и поощрение Бонапартом смешанных браков французов с египтянами. Генерал Мену, женившийся с одобрения главнокомандующего на коптке — дочери владельца банного заведения в Розетте, стал объектом насмешек со стороны армии.

Особое значение Бонапарт придавал отношениям с влиятельным мусульманским духовенством. Во время приема Бонапартом представителей мусульманского духовенства рядом с каждым посетителем по его приказу клали Коран и переведенную на арабский язык Декларацию прав человека. Он настойчиво пытался получить от шейхов Аль-Азхара фетву*, в которой одобрялось бы установление французского контроля над Египтом. Шейхи Аль-Азхара заявили, что для получения требуемой фетвы французам следует перейти в мусульманскую веру. Бонапарт отвечал, что в принципе он не против. В Европе он христианин, а в Египте — мусульманин. «Французы, — заметил он, — не хотели бы только совершать обряд обрезания и вводить сухой закон». Естественно, что после этого вопрос об обращении французов в ислам отпал.

Диалог, который французские ученые пытались завязать с египтянами, был диалогом глухонемых. Вот как известный историк Джабарти описывает посещение группой улемов Аль-Азхара Египетского института, где им показали прекрасную библиотеку и современную химическую лабораторию. Все увиденное произвело большое впечатление на шейхов и улемов, однако существо химических процессов для них было недоступно. Шейх аль-Бакри, которому были продемонстрированы различные химические опыты, вдруг спросил у Бертолле, может ли он с помощью своей науки сделать так, чтобы он, шейх аль-Бакри, находился одновременно в Каире и в Марокко. Знаменитый химик только пожал плечами. «Вот ви-

* Фетва — решение высшего религиозного авторитета о соответствии того или иного действия или явления Корану и шариату.

дите, — воскликнул аль-Бакри, — ваше колдовство не всемогуще!»

Лозунги свободы, равенства и братства в то время еще не могли быть восприняты египтянами, жившими в плену средневековых предрассудков. Не только идеи Великой французской революции, но и нравы, обычаи и одежда французов возмущали египтян. Недовольство вызывало буквально все: отношение французов к женщинам, привычка открыто демонстрировать свои чувства, в конце концов, просто беспробудное пьянство, которому предавались огрубевшие в боях наполеоновские гренадеры.

Вследствие этого все попытки Бонапарта завоевать доверие местного населения терпели крах. Шейх Мухамед эль-Корай, который был назначен Бонапартом правителем Александрии, предал его сразу же после ухода из Александрии основного контингента французских войск. В Нижнем Египте восстания происходили постоянно. В провинции Мануфия был убит вместе со своим эскортом адъютант Бонапарта Жюльен. В той же провинции жители одной из деревень оказали ожесточенное сопротивление генералу Фижьеру. В Мансуре был вырезан французский гарнизон. Из 120 человек удалось убежать только одному. В провинции Дамьетта местным населением были убиты 15 французских солдат.

Руссилион на собственной шкуре испытал растущую враждебность египтян. 2 августа 1798 г. 32-я полубригада расположилась лагерем в деревне эль-Филь, на правом берегу Нила, в 15 милях от Каира. Руссилиону, которому было поручено добывать продукты, постоянно приходилось вступать в контакт с местным населением, не скрывавшим своей враждебности к французам. Единственным человеком, кто, как казалось Руссилиону, испытывал к ним расположение, был шейх близлежащей деревни. Однако вскоре выяснилось, что и это было лишь военной хитростью. Однажды вечером шейх сообщил, что скоро в окрестностях деревни будет проходить большая традиционная ярмарка, на которую съедутся бедуинские племена. «Ночью, — пишет Руссилион, — мы увидели много огней, зажженных в ближайших деревнях. Имея подозрение, мы держались настороже. 8 августа в 7 часов утра мы заметили много народу в отдалении. Генерал Рампон уверял, что это были дружественные племена. Большинство приближавшихся ехали верхами. Арабы спокойно подъезжали к нашим аванпостам, которые были нагото-

ве. Вдруг арабы напали на них с пиками в руках, огонь со стороны постов задержал их, но это послужило сигналом возмущения. Все жители, считавшиеся прежде друзьями французов, набросились на их лагерь и мгновенно разграбили его»¹³. Французы с боем отступали к берегу Нила. Положение их было отчаянным.

«У нас не было и 300 человек, способных к бою,— продолжает Руссилион.— Остальные были поражены офтальмией и совершенно слепы; они следовали за своими товарищами, держась за полы их мундиров. В этом ужасном положении мы увидели громадную толпу неприятелей, спускавшихся с горы Мукаттам позади деревни. Они бегом поспешили присоединиться к тем, которые были в долине, и с ужасными криками произвели общую атаку, но мы встретили их хладнокровно и покрыли долину их телами. Нам они большого вреда не сделали, потому что вся эта масса была главным образом вооружена пиками и палками. Немногие имели плохие ружья, однако вскоре мы были вынуждены прекратить стрельбу из-за недостатка патронов»¹⁴. Отбить нападение разъяренной толпы французам помогли только два орудия, из которых они дали несколько залпов картечью по почти безоружным египтянам.

Это только один эпизод из бесконечных кампаний реквизиций, массовых расстрелов и сожжения целых деревень, о которых упоминает Руссилион. Он свидетельствует, что моральный дух французских войск по мере того, как затягивалось их пребывание в Египте, неуклонно падал. Особенно обескураживали французов постоянные перебои с доставкой продуктов питания и боеприпасов, а также повальная эпидемия офтальмии, деморализовавшая солдат. Кстати, ответственность за то, что не были приняты соответствующие меры для профилактики заболеваний глаз, Руссилион также возлагает на Бонапарта. Он пишет, что о глазных болезнях, вызванных египетским климатом, во Франции было известно еще со времен крестовых походов. После непродолжительного пребывания в Египте в войске Людовика Святого оказалось много слепых, и он основал для них в Париже госпиталь на 300 кроватей.

Читая книгу Руссилиона, ясно видишь, как неизменно терпели неудачу попытки Бонапарта найти общий язык с населением непонятной и загадочной для него страны. Любой шаг Бонапарта — заем торговцам, приказ открывать ворота, на которые запирались на ночь улицы

центральной части Каира, или перемещение мусульманского кладбища из района площади Эзбекия за пределы города — встречался в штыки и истолковывался египтянами как покушение на устоявшиеся традиции и каноны ислама.

21 октября 1798 г. в Каире вспыхнуло народное восстание, на подавление которого Бонапарту пришлось бросить все имеющиеся у него силы. Руссилион сам видел, как французская артиллерия начала из Цитадели обстреливать густонаселенные кварталы Каира и Большую мечеть Аль-Азхар, где скрывались восставшие. «Мы убедились,— пишет Руссилион,— что в стране, где мы были в таком ничтожном количестве, где все жители по своему религиозному фанатизму являлись нашими непримиримыми врагами, единственно можно было держаться, наводя страх»¹⁵. Каирское восстание глубоко потрясло Бонапарта, открыло ему глаза на несбыточность его проектов и знаменовало собой перелом в тактике по отношению к местному населению. Попытки неповиновения французы стали подавлять с подчеркнутой жестокостью. Это еще более сгустило атмосферу враждебности вокруг французских оккупантов.

Зиму 1798/99 г. Руссилион в составе своей полубригады провел в Верхнем Египте. Вернувшись в Каир в начале февраля 1799 г., он нашел значительные перемены в настроении войск. Ему сообщили об уничтожении французского флота Нельсоном при Абу-Кире, которое Бонапарт держал в тайне от войск несколько месяцев. Вину за гибель флота армия приписывала главнокомандующему, так как солдаты, естественно, не знали, что адмирал Брюес не выполнил приказа Бонапарта укрыть флот в Александрийской бухте, где он был бы недоступен Нельсону.

Раздражала солдат и амурная история Бонапарта с женой лейтенанта Фуреса, которая стала широко известна. Отправляясь в Египет, Бонапарт запретил офицерам брать с собой жен, но часть из них нарушила приказание, и группа француженок, переодетых в мужское платье, сопровождала экспедиционный корпус. Среди них была и Маргарита Полина Бельвиль, жена лейтенанта Фуреса. Бедный Фурес, которому не повезло только потому, что его хорошенькая жена попала на глаза Бонапарту, был отправлен главнокомандующим со срочным поручением во Францию. Однако корабль, на котором следовал Фурес, был перехвачен англичанами в Среди-

земном море. Фурес вновь очутился в Египте. Явившись в Каир, он застал свою жену у Бонапарта. Адъютантам главнокомандующего с большим трудом удалось успокоить разъяренного лейтенанта. Фурес и его жена быстро покинули Египет, однако неприятный осадок у французской армии, уставшей от тягот и лишений походной жизни, остался.

Еще более упал престиж Бонапарта в глазах французских солдат после того, как Порта объявила войну Франции и сформировала против нее две большие армии. Экспедиция в Сирию, которая была предпринята Бонапартом для того, чтобы нанести удар по тылам турок, принесла новые неприятности.

Возвращение наполеоновских войск из Сирии в описании Руссильона напоминает исход французов из России. Измученные и голодные солдаты и офицеры гибли сотнями, их трупы устилали морской берег. Во всех своих бедах армия винила главнокомандующего. Солдаты роптали, говорили, что Наполеон болен излишним честолюбием и они не хотят быть его жертвами.

14 июня 1799 г. состоялся «торжественный» вход французских войск в Каир. Однако измученным войскам не суждено было отдохнуть. Вскоре турки высадились на александрийском берегу и взяли приступом редут, защищавший деревню Абу-Кир. 400 французов отрубили головы. В Абу-Кире обосновалась отлично вооруженная турецкая армия из 18 тыс. янычар, поддерживаемая с моря английской артиллерией. Французов было всего около 6 тыс. Собрав войска, Бонапарт произнес перед ними речь, начинавшуюся словами: «Судьба армии зависит от сражения, которое мы дадим. Победленного ждет или смерть, или рабство».

Во время сражения у Абу-Кира произошел один из тех странных эпизодов, которыми была столь богата жизнь Наполеона. Руссильон пишет: «В тот момент, когда главнокомандующий взял в руки подзорную трубу с тем, чтобы осмотреть местность, неприятельское ядро убило адъютанта, стоявшего возле него. Тогда вся армия, которая еще накануне посылала ему ругательства во время продолжительного и тяжелого похода, которая, казалось, уже не имела ничего общего с ним, в ужасе вскрикнула. Все трепетали за жизнь этого человека, который стал нам так дорог, тогда как за несколько минут перед этим его проклинали»¹⁶.

В сражении при Абу-Кире Наполеон в определенной

степени реабилитировал себя в глазах французской армии. Он продемонстрировал большую личную храбрость, возглавив атаку 14-го драгунского полка. Сумев воспользоваться ошибками неприятеля, он добился того, что в этом бою 6 тыс. французов уничтожили 13 или 14 тыс. турок.

Однако победа при Абу-Кире не принесла желанного спокойствия французской армии. «У нас были жестокие и невосполнимые потери,— пишет Руссильон.— Мы быстро слабели при наших победах, и всякий хорошо понимал, что эта безрассудная экспедиция должна неминуемо закончиться катастрофой»¹⁷.

22 августа 1799 г. Бонапарт тайно покинул Египет. Накануне он произвел смотр войскам. Обращаясь к гренадерам, он сказал: «Уныние на ваших лицах неуместно. Скоро мы поедем пить вино во Францию». Однако пить вино поехали далеко не все. На фрегате «Мюерон» с Бонапартом отбыли генералы Бертье, Мюрат, Мармон, Андреази, ученые Монж и Бертолле. Оставляя армию после победы, одержанной при Абу-Кире, Бонапарт смог сказать Директории, что египетская кампания близка к успеху.

На самом же деле это было началом конца. Солдаты, как ни странно, отнеслись к отъезду Бонапарта без сожаления. Они ожидали, что после его отъезда начнутся переговоры с Сиднеем Смитом, главнокомандующим английского флота, блокировавшего побережье Египта, о почетном для французов перемирии.

Преемником Бонапарта был назначен генерал Клебер, пользовавшийся большой популярностью в армии. 20 марта 1800 г. французские войска под его командованием разбили 80 тыс. турок в сражении при Гелиополе. Зверства, проявленные при этом, по словам Руссильона, превзошли все совершавшиеся ранее. «Я уже привык к бесчеловечным сценам, но и меня поразили насилия, произведенные в Булаке. Это было мерзко и гнусно. Солдаты пользовались и злоупотребляли воображаемым правом войны, предоставлявшим жителей взятого приступом города на милосердие врага. Булак был одним из богатейших городов Египта. Наши солдаты награбили пропасть добычи и завалили ею весь свой лагерь около Каира»¹⁸.

Генерал Клебер, будучи предусмотрительным администратором и искусным дипломатом, умело проводил политику «кнута и пряника». «Благодаря ему, мы, в сущности, во второй раз завоевали Египет»,— пишет Русси-

лион. Однако 14 июня 1800 г. Клебер был заколот Сулейманом эль-Халеби.

Александр Уманец, русский врач, автор книги «Поездка на Синай», будучи в Каире в 1843 г., еще застал в живых некоторых очевидцев этого события, в частности грека Бакти, поверенного российского генерального консульства в Каире, занимавшего в свое время должность драгомана при Клебере.

Вот отдельные подробности, которые Уманец выведал у Бакти относительно убийства Клебера. По словам Бакти, Сулейман эль-Халеби, «молодой сириец около 23—24 лет, темно-бронзового цвета, ростом ниже среднего, худой, изнуренный тяжелой жизнью, был послан в Каир великим визирем Юсеф-пашой, который был разбит Клебером при Гелиополе». А к визирю Сулейман попал следующим образом. Он явился к начальнику янычар Ахмед-аге с ходатайством за своего отца, заключенного за какие-то проступки в тюрьму в Алеппо. Ахмед-ага пообещал спасти жизнь отцу Сулеймана, если последний убьет «султана эль-Кяльбуни» (в переводе с арабского «султан собак», так турки презрительно называли Клебера). Ахмед-ага ссудил Сулеймана 100 турецкими пиастрами и дал ему верблюда в Каир, пообещав, что если в течение 35 дней «султан эль-Кяльбуни» будет убит, то отец Сулеймана останется жив.

Через 9 дней Сулейман был в Каире. По существующему на Востоке обычаю, он нашел приют в Большой мечети — Аль-Азхаре. Открыв свое намерение четырем улемам * этой мечети, он попросил их совета. Улемы признали его план безумным и посоветовали срочно возвращаться на родину и поискать других способов спасения отца. Однако Сулейман оказался упорным человеком.

Подходящий случай представился 14 июня 1800 г. Произведя смотр только что сформированному полку из коптов, согласившихся служить во французской армии, Клебер отправился на завтрак к генералу Домасу, жившему в соседнем доме на площади Эзбекия. Сулейману эль-Халеби удалось, воспользовавшись слабой охраной дома, проникнуть в дом и добраться до галереи в саду, где стояли Клебер и его друг архитектор Протен. «Увидев Сулеймана, — пишет Уманец, — генерал пошел к нему навстречу; тот с самым униженным видом подает ему левую рукою к самому почти лицу какую-то развернутую

* Улем — мусульманский богослов.

бумагу, как бы просьбу, и в то же мгновение правую вонзает в его грудь скрытый в руке нож и попадает прямо в сердце. Генерал закричал: „Я ранен!“ Протен побежал на помощь и схватил убийцу; но тот с быстротой молнии нанес ему шесть ран в грудь и поверг наземь запертво. Клебер еще стоял, держась за перила галереи; Сулейман обратился к нему и ударом ножа опрокинул на пол; потом он нанес ему еще 2 или 3 раны в шею и скрылся»¹⁹.

Когда гости, сидевшие за столом в доме Домаса, побежали к Клеберу, он уже не мог говорить и через несколько минут скончался. Протен вскоре пришел в себя и сообщил приметы убийцы. Однако Сулеймана не могли найти до самого вечера. Его погубил случай. Сидевшая у окна соседнего дома женщина сказала, что видела, как какой-то человек скрылся в выкопанном в саду колодце. Там и нашли Сулеймана, а около него нож с запекшейся кровью. «По мамлюкскому обычаю, — пишет Уманец, — ему дали несколько сот курбашей, и он сознался в совершенном». Наказание курбашем, египетским кнутом, сплетенным из кожи гиппопотама, было не только чрезвычайно болезненной, но и унижительной процедурой. В прошлом веке считалось неприличным, если египтянин, сидевший верхом на коне, держал в руках курбаш, поскольку на удар им по конскому крупу смотрели как на варварство. Вскоре были схвачены и трое из четырех улемов, знавших о замыслах Сулеймана.

Военный трибунал вынес Сулейману жестокий приговор: сжечь кисть правой руки как орудие преступления, затем посадить его на кол и оставить на съедение хищным птицам. Трем улемам отрубили головы. Символично, что казнь проходила на площади перед основанным Бонапартом для распространения в Египте просвещения Египетским институтом.

По свидетельству Бакти, Сулейман вел себя с исключительным присутствием духа. «Он как бы гордился своим делом, шел сам твердой поступью и как бы мученик веры показывал вид совершенного спокойствия, плевал на христиан и на всех, кого замечал в европейском платье, и только иногда упрекал арабов, привлеченных сюда любопытством, в том, что они допускают собакам-франкам вести на казнь истинных мусульман, и в особенности трех почтенных учителей их закона»²⁰.

Сулейман, как древнеримский герой Муций Сцевола, сам держал руку над жаровней с огнем и, только когда

огонь уже причинял ему совершенно невыносимую боль, судорожно отдернул руку. И хотя потом он был готов сам держать ее в огне, ему уже не позволили и держали силой.

Логическая развязка неудачной египетской экспедиции последовала в 1801 г. 28 июня армия узнала, что на переговорах с англичанами решен вопрос о выводе французских войск из Египта. Было оговорено, что французская армия сохранит свои знамена, лошадей, оружие и багаж.

Надо ли говорить, как счастлив был Руссилион, покинув неприветливые берега Египта. По его подсчетам, он пробыл в египетской экспедиции 3 года 3 месяца и 9 дней.

«ОСЛОВ И УЧЕНЫХ — НА СЕРЕДИНУ!»

Греки не изобрели ничего!
Доменик Виван Денон (1799 г.)

В Египет с Бонапартом отправились 165 ученых. Среди них были математик Монж и химик Бертолле, антрополог Кювье и ботаник Жоффруа Сент Илер. Формирование инженерной группы, в задачи которой входило проектирование Суэцкого канала, взял на себя Фурье, приобретший впоследствии мировую известность. В багаже экспедиции находилась французская Энциклопедия, научные труды Академии, сочинения Вольтера, учебники военного искусства и военной истории, записки знаменитых путешественников, в первую очередь Савари и Вольнея. В Тулоне к экспедиции присоединился бывший французский генеральный консул в Каире Магаллон и востоковед Вантюр де Паради, служивший переводчиком во французском генеральном консульстве в Каире.

Бонапарт всегда подчеркивал свое расположение к ученым и гордился тем, что был избран членом Французской академии. Будучи в Париже, он регулярно посещал ее заседания и любил носить мантию академика, изготовленную по эскизу знаменитого художника Давида. Свой титул академика он ставил непосредственно после подписи и перед военным званием генерал-аншефа.

Тем не менее роль, которая выпала на долю сопро-

вождавших его ученых, была не только исключительно тяжела, сопряжена с каждодневным риском, но и, по-видимому, довольно унижительна. Предоставленные им некоторые льготы и удобства делали их мишенью насмешек со стороны армии. Дурную службу сыграла им и ставшая крылатой фраза Наполеона: «Ослов и ученых — на середину!», произнесенная перед началом сражения у Эмбабы. Отдавая этот приказ, главнокомандующий хотел укрыть ученых в центре каре от шальных пуль, но в армии с этих пор начали называть «бессмертных» ослами.

И причиной этого, очевидно, было не только традиционное презрение военных к «шпакам». Состав научной части экспедиции был весьма разношерстным. Некоторые из ученых мужей, по выражению французского историка Шарля Ру, были «недостойны завязывать шнурки на ботинках Монжа и Бертолле».

22 августа 1798 г. Бонапарт подписал декрет об учреждении Египетского института. Ему вменялась в обязанность двоякая задача: с одной стороны, «осуществление прогресса в просвещении Египта», а с другой — «поиск, изучение и публикация естественнонаучных и исторических фактов о Египте».

На первом заседании Египетского института, проходившем под председательством Монжа и вице-председательством самого Бонапарта, рассматривались вопросы «о средствах улучшения выпечки хлеба, производстве пива, пороха, о строительстве ветряных и водяных мельниц, очищении нильской воды, создании юридической системы, системы просвещения».

По рекомендации Института была сделана попытка ввести в Египте современные понятия об административной и муниципальной службе. Страна была разделена на провинции, во главе которых были назначены административные органы («диваны») из влиятельных шейхов.

Начали регулярно очищаться улицы Каира, приводиться в порядок жилища, было налажено городское освещение, причем плата за уличные фонари возлагалась на состоятельных граждан Каира. Саперы армии Бонапарта разрушили внутренние ворота, которые разделяли кварталы города. Была предпринята попытка упорядочить взимание налогов, вызвавшая живое недовольство населения, не привыкшего платить за такие мелочи, как регистрация актов гражданского состояния и т. п. По

приказу Бонапарта были составлены генеральные планы Каира и Александрии, разработан подробный атлас Нижнего Египта, публикация которого, однако, задержалась в связи с военными соображениями.

Постоянно возрастающие потребности французской армии вынудили французов создать в Каире четыре военных госпиталя, фабрику по производству пива, вино-перегонный завод, современную пекарню, табачную фабрику. Появились в городе и французские бани.

29 августа 1798 г. в Каире вышел первый номер французской газеты, называвшийся «Курье де л'Египт». Он был отпечатан в походной типографии, следовавшей в армейском обозе. С 1-го октября того же года начал появляться журнал под названием «Декад Эжипсьен». В нем публиковались в основном сообщения Египетского института. Однако не следует преувеличивать значение этих изданий, выходивших на непонятном для подавляющего большинства египтян французском языке. К началу 1799 г. в Каире стала работать арабская типография. Генерал Мену выступил с идеей издания газеты на арабском языке, адресованной египтянам, под названием «Ат-Танбих», однако она не была осуществлена. Несколько более осязаемый эффект имела работа востоковедов Египетского института. В частности, Вантю де Паради и несколько переводчиков-сирийцев, находившихся в составе экспедиции, опубликовали на арабском языке ряд официальных документов, а также четыре брошюры: басни Лукмана, сборник документов, относившихся к суду над Сулейманом аль-Халеби, грамматику разговорного арабского языка и брошюру под названием «Предупреждение о чуме».

Бонапарт долго носился с идеей организации театра в Египте. Уже из Парижа он писал Клеберу: «Я затребовал группу актеров и постараюсь вскоре Вам ее направить. Это очень важно как для армии, так и для того, чтобы начать изменять нравы этой страны». Однако труппа не смогла прибыть в Каир. Театр был открыт в Египте только четверть века спустя великим египетским просветителем Рифаа ат-Тахтави — одним из первых египтян, посетивших Францию.

Поставленная Бонапартом перед Египетским институтом задача способствовать распространению просвещения в Египте оказалась совершенно невыполненной. Да и о какой просветительской работе можно было всерьез вести речь, когда египтяне во все более широких

масштабах вели борьбу против французской оккупации?

В этих условиях благие начинания Султана эль-Кебира превращались в свою противоположность, в пародию на те благородные цели, о которых так много говорили. Вместо театра французы основали в Каире заведение, явившееся прародителем современных египетских ночных клубов. Оно функционировало в первом каирском кафе «Тиволи». Кстати, именно там Бонапарт встретил свою пассию — мадам Фурес.

Даже такое выдающееся достижение Египетского института, как составление монументального труда «Описание Египта», в котором впервые была дана географическая и естественнонаучная характеристика Египта и описание памятников его древней культуры, прошло совершенно незамеченным в самом Египте. До начала XX в. большинство египетской интеллигенции даже не подозревало о существовании этой работы (всего вышло 24 тома в период с 1809 по 1813 г.). Тем не менее для европейской науки появление «Описания Египта» было выдающимся событием.

Значительная часть иллюстраций, вошедших в «Описание Египта», принадлежит Доменику Вивану Денону, которому судьба уготовила роль первооткрывателя Египта для европейской читающей публики. Его книга «Путешествия в Верхнем и Нижнем Египте» вышла в 1801 г., за восемь лет до появления первого тома «Описания Египта», и имела огромный успех.

Денон был одним из тех энтузиастов, которые и составили славу экспедиции Бонапарта. До того как отправиться в Египет, он немало постраниковал по свету. В молодости Денон занимал пост распорядителя коллекции античных гемм, принадлежавшей королю Людовику XV. По слухам, он был близок к всемогущей фаворитке мадам Помпадур, которой и был обязан головокружительной карьерой. Поступив на дипломатическую службу, Денон некоторое время занимал пост во французском посольстве в Петербурге, где сумел произвести благоприятное впечатление на Екатерину II. Дипломатическая карьера расширила его кругозор, однако успехов на государственной службе он не добился. Тем не менее, когда прогрозилась гроза революции, Денону пришлось нелегко. Он лишился всего своего состояния. К счастью, его незаурядные способности рисовальщика привлекли внимание художника Давида, который дал ему работу в своей студии. Через некоторое время рево-

люционные власти частично восстановили собственность Денона. Приказ на этот счет был отдан лично Робеспьером.

Денон, романтик и искатель приключений, охотно вошел в состав ученых, избранных Бонапартом сопровождать его в Египет. Когда генерал Дессе был направлен в Верхний Египет преследовать отступавших мамлюков Мурад-бея (август 1798 г.), в его свите оказался и Виван Денон. Денон первым дал точные рисунки и подробные комментарии к древним храмам и монументам Верхнего Египта.

В своей книге он пишет, что был потрясен до глубины души, увидев памятники древнеегипетской культуры. Его фраза «Греки не изобрели ничего» обошла всю Европу. Для своего времени она была весьма смелой, поскольку разрушала привычную догму о том, что родиной архитектуры и искусства является Греция.

В Каир Денон вернулся с довольно обширной коллекцией египетских древностей, к которым относился до трепетности бережно. Когда ему впервые попал в руки папирус, он не знал, что делать с этим сокровищем, и боялся испортить его. «Я не смел дотронуться до этой книги, — пишет он, — самой древней книги, известной до сих пор». Доклад Денона в Египетском институте явился, по существу, первым научным сообщением о египетских древностях. Впоследствии Денон стал первым хранителем египетской коллекции Лувра. За его заслуги ему был пожалован титул барона.

Египетские рисунки Денона были настолько популярны в Париже в первой половине XIX в., что даже дали толчок к появлению своеобразного «египетского стиля» во французской моде. Парижанки носили чалмы, сделанные по эскизам Денона.

Французские ученые справедливо гордятся своим соотечественником, внесшим крупный вклад в изучение памятников культуры древнего Египта. При этом факты массового расхищения этих памятников участниками экспедиции Бонапарта оказываются как бы в тени. Это и неудивительно.

Нередко приходится слышать аргументы в защиту вывоза египетских древностей в Европу, особенно если речь идет о временах далеких и смутных. В западной историографии получил распространение тезис о том, что без европейцев, начавших в XIX в. систематические раскопки в Египте, значительная часть памятников его

древней истории рано или поздно была бы уничтожена невежественными египтянами. Попад же в музеи Европы, они вошли в актив мировой культуры. Что ж, если рассуждать отвлеченно, то, казалось бы, в этом есть «рациональное зерно». Однако если вспомнить конкретные формы, которые принимала деятельность западных культуртрегеров, то картина складывается несколько иная. Судите сами. Когда остатки французских войск покидали Александрию, английский генерал Хатчинсон и французский генерал Мену начали склоку из-за египетских древностей, находившихся в багаже французов. Хатчинсон потребовал, чтобы вся коллекция, собранная французскими учеными, была отправлена в Великобританию. Однако французы заявили, что ее экспонаты принадлежат им по праву первенства. Разыгрался ряд безобразных сцен. В результате Хатчинсону пришлось пойти на уступки и оставить французам часть коллекции. В одном он остался непреклонным: Розеттский камень должен быть передан в Британский музей. К счастью для французов, они благодаря предусмотрительности Бонапарта успели сделать восковые копии с надписей на этом камне. С ними впоследствии и работал выдающийся французский ученый Жан-Франсуа Шампольон.

Ни французам, ни англичанам, отправлявшим громадную коллекцию египетских древностей в Европу, не пришлось в голову спросить разрешения египтян. По приказу короля Георга III Розеттский камень был водружен на почетное место в Британском музее. Понадобилось почти два века, чтобы парижане смогли увидеть Розеттский камень в стенах Лувра, где он экспонировался в 1973 г. Что касается Египта, то никто до сих пор и не подумал об организации подобной выставки в этой стране.

Потрясения, которые пережил Египет в начале прошлого века, не прошли бесследно. Начали развиваться отношения Египта с европейскими странами, в том числе и в области культуры и просвещения.

Мухаммед Али, ставший наместником турецкого султана в Египте в 1805 г., глубоко понимал необходимость восприятия опыта европейской цивилизации египтянами и перенесения ее на национальную почву. Он первым из египетских правителей направил способных молодых египтян на учебу в Европу. В их числе был и великий

реформатор, литератор и философ Рифаа ат-Тахтави (1801—1873).

Огромное впечатление на ат-Тахтави произвели успехи египтологии в Европе. Он внимательно следил за дискуссиями вокруг надписи на Розеттском камне, в которых участвовал Шампольон. В своем трактате ат-Тахтави написал, что под влиянием Шампольона он открыл для себя новую родину, которая была ему до этого неизвестна. Ат-Тахтави первым в Египте заявил о том, что памятники фараонского Египта составляют ценнейшую, неотъемлемую часть национальной культуры, бросив, таким образом, вызов мусульманским ортодоксам, объявившим фараонские памятники наследием неверных, неприемлемым для мусульманского Египта. Задолго до Огюста Мариета ат-Тахтави направил на имя Мухаммеда Али памятную записку, в которой потребовал организовать охрану памятников древнего Египта.

Осенью 1976 г. Айн-Шамский университет в Каире организовал международный семинар в связи с празднованием 175-й годовщины со дня рождения великого египетского реформатора. В старинном актовом зале университета собрались ученые из различных европейских и арабских стран. Было подготовлено множество докладов и рефератов о жизни и творчестве ат-Тахтави на различных европейских языках. Особенно приятно было нам, советским людям, сидевшим в зале университета, услышать доклад, прозвучавший на прекрасном русском языке, с которым выступила декан старейшей на Арабском Востоке каирской Школы изучения иностранных языков, основанной ат-Тахтави.

В докладе, прочитанном на симпозиуме, профессор Матток, возглавляющий арабский отдел университета в Глазго, привел следующую цитату из трактата ат-Тахтави («Добыча золота, резюме из Парижа»): «Поскольку Египет начал демонстрировать зачатки цивилизации и просвещения по образцу европейских стран, он достоин различных живописных, художественно ценных памятников старины, завещанных ему его предками. Лишать Египет одного за другим памятников его истории, на просвещенный взгляд, это все равно что воровать чужие драгоценности, чтобы украсить себя. Это равносильно грабежу. Это не требует доказательств, это вполне очевидно».

Комментарии, как говорится, излишни.

ГЕНРИ СОЛТ ПРОТИВ БЕРНАРА ДРОВЕТТИ

Агенты музеев бродили по стране, как вандалы; для того чтобы вывезти фрагмент головы, часть надписи, они разбивали ценные памятники древности на части. Почти всегда им была обеспечена консульская защита.

Эрнест Ренан (70-е годы XIX в.)

Со времени наполеоновской экспедиции разграбление египетских древностей становится исключительной привилегией дипломатических представителей Франции и Англии в Египте: французского генерального консула Бернара Дроветти и его закоренелого врага и конкурента британского консула Генри Солта. Французский и британский консулы развернули самую настоящую войну за право монопольного вывоза египетских древностей в Европу. В ней применялись такие приемы, как подкуп, взятки, даже выстрел из-за угла для устранения удачливого соперника. Пользуясь большим влиянием при дворе египетского вице-короля, Генри Солт и Бернар Дроветти без зазрения совести обманывали Мухаммеда Али, который, впрочем, не понимал, а посему и не ценил памятников древней культуры Египта. Для проведения раскопок и вывоза антикварных ценностей в то время требовался лишь фирман вице-короля. Естественно, что Дроветти и Солт могли получить столько фирманов, сколько хотели.

Обремененные консульскими обязанностями, требовавшими их присутствия в Каире, Дроветти и Солт нуждались в способных и энергичных помощниках, которые могли бы заниматься поисками древностей. Самым известным и удачливым из них стал Джованни Баттиста Бельцони, чье имя уже при жизни превратилось в легенду среди европейских антиквариев.

Бельцони родился в итальянском городе Падуа 5 ноября 1778 г.

Он жил в эпоху великих исторических событий, давшую множество примеров быстрых и блестящих карьер. Это подогревало честолюбие молодого итальянца, перебовавшего много профессий — от коммивояжера до инженера-гидравлика. Одно время Бельцони, обладавший двухметровым ростом и громадной физической силой, возглавлял в Лондоне труппу акробатов и стал куриром рыночных балаганов Англии.

Однако все это не удовлетворяло Бельцони. Будучи

по натуре бродягой и авантюристом, он рвется в дальние края. Вместе с женой он путешествует по Португалии и Испании, а затем шесть месяцев живет на Мальте. Здесь случай сводит его с капитаном египетского флота Исмаилом Гибралтаром, доверенным лицом Мухаммеда Али, который как раз подыскивал для службы в Египте сметливых и энергичных людей. Бельцони заинтересовал его своим проектом устройства водяного насоса, которым он намеревался заменить традиционные египетские приспособления для подъема воды — сакии и шадуфы. По протекции Гибралтара Бельцони получил приглашение посетить Каир и построить там действующую модель насоса.

В Александрию Бельцони прибыл 19 мая 1815 г. В городе свирепствовала чума, уносившая в могилы сотни и тысячи жизней. Судьба как бы с самого начала испытывала Бельцони на прочность. Он заболел и был помещен вместе с супругой в местное карантинное заведение. Только через полтора месяца, в конце июня Бельцони смог свободно ходить по улицам Александрии.

Пирамиды Гизе Бельцони увидел впервые лунной июньской ночью, когда в компании соотечественников отправился на ослух полюбоваться древними усыпальницами фараонов. Восход солнца, который он встретил на вершине пирамиды Хеопса, потряс его своей красотой. С этих пор чисто коммерческий азарт, двигавший Бельцони в его непрестанных скитаниях, соседствовал в нем с романтическим преклонением перед культурой и искусством древнего Египта.

Строительство насоса продвигалось медленнее, чем хотелось бы Бельцони. Он понял, что должен попытаться счастья в другом деле. На помощь приходит случай. Бельцони знакомится с знаменитым швейцарским путешественником Иоганном Людвигом Буркхардтом, исколесившим в египетской одежде и под именем шейха Ибрагима вдоль и поперек весь Египет. От Буркхардта он узнает, что в знаменитом храме Рамессие близ Фив есть гранитная статуя изумительной красоты, известная европейским антиквариям под именем «Молодой Мемнон». Как впоследствии выяснилось, речь шла о громадной голове Рамсеса II. Бельцони взял на себя казавшуюся многим невыполнимой задачу транспортировки «Молодого Мемнона» из Фив в Лондон. В этом трудном предприятии он встретил полную поддержку

со стороны нового британского генерального консула Генри Солта. С этого и началось тесное сотрудничество Солта и Бельцони, оказавшееся столь губительным для памятников египетской древности.

С лихорадочной энергией Бельцони принялся за дело. В конце июня 1816 г. он нанял большую лодку в Булаке и отправился в Фивы. «Молодого Мемнона» Бельцони нашел быстро. «Его голова лежала около его гранитной плоти с лицом, повернутым вверх. Казалось, он улыбался мне при мысли, что будет перевезен в Англию»²¹, — писал Бельцони впоследствии. Несмотря на сопротивление местных властей и интриги Дроветти, Бельцони удалось перевезти голову Рамсеса II на берег Нила и погрузить ее в лодку.

Однако из Фив Бельцони держит путь не в Каир, а в противоположную сторону, в Асуан. Он предпринимает рискованное путешествие по Нубии, бывшей в то время практически независимой от центрального правительства. Посетив храмы в Абу-Симбеле, Ком-Омбо и множество других, Бельцони запасася большим количеством египетских древностей. Фирман на их вывоз в Европу он получил без труда. По его собственным словам, Халиль-бей, правитель Верхнего Египта и родственник Мухаммеда Али, спросил только, зачем европейцам египетские камни, неужели у них не хватает своих. Бельцони вполне серьезно объяснил незадачливому правителю, что в Европе достаточно камней, но египетские лучшего сорта. После такого исчерпывающего объяснения фирман был немедленно выдан.

Когда Бельцони прибыл в Каир, его уже ждала инструкция Генри Солта: оставить все собранные им древности во дворе английского консульства, а голову Мемнона отвезти в Александрию. Бельцони не стал задумываться над сутью указаний британского консула и в начале 1817 г. доставил свой бесценный груз в Александрию, где голову «Молодого Мемнона» в ожидании корабля в Англию поместили на складах Мухаммеда Али. Вскоре она уже пополнила коллекцию Британского музея.

Первая экспедиция не принесла Бельцони ничего, кроме некоторой известности в кругах египтологов. Прижимистый Генри Солт заплатил ему лишь 50 ф. ст. за все найденные им древности плюс 25 ф. за «Молодого Мемнона». Расстроенный, но не обескураженный, Бельцони тут же начал собираться во второе путешествие в

Верхний Египет. Генри Солт пытался соблазнить его перспективами совместной работы с Джованни Батиста Кавилья, капитаном из Генуи, успешно ведущим в то время раскопки в районе пирамиды Хеопса. Однако Бельцони предпочел действовать в одиночку.

20 февраля 1817 г. он с небольшой группой помощников вновь покинул Булак, направляясь в Верхний Египет. Прежде всего было необходимо нейтрализовать происки Дроветти. Прибыв в Асьют, Бельцони нанес визит «адмиралу Нила» Хикмет-бею и вручил ему сувенир в виде двух бутылок рома. Хикмет-бей сообщил, что два копта — агенты Дроветти уже находятся на пути в Карнак, чтобы перекупить все древности, найденные в этом районе в последнее время. Бельцони решил опередить их. Оставив фелюгу, он верхом на лошади бросился в Карнак. В течение пяти с половиной суток Бельцони преодолел 200 миль. Он спал только 11 часов, останавливаясь на ночлег в коптских монастырях или арабских караван-сараях.

Однако предприимчивого итальянца ждало разочарование. Он обнаружил, что местный бей, обиженный тем, что Генри Солт довольно долго не слал ему «сувениров», переметнулся на сторону Дроветти и приказал своим людям продавать древности только французскому консулу.

Описание Бельцони его приключений в катакомбах в Долине царей способно повергнуть в ужас как любителя приключенческих романов, так и ученого-археолога. Несмотря на свой гигантский рост, он протискивался в узкие проходы, нередко проламывая головой прах древних мумий, жадно хватая папирусы, которые он находил везде: у изголовья мумий, на их груди, под мышками или под коленями. Полные мрачной романтики, мемуары Бельцони читаются на едином дыхании. Известный археолог Говард Картер считал книгу Бельцони самым увлекательным приключенческим романом и всюду возил ее с собой.

Успехи Бельцони приводили в ярость агентов французского консула. Подкупив бея Карнака, они добились от него приказа, запрещающего Бельцони нанимать местных рабочих для раскопок. Однако у Бельцони имелся фирман Мухаммеда Али и приказ был отменен. Тогда его противники пошли на крайнее средство. Они попытались убить Бельцони с помощью местного головореза Хасана по прозвищу Голубой Дьявол (из-за голубой гала-

беи, с которой он не расставался). Однако и на этот раз судьба была благосклонна к итальянцу. С завидным хладнокровием Бельцони сумел избежать смерти.

Сметая все препятствия, Бельцони предпринял варварские раскопки вблизи уникального храма в Абу-Симбеле и древних усыпальниц фараонов в Долине царей около Фив. К счастью для египтологии, вездесущий итальянец, перекопавший подряд все могилы в Долине царей, не наткнулся на единственную нетронутую из них — гробницу Тутанхамона, вход в которую находился под огромной кучей мусора.

Одной из наиболее великолепных находок Бельцони в Долине царей стал погребальный комплекс фараона Сети I, состоявший из пяти богато украшенных фресками и рельефами комнат, соединенных коридорами. Обнаруженный им гранитный саркофаг с изображением прекрасной богини Нейт был пуст. Бельцони и его спутники нашли лишь обрывки погребальных бинтов, которые, очевидно, были оставлены грабителями, побывавшими здесь много веков назад и утащившими мумию. В самой большой из комнат стояла мумия быка и множество изящных деревянных статуэток «ушебти».

Как выяснили впоследствии ученые, могила Сети I была «ограблена» не злоумышленниками, а самими жрецами, которые сначала поместили в ней для пущей сохранности мумию сына Сети I Рамсеса II, а затем перенесли мумии двух величайших фараонов Нового царства в более безопасное место, где они впоследствии и были найдены.

Во времена Бельцони ученые еще не могли расшифровывать иероглифы, однако природная интуиция подсказала итальянцу, что настенная роспись в гробнице Сети I — величайшее научное сокровище.

По возвращении в Каир Бельцони ожидало неприятное известие: Буркхардт умер во время экспедиции в Западную Африку. Поссорившись с Солтом, Бельцони вынужден был зарабатывать на жизнь, обслуживая состоятельных туристов в качестве гида. Бродя с туристами в окрестностях пирамид Гизе и Саккара, он ждал возможности тщательно обследовать пирамиду Хефрена.

Как только капитан Кавилья закончил раскопки в районе пирамид, Бельцони тайне от своих соперников, имея в кармане всего 200 ф. ст., отправился в Гизе. Чтобы ввести в заблуждение французов, он объявил, что едет исследовать район Мукаттамских гор. Однако ис-

тинной целью Бельцони было найти вход в пирамиду Хефрена. Инстинкт подсказал ему, что вход находится в северной части пирамиды, где заносы песка и мусора чуть выше, чем с других сторон. Через 16 дней напряженного труда египетские рабочие, нанятые Бельцони, наткнулись на расщелину в каменной кладке. Пальмовая ветвь, просунутая в нее, проникла глубоко внутрь. Однако, после того как рабочим удалось отвалить неплотно прилежавший камень, обнаружился ложный вход, который никуда не вел. Бельцони дал своим рабочим заслуженный выходной и в одиночестве принялся бродить вокруг пирамиды.

Отойдя на некоторое расстояние, он заметил, что найденное им углубление несколько смещено к востоку от центра пирамиды. Отступив на точно такое же расстояние к западу, он обнаружил, что грунт в этом месте podatливее, чем в других. Бельцони взял это на заметку. Наконец, 2 марта его усилия увенчались успехом. Вход в пирамиду Хефрена представлял собой отверстие между гранитными плитами в 4 фута высотой. Спустя месяц Бельцони смог проникнуть в погребальную камеру Хефрена, однако гранитный саркофаг, стоявший в ней, оказался пуст и к тому же расколот. Арабская надпись, обнаруженная коптом-переводчиком, гласила, что до Бельцони здесь уже побывали грабители. В соседней камере Бельцони нашел только кость, которую эксперт из анатомического музея в Глазго идентифицировал как кость быка.

К этому моменту отношения между Солтом и Бельцони обострились до крайности. Бельцони чувствовал себя обойденным, не получив ни материальной, ни моральной компенсации за свои труды. Наконец, в апреле 1818 г. между ним и Солтом было подписано соглашение, по которому Бельцони мог начать составление своей собственной коллекции.

Третья и последняя поездка Бельцони в Верхний Египет оказалась неудачной. Он поселился, как он выражался, «в своей могиле» (так он называл могилу Сети I). Однако агенты Дроветти и Солта не дремали. Как только Бельцони наткался на перспективный участок в Долине царей и заявлял о желании начать раскопки, ему отвечали отказом. Махнув на все рукой, Бельцони начал наудачу копать на «ничейном» участке за «колоссами Мемнона» — гигантскими статуями Аменхотепа III. Солт уже копал в этом месте, но безуспешно. Предприимчи-

вому итальянцу и на этот раз улыбнулась удача. Уже на второй день раскопок он нашел отлично сохранившуюся сидячую статую Аменхотепа III из черного гранита. Однако и на этот раз ему пришлось уступить право собственности на свою великолепную находку Генри Солту, который продал ее Британскому музею.

Вернувшись из Верхнего Египта, Бельцони понял бессмысленность дальнейшего соперничества со своими могучими конкурентами и в марте 1820 г. вернулся в Лондон. Некоторое время он путешествовал по европейским столицам. Побывал Бельцони и в Петербурге. Задержался он здесь недолго, но успел все же вызвать на дуэль только что вернувшегося из Египта О. И. Сенковского, опубликовавшего в одном из столичных журналов статью о Бельцони, которую тот считал оскорбительной. Другьям Сенковского не без труда удалось предотвратить дуэль.

1 мая 1821 г. Бельцони устроил на улице Пикадилли в Лондоне свою выставку египетских древностей, которая имела бешеный успех. Только в первый день работы ее посетило 1900 человек. Публику привлекала не только восточная экзотика, но и умелая реклама. Бельцони, в частности, пригласил нескольких видных английских медиков присутствовать на вскрытии привезенной им египетской мумии. Все это широко освещалось в английских газетах. Гвоздем выставки были экспонаты из гробницы Сети I и восковые копии обнаруженных в ней рельефов. В отдельной комнате экспонировались фигурки, найденные Бельцони в пирамиде Хефрена. Здесь же были выставлены статуи богини Сехмет со львиной головой, мумии, папирусы, терракота из Файюма. После закрытия выставки часть ее экспонатов и копии были распроданы по довольно высоким для того времени ценам.

Одновременно Бельцони предложил Британскому музею купить у него алебастровый саркофаг из могилы Сети I. Однако Генри Солт и здесь перебежал ему дорогу. Он раньше Бельцони успел вступить в переговоры с музеем о продаже своей коллекции. Музей был готов приобрести уникальные экспонаты Солта, однако членов его правления шокировала баснословная по тем временам цена: 8 тыс. ф. ст. Музей только что заплатил 35 тыс. за мраморные статуи, незаконно вывезенные лордом Эджином из Парфенона, и в английской прессе еще не утихали дискуссии по поводу целесообразности этой покупки. Солт снизил цену до 2 тыс. ф., но Британский му-

зей так и не купил его ценнейшую находку. Саркофаг Сети I приобрел богатый английский меценат Джон Соун. Однако все деньги от этой выгодной сделки пошли в карман Солта. Бельцони вновь не получил ни пенни.

Англичане смогли увидеть знаменитый алебастровый саркофаг только во время короткой трехдневной выставки, организованной в доме Соуна. Посетители, затаив дыхание, вереницей проходили мимо полупрозрачного саркофага, освещенного лишь одной свечой, стоявшей внутри. Эта выставка была как бы поминками по Бельцони, который скончался накануне ее в нищете и забвении. Смерть настигла неутомимого путешественника в Западной Африке, где он в одиночку пытался пересечь Сахару.

Солт до конца жизни занимался в Египте коллекционированием египетских древностей, фактически разделив с Дроветти монополию на этот бизнес. Одну из своих коллекций, собранную в период между 1819 и 1824 гг., он продал королю Франции за 10 тыс. ф. ст. Экспертом при покупке выступал сам Жан-Франсуа Шампольон. Вторая его коллекция была продана на аукционе в Лондоне за 7 тыс. ф. Солт, как и Бельцони, не успел насладиться плодами своих успехов коллекционера и антиквара. Он умер в Египте, так и не получив ни признания, ни пенсии за свою многолетнюю консульскую службу.

Судьба Дроветти также была печальной. Он вышел в отставку в 1829 г., проведя 27 лет на берегах Нила. Основную часть коллекции французского консула приобрел за 13 тыс. ф. король Сардинии. Позднее Дроветти собрал еще одну коллекцию, которую продал французскому королю Карлу X за четверть миллиона франков. В настоящее время она находится в Лувре. Последнюю коллекцию Дроветти увез прусский ученый Рихард Лепсиус в Берлинский музей. Дроветти окончил жизнь в приюте для умалишенных в 1852 г.

Таким образом, произошел странный парадокс: три наиболее известных коллекционера XIX в., Бельцони, Дроветти и Солт, украсили своими коллекциями музеи чужих стран. Коллекция итальянца Бельцони пополнила египетскую галерею Британского музея, экспонаты Дроветти — музей Турина, а сокровища, найденные Генри Солтом, попали в Лувр.

КАИР, УЛИЦА ШАМПОЛЬОНА

Мы должны дать себе отчет в том, как неизбежно все это было.

Говард Картер

Соперничество Солта и Дроветти явилось мрачной прелюдией к массовому грабежу национальных богатств Египта, особенно интенсивно проходившему в первой половине XIX в. В погоне за прибылью «коллекционеры» вывозили из страны папирусы, мумии, скарабеи. Некоторые ухитрялись перевозить в Европу даже целые храмы. Со второй половины XIX в., когда была построена железная дорога Александрия — Каир, а затем открыто судоходство по Суэцкому каналу, их ряды пополнили туристы. Французский историк Эрнест Ренан писал из Египта в начале нынешнего века: «Худшим врагом египетских древностей до сих пор остается английский и американский турист. Имена этих идиотов будут известны потомству, поскольку они постарались расписать на самых знаменитых монументах, украшенных изящнейшими рисунками».

Каким же образом все-таки удалось сохранить и собрать в стенах Египетского музея удивительную коллекцию памятников египетской древности? Ответ на это можно найти прямо в музее. В просторной галерее второго этажа вдоль стен выстроились бюсты выдающихся ученых. Среди них Жан-Франсуа Шампольон, Гастон Масперо, Иоганн Людвиг Буркхардт, Рихард Лепсиус, Флиндерс Питри и ряд других. Это их бескорыстному энтузиазму обязан Египетский музей своей великолепной коллекцией.

Первое место в этом пантеоне египтологов по праву занимает выдающийся французский ученый Жан-Франсуа Шампольон. С его сенсационной расшифровки египетских иероглифов в сентябре 1822 г. берет свое начало методичное научное исследование памятников древней египетской цивилизации. Первым из европейских ученых Шампольон во время своего единственного путешествия по Египту (1826—1829) начал читать древние надписи, высеченные на стенах храмов в Луксоре, Карнаке, Абидосе, Абу-Симбеле.

25 сентября 1836 г., через четыре года после безвременной смерти Шампольона (он умер в возрасте 42 лет), на площади Согласия в Париже в присутствии короля

Франции и 300 тыс. зрителей был воздвигнут обелиск, привезенный из далекого Луксора. Установить его в центре Парижа «в память о победах наполеоновских войск в Египте» рекомендовал Шампольон.

Однако луксорский обелиск на площади Согласия скорее является монументом выдающимся заслугам «отца египтологии» Шампольона. Каирцы также сочли своим долгом увековечить память великого французского ученого. От площади ат-Тахрир, где находится Египетский музей, к центру города ведет старинная улица, названная улицей Шампольона. Ее не переименовали даже в конце 50-х годов, когда в пылу возмущения англо-франко-израильской агрессией египетские власти давали новые, египетские названия улицам Каира.

Велики заслуги Шампольона и в деле охраны памятников египетской культуры. Он направил Мухаммеду Али меморандум, в котором рекомендовал ввести жесткий контроль за туристами и археологами в Египте. В результате 15 августа 1835 г. впервые в истории Египта был опубликован декрет об охране египетских древностей.

Было бы наивным полагать, что после этого археологический разбой в Египте прекратился. В 40-х годах прошлого века, когда декрет Мухаммеда Али уже действовал, французский художник Присс ухитрился украсть из Карнакского храма бесценные картуши и стелы с изображением многих египетских фараонов. Французский консул в связи с разгоревшимся скандалом был вынужден осудить авантюру Присса. Тем не менее 18 тяжелых ящиков с награбленными археологическими ценностями были доставлены в Лувр.

Однако нелегальный вывоз древностей из Египта с этого времени был серьезно затруднен.

Много сделал для того, чтобы положить конец безобразному разграблению национального достояния египетского народа, и другой замечательный французский египтолог, Огюст Мариет, первый директор Службы древностей Египта. В знак признания выдающихся заслуг Мариета перед Египтом он, по его желанию, был похоронен в древнем саркофаге у центрального входа в созданный им музей. Здесь стоит и его бронзовый бюст.

Мариет родился в Булони 11 февраля 1821 г. В молодости он был школьным учителем и журналистом. Увлечшись трудами Шампольона, он серьезно начал заниматься египтологией. Вскоре он получил незначительную

должность в Лувре, где смог досконально изучить его богатую египетскую коллекцию. В 1850 г. Мариету была поручена первая миссия в Египет. Он выехал в Александрию в поисках старинных коптских манускриптов, однако ничего заслуживавшего внимания не нашел. Тогда Мариет решил попытать счастья в археологических раскопках.

В конце октября 1850 г. ему удалось собрать кое-какое оборудование и начать на свой страх и риск раскопки в Саккарском некрополе. Редко случается, чтобы начинающий археолог сразу же добивался выдающегося результата. Мариету необыкновенно повезло: в песках пустыни он наткнулся на голову почти полностью занесенного песком сфинкса. Будучи весьма начитанным человеком, он вспомнил, что у Страбона есть упоминание о пустынном месте вблизи Мемфиса, в котором находился древний храм Серапиум. К главному входу в этот храм, по словам греческого географа, вела аллея сфинксов. Предположив, что он наткнулся именно на эту аллею, Мариет организовал широкие раскопки.

В ноябре 1851 г. он обнаружил вход в древний Серапиум. Доступ к гробницам священных быков — аписов закрывала великолепная дверь из песчаника. Когда Мариету и помогавшим ему рабочим удалось проникнуть внутрь громадного подземного помещения, где в нишах стояли колоссальные многочисленные гранитные саркофаги, в которых когда-то покоились мумии священных быков, они попеременно испытывали чувства глубокого восхищения и разочарования. Украшенные великолепными иероглифическими надписями, крышки саркофагов были сдвинуты, а некоторые саркофаги расколоты. Мариет понял, что могилы аписов были разграблены много веков назад. Тем не менее немало великолепных вещей было в спешке оставлено грабителями и до сих пор валялось в саркофагах и на земляном полу темных коридоров.

В результате кропотливых многомесячных поисков Мариету посчастливилось найти нетронутое захоронение священного быка. Он обнаружил в пыли даже следы рабочих, совершавших захоронение. Целой оказалась и мумия быка, богато украшенная золотом и драгоценными камнями.

Древние египтяне, как известно, обожествляли многих животных, и в различных районах страны были свои священные животные: крокодилы, бабуины, ибисы. Священный бык-апис, посвященный богу Птаху, считался по-

кровителем Мемфиса, и его храм, расположенный в Саккара, где с подобающими почестями жрецы хоронили набальзамированных быков, был объектом религиозного поклонения древних египтян. В греко-римский период культ священного быка слился с культом одного из главных богов греческого Пантеона — Зевса, а также впитал в себя некоторые чисто египетские черты мифа об Осирисе. Таким образом появилось новое божество по имени Серапис. Ему поклонялись как греки, так и египтяне. Греки переименовали древний храм Аписа в Серапион, а затем это название было трансформировано римлянами в Серапиум.

Храм Сераписа в древности был колоссальным религиозным комплексом. Главная его часть — подземные катакомбы, в которых находились саркофаги священных быков. Даже сейчас, спустя 130 лет, становится не по себе, когда спускаешься по высеченным в песчанике ступеням. Сразу же после яркого солнечного дня попадаешь в душное темное подземелье. От застоялого теплого воздуха немного кружится голова. Огромные ниши, в которых стоят саркофаги священных быков, расположены по обе стороны коридора таким образом, что ни одна из них не находится напротив другой. В главном коридоре 24 монолитных саркофага. Одни из них сделаны из розового гранита, другие — из базальта, третьи — из песчаника. Вес одного из таких саркофагов вместе с крышкой — 69 т. Ниши скупо освещены электрическими лампочками. Туристов пускают только в большой коридор, так как раскопки в Серапиуме продолжаются до сих пор и время от времени приносят не менее сенсационные, чем в эпоху Мариета, открытия. В 1965 г. группа английских археологов нашла в Серапиуме еще один подземный коридор с захоронениями мумий священных ибисов.

После того, как находки, сделанные в Серапиуме, были выставлены в Лувре, Мариет обрел мировую известность. Даже одного Серапиума хватило бы для того, чтобы его имя навсегда осталось в истории египтологии. Однако заслуги Мариета как организатора египетской Службы древностей многие оценивают даже выше, чем его археологические открытия.

Мариет твердо взял в свои руки контроль за раскопками на территории Египта. Впервые под его руководством начались координированные раскопки в 37 местах от Мемфиса до Фив. Впоследствии, правда, археологи критиковали методы, которых придерживался Мариет (иногда он не останавливался и перед применением динами-

та). Вместе с тем огромным шагом вперед явилось то, что отныне значительная часть находок оставалась в Египте.

Следует оговориться, что Мариет не был, как часто об этом пишут, первым директором Музея египетских древностей. Еще Мухаммед Али в 1834 г., после обращения к нему Шампольона, издал декрет о создании национального музея древностей, поставив во главе его шейха Юсефа Зиа. Юсеф Зиа и его помощники начали собирать древности по всей стране. Первый каталог был составлен французом Линаном, будущим подрядчиком на строительстве Суэцкого канала. Однако эта коллекция не сохранилась.

Начав широкомасштабные раскопки, Мариет попросил у Саида-паши, бывшего в это время хедивом Египта, выделить ему для хранения древностей одно из помещений транспортной компании в Булаке. Четыре комнаты этого дряхлого здания Мариет использовал для наиболее ценных экспонатов, а другие сделал запасниками. На первых порах он обходился помощью только одного рабочего. Очень скоро небольшая коллекция Мариета стала настолько популярной у паши и у египтян, что Мариету не составило большого труда добиться нового помещения. В 1863 г. коллекция Мариета была переведена в новое здание, которое было официально открыто 18 октября хедивом Исмаилом.

Некоторые экспонаты нового музея демонстрировались на международной выставке в Лондоне в 1862 г. На всемирной ярмарке в Париже в 1867 г. лучшие из них были показаны в живописном павильоне, выстроенном в виде маленького древнеегипетского храма, к которому вела аллея сфинксов. Императрице Евгении, жене Наполеона III, очень понравились выставленные драгоценные женские украшения, и она намекнула хедиву, что была бы не прочь получить их в подарок. Однако хедив, помедлив, сказал: «В Булакском музее есть более могущественный человек, чем я. Вам следует обратиться к нему». Надо отдать должное Мариету: он категорически отказал императрице и ни взятки, ни угрозы не смогли повлиять на него. Драгоценности вернулись в Египет.

В 1878 г., еще при жизни Мариета, Служба древностей была преобразована в один из департаментов министерства общественных работ. На ее нужды стали выделяться значительные средства. Одновременно появилась

необходимость перевести коллекцию, собранную Мариетом, в более просторное здание. В 1891 г. она уже перекочевала на противоположный берег Нила, в бывший хедивский дворец в Гизе. Однако это перемещение произошло уже под руководством преемника Мариета — Гастона Масперо.

Мариет умер накануне наступления новой эпохи в истории Египта, эпохи английской оккупации. Французы проиграли ожесточенную схватку за Египет, но были вовсе не склонны уступать уже завоеванные ими позиции английским колониальным властям. В результате хитроумных комбинаций, в которых участвовали и дипломаты, пост директора Службы древностей занял молодой французский египтолог Гастон Масперо.

Масперо родился в Париже в 1846 г. и с юных лет вплотную занялся египтологией, достигнув в ней больших успехов. Имя Масперо как археолога связано с сенсационной находкой 32 мумий так называемых «потерянных фараонов», которые он конфисковал у крупных грабителей египетских древностей братьев Ахмеда и Мухаммеда Абдель Расул. Его глубокие теоретические знания сочетались с неистощимой энергией, которую можно было сравнить лишь с энергией Мариета. Масперо провел реорганизацию коллекции Египетского музея и добился того, что все иностранные археологи работали под строгим контролем его агентов. Ему неоднократно приходилось вступать в конфликты с археологами, в том числе и с известными учеными, которые любыми путями пытались обойти египетские законы и вывезти свои находки в Европу. Особенно часто Масперо сталкивался с английским коллекционером Уоллисом Баджем. Бадж начал копать в Египте в 1886 г. До этого он работал клерком в Британском музее и хорошо изучил его восточную коллекцию. Лорд Кромер, военный губернатор Египта, любивший демонстрировать свое пристрастие к культуре древнего Египта, на словах поддерживал Масперо в его попытках ограничить разбойничьи аппетиты Баджа. Однако, когда доходило до дела, он отнюдь не препятствовал Баджу вывозить в Великобританию ценнейшие памятники древнеегипетской культуры. Не без ведома Кромера Бадж установил контакты с командованием английских оккупационных войск и вывез 24 огромных ящика, битком набитых египетскими древностями, которые пополнили коллекцию Британского музея. С именем Баджа связана находка одного из самых

знаменитых египетских папирусов, так называемой «Книги мертвых» с описанием погребальных обрядов древних египтян. Бадж купил ее в Луксоре вместе с другими интересными папирусами. «Книга мертвых» представляла собой довольно увесистый свиток в 78 футов длиной, в котором текст перемежался красочными иллюстрациями изумительной сохранности. Свежесть и яркость красок поражала даже видавших виды луксорских скупщиков древностей. Бадж поместил драгоценную находку в деревянный контейнер и спрятал его в тайник.

Однако уже через несколько часов Бадж был арестован по приказу шефа луксорской полиции, опечатавшего дом Баджа и велевшего ему дожидаться приезда из Каира Эжена Гребо, сменившего Масперо на посту директора Службы древностей. К несчастью, Гребо задержался в дороге, так как его фелюга села на мель, когда до Луксора оставалось не более 12 миль.

Такое неблагоприятное стечение обстоятельств стоило Египту одного из наиболее известных папирусов. Сначала Бадж намеревался подпоить стражей и исчезнуть под покровом ночи. Однако затем он избрал более сложный, но верный путь. Подкупленные им египетские рабочие прорыли длинный туннель, через который грабители во главе с Баджем смогли беспрепятственно вынести бесценные находки на берег Нила, где их уже ожидала фелюга.

Судьба благоприятствовала Баджу. Вскоре он очутился в Каире и действовал настолько ловко, что полицейские, приставленные к нему с приказом не сводить с него глаз, лично несли бесценную коробку, в которой находился папирус из Луксора. В тот же самый день «Книга мертвых» была отправлена в Великобританию с военной почтой.

Бадж пополнил коллекцию Британского музея не только старинными папирусами, но и многочисленными свитками древних коптских рукописей.

Шампольон, Мариет и Масперо были основоположниками французской школы египтологии, однако к середине XIX в. практически во всех крупных европейских странах уже были высококвалифицированные египтологи. Одним из основоположников английской школы египтологии стал Джон Гартнер Уилкинсон, проводивший в Египте 12 лет в начале прошлого века. Он составил один из первых систематизированных научных обзоров основных археологических древностей Египта и Нубии. Англий-

ские исследователи обычно противопоставляют Уилкинсона, как и Янга, Шампольону. При этом они подчеркивают, что он в отличие от Шампольона сумел добиться удивительных результатов, работая без государственной поддержки. Уилкинсон внес поправки в список династий египетских фараонов, сделанный Манефоном. Биография Уилкинсона до сих пор недостаточно изучена, а значительная часть его работ так и не опубликована. В научном мире он известен в основном благодаря своей монументальной трехтомной работе «Нравы и обычаи древних египтян», вышедшей в 1837 г.

Одним из выдающихся представителей английской школы египтологии является Уильям Флиндерс Питри, начавший проводить раскопки в Египте, когда в археологии происходили качественные сдвиги. После открытия шумерской культуры в Месопотамии, сенсационных находок Шлимана в Трое и Микенах, расшифровки клинописи было уже невозможно работать на прежнем, примитивном уровне. Питри предпринял систематические раскопки в древнем Танисе в районе Дельты. Здесь он начал определять датировку находимых объектов, фиксировать, в каком археологическом слое были сделаны находки.

Питри обладал обширными познаниями в самых различных областях истории древнего Востока. Первым из египтологов Питри обнаружил в Египте предметы, относящиеся к греко-микенской культуре, открытой Шлиманом, что подтверждало наличие связей между Грецией и Египтом еще в XV в. до н. э. Затем ему удалось побывать на Крите и в Микенах, где он нашел египетские вещи, относящиеся к эпохе XVIII династии. Его работа помогла установить хронологические рамки зарождения греко-микенской культуры.

Флиндерс Питри, бюст которого находится в пантеоне почета Египетского музея, сделал еще целый ряд важных открытий в Файюме, Тель-эль-Амарне, Абидосе. Именно в ходе раскопок, проведенных им, были обнаружены предметы так называемой додинастической эпохи Египта.

Итоги своей деятельности Питри изложил в книге «70 лет в археологии». В ней он резко осуждает своих французских коллег. Он с возмущением описывает, как один из них, производя раскопки фараонских могил в Абидосе, сжег остатки уникальной деревянной утвари, относящейся к эпохе I династии. По его мнению, все

французские директора Службы древностей после Гастона Масперо были некомпетентны в своем деле.

Однако по адресу самого Питри тоже можно сделать немало упреков. Английский исследователь Б. Фэгэн отмечает, что его бестактность и сварливый характер вошли в поговорку. Он считал себя единственным и непрекаемым авторитетом в вопросах египтологии и поносил всех своих современников²².

Тем не менее его слабости несколько не умаляют его несомненных достоинств. Флиндерс Питри — колоритная фигура, знаменующая собой переход египтологии от мрачного периода археологического разбоя в стадию современной науки. После него контрабандный вывоз египетских древностей стал уже не нормой, а патологией, не предметом гордости, а тщательно скрываемым поступком.

Одним из основателей немецкой школы египтологии стал Карл Рихард Лепсиус. В 1842 г. король Пруссии, у которого знаменитый путешественник Александр фон Гумбольдт смог возбудить интерес к египетским древностям, направил Лепсиуса во главе экспедиции Берлинского университета на берега Нила. Экспедиция увенчалась успехом благодаря тщательной подготовке, которую провел Лепсиус в Германии. Он хорошо изучил грамматику древнеегипетского языка, составленную Шампольоном, методично обследовал европейские коллекции египетских древностей. Участники экспедиции посетили основные археологические центры Египта, однако особенно тщательные раскопки были проведены ими в районе знаменитого Лабиринта в Файюмском оазисе. 15 тыс. образцов различных египетских древностей, вывезенные Лепсиусом из Египта, составили основу знаменитой египетской коллекции Берлинского музея.

Среди видных представителей немецкой египтологической школы следует назвать друга и соратника Мариета Эмиля Бругша, Георга Эберса, написавшего к тому же целую серию исторических романов из жизни древнего Египта, а также филолога, знатока древнеегипетского языка Адольфа Эрмана, хранителя египетской коллекции Берлинского музея. Самая известная из его книг — «Повседневная жизнь в древнем Египте».

Египтология — наука, в развитие которой вложили труд ученые многих наций: французы, англичане, немцы, итальянцы, американцы, русские. Наша страна может по праву гордиться такими блестящими египтологами и

знатоками древнего Востока, как основатель кафедры египтологии Каирского университета В. С. Голенищев, академики Б. А. Тураев, В. В. Струве и целый ряд других.

Естествен вопрос: как же создавались богатейшие коллекции египетских древностей, хранящиеся ныне в Эрмитаже, Музее имени А. С. Пушкина, в Одесском археологическом музее? Ведь они тоже собирались в прошлом веке, когда на законы Египта коллекционеры не особо обращали внимание. Что же, очевидно, случилось всякое. И среди русских путешественников были как исключительно добросовестные, так и, мягко говоря, не очень честные люди. А. С. Норову причинял глубокую боль вид фресок в Карнаке, изуродованных не кем иным, как Шампольоном. А известный востоковед и журналист О. И. Сенковский, посетивший Египет в 1820 г., несколько дней пытался долотом отколоть знаменитый зодиак в храме в Дендере и не утащил его только потому, что зодиак оказался слишком тяжел для транспортировки (в настоящее время он находится в Лувре).

Образцом русского коллекционера является В. С. Голенищев. На склоне лет, будучи совершенно разорен своими родственниками, он вынужден был продать свою богатейшую коллекцию египетских древностей. Он получил из Америки предложение продать ее за 500 тыс. руб., но предпочел уступить ее российскому правительству. «Старик коллекционер согласился потерять 150 тысяч — лишь бы его детище осталось на родине», — пишет в своих воспоминаниях дочь основателя московского музея имени А. С. Пушкина А. И. Цветаева.

История египтологии XX в., особенно советской египтологической школы, занявшей одно из ведущих мест в науке о древнем Египте, — интересная тема, ждущая своих исследователей.

Ученик Питри знаменитый Говард Картер, оглядываясь на пройденный египтологией путь, произнес фразу, ставшую классической: «Мы должны дать себе отчет в том, как неизбежно все это было». Действительно, становление египтологии как науки в силу определенных исторических обстоятельств происходило мучительно трудно. Что же обуславливало необходимость многолетнего систематического расхищения памятников истории древнего Египта и их варварского уничтожения? Было

ли это только «болезнью роста», как считают некоторые западные ученые?

Думается, что нет. Грабеж национального достояния Египта не случайно принял наиболее интенсивный характер на стадии империалистического раздела мира с его грабежом и эксплуатацией колониальных и зависимых стран.

В Западной Европе и США до сих пор процветает нелегальная торговля египетскими мумиями. В 1970 г. в Нью-Йорке египетская мумия продавалась на черном рынке по 45 долл. за унцию. Правда, спрос на нее в настоящее время поддерживают не врачи, а специалисты по разным мистическим и оккультным делам.

В ноябре 1981 г. в Каире в доме бывшего директора одной из египетских киностудий Ф. Юсефа полиция обнаружила подпольный склад краденых предметов древности. Было конфисковано большое количество монет, изделий из бронзы, слоновой кости, дерева, глины, относящихся к додинастическому и более поздним периодам истории Египта. Как выяснилось, предприимчивый делец скупал древности у мелких мошенников, промышлявших в районах археологических раскопок, а затем втридорога перепродавал их богатым западным туристам для вывоза за границу.

Это далеко не единичный случай. Пока на европейских и американских легальных и нелегальных рынках существует спрос на египетские древности, систематические нарушения египетских законов об охране памятников старины неизбежны.

¹ З. Косидовский. Когда солнце было богом. М., 1974.

² Геродот. «История». Л., 1972, с. 117.

³ Там же, с. 117.

⁴ Там же, с. 117—118.

⁵ Г. Гейне. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1957, с. 9.

⁶ «L'Egypte aujourd'hui: permanence et modifications». Р., 1977, с. 108.

⁷ Там же, с. 109.

⁸ «Египетская экспедиция. Отрывки из военных воспоминаний полковника Виго Руссильона (1793—1837)». Казань, 1890 (далее — В. Руссильон), с. 14.

⁹ Там же, с. 15—16.

¹⁰ Там же, с. 18.

¹¹ Цит. по: Alan Moorehead. The Blue Nile. L. 1974, с. 84—85.

¹² В. Руссильон, с. 18.

¹³ В. Руссильон, с. 23.

¹⁴ Там же, с. 24.

- ¹⁵ Там же, с. 31.
¹⁶ Там же, с. 46.
¹⁷ Там же, с. 58.
¹⁸ Там же, с. 68.
¹⁹ А. Уманец. Поездка на Синай. СПб., 1850, с. 115.
²⁰ Там же, с. 121.
²¹ Цит. по: Brian M. Fagan. The Rape of the Nile. L., 1977, с. 133.
²² В. Руссилюн, с. 355.

ГОРОД ТЫСЯЧИ МИНАРЕТОВ

СТАРЫЙ КАИР

Египет есть град зело ветхий не зданием, но лети...

В. Григорович-Барский (1727 г.)

Египет с древнейших времен привлекал к себе внимание путешественников. Еще греки и римляне любили посещать каменные громады пирамид, великолепно сохранившиеся храмы с прекрасными статуями и обелисками. Римляне же первыми заметили, что сухой климат Египта благотворно действует на здоровье, а минеральные источники Хелуана и Вади-Натрун, знаменитые «ванны Клеопатры» на Красном море были широко известны в античном мире.

В средние века к достоинствам Египта добавилась еще и слава о великолепных памятниках исламского зодчества в Каире, докатившаяся сначала до самых отдаленных уголков мусульманского мира, а затем и до европейских стран. Паломники, направлявшиеся через Египет к «святым местам» в Палестине, Сирии и на Синае, принесли в Европу образ прекрасной, многоликой страны.

В эпоху Великих географических открытий на рубеже XV—XVI вв. в Египет устремился целый поток путешественников.

Интерес к Египту особенно подстегнул «египтологический бум», охвативший Европу вслед за расшифровкой Шампольоном иероглифов. Во второй половине XIX в. Египет превращается в один из крупных центров туризма. На берегах Нила возникают великолепные отели, предназначенные исключительно для иностранцев. Уже в 30-х годах XIX в. вездесущее бюро путешествий Кука организует туристические поездки в страну фараонов.

В современном Египте туризм стал одним из основных источников национального дохода. Только в 1977 г.

поступления от туризма в египетскую казну составили 640 млн. долл. Это весьма солидная сумма. Однако доходы от туризма могли быть и больше, если бы не преобладающие «либеральные» законы инфитаха*, все более отдающие египетский туризм на откуп иностранному и местному частному сектору.

В 1977 г. в Египте функционировало 911 отелей. Госсектору из них принадлежало всего 20, остальные находились в частных руках. И это неудивительно: туризм в нынешнем Египте считается одной из самых прибыльных сфер вложения капитала.

Каждый год в Египет приезжает около миллиона иностранных туристов. Много-это или мало? По масштабам Египта, казалось бы, довольно много. Однако доля Египта в мировом туризме до сих пор непропорциональна тем возможностям, которые кроют в себе великолепные памятники древности и достопримечательности страны. (Ежегодно в мире регистрируется около 350 млн. туристов.)

Впрочем, проблемы египетской туристической индустрии мало чем отличаются от других проблем, поставленных перед страной политикой инфитаха. Мы еще не раз вернемся к ним, сейчас же давайте просто вольемся в разноязычную толпу, ежедневно наводняющую улицы Каира, пройдем тропами, проторенными миллионами туристов.

Что же взять в такое путешествие? Очевидно, необходим путеводитель. Однако выбрать его не так легко. Дело в том, что с 1830 г., когда француз Рифо выпустил в свет первый «гид» по Египту, число путеводителей, посвященных этой стране, перевалило за 300.

Автор одного из популярных в середине прошлого века путеводителей англичанин Уилкинсон рекомендовал приезжающим в Египет туристам ограничиться сравнительно небольшим набором книг таких авторов, как Геродот, Шампольон, Покок, Денон, Птолемей, Страбон, Плиний. Впрочем, если вы находите этот список очень длинным, Уилкинсон советует сочинения трех последних авторов брать не целиком, а в отрывках, но взамен прихватить книгу Диодора Сицилийского.

Это, конечно, шутка. То, что мог себе позволить одетый в шорты цвета хаки и пробковый шлем английский

* Инфитах — арабское название политики «открытых дверей» и либерализации экономики, осуществление которой началось в 1974 г.

джентльмен прошлого века, методично обследовавший достопримечательности Египта, вряд ли возможно и уместно в наш век. Геродота и Диодора Сицилийского нам заменит один из лучших современных путеводителей по Египту из французской серии «Голубой гид», который, кстати, изобилует цитатами из этих древних авторов.

И, конечно, нашими верными спутниками в прогулках по Каиру будут русские путешественники прошлого, сумевшие увидеть и понять многое из того, что и сейчас особенно дорого нам в египетской культуре.

По традиции, начнем нашу прогулку со Старого Каира, где возник и начал расти вширь и ввысь огромный современный город.

Старый Каир сегодня — окраинный район египетской столицы. Он расположен на восточном берегу Нила, чуть в стороне от знаменитой бетонно-гранитной набережной, ведущей в сторону облюбованного западными бизнесменами и дипломатами района Маади и далее на Хелуан. Узкие, тенистые улочки застроены трех-четырёхэтажными домами, в которых живут преимущественно чиновники, государственные служащие средней руки и рабочий люд.

Но вот тесные улочки кончаются, и перед нами обширный пустырь. Справа, за старым армянским кладбищем гудят электропоезда наземного египетского «метро», соединяющего центр столицы с ее рабочим пригородом Хелуаном. Слева — силуэт обнесенного лесами минарета мечети, в которой идут реставрационные работы. Прямо перед мечетью на раскинутом на земле брезенте разложили свои изделия знаменитые гончары Старого Каира, изготавливающие лучшие в Египте «зары» — глиняные сосуды, в которых египетские крестьяне и рабочий люд хранят питьевую воду. Благодаря особому рода глине вода в них долго остается прохладной. Кувшины эти самых различных форм и размеров, начиная от больших, метровых, которые нередко можно увидеть в тени акаций на тротуарах каирских улиц, где из них может напиться любой прохожий, и кончая кувшинчиками весьма изящных форм.

Границы Старого Каира, или Маср аль-Атика, как его называют каирцы, проведены очень четко: со стороны Нила этот древнейший район ограничен линией «метро», а с противоположной — руинами стен римской крепости, возведенной в эпоху императора Траяна. До на-

ших дней сохранились две башни этой крепости, носившей в древности название «Вавилон». Упоминание о Вавилоне оставил нам Страбон (как видите, без него в экскурсии по Каиру обойтись, и в самом деле, нельзя). По его словам, здесь был размещен один из трех римских легионов, дислоцированных в Египте. Вплотную к одной из этих башен подступили стены греческого монастыря, а прямо на ее вершине приютилась небольшая церковь св. Георгия, в которой, по преданию, хранятся цепи христианского святого.

Утопающий в тени вековых деревьев греческий монастырь в Старом Каире облицован гранитом, строго и четко спланирован и совсем не похож на обветшалые и неприхотливые коптские монастыри. С верхней площадки широкой каменной лестницы, ведущей к церкви св. Георгия, хорошо видна часть обширного пустыря, на котором некогда арабским завоевателем Египта Амром ибн аль-Асом был заложен г. Фустат, давший начало современному Каиру.

Средневековые арабские хроникеры, оставившие нам немало подробностей о строительстве и жизни Фустата, любили передавать реальные исторические события в виде красочных легенд. В их рассказах подлинные факты соседствуют с суеверным вымыслом, реальные ситуации — с чудесами, творимыми добрыми и злыми волшебниками. В нашем путешествии по Каиру нам не обойтись без этих легенд. Каир — это воплощенная в камне история Египта после арабского завоевания. Бродить по его улочкам, музеям и мечетям и не связывать их с историей страны невозможно. Каждый район его, как архитектурный пласт, хранит память веков. А в этой памяти объективные исторические факты тесно переплетаются с мифами и легендами.

Знаменитые каирские бродячие сказители, которых еще в прошлом веке было немало на рынках египетской столицы, помимо увлекательных приключений героя арабских народных сказок Антара — этого египетского Одиссея — всегда были готовы рассказать о бесчисленных подвигах Амра ибн аль-Аса — завоевателя Египта. Они изображали его как мудрого и справедливого правителя, обладавшего к тому же даром необыкновенного красноречия. И действительно, Амр был человеком выдающихся способностей. Недаром так почитаемый арабами халиф Омар, второй после Абу Бакра светский и религиозный глава мусульманского мира, доверил ему

важнейшую миссию: отвоевать у Византийской империи ее самую богатую провинцию.

Арабский хроникер Суйюти объяснял выбор Омара тем обстоятельством, что Амру ибн аль-Асу уже приходилось бывать в долине Нила. Впервые в Египет Амра привели торговые дела. Следуя со своими верблюдами извилистой горной тропой, он наткнулся на монаха-христианина, умиравшего от жажды. Амр сжалился над монахом и дал ему воды. Монах уснул. В это время из пещеры выползла змея и укусила бы монаха, если бы не молниеносная реакция Амра, отрубившего ей голову своей саблей. Когда монах проснулся, Амр рассказал ему о происшедшем, и преисполненный благодарности монах пригласил своего спасителя сопровождать его в Александрию, где пообещал подарить ему 2 тыс. динаров, вдвое больше той суммы, которую Амр надеялся выручить за свои товары. Естественно, Амр согласился.

Они приехали в Александрию, когда в городе отмечался один из ежегодных праздников. Улицы и площади города были заполнены фокусниками, акробатами, прорицателями. Монах одел Амра в шелковые одежды и привел его во дворец правителя Александрии. Там как раз играли в одну из тех странных игр, которыми полны страницы сказок «Тысячи и одной ночи». Суть ее состояла в том, что в воздух подбрасывался золотой шарик, который присутствовавшие, образовавшие круг, должны были поймать в рукав своей одежды. По местному поверью, тот, кому удавалось поймать рукавом шарик, должен был когда-нибудь стать правителем Египта. Как легко можно предположить, шарик упал в рукав Амра. Хроникеры отмечают, что это вызвало возмущение всех присутствовавших, которые, сокрушенно покачивая головами, пришли к мнению, что впервые золотой шарик солгал: никогда этот араб не сможет править Египтом. Однако прошло не так уж много времени, с торжеством пишет хроникер, и жители Египта убедились, что магический шарик не подвел и на этот раз: весной 641 г. Амр во главе четырехтысячного войска завоевал Египет. Кстати, конец его небольшого приключения с монахом был счастливым. Благодарный монах рассказал жителям Александрии о поступке Амра, и они собрали для него 2 тыс. динаров, которые и были торжественно вручены спасителю монаха.

Арабы любили подобные легенды и нередко включали их в свои книги о Египте. Конечно, в наше время вряд

ли кому-то взбредет в голову составлять мнение об Амре ибн аль-Асе как об исторической личности на основании устной традиции. Тем не менее ученые допускают возможность использовать мифы как своеобразный исторический материал при условии, конечно, правильного методологического подхода. Это, в частности, блестяще доказал академик Б. А. Рыбаков, исследуя книгу «Истории» Геродота, посвященную Скифии.

Кстати, сам «отец истории» дал весьма поучительный пример того, как можно вылущивать зерна исторических фактов из мифов, рожденных народной фантазией древних. В «Евтерпе» он приводит на первый взгляд совершенно фантастическую египетскую легенду о двух черных голубках: однажды две черные голубки покинули египетские Фивы и улетели одна в Ливию, а другая в Додону. Сев на дуб, голубка, прилетевшая в Додону, человеческим голосом приказала воздвигнуть здесь прорицалище Зевса. Голубка же, прилетевшая в Ливию, приказала основать там прорицалище Амона.

Какие, казалось бы, сведения можно почерпнуть из этого сюжета? А вот какие. Геродот считает, что в такой форме египтяне сохранили память о каком-то выдающемся событии, связанном с отъездом из страны двух женщин, пользовавшихся, очевидно, известностью. «Голубками, как я думаю,— пишет он,— додонцы называли тех женщин потому, что они были из другой страны и, казалось, щебетали по-птичьи. Когда затем голубка заговорила человеческим голосом, то это значит, что они теперь стали понимать эту женщину. Пока же она говорила на чужом языке, им казалось, что она щебечет по-птичьи. Действительно, как же может голубка говорить человеческим языком? Когда же они называют голубку черной, то этим указывают на то, что женщина была египтянкой». Вот вам связь мифа и истории¹.

Согласно арабским легендам, инициатива похода в Египет принадлежала Амру. Арабский историк Якут пишет, что в 638 г. Амр явился к халифу Омару и заявил ему: «О эмир верующих! Позволь мне поехать в Египет. Если я его завоюю, мусульмане получат много добычи и неисчислимы владения. Это очень богатая, но неспособная защищаться страна».

Халиф долго колебался, прежде чем принять окончательное решение. Амру стоило немало труда рассеять сомнения Омара, считавшего египетский поход рискованным предприятием. В конце концов халиф согласился, но

с оговоркой: Амр получит от него письмо, если оно будет вручено ему до пересечения им границы Египта, то он должен вернуться со всей армией, если же после — то ему следует довести миссию до конца. Гонец с письмом халифа застал Амра в Рафахе, на сирийской территории. Догадавшись о содержании письма, Амр не стал вскрывать его, пока войска не достигли эль-Ариша. В эль-Арише он распечатал письмо и спросил у одного из своих офицеров: «Мы находимся в Сирии или в Египте?». «В Египте», — был ответ. Тогда он громко прочел послание халифа и объявил солдатам, что путь на Египет открыт.

Войска Амра легко овладели Египтом. Один за другим пали Пелузий, Бильбейс, Файюм, города Верхнего Египта. В долине близ города Гелиополя войска Амра наголову разбили малочисленные византийские легионы. Остатки византийского войска заперлись в мощной крепости Вавилон.

В апреле 641 г. после шестимесячной осады сдался и Вавилон. Таким образом, весь Египет оказался в руках Амра. Встал вопрос: где быть столице завоеванной страны? Сам Амр, как, впрочем, и другие завоеватели, побывавшие на земле Египта после Александра Македонского, склонялся в пользу Александрии. Однако халиф Омар опасался сделать столицей Египта город, доступ в который по суше был периодически чрезвычайно затруднен в результате разливов Нила. Он приказал основать новую столицу у начала нильской Дельты.

Начались споры: на каком берегу Нила закладывать новый город, на левом или на правом? Мусульманские богословы, факихи, находившиеся в свите Амра, высказывались в пользу левого берега, так как, по исламским поверьям, там, в районе Гизе, находился один из райских садов Корана. Однако Омар принял решение основать новую столицу на правом берегу Нила: это было удобнее с точки зрения безопасности военных коммуникаций между завоеванной страной и столицей халифата.

С основанием Фустата связана еще одна любопытная легенда. Вам ее непременно расскажут в Каире, точно так же, как в Риме любой гид начнет экскурсию по городу с легенды о Ромуле и Реме.

Перед тем, как отправиться на завоевание Александрии, воины Амра, начавшие снимать его палатку, увидели на крыше ее гнездо с голубкой и птенцами. Узнав об этом, Амр сказал, что ислам предписывает проявлять

милосердие к живым существам, особенно в течение священного месяца мухаррама, который только что начался. Он приказал оставить палатку на месте до его возвращения из Александрии. Более того, вокруг палатки были вбиты четыре кола, на которых протянули канат, чтобы прохожие случайно не потревожили голубку. Так и было основано арабское поселение, давшее начало Каиру. Свое название оно получило от арабского слова «аль-фустат» — палатка. Впрочем, этимология этого слова до сих пор недостаточно ясна. Некоторые ученые считают, что название «Фустат» является искаженным латинским «фоссатум» (так в древнем Риме называли укрепленный военный лагерь). Во времена Амра его город называли «Миср аль-Фустат».

Проведенные здесь в 50-х годах археологические раскопки позволяют представить, как выглядел Фустат во времена Амра ибн аль-Аса. План его характерен для средневековых арабских городов: узкие улочки, небольшие дома из обожженного кирпича, акведук.

Единственным памятником той эпохи, дошедшим до наших дней, является мечеть Амра ибн аль-Аса, сооруженная по его приказу зимой 641/42 г. на том месте, где он впервые водрузил свое зеленое знамя во время осады Вавилона. Мечеть Амра в Старом Каире является не только самой древней в Каире, но и первой мечетью, построенной в Египте и на всем Африканском континенте. Естественно, что время обвело ее целым клубком живописных легенд.

Забавная история связана с самим актом покупки участка земли, на котором построена мечеть. Вдова, владевшая им, упорно отказывалась продать землю Амру. Тогда он направил гонца к халифу Омару, находившемуся в то время в красноморском порту Янбо, с просьбой посоветовать, что делать. Внимательно выслушав гонца, халиф поднял с земли побелевший от времени череп барана и, обмакнув палец в чернильницу, висевшую у него на поясе, нарисовал на лбу барана две линии: одну прямую, другую извилистую. Он приказал гонцу передать этот череп Амру. Получив столь загадочный ответ, Амр долго размышлял над его смыслом, а затем воскликнул: «О халиф, ты прав. Нужно следовать прямым путем Аллаха и избегать кривого пути, на который толкает нас шайтан». Однако представление Амра о прямом пути выглядит несколько странным. Он приказал привести к нему вдову и предложил ей купить у нее только ту часть

ее владений, которую можно накрыть кожей одного быка. Вдова, поразмыслив, согласилась. Тогда хитроумный Амр приказал нарезать кожу быка длинными, очень тонкими полосками и окружил ими все владение вдовы по периметру. Вдове ничего не оставалось, кроме как уступить Амру весь участок.

Первоначально мечеть Амра представляла собой незамысловатое здание длиной 60 и шириной 36 м. Она одновременно служила и укрепленным пунктом, и местом для совещаний, и помещением для суда. Мечеть окружали жилища наиболее преданных Амру воинов, так называемых «ахль ар-райя» — «людей знамени», личной охраны арабского полководца. По поверью, «киблу», указывающую направление в сторону Мекки, к священной для мусульман Каабе, определяли 80 сподвижников пророка Мухаммеда, сопровождавших Амра в Египет. Тем не менее они совершили ошибку в вычислениях, которая была исправлена во время последующих реконструкций мечети.

В настоящее время мало что сохранилось от первоначальной постройки Амра. Мечеть Амра ибн аль-Аса несколько раз перестраивалась. В результате она была расширена почти в 3 раза, украшена новым минаретом, угловыми башнями. Последняя перестройка мечети была произведена в 1798 г., накануне экспедиции Наполеона.

Мечеть Амра — этот знаменитый памятник мусульманской архитектуры — еще в 1975 г. находилась в довольно запущенном состоянии. Входим под ее древние своды. Перед нами несколько рядов разностильных колонн, которые были перевезены сюда по приказу Амра из древних, в основном коптских, храмов. Одна из них пользуется особенной известностью. Это та самая колонна, которая, как гласит предание, была прислана Амру самим пророком Мухаммедом из Мекки. На мраморной поверхности видна обвивающая ее прожилка. Рассказывают, что это след хлыста пророка, которым он проучил непосlušную колонну, никак не желавшую подняться в воздух и лететь в Фустат. Только после того, как пророк или, в другом варианте легенды, халиф Омар взял в руки хлыст и ударил колонну, она послушно направилась в Фустат. Чуть выше на этой же колонне виден след арабской надписи, которую можно прочитать как «султан Сулейман». Ей также придается мистическое значение, поскольку на ощупь в этом месте колонна совершенно гладкая. В ливане — боковом приделе мече-

ти — стоят две колонны. Каирцы верят в то, что между ними может протиснуться только добропорядочный человек. (Не советую это делать людям, вес которых превышает 80 кг. В мечети Амра им никак не попасть в ряд добропорядочных людей.)

Мы привели здесь лишь незначительную часть преданий, связанных с этой знаменитой в истории ислама мечетью. Именно они, очевидно, и натолкнули египетских богословов на мысль создать в мечети Амра исламскую академию. Возможно, когда-нибудь к ней и вернется былая слава, ведь в средние века в этой мечети хранилось 1290 Коранов и ее освещали по ночам несколько тысяч светильников. Однако в 1975 г. было трудно поверить в ее былое великолепие.

Продолжим нашу прогулку по Фустату. Вернемся к греческому монастырю. Через арку в его стене попадаем на узенькую, стиснутую старинными зданиями улочку, которая ведет к знаменитому коптскому кварталу Каср аш-Шамаа («Дворец свечей»). Это название укоренилось еще со времен Амра ибн аль-Аса из-за непривычного для арабов большого количества свечей, освещавших жилища христиан. Все на этой улочке дышит историей. Вот налево неприметная дверь, ведущая в большой квадратный двор, на левой стороне которого в тени акаций стоит громоздкое серое здание, напоминающее римский храм. Это древняя синагога, построенная в 882 г. на месте христианской церкви Михаила Архангела. Считается, что до церкви на этом же месте стояла еще более древняя синагога, разрушенная в свое время римлянами. С ней связано много преданий, согласно которым здесь родился сам пророк Моисей и впервые явился народу пророк Илия.

Массивная деревянная дверь в синагогу заперта на огромный замок, и проникнуть внутрь можно, только сунув небольшой бакшиш непонятной личности в черной сутане — то ли копту, то ли еврею. Однако внутри нас ждет разочарование. В полупустом мрачном зале с двенадцатью колоннами нет ничего, кроме пыли и старинного медного семирощкового светильника. А между тем у этой синагоги весьма интересное и даже таинственное прошлое, которому она обязана своей «генизой» («клад, сокровище»). Так назывались тайники, где прятали древние книги, по той или иной причине запрещенные или даже преследовавшиеся служителями культа.

Догадку о том, что синагога в Старом Каире содержит неизвестные ученым древние манускрипты, впервые высказал в 1750 г. голландский путешественник Симон ван Гелдерн. Однако ни ему, ни другим любителям старины не удалось добиться разрешения еврейской общины в Каире ознакомиться с сокровищами «генизы». Только в 60-е годы прошлого века известному коллекционеру еврейских рукописей Абраму Фирковичу удалось заполучить несколько разрозненных фрагментов манускриптов из «генизы». Однако Фиркович, кстати сказать уроженец Крыма, пользовался репутацией недобросовестного коллекционера, и многие сомневались в подлинности его находок. Тем не менее коллекция Фирковича была приобретена Публичной библиотекой Петербурга.

В 1890 г. в синагоге был произведен ремонт, после которого фрагменты рукописей из «генизы» оказались в Великобритании. Произошло это необыкновенно просто: рабочие, ремонтировавшие здание синагоги, выбросили с чердака древние манускрипты прямо на улицу, где их и растащили предприимчивые каирские антиквары.

Дело опустошения «генизы» докончил профессор Кембриджского университета доктор Шехтер, вывезший в Англию около 100 тыс. древних рукописей: от частной переписки, датируемой VIII—XIV вв., до фрагментов Ветхого Завета на иврите. Всего же в «генизе», по мнению специалистов, еще в прошлом веке хранилось около 200 тыс. документов.

В настоящее время тайники старой синагоги пусты, и она являет собой заброшенный памятник тем временам, когда на берегах Нила древнейшая в Африке мечеть соседствовала с синагогой, а рядом с ними возводились христианские храмы.

Коптские церкви — самое интересное, что можно сегодня увидеть в районе Каср аш-Шамаа. Их несколько. Главные из них: церковь св. Сергия, церковь св. Варвары и знаменитая «висячая церковь» («аль-Муаллака»). Впрочем, в нее доступ сейчас закрыт, так как в 1979 г. она сильно пострадала от пожара, происшедшего во время столкновений между египетскими коптами и мусульманами. Церкви квартала Каср аш-Шамаа одни из самых древних в мире. В частности, церковь св. Сергия основана в конце IV или начале V в.; правда, в X в. она была разрушена и восстановлена лишь в начале XI в. Внешне церкви св. Сергия и св. Варвары имеют строгие контуры византийских базилик, да, впрочем, коптские

храмы и послужили прообразом для позднейших греческих церквей. Они, как правило, строились из камня или кирпича.

Войдя в церковь св. Сергия, сразу попадаешь в большой плохо освещенный зал, уставленный, как в католических костелах, деревянными скамьями для прихожан, сиденья которых отполированы многими поколениями коптов. Неф украшен сводчатой колоннадой. Очень красива деревянная инкрустация алтаря, представляющая собой комбинации из звезд и крестов. Однако и здесь не обошлось без туристского вандализма. На одном из окон слева вырезали свои имена некоторые участники экспедиции Наполеона.

Главная достопримечательность церкви св. Сергия — это помещение, где, по библейскому преданию, укрывалось от царя Ирода святое семейство. Спускаемся в небольшой подвал. За решеткой поблескивает заполняющая его вода. Перед нами место ночлега Марии, Иосифа и младенца Иисуса.

Однако интересно, что не только в церкви св. Сергия, но и в других коптских монастырях и церквях непременно показывают места ночлега святого семейства. Их можно видеть в знаменитых пустынных монастырях Вади-Натрун, в монастыре Дир Дронка, расположенном в окрестностях Асьута. Что ж, маршрут святого семейства в Египте был, очевидно, чрезвычайно запутанным. Христианская мифология — вообще дело сложное. От святого Дени, например, осталось семь подлинных его голов, которые почитаются в различных городах Италии.

Впрочем, если говорить серьезно, то тут есть повод для размышлений. В Европе, да и в России монастыри с древнейших времен были хранителями и проводниками письменной культуры. В них переписывались книги, составлялись летописи. Этого нельзя сказать о коптских монастырях. В них, как правило, не было людей, способных прочесть и по достоинству оценить древние тексты. Бесценные памятники раннехристианской письменности, попадавшие в монастыри, хранились небрежно, растаскивались различными приезжими авантюристами, а нередко и подвергались бессмысленному уничтожению.

В свое время настоятель монастыря св. Антония сказал П. Успенскому: «Только крокодилы да копы не говорят на своем языке». Действительно, секрет живой речи древних египтян — коптского языка — утерян. Долгие века беспорядка и преследований коптов различными

завоевателями, сменявшими друг друга на древней земле Египта, не могли пройти бесследно.

Положительные изменения в жизни коптов начали происходить только в новейшее время. В современном Египте шестимиллионное коптское население ведет упорную борьбу за свои политические права, культурное возрождение.

Процесс этот проходит сложно, нередко болезненно. Чтобы привлечь внимание общественности к проблемам коптских монастырей, монашество пускается и на небольшие хитрости. Так, в начале 1980 г. каирские газеты дружно забили в колокола: в одном из коптских монастырей в Вади-Натрун во время ремонта было обнаружено древнее захоронение. Настоятель недолго думая сообщил газетчикам, что найдены мощи самого Иоанна Крестителя. В Вади-Натрун ринулись толпы археологов, историков и богословов. Однако первые же специалисты, допущенные к «святым мощам», только развели руками: найденный скелет был в прекрасном состоянии, но это как раз свидетельствовало не в пользу выдвинутой коптским настоятелем версии. Дело в том, что голова скелета была, как ей и положено быть, прочно прикреплена к шее. Это, естественно, противоречило библейскому преданию об «усекновении главы» Иоанна Крестителя, произведенном, как известно, вследствие интриг коварной Саломеи по приказу царя Ирода. Местные монахи, успевшие уже отслужить заупокойную службу по Иоанну Крестителю и давшие интервью корреспондентам местных газет, не обратили внимания на столь незначительное, на их взгляд, обстоятельство.

Впрочем, подобные курьезы придают особое обаяние этим местам, где потемневшие от времени древние камни базилик странно сочетаются с довольно аляповатыми современными иконами, прекрасные лампы XIV—XV вв. бросают загадочный свет на грубо срубленную скамью, опирающуюся одним концом на деревянный ящик.

Та же картина и в коптском музее, расположенном неподалеку. В довольно бессистемно выставленных на первом этаже кусках древних коптских фризів причудливым образом сочетаются мотивы мифов древней Греции и раннехристианские легенды. С ними соседствуют барельефы с изображением грубоватых, но выразительных фигур Леды и Лебеда, Геракла, побеждающего Немейского льва. Рядом — рельефы из монастыря святого

Иеремии с традиционными фигурами летящего ангела, мадонны с младенцем Иисусом и, конечно, святого Георгия — одного из наиболее почитаемых коптами святых. Привлекают внимание стелы греко-римского периода, найденные при раскопках в Саккара, Ахмиме, Абидосе, коптские ткани — предвестники европейских гобеленов. На втором этаже выставлены старинные иконы. Впрочем, большинство из них датируется XVIII—XIX вв. Трудно пройти мимо папирусов и древних манускриптов, особенно из монастыря св. Макария в Вади-Натрун. Они иллюстрированы красочными миниатюрами, геометрическим орнаментом, который так любят на Востоке.

Музей коптского искусства был основан в 1908 г. В 1931 г. он перешел в ведение государства. Его коллекция постоянно пополнялась. Существенно увеличилась она в 1947 г., когда в музей был переведен ряд экспонатов, ранее находившихся в Египетском музее и Музее исламского искусства.

В залах второго этажа, где раньше экспонировались особенно ценные предметы из драгоценных металлов, перламутра, жемчуга, большинство стендов оказалось завешанными темной тканью или просто пустыми. Решив, что это результат столь характерной для египетских музеев нескончаемой реконструкции, мы осведомились у служителя, когда можно будет увидеть все эти вещи. Ответ прозвучал несколько неожиданно. Оказалось, что большая часть коллекции была эвакуирована в связи с опасностью воздушных налетов израильской авиации в период войны 1967 г., и с тех пор о судьбе этих бесценных коллекций ничего не известно.

Выходим из Музея коптского искусства, по пути вновь заглянув в полуразрушенную башню римской крепости, до половины заполненную водой. На улице Мари Гиргис оглядываемся. Время не пощадило Фустат. Трудно представить, что когда-то он был важным торгово-экономическим центром, связывающим Аравию с Магрибом, а средиземноморские страны — с Черной Африкой. Фустат процветал несколько веков. Посетивший его в 1047 г. знаменитый путешественник из Хорасана Носир Хисроу писал, что рынок Фустата, знаменитый «Сук эль-Канадиль», являлся в то время одним из богатейших в Египте.

Конец Фустата наступил в XII в., в эпоху крестовых походов, когда он был предан огню по приказу визиря Шаввара, который боялся, что если крестоносцы захва-

тят его, то превратят в сильный укрепленный пункт — непосредственную угрозу Каиру. Согласно арабским хроникам, Фустат был сожжен 22 ноября 1168 г.

ОТ МЕЧЕТИ ИБН ТУЛУНА ДО БАБ АН-НАСР

А город был каменный, да развалился весь, только одни врата стоят целые.

Василий Позняков (1559 г.)

Пожалуй, интереснейшим памятником той части Каира, в которой обосновались первые арабские завоеватели, является мечеть ибн Тулуна, построенная в конце IX в. Это единственное здание раннемусульманской архитектуры, почти полностью дошедшее до нас в своем первоначальном виде.

Мечеть ибн Тулуна расположена в Гамалие — густонаселенном районе бедноты, раскинувшемся к западу от доминирующей над городом Цитадели. Мы долго пробирались по узким улочкам меж ветхих домов с обвалившейся штукатуркой, с балконами, увешанными сушившимся бельем. На обочинах дороги, лишенной тротуаров, копошились дети, приветствовавшие проезжавшие машины веселым гоном и криками. Феллах на выдавшей виды телеге неторопливо вез на местный рынок баклажаны, морковь и картошку; дорогу нам перешла колонна озорных школьников, одетых в аккуратные голубые балахончики — форму местной школы; спешившийся с осла старик утолял жажду в тени развесистого дерева, зачерпывая воду кружкой из стоявшего у его подножия большого глиняного «зара». Неожиданно улица привела нас на большую площадь, похожую скорее на пустырь. Легкий ветерок гнал по ней обрывки бумаги.

Прямо посреди площади на небольшом возвышении стоит окруженная внушительной стеной мечеть ибн Тулуна. Входим в ворота. Большой квадратный двор украшен строгими аркадами. В центре его великолепный мраморный фонтан. Густая тень и прохлада внутренних галерей, тянущихся за аркадами, так и манит укрыться под их сенью от удушающей жары залитого солнцем двора. Здесь, на соломенных циновках, расстеленных прямо на каменном полу, расположились группы молящихся египтян.

Сооружение этой удивительно простой и гармоничной мечети связано с именем эмира Ахмеда ибн Тулуна — основателя династии египетских правителей, находившихся у власти в течение 35 лет (868—903). Ахмед ибн Тулун был, несомненно, незаурядным человеком. Он родился в Багдаде в 835 г. Будучи сыном раба, ибн Тулун сумел получить хорошее образование, изучил арабский язык, знал мусульманскую юриспруденцию и теологию, выучил наизусть Коран. Прекрасные внешние данные, ум и образованность позволили ему жениться на дочери важного вельможи при дворе багдадского халифа, который вскоре был назначен губернатором Египта. Не желая оставлять Багдад, эмир Бакбас (так звали этого вельможу) отправил в Египет своего зятя Ахмеда ибн Тулуна.

Египет в эту эпоху был провинцией огромной империи аббасидских халифов со столицей в Багдаде. Слава о них гремела по всему миру. Всем известно, например, имя халифа Гарун аль-Рашида (786—803), с которым связывается эпоха расцвета и великолепия Багдадского халифата.

Ахмед ибн Тулун весьма скоро заслужил расположение халифа и был официально назначен губернатором Египта вместо своего ленивого тестя. Арабские хроникеры представляют нам ибн Тулуна как честного человека, умелого администратора. Он покровительствовал ученым, и при нем в Египте расцвели науки.

Ибн Тулун основал неподалеку от Фустата новый район, который получил арабское название «Катаи» («участки земли, наделы»). Трудно сказать, почему он предпочел обосноваться не в Фустате, процветавшем в то время, а избрал другое место. Скорее всего, здесь сыграла роль вообще характерная для основателей первых династий египетских правителей традиция покидать места своих предшественников и начинать все сначала, дабы продемонстрировать современникам величие собственных достижений и успехов.

Культура эпохи ибн Тулуна является предметом тщательного изучения специалистов, несмотря на то что от Катаи осталось, по существу, одно-единственное здание — мечеть ибн Тулуна, возведенная в 876—879 гг. Ее строительство знаменует целый этап в развитии мусульманской архитектуры. Она отличается от своих предшественниц, во-первых, тем, что в ней не использованы детали старых храмов, она построена из нового материа-

ла — песчаника, доставленного с Мукаттамских холмов. Во-вторых, впервые в истории мусульманской архитектуры для поддержки сводов были использованы не мощные колонны, а слабо укрепленные арки, придавшие мечети легкость, воздушность.

Знаменитый арабский историк Макризи сообщает, что идея построить большую мечеть появилась у ибн Тулуна после того, как он нашел клад серебра. Сочтя это даром аллаха, ибн Тулун решил потратить найденные деньги на строительство мечети, способной вместить все население Катаи. Место для нее было выбрано на небольшой возвышенности, носившей название «Яшкур». Ибн Тулун надеялся, что отсюда молитвы правоверных будут услышаны аллахом, поскольку, согласно одной из общих как для мусульманской, так и для ветхозаветной традиции легенд, именно здесь Моисей, бывший, если можно так выразиться, уроженцем этих мест, был удостоен беседы с Иеговой — суровым богом Ветхого Завета.

Работы велись очень быстрыми темпами, поскольку эмир лично наблюдал за ходом строительства. Ибн Тулуну необходимы были 300 колонн для аркад мечети, но он не хотел следовать примеру своих предшественников и разрушать для этого христианские храмы, так как поддерживал хорошие отношения с коптами. Помог случай. Архитектор, христианин, который в то время сидел в тюрьме за какой-то мелкий проступок, прислал ему из темницы чертеж внутреннего двора мечети с аркадами, но без несущих колонн. Ибн Тулуну настолько понравилась эта идея, что он помиловал архитектора и назначил его главным распорядителем работ, выделив для завершения строительства мечети 100 тыс. динаров.

...Медленно обходя величественные галереи и оставаясь у массивной резной деревянной двери напротив михраба *. Откуда ни возьмись, появляется старик в длинной суконной галабее и приглашает подняться на знаменитый минарет. С трудом вставив массивный металлический ключ в прорезь замка, он поворачивает его, и дверь нехотя, с натугой и важным скрипом открывается. Перед нами небольшой коридор, ведущий к каменной лестнице, обвившейся вокруг минарета. Через несколько минут мы уже наверху.

За крышами домов открывается целый лес стройных минаретов. Пять раз в день город оглашается с них мо-

* М и х р а б — молитвенная ниша в стене мечети, обращенная к Мекке.

нотонными азанам — призывами к молитве. Как и в средние века, ислам продолжает играть в жизни каирцев немалую роль. Собственно, за долгие десятилетия в размеренном укладе каирских мечетей произошло только одно видимое изменение: на помощь муэдзину пришли мощные репродукторы, разносящие его голос далеко во круг. Интересная деталь: в средневековые в Египте на должности муэдзинов в мечетях, как правило, подбирались слепые, чтобы они не могли видеть женщин, спавших летом на крышах домов. Перед тем как пропеть азан, муэдзин зажигал лампу на высокой мачте, прикрепленной к концу минарета, чтобы правоверный, живущий далеко и не слышащий его голоса, мог начать молитву. Помощникам муэдзинов, особенно в крупных мечетях Каира, необходимо было иметь начальные познания в астрономии, чтобы определять часы молитв. А когда тучи затягивали небо, то время молитвы можно было узнать по находившимся внутри мечети гидравлическим часам.

Минарет, на котором мы стоим, не похож на обычные минареты каирских мечетей. Главная его особенность — оригинальная форма лестницы, по которой муэдзин поднимался на верхнюю площадку. Она сделана в форме спирали, как бы обвивающей стройное тело самого минарета.

Возникновению столь необычного для Каира сооружения, естественно, сопутствует легенда. Рассказывают, что ибн Тулун, по характеру чрезвычайно деятельный человек, весьма гордился тем, что не тратил впустую ни минуты своего времени. И вот однажды один из его вельмож застал эмира за явно никчемным занятием: меланхолически вперив взор в пространство, ибн Тулун вертел вокруг пальца длинную полоску бумаги, сворачивая ее в длинную спираль. Решив пошутить, вельможа сказал, что ему приятно видеть эмира в минуту отдыха. Однако ибн Тулун не принял шутку. Рассердившись, он указал зарвавшемуся вельможе на его оплошность, объяснив, что вовсе не тратит время даром, а обдумывает подходящую форму для минарета своей мечети.

Однако, по всей вероятности, эта легенда лишь плод воображения арабских хроникеров, так как исследователи находят сходные черты у минарета мечети ибн Тулуна и зиккуратов, сохранившихся в Ираке. Если вспомнить, что сам ибн Тулун был выходцем из Ирака, то

вполне логично предположить, что мы имеем здесь дело с прямым влиянием иракской архитектуры.

Арабские историки свидетельствуют, что после смерти ибн Тулуна его мечеть, некогда поражавшая современников своим великолепием, постепенно пришла в упадок. Знаменитый мраморный михраб был поврежден во время пожара в 986 г. Носир Хисроу рассказывает, что владевшие мечетью потомки ибн Тулуна продали ее в начале XI в. эмиру Хакиму и при этом проявили такую изворотливость, что знаменитый минарет был продан дважды.

...Спускаемся с минарета и направляемся к небольшому домику в старинном арабском стиле, прилепившемся к стене мечети. Это филиал каирского Музея исламского искусства, музей Гейера Андерсона. Он назван в честь майора английской армии, коллекционировавшего образцы арабской традиционной мебели и предметов быта.

Внутреннее убранство домика как бы переносит нас во времена арабского средневековья. В большой парадной зале, вдоль стен которой стоят низкие скамьи, покрытые мягкими подушками, бьет фонтанчик. Дом разделен на женскую и мужскую половины. В верхней галерее, проходящей над залой и украшенной изящными деревянными резными решетками, скрываются потайные ниши. Одна из них обычно предназначалась для старшей жены хозяина дома, откуда она, невидимая взорам сидевших в зале мужчин, могла наблюдать за происходящим внизу. В верхних комнатах привлекают внимание коллекции старинных арабских тканей, посуды и серебра.

Посидев в увитой диким виноградом беседке на крыше домика Гейера Андерсона, трогаемся в обратный путь. Теми же самыми улочками выезжаем к Цитадели.

Вот и знаменитая улица Муски, о которой непременно упоминают все, побывавшие в Каире в прошлом веке. Когда-то Муски была одной из центральных улиц Каира. Теперь же она служит магистралью, которая ведет из центра города к самому, пожалуй, привлекательному для туристов району Каира — огромному крытому базару Хан эль-Халили.

Выехав на Муски со стороны Цитадели, спускаемся к мусульманскому университету Аль-Азхар. Направо от него — соборная мечеть Каира Сеидна эль-Хусейн. Это одна из немногих мечетей, куда запрещен доступ нему-

сульманам. Построенная в конце XIX в., она внешне малопримечательна. Обращает на себя внимание лишь старинный минарет, относящийся к XIII в., и большая деревянная изумительно тонкой резьбы дверь, называемая Баб эль-Ахдар. В дни мусульманских праздников на площади перед этой мечетью собираются десятки тысяч египтян-мусульман: эта площадь является одним из священных мест ислама. Здесь с 1154 по 1236 г. находился мавзолей, в котором была захоронена голова одного из мусульманских святых, Хусейна, убитого в битве при Кербеле в 680 г. Считается, что голова находится в мечети до сих пор.

За мечетью Сеидна эль-Хусейн начинается лабиринт узеньких улочек и тупиков знаменитого каирского базара Хан эль-Халили. Он назван так в честь султана аль-Ашрафа Халиля, сына султана Калауна, одного из первых правителей мамлюкской эпохи. Первое упоминание об этом базаре датируется 1292 г. На этом громадном живописном торжище представлены изделия местных ремесленников: чеканные медные тарелки и кувшины, тонкой работы подсвечники, хрустальные люстры, ковры, мужские и женские галабеи всех фасонов и расцветок, изделия из кожи и многое другое. Здесь, рядом с изысканными лавками золотых дел мастеров, где вас встречает холодно вежливый, одетый в безупречный европейский костюм хозяин, ютятся жалкие лавчонки ремесленников, предлагавших туристам забавные египетские сувениры: кожаные кошельки с «фараонской» раскраской, игрушечных верблюдов всех размеров, медные кальяны.

В последнее время дела у ремесленников с Хан эль-Халили идут все хуже. В мае 1979 г. представитель египетского департамента внешней торговли Мамдух Масри заявил, что экспорт продукции Хан эль-Халили на европейские рынки серьезно уменьшился в связи с возросшей конкуренцией ремесленных изделий, поступающих из Туниса, Марокко и Израиля. Египетский представитель признал также, что и сами ремесленники Хан эль-Халили переживают серьезные внутренние проблемы.

Пожалуй, главная из них связана с постепенным вырождением искусства старых мастеров, высоко державших марку Хан эль-Халили на мировом рынке. Отсутствие крупных мастеров привело к тому, что большинство новых изделий делаются по старым эскизам малолетними учениками и подмастерьями. Естественно, что это при-

водит к значительному снижению качества. Другой серьезной проблемой является рост цен на сырье: медь, кожу, дерево и т. д., делающий изделия Хан эль-Халили более дорогими и, следовательно, менее конкурентоспособными...

Проходим по улочке, на которой едва-едва могут разойтись два человека, и вступаем в полуосвященное, просторное помещение. Это одна из антикварных лавок Хан эль-Халили. Чего здесь только нет: старинные французские кремневые пистолеты лежат рядом с загадочно мерцающими зеленовато-изумрудной платиной монетами эпохи Птолемеев. Чеканное медное блюдо соседствует с резным индийским шахматным столиком, на котором выстроились в четыре ряда фигурки из слоновой кости. Рядом с французским гобеленом XVIII в. — медный стамбульский самовар.

В небольшом тупике рядом со старинной мечетью Бирс Бея выстроились лавки торговцев знаменитыми восточными пряностями. Пьянящий сладковатый запах камуна смешивается здесь с ароматом жженого сандалового дерева. Он доносится из лавок торговцев духами и традиционной арабской косметикой. Здесь же многочисленные кофейни и шашлычные, где вам быстро поджарят и подадут на блюде, украшенном зеленью, лучшие в Каире шашлыки — кебабы.

На Хан эль-Халили можно купить все, что пожелает душа туриста. Не ищите здесь только спиртных напитков, даже пива. В этом районе, примыкающем к мечети Сеидна эль-Хусейн и Аль-Азхару, сухой закон. Поэтому, если вы решите попробовать египетского шашлыка, вам придется запивать его бутылочкой кока-колы.

Со стороны, противоположной мечети Сеидна эль-Хусейн, Хан эль-Халили упирается в узкую улочку, Муизз эд-Дин. Она связана с именем человека, сыгравшего немаловажную роль в истории Каира.

Четвертый халиф шиитско-исмаилитской династии Фатимидов Муизз, предпринявший завоевание Египта во второй половине X в., был для своего времени широко образованным человеком. В списке языков, с которыми он был знаком, значился и один из славянских.

Завоевание Египта Муизз поручил своему главному визирю Гаухару. Гаухар учел опыт трех предыдущих неудачных походов в Египет, предпринимавшихся Фатимидами, и провел тщательную подготовку к захвату огромной страны. В течение двух лет его доверенные

лица намечали и организовывали будущие стоянки для войска, которое должно было проследовать из находившейся на территории современного Туниса столицы фатимидского халифата Кайруана в Александрию. На пути рылись колодцы, запасалась пища для людей, лошадей и верблюдов.

Фатимидские халифы были шиитами в отличие от багдадских халифов из династии Аббасидов, являвшихся ортодоксальными суннитами. Гаухар организовал в Египте широкую пропаганду шиизма. Она облегчалась тем, что во второй половине X в. аббасидские халифы катастрофически быстро начали терять популярность среди египетского населения. Недовольство особенно возросло после вызванного нашествием саранчи страшного голода, постигшего Египет в 967 г. Непокойно было и на границах. Карматы грабили египетские караваны, нубийцы опустошали район Асуана. Многие египтяне, разочаровавшись в аббасидских правителях, эмигрировали в соседние страны.

Халиф Муизз лично проводил войско, отправлявшееся в Египет, до окраины Кайруана. Гаухар, назначенный главнокомандующим, спешился и поцеловал руку халифа и копыто его коня.

Поход оказался легким. Население Египта, доведенное до отчаяния бедствиями, обрушившимися на страну, сдавалось без сопротивления. Жители Фустата, например, сами обезглавили немногочисленных сторонников вооруженного столкновения с Фатимидами и поднесли их головы Гаухару. 7 июля 969 г. фатимидская армия торжественно вошла в Фустат. Гаухар направился прямо в мечеть Амра, где облаченный в белоснежные одежды мулла прочитал хутбу от имени своего нового повелителя — халифа Муизза — и просил аллаха благословить его. Гаухар отдал приказ чеканить в Египте фатимидскую монету. Эти торжественные акты ознаменовали окончательный переход Египта под власть Фатимидов.

Здесь следует оговориться, что те места, которые мы уже посетили, — Вавилон, Фустат и Катаи — связаны не с историей, а скорее с предысторией Каира. Основателем Каира стал Гаухар, который по примеру своих предшественников немедленно приступил к строительству новой столицы.

Однако, прежде чем начать такое важное дело, глубоко религиозный Гаухар решил дождаться благоприятного расположения звезд. Место, выбранное для за-

кладки первого здания, он приказал обнести веревками, к которым были подвешены маленькие колокольчики. Приказ гласил: в тот момент, когда расположение планет на небе будет благоприятным, звездочеты должны дернуть за веревку; звон колокольчиков и послужит сигналом для рабочих приступать к строительству столицы завоеванной страны.

И вот колокольчики зазвенели, и рабочие принялись за дело. Однако вскоре выяснилось, что сигнал был подан не астрологами, а простым воробьем, который, пролетая мимо, задел за веревку. Случилось так, что в этот момент на небе появилась зловещая красноватая планета Марс.

Отступать было поздно. Гаухар принял Соломоново решение: дать новому городу имя «аль-Кахира» (арабское название планеты Марс). Впрочем, относительно происхождения названия «аль-Кахира» существуют и другие версии. Некоторые арабские историки утверждают, что халиф Муизз еще в Кайруане дал указание Гаухару именно так назвать новую столицу Египта. Аль-Кахира в переводе с арабского означает также «победоносный».

В современном Египте официальный отсчет возраста своей столицы ведут с того августовского дня 969 г., когда Гаухар начал работы по основанию нового города. В 1969 г. Каир отметил свое тысячелетие. Однако, как мы уже знаем, на самом деле новая столица исламского Египта начала строиться задолго до этой даты...

Фатимидские халифы, будучи шиитами, считались в суннитском большинстве арабского мира еретиками, поэтому Каир сразу оказался как бы на отшибе арабского мира. Видные арабские ученые, поэты избегали Каира в течение почти двух веков фатимидского правления. Отличительной чертой господства Фатимидов в Египте явился сравнительный застой интеллектуальной жизни при необычайном расцвете дворцовой роскоши. Население Египта довольно безразлично отнеслось к приходу новых завоевателей. Однако по мере внедрения в обиход жизни египтян шиитских норм и обычаев в народе росло и ширилось недовольство.

Вследствие этого Каир строился как укрепленная крепость завоевателей, которые опасались как нападения извне, так и внутренних мятежей. Недаром город назывался в то время «аль-Кахира аль-Махруса», т. е. «охраняемый победоносный город». Сохранилась север-

ная оборонительная стена, которой был опоясан Каир, с величественными воротами Баб ан-Наср и Баб аль-Футух. Согласно порядку, введенному Фатимидами, даже иностранные послы, прибывавшие в Каир, должны были спешиваться перед воротами Баб аль-Футух.

В период фатимидского владычества эти ворота видели немало торжественных процессий и церемоний. Едва ли не самым красочным из них было ежегодное празднество «махмаль», когда из Каира в Мекку отправлялось сотканное местными ремесленниками покрывало. Оно предназначалось для украшения храма Кааба в Мекке, в восточный угол которого вделана святыня мусульман — «черный камень».

Третьи городские ворота Каира — знаменитые ворота Баб аз-Зувейля, названные так по имени одного из берберских племен, входившего в состав армии Гаухара. Именно через них впервые вступил в город халиф Муизз в 972 г. В то время ворота Баб аз-Зувейля состояли из двух арочных проходов. Халиф Муизз вошел в город через правый, а весь народ устремился через левый, чтобы поспеть к началу торжественной церемонии и раздаче милостыни. Естественно, возникла давка, в результате которой пострадало немало людей. Так родилось просуществовавшее долгие века поверье, что левый проход ворот Баб аз-Зувейля приносит несчастье. Долгое время каирцы предпочитали входить в город через правую арку.

Центр фатимидского Каира находился примерно в том районе, где сейчас расположен Хан эль-Халили и прилегающие к нему улочки. Главная магистраль его проходила в районе нынешней Шариа ан-Наххасин — медного ряда в Хан эль-Халили. Она заканчивалась на большой площади Вахбат Бейн аль-Касрейн. По ней часто шествовали пышные процессии во главе с халифом в окружении евнухов, несших в руках кадиланицы, в которых курилась амбра. При приближении халифа все простирались ниц.

Халиф Муизз воздвиг для себя в Каире два великолепных дворца, ставших легендой средневекового мира. К сожалению, они не сохранились до нашего времени. Арабские хроникеры называли один из них «Большой дворец Востока». Этот дворец представлял собой комплекс великолепных строений. Чего стоят одни названия: «золотая зала», «большой диван», «павильон жемчуга», «павильон газелей», «павильон зефира». Макризи сообщает, что, когда в 1171 г. основатель династии Айюбидов Салах эд-Дин изгнал из него последнего фатимидского

халифа, во дворце находилось 12 тыс. женщин-рабынь. Из мужчин здесь были только сам халиф, его родственники и дети. Некоторые считают, что именно этот дворец был описан как дворец Шахрияра в сказках «Тысяча и одна ночь».

Прогулка по кварталу Гамалийя невольно наводит на размышления о блестящей, но полной противоречий эпохе фатимидского правления. Память вызывает к жизни целую вереницу имен и событий...

Вот странная фигура халифа Хакима, человека трагичной судьбы, эксцентричного и жестокого. Восшествие на трон в возрасте 11 лет он озаменовал тем, что приказал отрубить голову своему воспитателю. Будучи с детства нервным и впечатлительным, Хаким в зрелом возрасте стал явным параноиком. Его приказы вызывали недоумение и возмущение народа. Так, однажды он запретил популярную у египтян игру в нарды, затем любимое национальное блюдо — малюхию. В другой раз он приказал истребить всех собак в Каире.

Самая личность Хакима внушала отвращение. Его лицо с отталкивающими чертами, голос, слишком высокий для мужчины, вызывали брезгливый страх даже у приближенных. Хаким предпочитал ночь дню и собирал своих министров на советы только по ночам. По ночам же он объезжал на осле все городские лавки, строго следя за тем, чтобы все они оставались открытыми всю ночь.

Однако капризы и прихоти Хакима чередовались с разумными делами. Например, он заботился об украшении Каира. Самое знаменитое его сооружение — мечеть Хакима, сохранившаяся до наших дней, строилась 13 лет (с 990 по 1003 г.). Эта мечеть, пережившая землетрясение 1302 г., разделяет сейчас печальную участь ряда других фатимидских мечетей — она находится в заброшенном, полуразрушенном состоянии.

Одним из преемников Хакима был халиф Мустансир (1036—1094). Он любил приятно проводить время в своем дворце Эйш-Шамс в компании музыкантов и певцов, купаясь в бассейне, наполненном вином. Будучи человеком слабого характера, Мустансир десятки раз менял своих визирей. В 1060 г. на этот пост он назначил деспота Насир ад-Дауля, который опустошил многие чудесные дворцы фатимидского Каира и разграбил легендарную библиотеку Мустансира.

Всем известна знаменитая античная Александрийская библиотека. Однако мало кто слышал о каирской биб-

лиотеке, или библиотеке Мустансира. А меж тем она была одним из чудес средневекового мира. Она находилась в Большом дворце Востока и состояла из 40 комнат, в которых размещалось около 1,5 млн. томов сочинений, посвященных практически всем областям науки и искусства, известным арабам в то время. Самые ценные из них: 2400 древнейших списков Корана, рукописи известных арабских каллиграфов, в частности ибн-Мукла, 30 экземпляров знаменитого арабского словаря «Китаб аль-Айн», 20 экземпляров истории Табари, включая авторскую рукопись. Библиотека Мустансира включала 18 тыс. томов книг о магических знаниях и обрядах древних народов. Несколько сундуков были наполнены перьями, заточенными рукой наиболее известных каллиграфов арабского средневековья.

Кстати сказать, эти перья для мусульман представляли не меньшую ценность, чем древние манускрипты. Дело в том, что одной из высших добродетелей правоверного мусульманина является умение искусно переписать текст Корана. У арабов с древних времен высоко ценились каллиграфы, которых чтили едва ли не больше знаменитых ученых и поэтов.

По свидетельству современников, халиф Мустансир в перерывах между празднествами очень любил посещать свою библиотеку. Однако Насир ад-Дауля, захвативший в конце правления Мустансира власть в стране в свои руки, добрался и до уникальной библиотеки. Редкие арабские манускрипты он выдавал малограмотным головорезам из своей охраны вместо ежемесячной платы. Из кожаных переплетов они нарезали подметки для своих башмаков, а тексты выбрасывали. В 1069 г. во время волнений, которыми сопровождалось падение Насир ад-Дауля, население Каира довершило разгром библиотеки. Попытки спасти ее предпринял губернатор Каира, купивший оставшиеся книги. Однако, к несчастью, караван верблюдов, транспортировавший бесценный груз, был ограблен на пути в Александрию. Часть книг грабители сожгли, а оставшиеся, содрав кожаные обложки, свалили в кучу прямо в пустыне, где их постепенно занесло песком. Еще в течение многих лет кочевники называли этот огромный холм «Тель эль-кутуб», т. е. «Холм книг».

Однако вернемся из сказочного прошлого в настоящее.

Бродя по узким улочкам за Хан эль-Халили, где расположено большинство великолепных архитектурных па-

мятников фатимидской эпохи, испытываешь тягостное чувство. Значительная часть мечетей, религиозных школ, караван-сараев в этом районе малодоступны для туристов: они захвачены бездомной каирской беднотой, превратившей их в свои жалкие жилища.

Вот, например, знаменитая мадраса (религиозная школа) султана Калауна, построенная в XIII в. В большом дворе, обрамленном изящными сталактитовыми колоннами, царит невообразимая грязь. Прямо между колоннами натянуты веревки, на которых висят простыни, отделяющие жилища одной бедной семьи от другой. В углу под стрельчатыми узорными окнами раскинулся настоящий бидонвиль. В хибарах, построенных из картонных ящиков и завешанных всяким хламом, ютятся семьи по 13—14 человек. В начале 70-х годов в мадрасе Калауна нашла пристанище городская беднота, доведенная до отчаяния ростом цен на жилье. Ее нынешние постояльцы считают себя законными владельцами этого памятника средневековой архитектуры и настороженно относятся к туристам, которые, впрочем, и сами предпочитают стороной обходить эти трущобы.

В таком же состоянии находится и знаменитая фатимидская мечеть XII в. аль-Акмар, мавзолей Бейбарса XVI в. и мечеть Гамаль эд-Дина, датируемая XV в. В караван-сарае XVII в., расположенном вблизи ворот Баб ан-Наср, живут около 200 бедных каирских семей. Условия их существования были охарактеризованы представителем Комиссии ООН по делам беженцев как «напоминающие концентрационный лагерь». Официальные лица неустанно обещают этим несчастным в течение года расселить их в новых «народных» домах в Наср-сити или в Эйн-Шамсе. Однако обещания остаются обещаниями.

Конечно, положение бездомных в районе Гамалий не мало чем отличается от условий жизни бедняков в других районах столицы. Однако египетская общественность справедливо указывает на то, что этот район заслуживает особого внимания властей, так как в нем находятся бесценные памятники мусульманской архитектуры.

Один из самых знаменитых из них — огромный религиозный комплекс Аль-Азхар, Большую мечеть которого украшают 380 колонн. Квадратный двор и сейчас выглядит так же, как и в 973 г., когда он был построен. В целом же Аль-Азхар за 10 веков своего существования сильно изменился. Многочисленные халифы, как Фатимиды,

так и пришедшие им на смену Айюбиды, производили в нем значительные перестройки.

В настоящее время в Аль-Азхаре находится крупнейший религиозный университет мусульманского мира. Начало ему положило создание религиозной школы, которую основал халиф Азиз, сын халифа аль-Муизза. В 1005 г. при халифе Хакиме в Аль-Азхаре начали изучать философию, химию и астрономию.

Сравнительно недавно, еще в 50-е годы, в Аль-Азхар принимались только юноши в возрасте от 12 до 15 лет. Единственное условие — быть мусульманином и знать наизусть Коран. Прежде чем стать студентами одного из 11 факультетов Аль-Азхара, они занимались в подготовительных школах. Средняя продолжительность учебы от поступления в школу до получения ученой степени в Аль-Азхаре составляла около 20 лет. Реформы 1961 г. коренным образом изменили дух средневековой схоластики, царившей в Аль-Азхаре. В настоящее время на светских факультетах университета Аль-Азхар (арабского языка, права, юриспруденции, административных дел, коммерции, политическом, сельскохозяйственном, медицинском, педагогическом) продолжительность учебы та же, что и в других университетах Каира. После реформ 1961 г. в университете был создан педагогический факультет, на который принимаются и девушки. На смену бесконечной зубрежке, которой занимались студенты Аль-Азхара, пришли современные методы преподавания.

ВИД СО СТЕНЫ ЦИТАДЕЛИ

...Главнейшим памятником гения Саладина остался самый Вышгород — аль-Кальа, — на юго-восточном краю Каира, полуиссеченный из скал в горе Мукаттаме...

А. Н. Муравьев (1830 г.)

Первое, что привлекало взоры путешественников прошлого, подъезжающих к Каиру, была серая громада Цитадели, высившаяся на одном из отрогов Мукаттама. Русский литератор и путешественник Андрей Николаевич Муравьев, посетивший Каир в 1830 г., увидел силуэт каирской Цитадели, которую он по старинному русскому обычаю назвал Вышгородом, где-то при подъезде к Бу-

лаку, служившему в то время речными воротами Каира.

Для Каира с его однообразными темно-бежевыми домами, беспорядочно приткнувшимися к подножию Мукаттамских холмов, Цитадель на первый взгляд кажется несколько чужеродным элементом. Джеймс Олдридж, с большой тщательностью описавший исламские памятники Каира, вообще считает, что высящийся над ее стенами купол мечети Мухаммеда Али, выдержанный в турецком стиле, портит панораму Каира.

Однако можно ли говорить о чужеродности элементов турецкой культуры для Каира, города, впитавшего в себя столько самых различных влияний и веяний? И вообще, правомерно ли говорить о чисто египетском архитектурном стиле? Ведь для Старого Каира, например, характерны купола византийских базилик, для Гамалии — месопотамский силуэт минарета мечети ибн Тулуна. В центре города доминируют ровные ряды домов — «сундуков», несущие на себе печать парижского стиля времен Наполеона III и префекта Гаусмана. Так что стамбульский силуэт мечети в крепости времен крестоносцев — лишь одна из граней облика великого города.

Древние стены каирской Цитадели хранят память о двух выдающихся государственных деятелях Египта: Салах эд-Дине и Мухаммеде Али. Крупных деятелей, как известно, порождают переломные эпохи. Салах эд-Дина и Мухаммеда Али, этих, кстати говоря, чужеземцев (первый из них был курдом, а второй — албанцем), выдвинули на авансцену египетской истории значительные, переломные периоды в жизни Египта. Вся деятельность Салах эд-Дина была связана со становлением египетского феодального государства и борьбой арабов против крестоносцев. А имя Мухаммеда Али по праву ассоциируется с осуществленными им в первой половине XIX в. глубокими реформами, заложившими основу для развития капитализма в Египте.

Имя Салах эд-Дина увенчано ореолом героических преданий. Знаменитый победитель крестоносцев как в европейских рыцарских романах, так и в хрониках средневековых арабских историков предстает человеком выдающихся качеств. Он вошел в историю арабов как идеал исламского правителя. Салах эд-Дин как объединитель арабов особенно популяризировался во времена Гамаль Абдель Насера, когда велась широкая пропаганда арабского единства, сплочения арабов перед лицом империалистической опасности.

Ряд арабских историков, в частности Макризи, описывают Салах эд-Дина как человека скромного, мягкого нрава. Несмотря на слабые от природы физические данные, он всю жизнь провел в войнах против иноземных завоевателей. Салах эд-Дин завоевал Месопотамию, правил в Дамаске, одержал выдающуюся победу над крестоносцами при Хаттине, взял Иерусалим и подчинил себе практически всю Палестину, оккупированную крестоносцами. Салах эд-Дин умер в 1193 г. в Дамаске. Из 56 лет жизни только восемь он провел в Египте. Однако Каир обязан Салах эд-Дину многим, в первую очередь — Цитаделью. Построенная в конце XII в., она, подобно кремлю в древних русских городах, стала центром, объединившим разрозненные районы города: Фустат, возникшее около него военное поселение Аль-Аскар, Катаи и, конечно, аль-Кахиру. В те тревожные времена средневековая крепость на неприступном холме была важным военно-стратегическим пунктом.

Имя главного распорядителя работ при строительстве Цитадели жадного евнуха Каракуша стало нарицательным у египтян. Про него до сих пор ходят забавные истории. Вот одна из них. Однажды женщина, у которой скончался муж, пришла к Каракушу попросить немного денег из государственной казны, чтобы купить саван для покойного. «Фонды милостыни на этот год исчерпаны», — ответил Каракуш, — приходи в будущем году, и, с божьей помощью, мы купим твоему мужу саван».

Каирцы в средние века считали, что в находящемся на территории Цитадели «колодце Иосифа» обитают души скончавшихся во время тяжелых работ феллахов, которых насильно сгоняли сюда на строительство. По народному поверью, призрак Каракуша до сих пор живет в «колодце Иосифа» и время от времени выходит наружу, чтобы заживо замуровать того, кто имел несчастье заслужить его немилость.

На западной стене крепости сохранилась полуразрушенная скульптурная фигура орла, вцепившегося когтями в стену. Он как бы наблюдает за огромным городом, простиравшимся у подножия Цитадели. Этому орлу народная фантазия приписывает дар предвидения. Каирцы считают, что, когда он взмахивает крыльями и издает горланый крик, город ждут ужасные события.

Во времена Салах эд-Дина за мощными стенами Цитадели стояли немногочисленные здания: мечеть, конюшни и голубятни, осуществлявшие постоянную почтовую

связь с Сирией. Однако время не пощадило эти строения. В наши дни внутри Цитадели сохранились лишь сооружения, построенные в эпоху мамлюков и османского владычества. Когда погожим летним днем мы въехали в Цитадель через восточные ворота Баб эль-Гебель, то оказались на маленькой площади перед мечетью Мухаммеда ан-Насера ибн Калауна, возведенной в начале XIV в. Расположенный на территории Цитадели Военный музей, где находятся трофеи, захваченные египетской армией во время октябрьской войны 1973 г., был закрыт. Миновав сводчатые ворота, по бокам которых на внушительных чугунных лафетах стоят старинные орудия, мы вышли к отделанной розовым алебастром мечети Мухаммеда Али, строительство которой было завершено в 1848 г. По случаю пятничной молитвы нам пришлось долго ждать, чтобы попасть в залитый солнцем внутренний дворик мечети. В полуоткрытую дверь мы видели, как сотни коленопреклоненных египтян сосредоточенно повторяли слова сур Корана.

Чтобы не терять времени, мы не спеша обошли мечеть Мухаммеда Али и оказались на смотровой площадке, с которой перед нами открылся великолепный вид на Каир. У самого горизонта за солнечным маревом пустыни вставали силуэты трех пирамид Гизе. А на всем пространстве между пирамидами и Цитаделью раскинулся необъятный город. Мы удобно расположились в небольшой беседке, приютившейся на самом краю каменной баллюстрады. Возможно, И. А. Бунин, неоднократно бывавший в Каире, в рассказе «Свет зодиака» (1907 г.) упоминает именно эту беседку, откуда он любовался «морем серого огромного города, теряющегося в пыли».

У входа в расположенные у подножия Цитадели величественные мечети султана Хасана и ар-Рифаи собралась толпа. Чуть левее виднеется витой минарет мечети ибн Тулуна. Из-за вычурного куба мечети ар-Рифаи выглядывает купол Аль-Азхара, а совсем вдали видны контуры многоэтажных современных отелей «Шератон» и «Меридиан».

Район, раскинувшийся у подножия Цитадели, — еще одна страница в каменной летописи города. Она вписана мамлюжскими султанами, которые правили страной в течение почти трех веков — с 1251 до 1517 г., когда Египет был завоеван турками-османами.

Традиция формировать отряды мамлюков (воинов-рабов тюркского или кавказского происхождения) восхо-

дит еще к багдадским халифам. В Египте мамлюкскую гвардию впервые создал один из последних айюбидских султанов, Малик Салех. Он разместил их на о-ве Рода, и поэтому первую, тюркскую династию правивших в Египте мамлюкских султанов, сменивших Айюбидов, называют «бахритскими» мамлюками (от арабского слова «бахр» — «большая река»), чтобы отличить их от династии черкесских мамлюков, резиденцией которой с 1382 г. вновь стала каирская Цитадель.

Период мамлюкского владычества — это время страшного хаоса и непрерывных феодальных междоусобиц. Мамлюки находились под началом 24 беев, выдвигавших султанов из своей среды. Опираясь на беев и в то же время находясь в зависимости от них, султаны считали необходимым всячески задабривать их подарками и милостями. Однако каждый бей считал, что он сам находится как бы на полпути к трону. Немного удачи и отваги — и заветная цель в кармане. В среднем пребывание мамлюкского султана на египетском троне не превышало пяти с половиной лет. Тем удивительней огромное количество великолепных зданий и архитектурных памятников, которые украсили Каир в мамлюкскую эпоху. Одной из причин расцвета Египта при мамлюках было то, что им удалось сосредоточить в своих руках левантийскую торговлю, и в первую очередь торговлю восточными специями, ставшими весьма популярными в Европе после крестовых походов. Каир превратился в торговый центр и перевалочный пункт караванного пути, связывавшего восточные страны с Европой.

Один из любопытных памятников этой эпохи — знаменитое кладбище халифов в северо-восточной части Каира. Его называют также «городом мертвых». После того, как в долине, раскинувшейся между Цитаделью и отрогами Мукаттамских холмов, было воздвигнуто первое надгробие — надгробие Бадр аль-Гамали, — вся она вскоре была заполнена самыми разнообразными и причудливыми памятниками. «Город мертвых» в Каире — уникальное место, где удивительным образом слились воедино погребальные обряды ислама и местные, чисто египетские традиции. В частности, мамлюкский султан Баркук возвел вокруг своего будущего мавзолея дома для рабочих и их семей. Каит-бей воздвиг рядом со своей мечетью общежитие для студентов Аль-Азхара. В «городе мертвых» существовали собственные рынки, лавочки, конюшни и т. д. Арабский путешественник Ибн Баттута рас-

сказывает, что у каирцев в средние века было обычное проводить ночь с четверга на пятницу, и особенно с 14-го на 15 день мусульманского месяца шаабана, подле семейных могил. В эти дни особенно наживались торговцы и владельцы маленьких кофеен, которых было великое множество в «городе мертвых».

Эта своеобразная часть средневекового Каира сохранилась до наших дней. Причудливые купола «города мертвых» особенно хорошо видны со стен Цитадели. На его тесных улочках всегда оживленно. А объясняется это довольно просто: в 40-е годы нынешнего века сельские жители, устремившиеся в Каир в поисках работы, нашли приют в пустующих склепах и мавзолеях «города мертвых». Властям, поставленным перед свершившимся фактом, пришлось упорядочить жизнь обитателей средневекового кладбища. Там действует несколько полицейских участков и построены даже начальные школы.

Мамлюкский Каир — это тот город, который предстает перед нами со страниц сказок «Тысячи и одной ночи». Вопреки укоренившимся представлениям о том, что местом действия чудесных приключений героев этих сказок является Багдад, значительная часть сюжетов, вошедших в этот сборник, имеет египетское происхождение. Каир XIII—XIV вв. мог соперничать с Багдадом своими великолепными банями, славящимися на весь мусульманский мир, огромным рынком восточных специй и пряностей. Находился там и большой рынок рабов. Двое из наиболее выдающихся представителей «бахритской» династии египетских мамлюков, султаны Бейбарс и Калаун, были куплены в свое время на этом рынке.

Кстати, султан Бейбарс (1260—1277), турок по происхождению, как и багдадский халиф Гарун аль-Рашид, является одним из героев сказок «Тысячи и одной ночи». Вследствие того, что один его глаз был обезображен катарактой, его купили за очень низкую цену. Громадного роста и большой физической силы, он в то же время был мужествен, энергичен, жесток и решителен; он, казалось, был способен одновременно находиться в самых отдаленных частях своей империи. Султан Бейбарс тщательно соблюдал догмы ислама, имел только четырех жен, дозволенных законом, самым жестоким образом искоренял пьянство. Народ его уважал, а соперники ненавидели и боялись. Бейбарс — излюбленный персонаж египетских народных сказаний и легенд. Умер он вследствие

роковой ошибки, выпив чашку отравленного кофе, приготовленную для одного из его эмиров.

Бейбарсу Каир обязан мечетью, построенной в 1269 г. за воротами города. Для ее строительства были использованы мрамор и дерево, доставленные из Яффы. Этой мечети не повезло: французы во время экспедиции Бонапарта использовали ее как укрепленный форт, в эпоху Мухаммеда Али в ней помещалась казарма, а в период английской оккупации — будочная. В наше время эта полуразрушенная, но все еще прекрасная мечеть неизменно привлекает толпы туристов.

Преемник Бейбарса — султан Калаун вписал свое имя в каменную историю мусульманского зодчества, построив в 1284 г. прекрасный мавзолей, сохранившийся до наших дней. Он был сооружен Калауном по обету, данному во время тяжелой болезни. Особенно замечательны мозаики, украшающие его стены.

В мамлюкскую эпоху у подножия Цитадели выстроен еще один шедевр восточной архитектуры — мечеть султана Хасана (1362 г.). В средние века она нередко использовалась как крепость. По легенде, после того как мечеть была закончена, султан отрубил руку архитектору, чтобы он больше не смог построить ничего подобного. Макризи писал: «Ислам не имеет никакого другого храма, который бы мог бы сравниться с мечетью султана Хасана как своим величием, так и красотой архитектуры»².

Со смотровой площадки, где мы стоим, прекрасно видна эта великолепная мечеть. Время пощадило ее. Внешне она не особенно бросается в глаза и даже, кажется, несколько проигрывает расположенной рядом с ней мечети ар-Рифаи, где находится родовая усыпальница египетских королей (мечеть ар-Рифаи возведена ровно через пять с половиной веков после мечети султана Хасана — ее строительство было закончено в 1912 г.). Однако это лишь первое, поверхностное впечатление. При более обстоятельном знакомстве мечеть султана Хасана поражает удивительной строгостью и простотой своих пропорций.

В наружной стене мечети видны застрявшие ядра. Они остались со времен экспедиции Бонапарта, когда французские войска обстреливали из Цитадели восставших египтян, засевших в мечети султана Хасана и Большой мечети Аль-Азхара.

Кульминационным моментом в истории мамлюкского Египта стало правление султана Мухаммеда ан-Насера

ибн Калауна. Богатство и великолепие дворцов и мечетей Каира восхищали всех, кто его посещал. Ибн Баттута, который приехал в Каир в 1326 г., был поражен тем, как быстро возводились в Каире мечети. Только в период с 1320 по 1360 г. в городе появилось 40 новых мечетей.

Однако вскоре на Египет обрушиваются ужасные бедствия. После эпидемии 1348 г. начинается нескончаемая серия несчастий, народных волнений, анархии. Каирцы толпами покидают столицу. Дома приходят в запустение, великолепные мечети стоят заброшенными. Глубокий кризис как бы подготавливает почву для новой эпохи в жизни Египта — эпохи османского владычества.

В 1512 г. султаном в Константинополе становится Селим I, существенно расширивший границы Османской империи. После завоевания Мосула и Сирии он направляет ультиматум мамлюкскому правителю Египта Туман-бею, требуя подчинения. Получив отказ, Селим I идет войной на Египет. 22 января 1517 г. Туман-бей разбит. Селим сначала относится к нему неплохо, расспрашивает его об особенностях управления Египтом, о ресурсах страны, а затем, получив нужную информацию, приказывает повесить его на железном крюке ворот Баб аз-Зувейля.

С концом господства мамлюков наступает и конец независимости Египта. Он превращается в провинцию Османской империи. Селим I остается в Египте до сентября 1517 г. Покидая Египет, он увозит с собой многих искусных ремесленников. За ним следует караван, нагруженный серебром и золотом.

Система правления, оставленная турками в Каире, во многом напоминала мамлюкскую эпоху. В Цитадели находилась резиденция наместника (паши), назначаемого Портой. Наместник опирался на военный гарнизон (около 30 тыс. человек). Однако мамлюки продолжали составлять своеобразную военную аристократию (около 10 тыс. человек), их предводители — беи формировали диван, контролировавший наместника. Иногда они даже свергали его. С 1517 по 1798 г. в Египте сменилось 183 наместника, т. е. в среднем продолжительность их правления составляла 1,5 года.

Район вокруг Цитадели нередко превращался в поле кровавой и жаркой битвы между беями и пашой. Беи подвергали резиденцию наместника в Цитадели артиллерийскому обстрелу с вершин близлежащего Мукаттама. В этот нестабильный и полный бедствий период Каир час-

то потрясали народные восстания и бунты. Город нередко становился жертвой набегов бедуинов. В частности, в 1556 г. бедуины блокировали все выходы из города и долго держали его в осаде.

Турецкие паши снискали печальную известность необыкновенной жестокостью. Али-паша, правивший Египтом в начале XVII в., проезжая по улицам Каира, приказывал отрубать не менее дюжины голов, и его лошадь возвращалась в Цитадель, по брюху забрызганная кровью. Мустафа-паша (1624 г.) любил посещать имения беев и конфисковать все ценные предметы, которые приходились ему по вкусу. Хасан-паша (1630 г.) объявил себя единственным законным наследником своих вассалов, и все их имущество после смерти шло в его казну.

Однако не все турецкие паши были такими варварами. В 1696 г. правитель Египта Ибрагим-паша объявил о желании совершить обряд обрезания своему пятнадцатилетнему сыну и пригласил всех знатных людей Каира присоединиться к этой церемонии. Народные гуляния длились 10 дней. Один из знаменитых каирских акробатов ходил на потеху публике по канату, натянутому от минарета мечети султана Хасана до стены Цитадели. На следующий день три пушечных залпа и праздничные звуки труб и фанфар оповестили о торжественном начале церемонии. В большой двор Цитадели, вмещавший 2 тыс. всадников, набилось столько народу, что лошадей пришлось оставлять за оградой. Во дворе были разбиты две палатки. В одной из них сидели музыканты и танцоры. Ночью город осветился тысячами фонарей.

Одним из самых знаменитых домов того времени был дом Ахмеда аш-Шараби на площади Эзбекия. Эта знатная семья была известна своей образованностью. В доме аш-Шараби было много старинных рукописей, там собиравались ученые.

Однако интерес семьи аш-Шараби к книгам представлял собой исключение на фоне общего упадка интеллектуальной жизни, начавшегося при мамлюках и продолжавшегося в эпоху османского владычества. Врагом наук в Египте была религиозная схоластика, фанатичный догматизм мусульманского духовенства, центром которого стал университет Аль-Азхар.

В эпоху турецкого господства особенно ярко обнажились социальные контрасты. Европейским путешественникам, посещавшим в этот период Каир, бросалась в глаза колоссальная разница между горсткой имущих и по-

давляющим большинством ужасающе бедного и забитого народа. Средней прослойки зажиточных обывателей в Каире почти не существовало.

В упадок пришла египетская торговля. Каир нишал. К концу XVIII в. в некогда процветавшей столице богатой страны осталось только девять мясных лавок, да и те назывались «лавками великого паши», поскольку голова и кожа всех животных, за исключением козлов, принадлежали по закону турецкому наместнику.

За годы османского владычества Каир потерял две трети своих жилых кварталов и населения. Из сказочно-го города «Тысячи и одной ночи» он превратился в рядный провинциальный город.

РУССКИЕ ПРИ ДВОРЕ МУХАММЕДА АЛИ

Поставил я себе главнейшей задачей изобразить беспристрастно, самостоятельно и по возможности с объективной точки зрения настоящее положение селений и обитателей их, феллахов...

А. Рафалович (1850 г.)

В древних стенах каирской Цитадели Мухаммед Али принял целый ряд русских путешественников, дипломатов, ученых, посетивших Египет в первой половине XIX в. По существу, во время этих визитов и закладывались основы сотрудничества наших стран, впервые соприкасались культуры наших народов.

Прежде всего, несколько слов о самом Мухаммеде Али. Албанец по происхождению, он родился в родном городе Александра Македонского — Кавалле, в том же году, что и Наполеон (1769 г.). Впоследствии его биографы отмечали, что сама судьба с рождения связала Мухаммеда Али с двумя великими полководцами, завоевавшими Египет. До конца своих дней он питал глубокий интерес к Александру Македонскому и Наполеону. В кругу приближенных он любил сравнивать себя с отцом Александра — Филиппом, а своего наделенного блестящим полководческим талантом сына Ибрагима — с Искандером зульт-Карнейн — «Александром двурогим» (так арабы называли Александра Македонского за его двурогий шлем).

В Египет Мухаммед Али попал во главе отряда албан-

ских войск, входивших в состав турецкой армии, которая сражалась против французского экспедиционного корпуса. Опираясь на поддержку верных ему албанцев, Мухаммед Али 12 мая 1805 г. добился от Порты назначения на пост наместника султана в Египте. В борьбе за укрепление своей личной власти Мухаммед Али проявил выдающуюся силу воли, честолюбие и изобретательность. Он жестоко преследовал мамлюжских беев, не желавших расставаться со своими привилегиями.

Заключительный эпизод противоборства Мухаммеда Али с мамлюками развернулся в Цитадели. В 1811 г. Порта приказала Мухаммеду Али направить войска в Хиджаз для подавления восстания ваххабитов. Обеспокоенный тем, что беи могут воспользоваться отсутствием войск в Каире и поднять мятеж, Мухаммед Али решил раз и навсегда покончить с ними. Путешествовавший по Египту в 1834—1835 гг. А. С. Норов следующим образом описывает кровавые события, происшедшие в Цитадели 1 марта 1811 г.:

«Туссун, сын Мегмета, возведенный перед тем Портою в звание бунчужного паши, должен был открыть предстоящую кампанию. Мегмет Али назначил 1-е число марта для возложения на своего сына дарованного ему достоинства и хотел ознаменовать этот день большим торжеством в Цитадели. Мамлюки, предводимые тогда храбрым Шехин-Беем, были приглашены в Цитадель на пиршество. Пять сот удалых наездников, облитые золотом, на борзых Неджинских конях, сопровождаемые столь же роскошно одетыми саисами, поднялись на крутые высоты Цитадели и расположились на площади, перед дворцом наместника. Лучшие яства были им выставлены, между тем как Шахи и другие беи окружали Мегмета Али на роскошных диванах, запивая кофеем и шербетом дым наргилеев и трубок, при грохоте водомета. Мегмет Али долго удерживал гостей своих и с редким добродушием поверял им свои надежды, испрашивал их советов на предстоящие трудности войны, доверял им целостность своего владычества и дома в случае долгого отсутствия и, наконец, улелеяв их, как детей, своими ласками, когда гроза совсем уже созрела, подал согласие на их отъезд. Для отвращения всякого сомнения почетный отряд Мегмета предводил великолепное шествие мамлюков, которые должны были спускаться сквозь тесный дефилей между отвесных скал от Цитадели к площади Румелие. Едва передовой отряд Мегмета прошел первые внутрен-

ние ворота, как вдруг эти железные ворота затворились. Меж тем наружные уже были затворены, и в случае, если б передовой отряд не успел скоро затворить внутренние ворота, то этот отряд погиб бы вместе с мамлюками. Тут картечь и пули посыпались на беззащитных всадников, которых кони вотще бились об отвесные стены скал. В полчаса времени трупы мамлюков и лошадей загромодили весь дефилей. Несколько человек пробились наверх и в общем смятении скрылись во дворце Мегмета и просили пощады; но грозный властелин велел их тут же обезглавить. Один из самых отчаянных наездников, доскакав на окровавленном коне до самой вершины обрывистой скалы, вонзил оба острые стремени в бока разъяренного коня и низвергся с страшной высоты! — Конь разбился, а он сам убежал в пустыню и укрылся наконец в Сирии. Нельзя вообразить того смятения, которое царствовало тогда в Каире; под предлогом отыскания оставшихся мамлюков множество домов было разграблено до основания»³.

А. С. Норов в основном верно передал происшедшие в Цитадели события. Верен и его рассказ о лихом наезднике, прыгнувшем со своим конем с тридцатиметровой высоты и оставшимся целым и невредимым. А. Уманец, которому в 1842 г. удалось поговорить с бывшим янычаром Османом-Агой, служившем в то время управляющим военным госпиталем Каср аль-Айни, уточняет только, что это был простой воин Хасан, который «пробился наверх к самому дворцу паши, но был преследуем десятком вооруженных. Пули свистали вокруг него, и он был притиснут к самому краю обрыва. Не видя возможности спастись, он дал шпоры своему коню, ужасная стремнина не устратила благородного животного, и оно смертью своей выкупило жизнь своего всадника. Отважность Хасана не могла не удивить пашу и вместе с тем не понравиться ему, как только доложили ему об этом случае. Он сказал только: „Ма шаалла“. Хасана схватили, но Мухаммед Али пощадил его и взял в свои войска»⁴.

Эта история до сих пор популярна в Египте, только в качестве смелого всадника называют известного мамлюжского бея Эмина. Это, по всей вероятности, не совсем верно. Эмин-бей, по словам собеседника А. Уманца, также спасся от побоища, но уберегло его чисто восточное суеверие: когда он брал чашку кофе из рук слуги Мухаммеда Али, он уронил несколько капель на платье. Приняв это за самое дурное предзнаменование, он решил неза-

метно покинуть Цитадель. Добравшись до дома, когда избиение мамлюков уже началось, Эмин-бей сумел скрыться из города и спастись в Сирии.

Годы правления Мухаммеда Али (1805—1847) прошли под знаком глубоких социально-политических реформ, затронувших все сферы жизни Египта. На месте полуразоренной страны, являвшейся безропотным вассалом Османской империи, возникла централизованная феодально-крепостническая монархия, начавшая проводить самостоятельную политику не только во внутренних, но и во внешних делах.

Русские путешественники и дипломаты оставили нам портрет Мухаммеда Али на различных этапах его жизни. Наиболее интересны наблюдения А. С. Норова. В своем «Путешествии по Египту и Нубии в 1834—1835 гг.», вышедшем в 1840 г., он подробно останавливается не только на личных впечатлениях от встреч с Мухаммедом Али, но и дает развернутую характеристику государственного строя Египта, состояния его промышленности и сельского хозяйства, финансов. Записки А. С. Норова с полным правом можно считать первым русским исследованием истории Египта в новое время. Н. Г. Чернышевский писал, что они занимают «почетное место в ученом отношении между всеми сочинениями по этому вопросу»⁵. В этом смысле они выгодно отличаются от появившейся в 1832 г. книги известного религиозного писателя и историка церкви А. Н. Муравьева «Путешествие по святой земле», в которой автор лишь бегло касается своих впечатлений от личности Мухаммеда Али и его реформ.

Вот как А. С. Норов описывает свои впечатления от первой встречи с Мухаммедом Али: «Все мое внимание устремилось на маститую голову этого знаменитого человека, я старался прочесть в чертах его лица бурную историю его жизни. Чело его, осененное белою, обширною чалмою, и весь низ лица, покрытый широкою седою бородой, при малой подвижности физиономии и телодвижений показывают сначала тихого и скромного старца; но быстрота серых его глаз, блистающих из-под насупленных седых бровей, и принужденная, хотя и тихая улыбка обнаруживают, после пристального рассмотрения, глубокую скрытность, стойкость, гениальный ум и, наконец, истребителя мамлюков»⁶.

А. С. Норов сумел понять и предугадать последствия реформ Мухаммеда Али как для политического будущего самого Египта, так и для Ближнего и Среднего Востока в

связи с постепенным, но неумолимым развалом Османской империи.

Следует оговориться, что А. С. Норов и А. Н. Муравьев, люди глубоко религиозные, смотрели на Египет и мусульманский мир в целом сквозь призму христианских догм, составлявших как бы внешнюю оболочку «восточного вопроса». Тем не менее Б. М. Данциг, крупнейший советский исследователь русских путешественников на Ближний Восток, назвав А. С. Норова «апологетом реакционного православия», явно недооценил его. Религиозность А. С. Норова, прошедшего по Египту с Библией в руках, соседствовала в нем с жадной научной жаждой. Близкий друг А. С. Норова А. О. Дюгамель, генеральный консул России в Каире в середине 30-х годов прошлого века, с восхищением описывает мужество, с которым этот искалеченный человек переносил тяготы трудного и опасного путешествия в Верхний Египет. Собранные им данные по различным областям хозяйственной и общественной жизни Египта первой трети прошлого века не утратили своего значения и сегодня.

Однако, признавая заслуги А. С. Норова как исследователя чужих стран и народов, не хотелось бы приукрашивать его достаточно противоречивую личность. С одной стороны, А. С. Норов — герой Отечественной войны 1812 г., артиллерист, потерявший ногу в Бородинском сражении, литератор и поэт, член Российской Академии наук по отделению русского языка и литературы, сотрудник многих петербургских журналов, собиратель старинных книг. С другой — безликий и безвольный сановник (в 1853—1858 гг. — министр народного просвещения, а с 1854 г. — член Государственного совета), не оставивший заметного следа в общественно-политической жизни России накануне бурных 60-х годов. «Лично добрый и очень благочестивый, Норов как министр проявлял крайнее малодушие и несамостоятельность, во всем беспрекословно подчинялся господствовавшим в правительственных сферах узко охранительным тенденциям» — такую характеристику давали ему либерально-народнические издания конца прошлого века.

В А. С. Норове как бы уживались два противоположных человека. Нельзя не согласиться с советским исследователем Ю. М. Кобищановым, отмечавшим, что в его характере переплетались черты героев «Войны и мира» Андрея Болконского, Пьера Безухова, Николая и Петра Ростовых. Действительно, судьбы этих героев Л. Н. Тол-

стого перекликались с его судьбой. В частности, после ранения при Бородине его, как князя Андрея после битвы при Аустерлице, лечил лейб-медик Наполеона Ларей. Однако сходство это зачастую носило чисто внешний характер. Не секрет, например, что А. С. Норов не принял гениального романа Л. Н. Толстого, подверг его критике в своем последнем труде — «Замечания на „Войну и мир“ Толстого».

Двойственность натуры А. С. Норова ощущали и его современники. В частности, А. В. Никитенко в своем «Дневнике» сетует на то, что благие порывы А. С. Норова, направленные на демократизацию университетской жизни, так и остались неисполненными.

Для А. К. Толстого А. С. Норов — всего лишь один из бездарных министров эпохи Николая I — Александра II.

А близкий к петербургскому кружку А. С. Норова П. А. Вяземский относился к нему совсем по-иному:

Хоть заикался он и хоть рассеян был,
Но на дела добра, за правду ли вступаясь,
Ум, в совесть вслушавшись и с ней не запинаясь,
Мысль выражал свою правдивым языком.
Нет, совесть ни пред кем не заикалась в нем.

Впрочем, история уже вынесла свой приговор общественно-политической деятельности А. С. Норова. Сегодня мало кто о ней помнит. Что же касается его книг, то они живут и сейчас...

В 1839 г. Мухаммеда Али посетил только что назначенный консулом России в Бейруте Константин Михайлович Базили — видный дипломат, путешественник и востоковед. В бейрутском доме Базили останавливались Н. В. Гоголь, с которым Базили учился в нежинской гимназии в 1822 г., поэт П. А. Вяземский, глава русской духовной миссии в Константинополе Порфирий Успенский. Базили застал Мухаммеда Али в начале болезни, которая унесла его через 10 лет в могилу. В своей книге «Сирия и Палестина» он пишет: «...Старый баловень судьбы, видимо, изнемогал от напряжения умственных сил, от порывов воображения, которыми так неводержанно окрылялись его честолюбивые замыслы, долго таившиеся в душе румелийского выходца»⁷. Мухаммед Али подробно рассказал К. М. Базили о тех переменах, которые произошли в Египте за годы его правления. Он несомненно придавал аудиенции, которую он дал К. М. Базили, политическое значение. Ведь эта встреча произошла сразу же после второй сирийской кампании, когда

Россия в очередной раз заняла сторону Порты в ее военном конфликте с Мухаммедом Али.

Неоднократно встречался с Мухаммедом Али посетивший Египет в 1847 г. в связи с устройством в Александрии карантинных мероприятий преподаватель медицины Одесского лицея Артемий Алексеевич Рафалович. Он, кстати, участвовал в консилиуме, созданном в связи с ухудшением здоровья Мухаммеда Али.

В том же году Египет посетил горный инженер Егор Петрович Ковалевский, приглашенный Мухаммедом Али для поисков и разработки месторождений золота в Юго-Восточном Судане. Его миссия — один из первых актов помощи России Египту.

Близкие отношения с Мухаммедом Али сложились и у Александра Осиповича Дюгамеля, возглавлявшего русскую дипломатическую миссию в Египте в 1834—1837 гг., т. е. в период, когда начали активно развиваться отношения между Россией и Египтом.

Полковник А. О. Дюгамель был офицером связи генерала Н. Н. Муравьева (брата писателя А. Н. Муравьева), находившегося в 1832/33 г. в Константинополе и Каире с поручением приостановить военные действия египетского паши против турецкого султана. Миссия Н. Н. Муравьева в Каир завершилась успехом. В этом есть заслуга и А. О. Дюгамеля, встречавшегося 5 января 1833 г. с главнокомандующим египетскими войсками Ибрагимом-пашой в азиатском городе Конья, где в декабре 1832 г. египетские войска наголову разбили турок. А. О. Дюгамель высоко оценил как личные качества Ибрагима-паши, так и его познания в военном искусстве.

В Египет Дюгамель прибыл 1 января 1834 г. Перед отъездом из Петербурга Николай I дал ему личную аудиенцию, во время которой обрисовал цели политики России в отношении Египта. Из беседы с царем Дюгамель понял, что сильный Египет был нужен царизму как фактор, сдерживающий амбиции Порты.

А. О. Дюгамель стал первым российским генеральным консулом, которому было поручено осуществлять в Египте активную политическую линию.

А между тем первый генеральный консул России в Египте барон фон Тонус прибыл в Александрию за полвека до А. О. Дюгамеля — в 1783 г. Артикул «Первый на десять» Кючук-Кайнарджийского мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1768—1774 гг., гласил: «...А дабы во всем наблюдаем был добрый порядок,

равным образом Блистательная Порты позволяет иметь пребывание консула и вице-консула, которых Российская империя во всех тех местах, где они признаны будут необходимыми, назначить за благо рассудит, которые и будут почитаемы и уважаемы в равенстве с прочими дружеских держав консулами»⁸.

Полученное Россией на основании Кючук-Кайнарджийского договора право назначать консулов в Египет опиралось на проявившийся в последней четверти XVIII в. интерес к России со стороны тех слоев египетского общества, которые искали пути для отделения Египта от Османской империи. В частности, правивший Египтом с 1767 по 1772 г. мамлюк Али-бей, грузин по происхождению, воспользовался пребыванием в Средиземном море первой русской экспедиции в Архипелаг под командованием графа Алексея Орлова для того, чтобы вступить в контакт с русскими военными властями. Однако Али-бей был разгромлен раньше, чем Россия успела оказать ему помощь.

А. О. Дюгамель глубоко разобрался в политике Мухаммеда Али. В своем донесении в российское министерство иностранных дел от 18 сентября 1834 г. он отмечал: «Принимая во внимание выгоды одной только России, я вовсе не считаю, чтобы настоящее могущество Мехмета-Али даже в том случае, если он станет вполне независимым, чем-либо могло повредить нам. Напротив, в существовании этой новой державы я усматриваю вечное страшилище для Блистательной Порты, что заставит Диван все более и более искать сближения с Россией и только еще более укрепит наше законное влияние на Востоке»⁹.

В своих автобиографических записках А. О. Дюгамель отмечает, что в первой половине XIX в. Россия не могла не считаться в своей восточной политике с существованием фактически независимого государства Мухаммеда Али, включавшего в себя помимо Египта значительную часть Аравии и Судана, Киренаику, Палестину, Сирию, Ливан, приморские провинции Эфиопии и Сомали.

Однако отношения России и Египта складывались в эти годы непросто. Россия вместе с Англией и Францией разгромила под Наварином турецко-египетско-тунисский флот, участвовавший в подавлении национально-освободительного восстания греков. Затем дважды (в 1832/33 и 1839/40 гг.) Россия помешала Мухаммеду Али, который

вел победоносные кампании против султана, одержать решающую победу над Турцией. Тем не менее Мухаммед Али с уважением относился к России.

В эпоху Николая I, и в особенности во второй половине XIX в., Египет превратился, если можно так выразиться, в частный случай «восточного вопроса», появление которого было связано с начавшимся ослаблением и постепенным распадом Османской империи. На всех этапах развития «восточного вопроса» отношение к нему со стороны России было запутанным и противоречивым. Однако не вызывает сомнения тот факт, что Египет не входил в сферу приоритетов восточной политики царизма.

Нарождавшийся русский капитализм в отличие от англо-французского был мало причастен к финансовой эксплуатации Египта. К 1880 г. задолженность египетского правительства русским не превышала 1 млн. ф. ст. Россия не входила в состав международных органов, созданных для взимания долга с Египта. По переписи 1882 г., в Египте было лишь около 530 русских подданных, т. е. 0,6% всего иностранного населения страны. Доля России во внешней торговле Египта составляла в 1880 г. менее 7%.

Тем не менее перспективы развития русско-египетской торговли были благоприятными. Крупной статьей русского импорта из Египта стал в конце XIX в. хлопок, в поставках которого была заинтересована русская текстильная промышленность (во второй половине XIX в. хлопок занимал первое место среди всех импортируемых Россией товаров). Русские текстильные промышленники по объему вывоза египетского хлопка вышли в конце XIX в. на второе место после Англии. Уже в 1859 г. корабли Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ) совершили первый коммерческий рейс Одесса — Александрия. РОПИТ первым из европейских компаний стал направлять по этой линии корабли в Порт-Саид.

Учитывая это, а также все возраставшее значение Суэцкого канала как международного морского пути, в Петербурге пытались противодействовать превращению Египта в колонию Англии, однако делали это вяло и нерешительно. В результате предпринятые царской дипломатией усилия противопоставить англо-французскому союзу согласованные действия России, Германии и Австро-Венгрии в рамках Союза трех императоров не увен-

чались успехом. Бисмарк, считавший египетский вопрос «полезным участком для политических операций», дал указание своим дипломатам не препятствовать англо-французской акции в Египте. Такую же позицию пришлось занять и России. Русские военные суда, крейсер «Азия» и клипер «Забияка», находившиеся в момент бомбардировки англичанами в июле 1882 г. на Александрийском рейде, получили указание не вмешиваться.

Непоследовательный и нерешительный характер политики царской России в Египте ярко олицетворяет судьба видного русского дипломата графа Николая Павловича Игнатьева, занимавшего пост посланника в Константинополе с 1864 по 1874 г.

В Константинополь Игнатьев прибыл молодым (ему было всего 32 года), но уже довольно опытным дипломатом. Сын видного государственного деятеля, пользовавшегося влиянием при дворе, Игнатьев сделал быструю и блестящую карьеру. Получив специальное военное образование в Пажеском корпусе, Игнатьев надел генеральские эполеты будучи 27 лет от роду. Пробыв около года в должности военного агента в Лондоне, он был назначен начальником военно-политической миссии в Хиве и Бухаре, а в 1859 г. успешно выполнил миссию в Китае, где добился от пекинского правительства ратификации Айгунского договора. Ко времени приезда Игнатьева в Турцию вряд ли кто-либо мог предположить, что самые значительные его успехи уже позади. Меткую характеристику ему дал Энциклопедический словарь Гранат, отмечавший, что «по внешним приемам своей деятельности Игнатьев во многом отличался от обычного типа русских дипломатов, безликих, лишенных инициативы и самостоятельности, больше всего боявшихся какой бы то ни было ответственности и потому ставивших своей главной задачей избегать каких бы то ни было осложнений. У Игнатьева было много показной энергии. Он любил публичные выступления, много говорил о своих особых симпатиях к балканским славянам, афишировал эти симпатии, постоянно заявлял об особых интересах России на Ближнем Востоке, о необходимости для нее вести здесь свою собственную политику, независимую от политики европейского концерта и т. д. и т. п. Все это создало ему в Европе репутацию вождя воинствующего панславизма, но вместе с тем за всем этим не скрывалось и следа ясно продуманной программы и умения добиваться поставленных себе целей»¹⁰.

Просчеты Игнатьева, к которым в Петербурге отнесли, в частности, то, что Суэцкий канал в период русско-турецкой войны 1877/78 г. оказался закрытым для русских судов, не были случайными, они были закономерным следствием всего характера восточной политики царизма. «Верхи» русского общества в прошлом веке плохо представляли себе, как обстоят дела в Египте. В 1872 г. великий князь Николай Николаевич, будущий главнокомандующий русской армией на Балканах в русско-турецкой войне 1877/78 г., посетил Александрию и Суэцкий канал с группой офицеров. Генерал В. И. Сипягин записал впечатления от этой поездки: «Говорят, что хедив эксплуатирует свою страну! Но лучшее доказательство противного — то, что мы по всему Египту не видели ни одного нищего, который бы нам протягивал руку.

Дай бог многие лета нынешнему египетскому вице-королю. В скором времени свет увидит, что он сделал — сделает для своей страны, и не пройдет пяти лет, как Каир займет первое место между первыми городами всего мира». Что и говорить — пророк из Сипягина вышел скверный.

Впрочем, о сочинениях Сипягина сегодня уже никто не помнит. Тем значительнее книги представителей той плеяды блестящих, всесторонне образованных путешественников, которые посетили Египет в годы правления Мухаммеда Али и его преемников. Многие в них не утратили своей научной ценности и по сей день. Труды О. И. Сенковского, А. Н. Муравьева, А. С. Норова, А. В. Рафаловича, Е. П. Ковалевского, А. В. Елисеева могут быть поставлены в один ряд с книгами знаменитых западных путешественников прошлого века по Египту. В частности, «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты» А. В. Рафаловича, вышедшее в Петербурге в 1850 г., является одним из лучших в мировой литературе описаний быта, нравов и обычаев феллахов Дельты Нила. Широко известные в свое время «восточные повести» барона Брамбеуса (литературный псевдоним О. И. Сенковского) содержат ценные этнографические и филологические наблюдения. Чистота и верность народного арабского языка в передаче О. И. Сенковского, одного из крупнейших арабистов своего времени, поразительна: кажется, будто слышишь живую речь сегодняшних египтян. Выдержали испытание временем и яркие и образные описания Е. П. Ковалевским нравов и обычаев населения Нубии и Юго-Восточного Судана

(«Путешествие во внутреннюю Африку». Т. I и II. СПб., 1849). Богатый антропологический и археологический материал содержат труды А. В. Елисеева, первым из европейцев сделавшего попытку пробраться в Судан во время восстания махдистов.

Однако главная заслуга этих и многих других русских «путепроходцев» прошлого века, пожалуй, в том, что они способствовали пробуждению в русском обществе, и прежде всего в его передовых слоях, широкого интереса к Египту. Записки русских «путепроходцев» привлекли внимание А. С. Грибоедова, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского. Революционно-демократическое народничество оказало самое непосредственное влияние на русскую арабистику. Н. Г. Чернышевский, например, выступил с рецензиями на книги В. Григоровича-Барского, А. С. Норова, А. Н. Муравьева, О. И. Сенковского. Восточные мотивы властно вторгаются в творчество таких классиков русской литературы, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов (знаменитое стихотворение «Ветка Палестины» он написал в доме А. Н. Муравьева), Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой (последний, в частности, вел переписку с египетским просветителем Мухаммедом Абдо).

Интерес к Египту в России год от года растет. Профессор Ф. В. Баллод, опубликовавший в 1924 г. «Очерки истории древнеегипетского искусства», пишет о том, что так называемый «египетский стиль», распространившийся в европейской архитектуре после наполеоновской экспедиции, оказал заметное влияние и на архитектуру России, в частности помещичьих усадеб (Останкинский дворец, усадьба князей Волконских в Суханове, «египетская передняя» Павловского дворца, построенная Камероном). Да зачем далеко ходить — всем известны знаменитые сфинксы из Карнака, и ныне стоящие на набережной в Ленинграде.

Постоянно увеличивается и поток русских путешественников в Египет. В 1844 г. Каир посещает редактор «Русского энциклопедического словаря» И. Н. Березин. В 1845 и 1850 гг. — глава русской религиозной миссии в Иерусалиме П. Успенский, в 1881 г. — известный путешественник доктор А. В. Елисеев, в 1896 г. — видные ученые-агрономы И. Н. Клинген и Л. Н. Краснов. Мы назвали лишь самых крупных из русских путешественников прошлого века, побывавших в Египте. В целом же число путевых впечатлений о стране пирамид перевалило к кон-

цу века за несколько десятков. Египетские темы звучали в произведениях И. Бунина, В. Брюсова, К. Бальмонта, Н. Гумилева и целого ряда других выдающихся русских литераторов.

Зерна, брошенные горсткой смелых и талантливых путешественников начала прошлого века, дали богатые всходы. Однако история знакомства русских людей с Египтом началась задолго до Мухаммеда Али. Как отмечал известный советский египтолог Н. С. Петровский, «в течение многих столетий русские люди питали самый горячий интерес к Древнему Египту, накапливая постепенно из разных источников сведения о великой культуре и истории древнейшей цивилизации долины Нила. Это и явилось духовной основой, на которой в России в начале XIX в. могли появиться повальное увлечение „египетским стилем“ в искусстве и египетскими древностями, правильная оценка находки Розеттского камня, самый живой отклик на великое открытие Ж. Ф. Шампольона и признание его заслуг и, наконец, русская и советская египтология»¹¹.

¹ Геродот. История. Л., 1972, с. 117.

² Oleg Volkoff. Le Caire. 969—1969. Le Caire, 1970, с. 131.

³ А. С. Норов. Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 г. СПб., 1840, с. 107—108.

⁴ А. Уманец. Поездка на Синай. СПб., 1850, с. 155—156.

⁵ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. II. М., 1949, с. 520—521.

⁶ А. С. Норов. Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 г., с. 98—99.

⁷ К. М. Базили. Сирия и Палестина. М., 1962, с. 177.

⁸ Цит. по: Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955, с. 353.

⁹ «Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля». М., 1885, с. 71.

¹⁰ Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е. СПб., 1913, с. 427.

¹¹ В. Замаровский. Их величества пирамиды. М., 1981, с. 434.

РУССКИЕ ПАЛОМНИКИ НА СИНАЕ

Понужаем мыслию своею, нетерпением своим... списках все, еже видех очима своима.

Игумен Даниил (1108 г.)

«В лето 7090 (1582) при митрополите Дионисии Московском Государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич, Всероссийский самодержец, послал из Москвы в Царьград, в Антиохию, в Александрию и во святой град Иерусалим, и в Синайскую гору, и во Египет к патриархам и архиепископам и к епископам, ко архимандритам и игуменам по сыне по своему по царевиче Иоанне Иоанновиче милостыню довольну с Московскими купцы с Трифоном Коробейниковым да с Иеремеем Замком, да с ними издил Московский жилаец Федор крестечный мастер да с ними же государь посылал 500 рублей в Синайскую гору на сооружение церкви великомученицы Екатерины, где лежаще после преставления тело ея на горе, ангелы хранимо»¹.

Так начинается самое знаменитое из «хождений» русских паломников допетровской эпохи на Синай. Появившись на свет в конце XVI в., «Хождение Трифона Коробейникова» выдержало множество переизданий, завоевав широчайшую популярность. «Хождение Трифона Коробейникова» высоко оценивалось Н. К. Карамзиным, рассматривавшим его как ценный источник для изучения связей России с православным Востоком. Оно было включено одним из первых русских просветителей Н. И. Новиковым в издававшиеся им сборники исторических памятников и документов «Древняя Российская Вивлиофика».

Одно время российское министерство народного образования серьезно обсуждало вопрос о включении «Хож-

дения» в программу средней школы. «Купец Трифон Коробейников» три века пользовался популярностью и превратился в собирательный образ русского «пальмоносца» — паломника к «святым местам» Востока.

К последней четверти XIX в., когда началось серьезное научное изучение этого литературно-исторического памятника, было известно более 200 списков и 40 печатных изданий «Хождения Трифона Коробейникова».

Огромную работу по сравнению сохранившихся экземпляров «Хождения» провели известные историки и библиофилы И. Забелин и Х. Лопарев. Они сличили 22 списка «Хождений», хранившихся в Публичной библиотеке в Петербурге, 3 списка из московского Румянцевского музея, 9 списков из библиотеки Синода, рукописи из книгохранилища Соловецкого монастыря и множество других. В 1888 г. Х. Лопарев подготовил первое научное издание «Хождения», взяв за основу рукописный список № 560 из коллекции известного московского собирателя древних книг и рукописей графа А. С. Уварова (всего А. С. Уваров располагал 14 списками «Хождения» XVII—XVIII вв.).

Лопаревское издание «Хождения Трифона Коробейникова» — не бог весть какая редкость, но без нее, как и без многолетних усилий, бескорыстного фанатизма, одержимости русских библиофилов увлекательная история «Хождения Трифона Коробейникова» осталась бы нераскрытой. Мы не смогли бы прочесть пусть небольшую, но интересную страничку из жизни наших предков в жестокую и самобытную эпоху царствования грозного царя — Ивана IV.

Небольшая, переплетенная в светло-коричневый с разводами дерматин книга, с надписью на корешке: «Хождение Т. Коробейникова, В. Познякова». Однако причем здесь Позняков, кто он такой и почему попал в одну книгу со знаменитым Коробейниковым?

Все очень просто. Купец Василий Позняков — подлинный автор знаменитого «Хождения», которое, по традиции, три века приписывалось Трифону Коробейникову. В 1884 г. И. Забелин опубликовал забытое «Хождение Василия Познякова», посетившего Иерусалим, Каир и Синай за четверть века до Коробейникова. Обратив внимание на явное заимствование автора «Хождения Трифона Коробейникова» у Познякова, он высказал предположение, что «Хождение» Коробейникова, попросту говоря, списано у Познякова.

Х. Лопарев доказал, что Коробейников вовсе не был знаменитым «путепроходцем». Он был, скорее всего, подъячим, притом не очень грамотным, вряд ли способным самостоятельно ярко описать свое путешествие. Да, впрочем, ему и нечего было описывать, так как он не посещал ни Каира, ни Александрии, ни Синая (достоверные сведения о посещении Коробейниковым Синая относятся только ко времени его второго «Хождения» на Восток, в 1593 г., в царствование Федора Иоанновича). В 1582 г. он вручил посланные Грозным на поминовение сына червонцы александрийскому митрополиту Селивестру в Иерусалиме, дальше которого и не был. Отчет же о поездке в Египет и на Синай он сам или, что более вероятно, неизвестный переписчик позаимствовал у забытого к тому времени Познякова.

Наиболее древний из дошедших до нас списков «Хождения Трифона Коробейникова» датируется 1602 г. Конечно же, ни в те голодные годы царствования Бориса Годунова, ни в последовавшее за ними Смутное время никому не было дела до установления авторства «Хождения». К тому же, попадая в руки все новых и новых переписчиков, «Хождение» Коробейникова, естественно, перерабатывалось, дополнялось, устаревшие данные заменялись новыми. Оно все более принимало черты компиляции, своеобразного путеводителя для русских паломников по «святым местам» Востока.

Понадобилась весьма кропотливая и трудоемкая работа, чтобы разобраться в позднейших наслоениях и выявить подлинного автора «Хождения» — Василия Познякова.

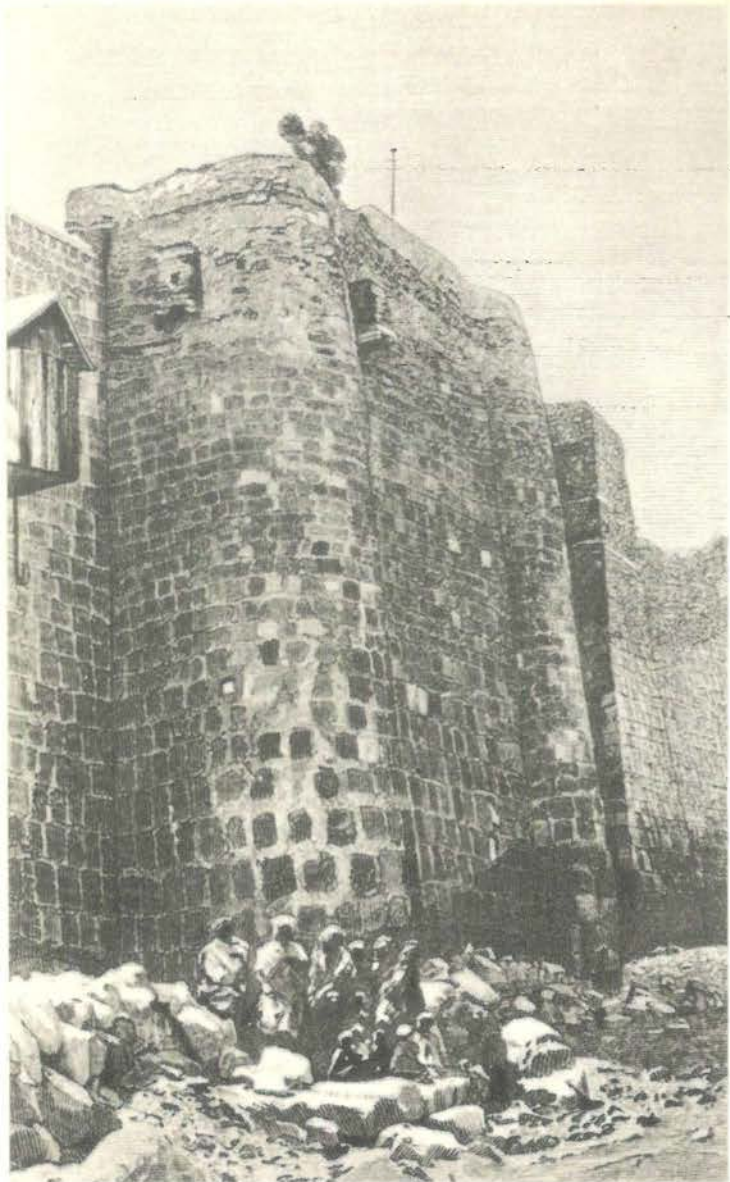
Московский купец Василий Позняков был назначен Иваном Грозным в 1558 г. сопровождать патриархов Александрии и Антиохии и архиепископа Синайской горы Макария на их обратном пути на родину из Москвы, которую они посетили в «поисках царской милостыни». Грозный не поскупился на дары: Позняков и его спутники (сын, новгородский архидиакон Геннадий, умерший во время путешествия, несколько безымянных «старцев» и толмач Моисей) везли с собой «шесть сороков соболей», деньги, икону в драгоценном окладе, златотканые ризы.

Позняков, выражаясь словами русского паломника в Палестину XII в. игумена Даниила, «понужаем мыслию своею, нетерпением своим», подробно описывает все, что встречается на его пути из Каира на Синай. Его интере-

Список «Странствований» В. Г. Григоровича-Барского (середина XVIII в.). (Архив Отдела рукописей научной библиотеки Казанского университета)

Источники Моисея (рис. В. Г. Григоровича-Барского)

Монастырь св. Екатерины на Синае

Авраам Сергеевич
Норов

Египетский музей

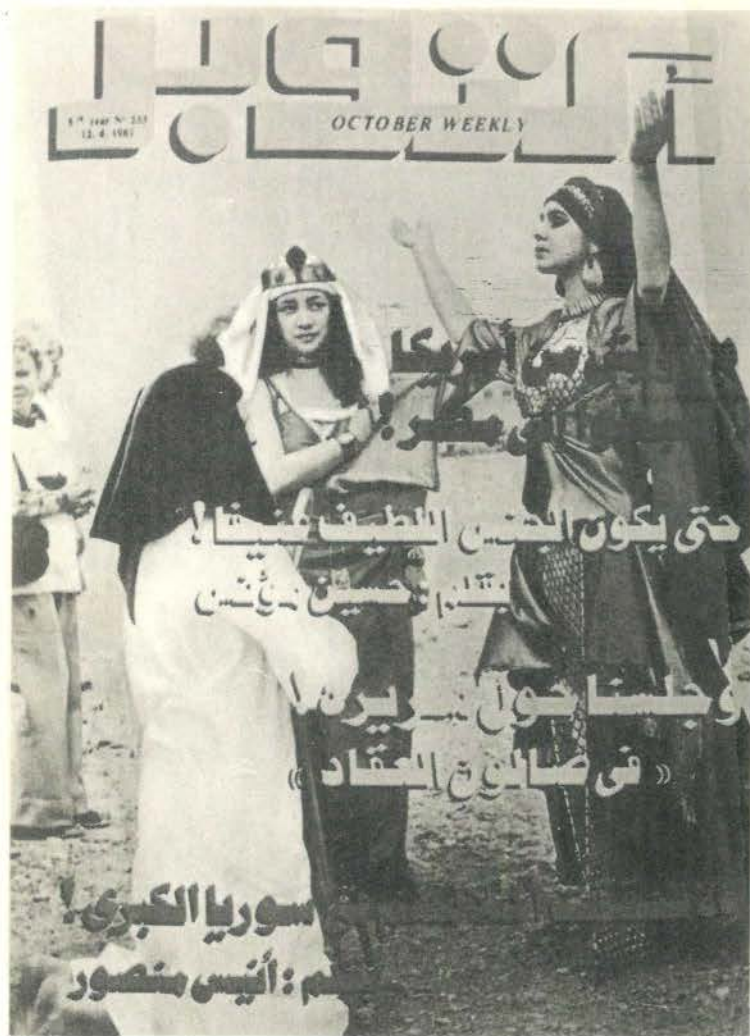

Древняя стела на Синае (рис. П. Успенского)

Развалины Раммесиума

Открытие входа в пирамиду Хефрена (рис. Дж. Бельцони)

Пирамиды Гизе (рис. А. С. Норова)

Американские сектанты у подножия пирамид

Открытие Суэцкого канала

Наполеон в Каире

Булак — речные ворота Каира — в начале XIX в.

Церковь «аль-Муалляка» в Старом Каире

Церковь св. Георгия
в Старом Каире

Одна из башен крепости Вавилон

Минарет мечети ибн Тулуна

«Медный ряд» на Хан эль-Халиле

Цитадель и мечеть Мухаммеда Али

Площадь Румейла. Слева мечеть султана Хасана, справа — ар-Рифаи

Площадь Ат-Тахрир — центр египетской столицы

Разные лики Каира

Разные лики Каира

На одной из центральной улиц Каира

сует своеобразная природа Египта, дикий мир («...водяной зверь, имя тому зверю крокодил. А голова, что у лягушки, а глаза человечески, а ног 4, длиною немного более пяди») или же странное существо страфокадил, на поверку оказавшееся страусом. И, конечно же, нравы и обычаи египтян.

Позняков, несомненно, человек своего времени со всеми присущими ему предрассудками. В его «Хождении» полно всяческих «чудес», религиозной мистики. Но не это главное в «Хождении». Главное — достоверность и тщательное описание заморских стран и народов. Такой подход Познякова к своему труду как бы задает тон повествованиям последующих паломников к христианским «святым местам» в Египте и Синае.

Почему же выдающийся по своему времени труд Познякова остался в тени, а позднейшая компиляция завоевала широкую известность?

Проще всего сослаться на то, что Коробейников, по всей видимости, опытный царедворец (в царствование Федора Иоанновича ему было пожаловано звание думного дьяка), говоря современным языком, воспользовался служебным положением в личных целях. Однако такой упрощенный подход, для которого, кстати, нет достаточно веских оснований, вряд ли приблизит ответ на интересующий нас вопрос.

Думается, что разгадку постигшей Познякова исторической несправедливости нужно искать в условиях внутреннего развития русского государства и русской культуры в ту сложную эпоху. К середине 60-х годов XVI в. Грозный, введя опричнину, начинает борьбу против боярства. Естественно, что царю в это время было не до Познякова.

Совершенно иная обстановка складывается к 1582 г., ко времени паломничества Коробейникова. Одержимый идеей установления патриаршества на Руси, подталкиваемый православной церковью, мечтавшей укрепить свой международный престиж, превратить Москву в «третий Рим», сам Грозный, как и религиозно-государственная верхушка России, стремятся способствовать упрочению международных связей православной церкви. Немаловажную роль сыграли и личные мотивы: впавший на старости лет в религиозный мистицизм, царь льет слезы «по сыне своему», которого убил в приступе гнева. Милостыню на поминание царевича Иоанна Иоанновича он направляет в монастыри Востока не только с Коробей-

никовым. Примерно в это же время он посылает на Афон Ивана Меньшикова с новыми суммами на «поминование сына». Тогда же заказывает Грозный в одном из бело-зерских монастырей знаменитый «синодик за убийство новгородцев», тысячами истреблявшихся по его приказу опричниками, «выводившими измену» в Великом Новгороде в 1570 г.

«Хождение Трифона Коробейникова» появилось как раз в такой момент, когда ему в силу обстоятельств было уготовано место в событиях, происходивших в России в конце XVI в. Как известно, в годы царствования преемника Грозного Федора Иоанновича на Руси было установлено патриаршество. Распространению «Хождения» Коробейникова мог способствовать и этот, самый набожный из русских царей, который больше всего любил слушать колокола московских церквей и читать религиозные книги. Дьяк Коробейников явно находился в фаворе у Федора Иоанновича, который второй раз направил его в 1593 г. в Царьград и на гору Афон с «засдравной милостыней».

Успех «Хождения Трифона Коробейникова» был predetermined еще и значительным прогрессом русской письменности, начавшимся во второй половине XVI в. В этот период произошел переход с полуустава, которым традиционно писались рукописи, на скоропись, значительно облегчившую копирование и распространение сочинений русских авторов.

«Хождения» Трифона Коробейникова и Василия Позняка — одно из самых значительных явлений в обширной русской литературе, посвященной Синаю. Однако и Позняков был не первым нашим соотечественником, посетившим эти места.

Одно из первых известных русских паломничеств на Синай совершил в середине XV в. (в 1461—1462 гг.) инок Варсонофий. Однако оставленное им описание Синая и монастыря св. Екатерины весьма сухо и отрывочно и не может сравниться с «Хождением» Позняка.

Советский ученый Б. М. Данциг, автор труда по истории изучения Ближнего Востока в России, называет Варсонофия первым русским путешественником, побывавшим на Синае. Однако вопрос о том, кто же все-таки из наших соотечественников первым посетил Синай, остается пока открытым.

В 1972 г. в Каире вышла небольшая, скромно изданная книга, на титульном листе которой по-французски

значилось: Олег Волков. «Русские путешественники в Египте». О. В. Волков — русский эмигрант, в послеоктябрьское время занесенный судьбой в Египет, тесно сотрудничал с французской археологической миссией в Египте, долгое время занимался русскими путешествиями в Египет. В своей книге он ссылается на архивные документы Киевского музея церковной археологии (№ 329/1426/XVI век/, с. 106—123) и приводит отрывки из записок смоленского архимандрита Грефения, посетившего Синайский монастырь около 1400 г. О Грефении упоминает в своих записках и видный русский палестиновед В. Н. Хитрово. Отчет Грефения о поездке занимает всего несколько строк, но, насколько известно, это первое письменное известие о пребывании русских на Синае.

Таким образом, путешествия русских на далекий Синай восходят по крайней мере к началу XV в. Пять веков путешествий... Много это или мало? Если сравнить их с историей русского паломничества в Иерусалим и Палестину, то кажется, что пять веков — не такой уж большой срок. О хождениях русских людей в «Еросалим» есть упоминания даже в былинах. Еще знаменитый новгородец Василий Буслаев посетил Иерусалим «ко Христову гробу приложиться, во Ердань реке купатися». Замечательное описание Царьграда, Палестины дошло до нас в «хождении» Даниила, «русской земли игумена», посетившего эти места в 1106—1108 г. Игумен Даниил считается русским «первопаломником» на Восток. В Иерусалиме он застал еще короля Болдуина, сына одного из предводителей первого крестового похода герцога Готфрида Бульонского. Известный собиратель русского фольклора И. П. Сахаров замечает, что Даниил «был для русских паломников то же, что Нестор для летописцев»².

Отправляясь в Палестину, русские паломники нередко избирали путь через Египет как сравнительно безопасный. Таков был, в частности, маршрут известного «гостя» Василия, посетившего Каир в 1466 г. Однако Синай долгое время оставался в стороне от путей русских паломников. Внимание к нему в России повышается только начиная со второй половины XV в., когда женитьба Великого князя Московского Ивана III на племяннице последнего византийского императора Константина XI Софье Палеолог (1472 г.) ознаменовала собой зарождение новой восточной политики России, в основе которой лежало стремление крепнущего централизованного Русского государства выступать в качестве преемника Византии.

Новый этап русских паломничеств к «святым местам» начинается во второй половине XVII в. В связи с подготовкой церковных реформ русского патриарха Никона в Константинополь и Иерусалим отправляются образованные люди. Их описания путешествий на Восток оказываются несравненно более ценными в научном и общественном плане, чем записи прежних, нередко полуграмотных паломников.

Наиболее известное из них — «Проскинитарий Арсения Суханова». А. Суханов — не только известный религиозный деятель, критик патриарха Никона, но и видный русский просветитель (одно время он состоял главой московского печатного двора). В 1651—1653 гг. он посетил Константинополь, Иерусалим, Каир и Александрию.

Петровская эпоха выдвигает новую плеяду русских путешественников на Синай и в Египет. В начале XVIII в. на Синае побывали монах Ипполит Вишенский (1708 г.), священник Андрей Игнатьев и его брат Стефан (1708 г.), состоявшие при российском посланнике в Константинополе, которые тоже оставили свои путевые заметки.

Однако все эти по-своему интересные «хождения» затмевает «Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 году и оконченное в 1747 году, им самим написанное». Первое издание записок Григоровича-Барского вышло в 1778 г. по указанию князя Г. А. Потемкина. В последующие годы они выдержали десятки переизданий. Путешествия Григоровича-Барского не прошли мимо внимания Н. Г. Чернышевского, который отметил, что они «представляют чтение разнообразное и занимательное»³.

Григорович-Барский, как и Арсений Суханов, — это новый тип русского «путепроходца», как он сам себя называл. Он не столько паломник, сколько путешественник, человек неумейной любознательности, огромной энергии и добросовестности. Он половину своей жизни (с 1723 по 1747 г.) странствовал по чужим землям, чтобы «видеть иных людей обычаи», и регулярно вел путевой дневник, куда записывал впечатления и наблюдения за самыми различными сторонами жизни и быта стран, в которые его заносила судьба. А побывал он в Италии, Салониках, на Афоне, в Яффе, Иерусалиме, на Кипре, прошел пешком почти всю Палестину, жил в Триполи, Антиохии, Афинах, неоднократно посещал Венгрию, Австрию, Сло-

вению, Болгарию, Румынию, Молдавию, Валахию и Польшу. Григорович-Барский первым из наших соотечественников преодолел языковой барьер, мешавший многим из его предшественников глубже понять увиденное. Помимо родных для него украинского и русского языков он знал польский, греческий, итальянский, научился объясняться по-арабски. Интересны и путевые зарисовки Григоровича-Барского, в частности Каир первой половины XVIII в., пейзажи Синая.

Чтобы по достоинству оценить мужество и незаурядную предприимчивость, проявленные Григоровичем-Барским во время его странствий, следует помнить, что путешествие по Востоку было в то время сопряжено с немалыми трудностями и риском. Например, синайский архимандрит Мелетий был убит на обратном пути из Москвы, где был принят царем Федором Иоанновичем. Григорович-Барский неоднократно подвергался нападениям разбойников, рисковал жизнью, просил милостыню, но, несмотря на все опасности и лишения, продолжал упорно идти вперед.

Вот как он описывает свои злоключения по дороге из Каира на Синай, куда он добирался с попутным караваном: «...изъидох из Египта на путешествие пустынное третье недели великого поста в среду марта 20 числа; шествовахом же два дни полем равным и пешаным, дробное и острое каменье имущим, травы же или былия, или древа или воды ни мало... воды же ниже капли, идеже страна сухая, сланая и безводная; понеже тамо зимы хладной несть, но всегда палит солнце толь люто, яко телу человеческому проседатися... Тамо разбойников зело множество между горами обретається, втораго бо и третьяго дня нападаху на нас множицею во дни и в нощи, но никаковой нам не содеяша пакости, понеже бехом народ мног, к тому же и вооружен...»⁴. А караван, с которым следовал Григорович-Барский, был действительно «мног»: одних верблюдов насчитывалось до 5 тыс.

После Григоровича-Барского из русских паломников на свой страх и риск на Синай «ходили» только Леонтий, иеромонах Полтавского Крестовоздвиженского монастыря (вторая половина 60-х годов XVIII в.), и афонский монах Игнатий Деншин (1770—1772). Если записки Деншина довольно хорошо известны специалистам, то «хождение» Леонтия было частично опубликовано историком православной церкви А. П. Поповым только в 1911 г.

Леонтий жил на Ближнем Востоке 44 года (с 1763 по 1807 г.). В конце жизни он стал архимандритом, настоятелем посольской церкви в Константинополе. А. П. Попов, изучивший 13 пухлых рукописных томов сочинений Леонтия, хранившихся в Азиатском департаменте российского МИДа, дает высокую оценку личности Леонтия, который впитал идеи французского просвещения и представил не только подробное описание (в характерной для XVIII в. эпистолярной форме) мест, где побывал, но и метко охарактеризовал нравы вельмож екатерининской эпохи. Леонтий был знаком с рукописными списками «Путешествия» Григоровича-Барского, вышедшими в 1778 г., и шутливо называл себя «младшим Григоровичем». Впечатления от поездки на Синай в 1765 г. напоминают злоключения его знаменитого предшественника.

Правовую защиту русские «путепроходцы» получили только после подписания в 1774 г. русско-турецкого мирного договора в Кючук-Кайнарджи. Кроме того, после назначения впервые в 1783 г. барона фон Тонуса консулом России в Александрию они могли рассчитывать и на практическую помощь со стороны русского консульства.

Что же влекло русских «путепроходцев» на Синай?

Синай тесно связан с историей раннего христианства. Один из исследователей «святых мест» на Синае, архимандрит, затем епископ Порфирий Успенский, посетивший их в первый раз в 1845 г., отмечал, что первыми христианами на Синае были выходцы из Нижнего Египта, которые укрывались в этих пустынных местах от гонений владевших в то время Египтом римских императоров Деция, Максимиана и особенно Диоклетиана. Комплекс «святых мест» на Синае основала Елена, мать императора Константина Великого, которая во время посещения ею Иерусалима приказала наместнику Константинополя в Египте построить на Синайской горе храм для синайских анахоретов, а близ него «крепкую башню»⁵. В конце 373 г. первый из синайских паломников, оставивших описание своего путешествия, — египетский монах Аммоний из Канопы — посетил Синай после поклонения «святым местам» в Палестине.

В IV в. в Египте усиливается монашество, которое затем распространяется по всей Римской империи и за ее пределами. В этот период синайские отшельники разрабатывают целую систему легенд, «привязывая», выражаясь современным языком, события, описанные в

Ветхом и Новом завете, к рельефу местности. В центре их внимания оказались два пика Синайского хребта — гора Моисея, где, по библейскому преданию, бог поведал Моисею 10 заповедей, и гора св. Екатерины, куда, согласно легенде, были чудесным путем перенесены мощи христианской мученицы Екатерины, колесованной в Александрии в правление Диоклетиана. Опираясь на местные предания и с Библией в руках, синаиты «восстановили» путь исхода народа израилева из Египта, «нашли» места, где, по их мнению, горела и не сгорала перед пораженным Моисеем неопалимая купина, где находилась пещера пророка Илии, упомянутого в Ветхом завете.

Монастырь св. Екатерины, конечный путь паломников, направлявшихся на Синай, возведен во время правления Юстиниана I. Его строительство было завершено приблизительно в 557 г., в тридцатый год царствования Юстиниана. Примечательно, что Юстиниану отнюдь не было присуще христианское терпение: он приказал отрубить голову посланному на Синай чиновнику, неудачно, по его мнению, выбравшему место для монастыря (последний был возведен не на труднодоступной вершине горы Моисея, а у ее подножия, рядом с бьющим из земли родником).

Для охраны монастыря в его окрестностях поселили 100 семей рабов из Валахии и 107 — из Египта. В середине прошлого века монастырское начальство еще показывало Порфирию Успенскому потомков этих рабов, которых насчитывалось тогда около 2 тыс. Успенский, однако, замечает, что, несмотря на это, монастырь неоднократно подвергался разбойничьим нападениям. Более существенную помощь оказывают монахам три бедуинских племени, живущих на Синае (алейкиты, авляд-саиды и аваримы). По древнему договору с монастырем они за установленную плату доставляют в монастырь провизию.

Обитателям монастыря удалось найти *modus vivendi** и с окружающими их мусульманами. Синайский архиепископ Констандий в своей книге «Египтиада», опубликованной в 40-х годах XIX в., писал, что сам Мухаммед был доволен гостеприимством, которое ему неизменно оказывали синайские христиане, и в благодарность в 624 г., в третий день мусульманского месяца мухаррема,

* Условия, способ мирного существования (лат.).

пожаловал им охранную грамоту (по турецки — *ахтинаме*), в которой подтвердил прежние привилегии, данные им Юстинианом, и добавил к ним свои. Она была нацарапана на коже газели куфическим письмом. Текст был заверен отпечатком руки Мухаммеда, под которой стояли подписи 21 свидетеля.

Турецкий султан Селим I, завоевавший Египет в 1517 г., заявил, что радуется не столько покорению этой богатой страны, сколько приобретению автографа самого Мухаммеда. И с того времени подлинник *ахтинаме* хранился вместе с волосом из бороды Мухаммеда и лоскутком его одежды в султанской сокровищнице Стамбула. Вместо подлинника Селим I передал в монастырь копию *ахтинаме* на турецком языке. Интересно отметить, что этим документом в 1810 г. воспользовалась православная церковь в борьбе за восстановление своих прав в Иерусалимском храме гроба господня, где он был торжественно прочитан в доказательство прав и привилегий православной веры.

Побывавший на Синае в 1843 г. русский путешественник А. Уманец так описывает виденную им копию *ахтинаме*, хранившуюся монахами:

«Она написана на большом толстом бумажном листе красными и черными чернилами; первые употреблены там, где говорилось о боге, о его милостях, об особе пророка и его высоких добродетелях. Вокруг текста была кайма, расцвеченная и раззолоченная; сверху во всю ширину листа отделено место в три вершка высотой, разделенное на три равных четверугольника, из которых в правом нарисована мечеть с минаретом под кипарисами, напоминающая храм Кааба в Мекке, в среднем засвидетельствование верности копии; в левом представлена в малом и довольно безобразном виде черною краскою десница Мухаммеда с пятью короткими пальцами, распростертыми в разные стороны»⁶.

19 декабря 1798 г. Синай, район источников Моисея, посетил Наполеон. Он также дал представителям Синайского монастыря охранную грамоту, освобождавшую монастырь от всех налогов. А. Уманец пытался найти эту грамоту, поскольку она числилась в регистре архивных бумаг, но его поиски, к сожалению, не увенчались успехом.

Однако ни покровительство Мухаммеда, ни благосклонное отношение Наполеона не могли спасти Синайский монастырь от набегов воинственных кочевников.

Монахам неоднократно приходилось откупаться от них, отдавая все свое имущество.

Монастырь дважды разрушался. Первый раз — 30 апреля 1312 г., когда на Синайском полуострове произошло землетрясение и рухнули северо-восточные стены монастыря. Второй раз — в конце XVIII в. Кстати, ремонт был произведен по приказу наместника Наполеона — Клебера.

Синайский монастырь на протяжении всей своей истории сохранял относительную самостоятельность, несмотря на то что патриархи Иерусалима, Антиохии и Александрии вели из-за него тяжбу начиная с VI в. По этому поводу созывались соборы, гремели анафемы. Наконец в 1575 г. специальный константинопольский собор подтвердил независимость Синайского монастыря.

Однако к этому времени синаиты, наученные горьким опытом, решили искать покровительство в самой могучей в ту пору стране ортодоксальной веры — в России. Русские цари, стремившиеся поднять престиж русского православия, откликнулись на просьбу Синайского монастыря. Федор Иоаннович первым из них дал «милостынную грамоту» синайскому архимандриту Мелетию, посетившему Москву. Основоположник династии Романовых Михаил Федорович подтвердил эту грамоту 16 июня 1630 г. Этим документом синаитам было предоставлено право ездить в Москву за «милостыней» через каждые три года.

Порфирий Успенский, изучавший историю связей Синайского монастыря с Россией, отмечает, что в последующие годы «милостынные грамоты» регулярно возобновлялись. Известна, например, грамота, данная царем Алексеем Михайловичем 3 сентября 1649 г. 5 февраля 1689 г. монастырю была жалована грамота от царей Петра и Иоанна и царевны Софьи, согласно которой монастырь был взят «в призрение Российского государства». Петр I подарил монастырю серебряную раку* тонкой работы для хранения мощей святой Екатерины. Ее послали с архимандритом Кириллом, которому были также вручены 400 голландских гульденов на ремонт монастыря. 16 января 1743 г. Анна Иоанновна выделила 1 тыс. руб. серебром архимандриту Кириллу на восстановление монастыря после пожара. В монастыре хра-

* Большой ларец для хранения мощей святых. Имеет вид саркофага, сундука или архитектурного сооружения и устанавливается в церкви.

нится письмо синайского архиепископа Никифора на имя Феофана Прокоповича* с благодарностью за помощь. Около 1738 г. киевский житель грек Стомати завещал монастырю небольшой земельный участок в Киеве для строительства церкви св. Екатерины. Церковь была построена, и императрица Елизавета Петровна специальной грамотой от 1744 г. утвердила ее за Синайским монастырем. В 1748 г. эта церковь была превращена в монастырь. Кроме владений в Киеве Синайский монастырь начиная со второй половины XIX в. имел еще подворье в Тифлисе с торговой лавкой. Однако доходы от владений монастыря поступали на Синай крайне нерегулярно и монахам жилось трудно.

К середине прошлого века связи Синайского монастыря с Россией настолько окрепли, что, когда А. Уманец, о путешествии которого мы будем подробно говорить позже, подошел со своим караваном к подножию горы Моисея, он увидел над монастырем два флага: русский коммерческий и иерусалимский.

А. Уманец подробно описывает, как монахи, опасавшиеся бедуинов, поднимали посетителя через высокую монастырскую ограду в корзине, привязанной к канату. В те времена проникнуть в монастырь можно было только по рекомендательному письму настоятеля, постоянно жившего в Каире. Нескольким путешественникам, западным и русским, это не удалось. Так произошло со знаменитым датским путешественником Карстеном Нибуром, побывавшим здесь в 1762 г., и с Григоровичем-Барским, который два дня сидел у стен монастыря, прежде чем монахи отступили от правила.

Внешний вид монастыря описан многими русскими путешественниками. В частности, В. Н. Поггенполь, посетивший его в мае 1910 г., в своей книге «Поездка на Синай» пишет:

«Монастырь имеет форму неправильного четырехугольника и окружен высокими толстыми стенами с башнями, выстроенными из больших глыб гранита. Амбразуры, бойницы и две небольшие пушки вполне придают ему вид внушительной крепости... Внутри стен находится великолепная Юстинианова базилика, часовня неопалимой купины, мечеть с минаретом, здание библиотеки, кельи монахов, гостиница для паломников и другие мел-

кие часовни и здания, представляющие из себя весьма сложное целое, — настоящий город, разделенный узкими переулками и крутыми лестницами... Это целый лабиринт построек; крыши везде почти плоские и образующие террасы; они соединены каменными лестницами таким образом, что можно с одной террасы перейти на соседнюю. Над переулками чернеют своды. На солнечной стороне стен растет виноград, побеги которого в виде ярко-зеленой паутины часто перекинуты через переулки»⁷.

8 тыс. ступенек ведут от Синайского монастыря на гребень горы Моисея (по-арабски — Джебель-Муса). Высота Джебель-Муса над уровнем моря 2244 м. «Первое, что бросается в глаза на вершине Моисеевой горы, — пишет Поггенполь, — это небольшая, грубо высеченная часовня, заменившая собой первоначальную часовню, которую построила императрица Елена. Куски разбитых капителей и колонн и изредка находимые еще части мозаик свидетельствуют о красоте прежней церкви. Под часовней находится углубление вроде пещеры. По преданию, это то место, в котором Моисей дважды провел по 40 дней и 40 ночей в посте и молитве. Рядом на небольшом выступе находятся развалины мечети, построенной, говорят, в XIV столетии, но которая в настоящем своем виде похожа на полуразрушенную каменную хижину»⁸.

Одна из наиболее интересных достопримечательностей Синайского монастыря — библиотека, в которой в начале нынешнего века насчитывалось около 2 тыс. рукописей на греческом, арабском, арамейском, персидском, грузинском, эфиопском языках. Когда в 1886 и 1894 гг. были составлены и опубликованы каталоги греческих, сирийских и арабских рукописей, библиотека Синайского монастыря была признана вторым в мире (после Ватикана) по значению хранилищем библейских рукописей.

Григорович-Барский, Уманец, Успенский побывали в библиотеке. Успенскому даже удалось просмотреть славянские и греческие рукописи, часть которых он описал в своей книге, попутно сетуя на беспорядок и запустение, царившие в библиотеке, за которой полуграмотные обитатели монастыря не следили надлежащим образом.

Поиски интересных манускриптов привели в Синайский монастырь и малоизвестного в то время немецкого исследователя Библии Тишендорфа. Он прибыл сюда через год после Уманца и за год до первого приезда Ус-

* Феофан Прокопович (1681—1736) — выдающийся русский церковный и общественный деятель. С 1721 г. — вице-президент Синода, с 1724 г. и до конца жизни — архиепископ новгородский.

пенского. Изучив все представленные ему рукописи и не найдя ничего заслуживающего внимания, Тишендорф уже собрался уезжать, когда ему на глаза попала корзина для бумаг. Из корзины торчал кусок пергамента. Развернув его, он с изумлением обнаружил отрывок из одного из древнейших списков библейских текстов. В той же корзине он обнаружил еще 129 пергаментных листов, обреченных на сожжение.

Когда Тишендорф опубликовал в Лейпциге 43 листа этой рукописи, которые ему удалось приобрести, это вызвало настоящую сенсацию в научном мире.

Тишендорф еще дважды посещал Синайский монастырь (в 1853 и 1859 гг.). Однако монахи отказались продать ему весь манускрипт. Он был передан (через Тишендорфа) России, как покровительнице Синайского монастыря. В ноябре 1869 г., через день после открытия Суэцкого канала, был подписан акт подношения манускрипта, получившего название Синайского кодекса, Александру II, который взамен пожаловал монастырю 9 тыс. руб. Эту весьма выгодную для России сделку удалось совершить послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву, долго торговавшемуся с монахами о размере царского «пожертвования» и числе орденов, полагавшихся по этому случаю синайскому духовенству⁹.

Синайский кодекс оказался вторым по полноте и древности списком Ветхого и Нового завета. Он уступает только знаменитому Ватиканскому кодексу (тоже, кстати, египетского происхождения), который датируется IV в. Синайский кодекс достойно увенчал длинный список библейских текстов, найденных в Египте, где благодаря благоприятным климатическим условиям обломки горшков или папирус с рукописями сохранялись лучше, чем в других местах.

Любопытно, что сразу же после опубликования книги Тишендорфа «По святой земле» (1862 г.), где автор подробно описал историю своей находки, П. Успенский, очевидно раздосадованный тем, что честь столь важного открытия прошла мимо него, подверг сомнению подлинность Синайского кодекса, указав на имеющиеся в нем расхождения с «каноническими» текстами библейских книг. Известный греческий антиквар Симониди подлил масла в огонь разгоревшейся полемики, объявив Синайский кодекс фальшивкой, изготовленной по его просьбе, «ради шутки». И только после выступления в печати А. С. Норова, будущего академика, русские читатели

поверили в подлинность и научную ценность Синайского кодекса.

Здесь мы подходим к очень интересному вопросу — что собой представляли русские паломники, посетившие Синай. Среди них были и начетчики, у которых при взгляде на окружающую местность сразу возникали в памяти цитаты из Библии; и блестящие рассказчики самых разнообразных путевых впечатлений, внимательные, временами тонкие и своеобразные; и просто искатели приключений. Лучшие из них — исследователи неведомых чужих краев. Однако даже среди них практически не было (за исключением, может быть, В. С. Голенищева и А. С. Норова) ученых, т. е. людей со специальной подготовкой, методологической базой и четко определенными целями и задачами исследований.

Чтобы нагляднее представить себе типичные фигуры паломников, которых в прошлом веке судьба забросила в Египет и на Синай, обратимся к свидетельству члена Пермского отделения Палестинского общества Д. Смышляева, побывавшего на Синае в 1865 г.

Смышляев живо и образно воспроизводит нравы постояльцев синайского подворья в Каире, так называемого «квартала Джование», где в прошлом веке останавливались русские путешественники. Джование — замкнутый квартал с монастырем, где паломникам, направлявшимся на Синай, сдавались в аренду дома и отдельные квартиры.

Вот сидит на каменной лестнице подворья и чинит в ключья изодранные башмаки мужик в неопрятной одежде и с выстриженной макушкой (очевидно, старовер).

«— Здорово, любезный, — приветствовал его спутник Смышляева священник Павел, — поизбил, видно, на Синае подошвы-то, почииваешь?»

Мужик сердито взглянул на него и грубо отвечал:

— Починиваю, почииваю. Мне никто не починит. Тебе вот только стоит кадилом махнуть, так и подметка готова, а нашему брату даром никто ничего не делает»¹⁰.

А вот лесковские фигуры русских полуграмотных странниц, которые добрались пешком на Синай из Воронежца и Верхотурья, поглазели на древний монастырь и теперь пьют чай из медного самовара, который они тащили за собой во время своих долгих и трудных странствий.

Смышляев не единственный, кто описал русских паломников. По существу во всех книгах путешественни-

ков из России фигурируют обойденные судьбой, обездоленные тяжелой и несправной жизнью на родине русские люди, занесенные волею обстоятельств в далекие чужие края. Уманец встретил на Джованийском подворье русского монаха Зосиму:

«Более полстолетия, как он оставил родину, и живет здесь 40 лет. Он родом из Кременчуга, малороссиянин и потерял уже всякую надежду когда-либо перенести свои кости на родные степи; по наружности он хотя сед как лушь, но для лет своих телом еще бодр и свеж. Все монахи уклоняются от жития на Синае; даже старик Зосима, когда настоятель откровенно говоря мне об этом, обратился к нему с вопросом и с улыбкой, не хочет ли он туда ехать? — замолчал и не дал ответа. Сам настоятель, будучи на этом месте уже два года, еще ни разу там не был»¹¹.

К середине XIX в. Синайский монастырь обеднел и опустел. К нему было приписано не более 50 монахов, из них на Синае жили всего 22 человека, 2 или 3 — в ат-Торе, городке на восточной стороне Суэцкого залива, столько же при архиепископе на Принцевых островах и остальные на Джованийском подворье. Настоятель говорил Уманцу: «Жизнь на Синае считается самой трудной, и все, как только возможно, ее избегают. По тяжести ли жизни, по скудности ли средств к существованию, по отдаленности ли от родины и вообще отдаленности Синая от мест населенных, монахи остаются в ведении монастыря обыкновенно недолго. Редкий из них проживет здесь лет пять, и отец Зосима составляет в этом случае редкое исключение»¹².

Однако вернемся к нашим размышлениям о русских паломниках на Синай. Возникает резонный вопрос: а стоит ли вообще вспоминать о пестрой толпе косных, нередко фанатичных, в большинстве своем малограмотных богомольцев, неведь каким ветром занесенных в синайские пески? Возможно, и не стоит, если бы среди них не было горстки людей, не паломников, а «путепроходцев», первооткрывателей новых горизонтов.

Их немного, результаты их наблюдений зачастую не были оценены по заслугам, но забыть их мы не вправе.

Давайте же последуем за резвым синайским дромадером с Александром Уманцем на спине: директор Одесского карантинного дома отправляется из Джованийского подворья на Синай...

ОТ КАИРА ДО СУЭЦА НА ВЕРБЛЮДЕ

И идомом от Египта на Синайскую гору пустыню. Не наши же там пустыни. В их пустынях нет ни леса, ни травы, ни людей, ни воды. И идомом пустыню три дня и не видехом ничтоже, токмо песок да камень.

Василий Позняков (1558 г.)

«Позвольте, почему Уманец?» — спросит читатель. «Почему бы нам не отправиться на Синай с Григоровичем-Барским, чьи путевые заметки читаются как увлекательный детективный роман? Или с Авраамом Нордовым, чей научный авторитет несравненно выше, чем у никому не известного провинциального врача? Да мало ли еще умных и наблюдательных русских людей было на Синае...»

Ответить на этот вопрос непросто. Специалисты высоко оценивают книгу Уманца «Поездка на Синай», но широкому читателю она мало известна (ее единственное издание появилось более 130 лет назад). А между тем по своим достоинствам она может и должна занять почетное место среди самых известных книг о путешествиях наших соотечественников в Египет в прошлом веке.

Не может не вызвать симпатию сам Уманец, человек любознательный, равнодушный, да к тому же наделенный несомненным литературным даром. Уманец олицетворяет лучшие черты русского «путепроходца». В самом деле, что заставляло этого почтенного чиновника, присланного в мае 1842 г. из России с конкретной целью — «произвести опыты очищения зачумленных вещей посредством усиленной теплоты», — пользоваться каждой свободной минутой для того, чтобы ближе познакомиться со страной, куда его занесла судьба? Еще до начала своих опытов он отправляется в Верхний Египет и достигает первого порога Нила и о-ва Филе, а закончив опыты, вновь предпринимает утомительную и рискованную по тем временам поездку на Синай. Будучи в Каире, он посещает Мухаммеда Али, налаживает дружеские отношения с Клот-Беем, французским врачом, основателем госпиталя Каср аль-Айни, использует любую возможность получить новые сведения о древней и современной ему истории Египта.

В конце июня 1843 г., когда комиссия, в составе которой находился Уманец, собралась возвратиться в Одес-

су, Уманец решил вернуться на родину другим путем. Он посетил Иерусалим, затем объехал Сирию и Ливан. Оттуда на турецком судне, заходившем по пути на Кипр и Родос, Уманец прибыл в Константинополь. Из Константинополя ему пришлось отправиться в Египет в связи со служебной необходимостью. В последних числах октября 1843 г. он благополучно прибыл из второй поездки в Египет в Одессу.

Во время пребывания в Египте Уманец вел путевые заметки, отрывки из которых опубликовал в различных русских журналах. Затем по предложению А. С. Норова он описал свою поездку на Синай в отдельной книге, вышедшей в двух частях в Петербурге в 1850 г. Отличительной особенностью труда Уманца является то, что он не перегружен богословской схоластикой, которая служила непременным атрибутом русских путешествий к «святым местам» и делает такими архаичными и тяжеловесными для современного читателя даже в целом очень глубокие книги А. С. Норова и П. Успенского.

Первый день пути, 18 мая 1843 года, вторник

Уманец выехал из Каира рано поутру. Его каирский знакомый, русский купец Аверов и состоящий при Уманце унтер-офицер Киселев проводили его до городских ворот Баб ан-Наср.

В дорогу Уманец взял с собой трех одnogорбых верблюдов — дромадеров — для себя, драгомана (переводчика) и погонщика. «Порядок, заведенный в Каире и Суэце для найма верблюдов, стоит того, чтобы рассказать о нем несколько слов, — пишет он. — В каждом из этих городов постоянно находится один из бедуинских шейхов, назначаемый сюда по общему выбору и с согласия старшин на известное время. Он заведует всеми бедуинами, занимающимися извозом, и большую часть если не сам делает, то при нем делают договоры с желающими совершить этот путь. Он знает, кто из бедуинов с кем или с чем поехал, а если торг шел через него, то он отвечает за подрядившегося. По крайней мере в случае кражи или другого приключения рано или поздно его отыщут и представят начальству. За свои услуги он получает определенный бакшиш»¹³.

Драгоманом Уманец нанял некоего Матвея, известного пройдоху и искателя приключений. Еще в юности Матвей сбежал от отца, который был торговцем в Моск-

ве, в Немецкой слободе, и держал сына при себе приказчиком в лавке. Подавшись в дальние страны, Матвей очутился в Константинополе, а затем после долгих мытарств осел в Каире, не имея денег на удовлетворение своей страсти к странствиям. Матвей претендовал на знание греческого и арабского языков, но, как выяснилось, без достаточных для этого оснований. Его плохое знание арабского нередко ставило Уманца в затруднительное положение.

Уманец хорошо подготовился к путешествию: для удобного сидения на верблюде он предварительно заказал себе летнее платье египетского «низама» (полицейского), а к седлу приделал стремя. Для защиты от палящего солнца он взял зонт, который приказал покрыть еще холстом, чтобы тень была гуще, а для защиты глаз от ярких солнечных лучей прихватил очки с зеленоватыми стеклами. Кроме того, он запасся несколькими бутылками апельсинового и лимонного сиропа, лимонного сока, лимонами и вареньем. Не забыл и ром, который, впрочем, остался нетронутым. «Переезд по подобным пустыням, — пишет он, — совершенно сходен с плаванием по морям: не скоро достигнешь до пристани, где бы можно было отдохнуть или достать чего-либо, а поэтому необходимо делать запас пищи на всю дорогу в оба пути, по крайней мере запас тех предметов, который не портится»¹⁴.

Приноровившись к поступи верблюда, Уманец огляделся вокруг. Перед ним простиралась городские окраины Каира. «Скоро миновали мы огромные бугры мусору, оставшиеся от построек незапамятных времен; между ними прорезывался наш путь, а по вершинам тянулись ряды ветряных мельниц. Направо вдаль, под горою Мукаттам, на желтизне песков расстилалось кладбище халифов, город мертвых, который едва ли не красивее города живых. Мавританские минареты подымались далеко вверх над узорчатыми куполами множества тюрбе (надгробных часовен), окруженных в иных местах как бы близкими своими — бесчисленными гробницами простой постройки.

С левой стороны у меня представлялась картина в совершенно другом роде. Вдоль небольшого канала тянулась зелень деревьев, самая яркая и густая, отрадная для глаз; промежду зелени виднелись там и сям простые мазанки феллахов. Канал отходит потом крутым поворотом налево и уводит за собой всю жизнь и

растительность. В том же направлении вдалеке виднелась пальмовая роща и подле нее деревня Матарие, населенная, как говорят, одними только женщинами со множеством детей всех возрастов и большая часть которых никогда не была замужем»¹⁵.

В прошлом веке из Каира в Суэц вели три дороги: одна из них проходила через деревню Матарие и лежащее за ней в четырех часах езды от Каира небольшое озеро Биркет аль-Хадж. Эта дорога называлась «дорогою хаджиев» (паломников). По ней следовали мекканские караваны, место стоянки которых находилось вблизи упомянутого озера. Другая дорога, самая ближняя, которую и избрал Уманец, шла южнее первой. Она называлась «дорога аль-Эзбекие», по имени главной долины, через которую проходила. Третья дорога, еще южнее второй, начиналась чуть ниже Старого Каира. Все три дороги через две трети пути объединялись вместе.

«Недолго ехал я в соседстве воды и зелени. При начале степи у самой дороги с правой стороны возвышается посреди развалин старая, довольно простой наружности тюрьма Малек-Аделя, как бы нарочно отброшенная на несколько верст от общего кладбища халифов. Видом своим она не делает теперь никакого особого впечатления, но когда был цел минарет, к ней примыкавший, то вид этой гробницы у необозримой песчаной степи был, как говорят, особенно живописен. Подобно большей части надгробных зданий, она в совершенном запустении. Бесподобная мавританская дверь с тысячею узоров и украшений, на которых еще уцелели яркие краски, которыми нельзя довольно налюбоваться, открыта и не прикрывается никаким дверным полотном. Сквозь зияющие, большие и той же архитектуры окна видны красивые узоры внутренности купола и углов. Братья Чернецовы (художники, посетившие Египет в 1842 г.— П. П.) в бытность свою здесь срисовали все это»¹⁶.

Часа через полтора небольшой караван Уманца оказался посреди пустыни. «Слева подымались песчаные холмы, тянувшиеся далеко вперед неразрывной цепью. Впереди была бесконечная цепь песков, терявшаяся из виду и по которой лежал путь наш; вправо шло продолжение этой степи, местами взволнованной небольшими холмами и замыкавшейся на горизонте хребтом Мокаттам и частью его — Красной горою, за которой расстилался известный окаменелый лес. Куски окаменелого дерева изредка попадались нам на пути; но они, види-

мо, были занесены сюда кем-нибудь и брошены. Путь наш перерезывал многие небольшие вadi; все они направляются на приинильские равнины, и по ним стекает вода во время дождей, бывающих здесь, впрочем, весьма редко»¹⁷.

В настоящее время гробницы Малек-Аделя уже нет: там, где она когда-то находилась, сейчас возвышаются бетонные новостройки пригорода Каира — Наср-сити. Кладбище халифов давно находится в черте города: оно тянется по правой стороне автостреды, ведущей из Гизы в аэропорт. Оно по-прежнему красиво и издали напоминает декорации к экзотическому фильму из жизни Востока.

Каменный лес, о котором упоминает Уманец, и сегодня является одной из каирских достопримечательностей. Сейчас к нему легче добраться через каирский пригород Маади. Правда, лес — это слишком громко сказано. Прямо на обочине узкого шоссе валяются почерневшие от времени куски окаменелого дерева. Время и солнце превратили их в тяжелые окаменелые глыбы, которые звенят, если их ударить друг о друга. Некоторые куски очень красивы, на них можно различить фактуру дерева.

Однако вернемся к нашему путешественнику, который, покачиваясь на верблюде, всматривается в окружающий его пейзаж: «Новое особенное чувство объемлет путника, когда он в первый раз увидит себя посреди этой мертвой, по-видимому, бесконечной пустыни, где, куда ни обратишь свой взор, сколько глаз ни охватит, не увидишь ни одного живого существа, не заметишь ни малейших признаков жизни. Ни деревца, ни кустика, ни клочка зелени, ни следа кочевья, и где только изредка попадаются жалкие остатки колючего бурьяна, выросшего в зимнюю пору во время здешних дождей, но тотчас после того высохшего на палящем солнце и полузасыпанного песками, когда ветры пустыни вздымают и волнуют их по своему произволу.

Радуюсь встрече и этому жалкому корму, наши верблюды на ходу протягивали к нему во всю длину свои шеи, с желанием полакомиться; но, нередко сорвавши, тотчас выбрасывали бурьян вон изо рта. Серовато-желтая пустыня развернулась бесконечным покрывалом с закругленными холмами и разными небольшими пологими углублениями, где нет ни малейшего приюта для жизни человека...»¹⁸.

В 1843 г. уже существовал комбинированный сухопутно-морской путь, связывавший Лондон с Индией через Египет. Маршрут Уманца пролегал как раз по этому пути, обслуживаемому английской компанией: она перевозила пассажиров из Каира в Суэц и обратно. На этом отрезке существовало тогда 8 перегонов и 7 станционных домов. При трех были устроены маленькие кафе, которые, впрочем, были закрыты. Лошадей на станции компания постоянно не держала. Их приводили из Каира к тому времени, когда в Суэц должен был прийти пароход из Индии. В то же самое время прибывал пароход из Александрии с почтой из Лондона, и они обменивались здесь своими пассажирами, товарами и корреспонденцией. Это случалось редко, не более одного раза в месяц, но дорога в этот момент оживлялась и в постоянных дворах в пустыне можно было найти все что угодно и едва ли, как пишет Уманец, не со «всеми утонченностями английского вкуса и комфорта». Право пользоваться этими постоянными дворами покупалось в Каире и Суэце в конторах компании и стоило весьма дорого (100 египетских пиастров, или 22 руб. ассигнациями на человека). Это только за один вход, за все остальное нужно было платить особо и, конечно, недешево, потому что все продукты доставлялись из Каира. В частности, стакан нильской воды стоил в этих постоянных дворах 2 пиастра, или 44 коп. медью.

Дорога эль-Эзбекие была во времена Уманца довольно оживленной торговой магистралью. Несколько раз Уманцу встречались караваны, как правило, состоявшие из 50 верблюдов.

Это, конечно, уже не те громадные караваны, о которых упоминали Григорович-Барский или инок Варсонофий: в прошлые века число верблюдов в них достигало нескольких тысяч. Уманец интересно описывает один из встреченных им караванов. «Ни одной человеческой фигуры не было видно ни на них, ни возле; караван управлялся как бы невидимой силой. Когда мы поравнялись с ним на расстояние 10—15 сажень, тогда только я заметил, что погонщики спали на верблюдах глубоким сном, свернувшись клубком на вьючных седлах или сидя верхом сзади седла и растянувшись вдоль него всем корпусом, а руками обхватив переднюю луку. Сон этих всадников был так крепок, что хотя мы звали их, кричали что есть силы, но никто из них даже не пошевелился. Что касается до дороги, то верблюды знают ее не

хуже своих хозяев и знают время своего отдыха, который когда наступит, то они разбредутся в разные стороны вокруг щипать остатки колючих трав и никакая плеть тогда не удержит их от этого»¹⁹.

В конце дня однообразие пустынного пейзажа было нарушено появившимися вдали песчаными холмами. Они все ближе и ближе подходили к караванной дороге, затем показались и горы, которые тянулись непрерывной цепью до самого Красного моря.

Уманца, несмотря на все предпринятые им предосторожности, обманули с наймом верблюдов. Видя его неопытность, ему дали старых дромадеров, которые не шли быстрее, несмотря на все его старания. Угрозы Уманца найти суд и расправу над обманщиками в Суэце у консула или у губернатора не произвели на шейха и проводников-бедуинов никакого впечатления.

Путешественники расположились на ночлег в 11 часов ночи. В этот день Уманец был на верблюде без малейшего отдыха 11,5 часов. Привал разбили на четвертой английской станции, т. е. ровно на половине дороги Каир — Суэц. Чувствуя себя весьма уставшим, Уманец приказал разостлать скорее ковер и через 5 минут спал так же крепко, как те бедуины, которых он встретил днем.

Второй день пути, 19 мая 1843 года, среда

Проснувшись в 3 часа утра, Уманец разбудил шейха и напомнил ему, что пора ехать. На это шейх ответил, что хочет взять взамен уставшего верблюда другого, лучшего у прибывших ночью других бедуинских караванов, но просил обождать, пока верблюды съедят свою порцию бобов. Уманец снова заснул, но через час поднялся, и в 4 часа 30 минут караван вновь тронулся в путь.

Спеша попасть в Суэц засветло, Уманец всячески поощрял своего верблюда, но к 12 часам дня его новый дромадер, поначалу бодрый и бежавший ровной рысцой, оказался настолько измученным, что поравнявшись с очередным постоянным двором, остановился. «Я хотел поощрить его идти далее, кричал на него и потом слегка ударил курбашем по шее, но он вместо того, чтобы меня послушать, разом сел, или, вернее сказать, упал на брюхо, и так как я все еще не сходил с седла, то, оборотив назад прямо ко мне свою голову и устремив на меня гла-

за, кричал самым жалобным голосом, как бы прося отдыха. Нечего было делать, нужно было его послушать»²⁰.

Только спешившись, Уманец почувствовал, как страшно он устал сам. К тому же его нещадно мучила жажда. За весь день он не сделал ни глотка воды. Вода в мешках испортилась и представляла собой какие-то желтоватые помои. Надо было чем-нибудь утолить жажду. Уманец смешал полстакана этой жидкости с апельсином и, закрыв глаза, залпом проглотил ее. Это было все его питье за весь день.

В тот же день Уманец получил ожог части руки чуть выше кисти, которую он по неосторожности оставил открытой. Уманца, как и многих других людей, впервые попадающих в пустыню, обманул постоянно дующий прохладный свежий ветерок. Однако эта прохлада кажущаяся. Открытая прямым лучам солнца кожа тут же начинает краснеть и болеть. Краснота как бы в виде браслета опоясала кисти Уманца. Он обвязал обе руки на этом месте платками, и уже на другой день боль утихла.

Уманец проявил незаурядную наблюдательность в описании привычек и нравов синайских бедуинов, сопровождавших его. Он отмечает консерватизм их жизненного уклада: «даже одежда их, очевидно, была той же самой одеждой, в которой ходили кочевники, о которых рассказывалось на страницах Ветхого Завета»²¹, удивляется умеренности бедуинов в еде, их неутомимости и выносливости. Сопровождавшие его три бедуина редко садились на верблюда, чаще же все трое шли пешком, особенно утром. В среднем они проводили в пути от 13 до 16 часов в сутки, из них 9—11 часов шли пешком, при этом быстрым шагом, однако большой усталости Уманец в них не замечал.

В продолжение всего пути Уманец расспрашивал шейха бедуинов о системе управления бедуинских племен. Он узнал, что кочующие на Синайском полуострове бедуины были разделены на три главных племени, в каждом из которых имелся свой шейх. Во главе всех племен Синайского полуострова стоял главный шейх — Салех, и жил он в то время близ небольшого города ат-Тора на Красноморском побережье. Шейх Салех происходил из племени курейшитов, обитающего в Аравии, преимущественно в Мекке, из которого, как известно, происходил и сам пророк Мухаммед. Главный шейх не избирался, а наследовал свой титул. «Шейх Салех уважение к себе приобрел сколько по своим кровным правам, столько же

и по своим душевным качествам. По словам моих бедуинов, он редкого благородства и справедлив в высшей степени. Чтобы судить вообще о богатстве синайских бедуинов, скажу лишь, что проводники мои, говоря о шейхе Салехе, заметили, что он богатый человек и кто к нему приходит по делам, бывает хорошо угощаем. У него четыре жены, четыре невольницы, штук 50 верблюдов и столько же овец, но он еще не первый богач между бедуинами; есть многие из них, имеющие скота в два и даже в три раза больше, чем он. Из этого видно, что синайские бедуины не так богаты, как бедуины Верхнего Египта, которые своих быков и верблюдов считают сотнями голов»²².

Синайские бедуины не признавали над собой власти египетского паши и не платили ему налогов. Напротив, они сами получали от него плату за охрану проходивших по Синаю караванов. Как-то Мухаммед Али задолжал им много денег за перевозку и не платил, несмотря на беспрестанные их напоминания. Бедуины потеряли терпение и ограбили караван, который шел с грузом кофе из Мекки в Каир. «То-то раздолье было тогда нам, — сказал Уманцу шейх, возвысив голос, и радостная улыбка оживила его глаза и лицо, — с утра до ночи мы только и делали, что жгли, мололи, да пили этот кофе первого сорта... Славное время было и славная „фантазия“ („пирушка“ — на египетском диалекте. — П. П.) была тогда у нас». Мухаммед Али разгневался и послал отряд солдат наказать бедуинов, однако ему была устроена засада. Для этого бедуины избрали узкую долину, с боков стиснутую горами и заваленную камнями. Здесь «они сложили стену из камней вышиною в рост человека, а от концов стены протянули крылья на гору, заворотив их наверх. Когда солдаты Мухаммеда Али дошли до этой преграды, то со всех сторон бедуины открыли по ним страшную пальбу из ружей и пистолетов. Отряд был разбит и отступил, а бедуинов погибло немного»²³. Шейх Салех, узнав о поражении Мухаммеда Али, тотчас сам (с полными карманами бакшиша) отправился в Каир. Долго ему пришлось находиться в Каире, прежде чем он пришел к соглашению с Мухаммедом Али: последнему были возвращены задержанные верблюды и остаток кофе в обмен на обещание впредь исправно платить бедуинам. Впрочем, Уманец не ручается за полную достоверность этого рассказа, так как, например, английский путешественник Робинсон рассказывает об этом деле

несколько иначе и сводит его к простой и обычной сваре между бедуинскими племенами.

Около горы Атаки с дорогой аль-Эзбекие соединились два другие пути, ведущие из Каира в Суэц. Здесь Уманец увидел вдаль синюю яркую полосу, обрывающуюся на самом горизонте. Он узнал море и, не в силах сдерживать своего стремления очутиться поскорее на освежающем морском бризе, зашел.

Уманец еще видел небольшую крепость Аджруд, служившую в давние времена для защиты каравана из Мекки, который располагался в ее окрестностях на ночлег. Этот участок пути считался одним из самых опасных, здесь бедуинские племена часто совершали нападения на караваны. Однако во времена Уманца благодаря строгим мерам, предпринятым Мухаммедом Али, и покровительству, которое он оказывал иностранцам, уже давно не было слышно о случаях нападения на караваны.

Через 3 часа езды после Аджруда Уманец достиг так называемого Бир-Суэса, или суэцкого колодца. Он представлял собой небольшой двор, отгороженный высокой каменной стеной, с двумя глубокими колодцами соленой воды. Для питья эта вода была непригодна и служила жителям Суэца для бытовых надобностей. Питьевую воду в Суэц в то время привозили из «колодцев Моисея», находившихся на восточном берегу Суэцкого залива.

«Наши верблюды, имея больше жажды, чем прочие теснившиеся у бассейна животные, пробились к струе воды, и бедуины поспешили напоить их. Вода здесь чиста, как кристалл, но до того солена, что при всей сведавшей меня жажде я едва мог принудить себя выпить один стакан ее пополам с оранжадом. Бедуины же мои ее и не пробовали, но верблюды пили с жадностью, и тем более что были напоены перед сим третьего дня, т. е. накануне отъезда из Каира. Напоив верблюдов, мы тронулись далее и беспрестанно обгоняли вереницы ослов, везших в мешках воду для городских жителей...

Солнце было еще высоко, когда я зашел оградные стены Суэца. Стены эти построены из земляного кирпича и кажутся весьма ненадежными оплотами для защиты от нападения. В семь часов вечера я был в Суэце. Как внешний, так и внутренний вид города самый грустный, самый печальный; нигде нет ни сада, ни огорода, ни одного деревца, ни одного кустика, ни одной травинки; дома из земляного кирпича, местами полуразрушенные;

улицы грязны и засорены всякой возможной нечистотой, народ в рубищах, дети полунагие, болезненного вида и, в буквальном смысле, в грязи с головы до ног. Никто еще не утолял жажды здесь у живого источника, никто не слышал пения птиц»²⁴.

Подавленный убожеством старого Суэца, Уманец скептически относится к являвшемуся в то время предметом обсуждения плану Мухаммеда Али построить железную дорогу из Каира в Суэц. Он считал его чистой фантазией, не имеющей шансов на успех. По его мнению, такая дорога не только не покрыла бы издержек на свое строительство, но и не дала бы никаких мало-мальских процентов на капитал, вложенный в это огромное предприятие.

Железная дорога Каир — Суэц вступила в действие в 1857 г. Расходы, затраченные на ее строительство, окупились в считанные годы. Уманец не знал и не мог предвидеть, что патриархальное запустение Суэца доживало последние годы: начавшиеся через несколько лет работы по сооружению Суэцкого канала неузнаваемо изменили этот захолустный уголок Египта.

Рядом со старым Суэцем построен современный Суэц, утопающий в зелени город с трехсоттысячным населением. Он не имеет сейчас ничего общего со старым городом: крупный порт у южного входа в Суэцкий канал, предприятия, дающие стране химические удобрения, нефтепродукты. Будучи частью приканальной зоны Египта, наиболее динамично развивающейся за последние сто лет, он преобразился. Если многие провинциальные города Верхнего и Нижнего Египта — эль-Минья, Кена, Танта — еще продолжают сохранять черты патриархальности, то города приканальной зоны, и Суэц в их числе, — приметы нового, современного Египта.

Мы еще будем говорить о сегодняшнем дне городов зоны Суэцкого канала, но, чтобы представить масштабы происшедших здесь перемен, давайте вернемся к Уманцу, въезжающему в Суэц в мае 1843 г.

Ссылаясь на арабские летописи, Уманец сообщает, что Суэц был построен в первой половине XVI в. До него здесь существовал арабский городок Кользум, который, в свою очередь, вел свою историю от греческого порта Клизма. Еще в более древние времена в 10—11 км северо-восточнее Суэца находился г. Клеопатрис.

«В городе несколько просторных площадей. Извилистые улицы, идущие от ворот, в которые я въехал, через

весь город и вдоль рукава залива есть не более как ряд площадей, соединенных переулками. На них производятся разные работы, в одном углу площади шьют паруса по выкройке на земле, нарисованной протянутыми веревками; в другом углу навалены кипы товаров, только что привезенные и перетаскиваемые в соседний обширный хан; далее кучи мусора и всяческой нечистоты у самой дороги; полуголые, грязные, по неделе и более немытые мальчишки с офтальмией на глазах копаются в этих кучах; коростовые собаки играют и валяются вместе с ними. Через другую площадь протянут канат, перерезывающий самую дорогу и которым при помощи ворота вытягивают легкие суда на берег. На лучшую площадь выходят дома с флагами на высоких мачтах, агентов консульств, французского и английского, и дом губернатора. Еще более длинное здание адмиралтейства, для которого все материалы доставляются на верблюдах из Каира, а туда из Европы и частью из Сирии»²⁵.

В заливе стояли на якоре несколько рыбацких баркасов и небольшое судно сына Мухаммеда Али Ибрагима-паши.

Здесь, на берегу Суэцкого залива, древнего Герополиса, мы расстаемся с Уманцем. Его путь лежит на Синай, в монастырь св. Екатерины. Наш — в другие места и даже в другой век.

Давайте посмотрим, что происходит на перекрестке Востока и Запада, как иногда называют Суэцкий перешийек, в наши дни. Каждый, кто задумывается над проблемами, с которыми сталкивается современный Египет, обращает внимание на то, какое колоссальное значение для страны имело освоение этого некогда пустынного и заброшенного уголка. Попробуем также проследить за тем, как сооружение «великого пути на Восток», как называл К. Маркс Суэцкий канал, подготавливало коренной поворот в современной истории Египта, подняло его политическое и торгово-экономическое значение, властно втянуло некогда отсталую и изолированную страну в самую гущу мировой политики.

Для начала ознакомимся с, так сказать, местом действия и проедем по пути, по которому шли русские «путепроходцы» к Чермному морю, на Синай. Но повторим этот путь мы не буквально, не след в след. Вряд ли это будет интересно, да и целесообразно: за сто лет пески замели следы караванов паломников.

Паломники шли к горе Моисея. Мы поедem к Суэц-

кому каналу, туда, где легче всего ощутить пульс жизни сегодняшнего Египта. И начнем мы не с Суэца, где оставили Уманца с его спутниками. — Суэц сегодня с трудом залечивает раны недавней войны. — мы начнем с Исмаилии, быстро превращающейся в столицу Суэцкого канала.

ОТ КАИРА ДО ИСМАИЛИИ НА АВТОМОБИЛЕ

Мне не случалось видеть местности более плоской и менее пересеченной, чем эта.

М. Н. Дохтуров (1863 г.)

Уманец добирался до Суэца почти два дня. Если не считать ночевки и кратких привалов, он провел на спине своего верблюда 24 часа. «Устал я донельзя, — писал он. — Лицо горело, жажда терзала меня, но зато, когда я добрался до воды, хотя также отчасти солоноватой, то лил ее в себя, подслащивая лимонным сиропом, как в Данаеву бочку. Я потерял счет стаканам воды, мною выпитым, и не помню, чтобы когда-либо в жизни моей пил ее с большей жадностью»²⁶.

В те времена, когда Уманец путешествовал по Египту, рекорд скорости на отрезке Каир — Суэц принадлежал Мухаммеду Али, который преодолел однажды это расстояние (примерно 140 км) на подставных лошадях за 13 часов. Почта доставлялась английской компанией из Суэца в Каир в середине прошлого века за 17 часов.

Сегодня для того, чтобы попасть из Каира в Суэц или любой другой город зоны Суэцкого канала, требуется не более двух с половиной часов, причем чуть ли не половина этого времени уходит на то, чтобы выбраться из бесконечно утомительных пробок каирского уличного движения.

Ранним утром наш автомобиль легко мчится по двухкилометровой эстакаде, ведущей с левого берега Нила, из района Докки, — через о-в Гезиру — на правый берег, к центру города. Внизу мелькают аккуратно подстриженные газоны спортивного клуба «Гезира», поле для гольфа и ипподром которого напоминают каирцам о колониальных временах, когда большинство членов клуба составляли офицеры английских оккупационных войск и компрадорская верхушка каирского общества. Впрочем,

и сейчас, спустя четверть века после июльской революции «Гезира» не стала доступней для среднего каирца. Стоимость годового членского билета для семьи из трех-четырёх человек значительно превышает годовую зарплату обычного служащего.

Виды из окна автомобиля сменяются, как картинки в китайском фонарике. Едва успеваем проехать самый фешенебельный район Каира — Замалек, — как появляются ветхие строения Булака — квартала городской бедноты, примыкающего к центральной части города. Проносимся по эстакаде над узенькой улицей Галая, застроенной обветшалыми, разномастными домишками, среди которых одиноко возвышается поблескивающий дымчатыми стеклами небоскреб редакции газеты «Аль-Ахрам». А вот и громоздкое здание железнодорожного вокзала «Баб эль-Хадида» с массивной гранитной статуей Рамзеса II, надменно вздернувшего голову, увенчанную короной Верхнего и Нижнего Египта. Здесь эстакада кончается — и мы вливаемся в унылый, скрежещущий, гудящий, смердящий поток автомашин, медленно ползущих по улице Рамсис, получившей название от статуи самого знаменитого из египетских фараонов. Пристраиваемся за выдавшим виды грузовиком с ящиками со свежей зеленью и овощами, оставляющим за собой длинный шлейф дыма. У допотопного вида автобуса, из дверей, окон и даже с крыши которого глядят на нас неунывающие египтяне, вообще нет выхлопной трубы и дым с мотоциклетными выхлопами валит откуда-то сбоку. Приходится наглухо закрыть окна и медленно продвигаться в плотной массе автомобилей.

Из пробки выбираемся, только миновав коптский собор св. Марка, стоящий в конце улицы Рамсис. Он построен из сероватого бетона и сочетает в себе традиционный для греческих и константинопольских базилик купол и огромный дом, своими очертаниями напоминающий готический. Собор был открыт в 1968 г., когда коптская церковь отмечала 1900-летие смерти евангелиста Марка, считающегося первым епископом Александрии и основателем коптской церкви. По этому случаю, кстати, Ватикан принял решение частично вернуть Египту священные с именем святого Марка реликвии, украденные в 828 г. венецианцами из старого собора св. Марка в Александрии. Сейчас они хранятся в соборе, мимо которого мы проезжаем.

Движение становится спокойнее. Выезжаем на ши-

рокую, усаженную деревьями улицу, ведущую к аэропорту. По правую ее сторону — квартал новостроек Мадинат-Наср, в центре которого возвышается стройный треугольный монумент, воздвигнутый в память о египетских воинах, павших во время октябрьской войны 1973 г. Здесь в октябре 1981 г. во время традиционного военного парада был убит президент Садат.

Налево — хорошо спланированный, утопающий в зелени район Маср эль-Гедида (Новый Египет). Его строительство, начатое в 1905 г., финансировала группа французских банкиров во главе с бароном Ампеном, чей замок, построенный в кхмерском стиле, неизменно привлекает внимание туристов. Простоявший несколько лет взаперти, он пришел в запустение. Причудливый, экзотический даже для Каира, он получил название «Мертвый замок». В настоящее время французская туристическая фирма ведет работы по его восстановлению.

Маср эль-Гедида, или, как его чаще называют, Гелиополь, по имени знаменитого города древнего Египта, — один из самых тихих и спокойных районов Каира. Здесь находятся виллы финансовой и деловой элиты Египта, роскошные дворцы нефтяных шейхов из Саудовской Аравии и государств Персидского залива, приезжающих в Каир отдохнуть от душливой летней аравийской жары, а заодно и оставить тысячу-другую долларов в каирских ночных клубах.

Чуть дальше, почти за городской чертой, находится пригород Каира Матария. Здесь до сих пор показывают туристам ту самую, связываемую коптами с библейской легендой о бегстве святого семейства в Египет смоковницу, которую непременно посещали русские паломники, направляющиеся на Синай.

Как ни странно, в прошлом веке эта смоковница имела вполне определенное отношение к нашей стране. Служащий Российского общества пароходства и торговли Я. Н. Картавцев, бывший в Египте в 1891 г., писал, что «весь сад со смоковницей еще 30 лет тому назад принадлежал России, точнее сказать, одному из тогдашних представителей русской дипломатии в Каире. Но вместо того, чтобы хранить его или продать русскому правительству, мудрый дипломат преподнес его хедиву Исмаил-паше. Тот, конечно, не отказался. А когда приехала в Каир императрица Евгения, Исмаил-паша подарил ей и сад, и священную смоковницу. Акт укрепления совершен был на имя французской империи. В доме поселились

католические монахи и владеют всем и до сего дня. Дерево, правда сказать, монахи тщательно оберегают и ухаживают за ним»²⁷.

Смоковница, которую сейчас показывают туристам, конечно, не ровесница нашей эры. По оценкам специалистов, этому дереву около 300—350 лет.

В настоящее время, по существу, единственным памятником, напоминающим о том, что около 5 тыс. лет назад здесь находился один из крупнейших жреческих центров древнего Египта, является двадцатиметровый обелиск, некогда высившийся перед храмом Амона-Ра, бога солнца. Он поставлен сейчас на прочную бетонную основу.

Но вот и окраины города. У нового, выросшего буквально за несколько месяцев отеля «Шератон-Гелиополис» поворачиваем налево — и через несколько минут уже мчимся по широкому, прекрасному шоссе Каир — Исмаилия.

В наши дни, как и в прошлые века, из Каира на Синай ведут три основные дороги. Они, естественно, имеют мало сходства с древними караванными тропами. Две из них — Каир — Исмаилия с ответвлением на Порт-Саид и Каир — Суэц — современные, недавно отремонтированные и расширенные скоростные автостреды. Третья — Каир — Исмаилия (через Бельбейс) — похуже, она идет вдоль канала, снабжающего Исмаилию и Порт-Саид пресной нильской водой.

Однако если дороги и средства передвижения со времени Уманца претерпели самые кардинальные изменения, то пейзаж остался тем же. Унылое однообразие песков, выцветшее от жары серо-голубое небо да возникающие у горизонта миражи. Дорога до того ровная и прямая, что, несмотря на то что наш автомобиль стабильно держит скорость 100 км, порой кажется, что мы стоим на месте и только дорога серой лентой уходит под колеса. Открываем окна автомобиля, создавая «тараву» (так в Египте называют приятный сквознячок), и с наслаждением глотаем хрустально-чистый, прохладный воздух пустыни, тот самый, что освежал разгоряченные лица качавшихся на спинах верблюдов Уманца и Порфирия Успенского. Интересно отметить, что этот прохладный ветерок, ровно и приятно дующий в пустыне, является для египтян таким же символом и предвестником весны, как для нас, скажем, прилет грачей и появление почек на деревьях. Он начинает дуть в апреле, в первых числах

которого в Египте отмечается праздник «шамм ан-на-сим» (дуновение весеннего ветра). В этот весенний праздник, который особенно популярен в жарком Верхнем Египте, принято есть вяленую нильскую рыбу, обладающую, кстати, таким же острым специфическим запахом, как и некоторые рыбные блюда национальной кухни Лаоса, Вьетнама, Таиланда.

Однообразие пустынного пейзажа нарушает лишь появившаяся примерно в 50 км от Каира группа однотипных многоэтажных зданий, к которым ведет узкая асфальтовая дорога. Это — будущий город-спутник Каира. Несмотря на то что дома в нем вот уже около трех лет выглядят вполне пригодными для жилья, он еще не заселен. Не подведены вода, газ, электричество; химический комбинат, который даст работу жителям «6-го октября», еще только строится. Ну что же, трудности, возникшие при строительстве одного из первых городов-спутников, естественны. Освоение пустыни, объявленное руководством Египта одним из основных направлений развития страны на период до 2000 г., — задача колоссальной сложности.

Но вот скрылись за барханами последние дома будущего города. На шоссе стало оживленнее. Вот медленно тащится набитый до отказа пикап «Пежо-404» — частное такси — труженик провинциальных египетских дорог. Его любят здесь за неприхотливость в обслуживании и поистине невероятную вместительность. Я однажды насчитал в таком такси помимо водителя 12 крестьян, которые сидели не только в салоне, на коленях и чуть ли не на головах друг у друга, но и в багажнике, причем к крыше автомобиля было приторочено еще несколько тюков и чемоданов. Самое любопытное, что все эти люди не только не проявляли признаков недовольства таким способом передвижения, но и испытывали от этого самое непосредственное удовольствие: они весело переговаривались, смеялись, приветливо махали руками проезжающим автомобилям. Поистине неистощим оптимизм и жизнерадостность египетских феллахов.

Водитель такси, которое мы обогнали, по всем признакам, хозяйственный мужик. Фары и задние фонари аккуратно прикрыты самодельными металлическими решетками, над ними симметрично приклеены отражающие свет красные треугольники, зеркал бокового обзора по крайней мере в 3 раза больше, чем нужно. И — как последний мазок — на задней дверце намалеваны два це-

люющихся голубка, а под ними надпись: «Сабах аль-фуль, я халява!» — «Доброе утро, моя прелесть!»

Надписи на египетских автомобилях заслуживают особого разговора. Каждый второй из египетских автобусов, грузовиков, такси украшен подобранной по вкусу его водителя, выписанной затейливой арабской вязью надписью. Это или слова из популярной песни, или народная поговорка, или цитата из Корана, а то и доморощенная философская сентенция, сочиненная самим хозяином автомобиля. Дорожная полиция, как может, борется с этой массовой эпидемией, заставляет замазывать надписи, однако они появляются вновь.

Египетский социолог доктор Сейид Овейс собрал около тысячи надписей на автомобилях в различных районах Египта — от Александрии до Асуана. Вот некоторые экспонаты его коллекции: 34 раза видел он излюбленное египтянами «ма шаалла!» — «Так угодно аллаху!»; 25 раз — изречение «ас-сабр гамиль» — «терпение — прекрасно»; 15 — пословицу «эйн аль-хусуд фиха уд» — «забавность — как палка в глазу».

Это наиболее часто повторяющиеся надписи. По словам Сейида Овейса, 38% из тысячи исследованных надписей представляли собой народные пословицы и поговорки; 32% — религиозные высказывания или даже последние, короткие суры из Корана. Среди остальных основное место занимают строки из излюбленных египтянами песен, в основном исполнявшихся кумирами Египта — Умм Кальсум и Абдель Халимом Хафезом.

Эти немудреные перлы житейской философии можно было бы и продолжить. Среди них есть еще немало любопытных. Имеются и такие, что находятся за гранью приличия. Некоторые из них напомнили мне надпись на махновской тачанке из «Похождений Невзорова или Ибикуса» Алексея Толстого, на задней доске которой, как известно, было дегтем намалевано: «Хрен догонишь!».

Эти надписи, собранные воедино и тщательно проанализированные, можно классифицировать в качестве своеобразной и плохо еще исследованной формы самовыражения «молчаливого большинства» египетского общества. Поэтому, очевидно, свою книгу о надписях на автомобилях С. Овейс назвал «Молчащие выкрикивают свои лозунги». Он, несомненно, прав, утверждая, что в этой очень характерной черте жизни современного Египта нашел свое отражение своеобразный культурно-психоло-

гический климат, веками складывавшийся в египетском обществе. Авторы надписей — вчерашние крестьяне, выходцы из городских «низов». В силу низкого уровня грамотности (70% населения Египта до сих пор, несмотря на существование закона о всеобщем начальном образовании, вообще не умеют ни читать, ни писать) они выражают свои мысли при помощи сложившихся штампов, народных прибауток, цитат из Корана, любимых песен. С. Овейс считает возможным и уместным говорить о проявившихся в этом своеобразном явлении таких национальных чертах египтян, как терпение (чуть ли не в третьей части надписей говорится о необходимости хранить терпение перед лицом жизненных трудностей), фатализм, почерпнутая из учения ислама глубокая вера в предопределенность человеческой судьбы, всех происходящих в мире событий и наряду с этим — неисчерпаемый оптимизм, склонность к добродушной шутке, с которой легче живется.

Впрочем, мы в очередной раз отвлеклись от дороги. Справа из песков медленно вырастает высокий белоснежный обелиск, у подножия которого на мраморном постаменте стоит танк, точь-в-точь такой же, как во многих местах под Москвой, где проходили бои Великой Отечественной войны. Это — наш «Т-34». Памятник сооружен в память ожесточенных танковых сражений, развернувшихся на Синайском полуострове во время октябрьской войны 1973 г.

Итак, две трети пути остались позади. Через какие-то 20 км пески пустыни сменяются чахлым кустарником; его, в свою очередь, сменяет густая пальмовая роща. Зеленый оазис, в который мы въехали, говорит о том, что где-то поблизости есть вода. И действительно, за крутым поворотом дороги перед нами открывается канал, по которому пресная вода из Нила поступает в Исмаилию, Порт-Саид, Суэц. Берега его поросли густой травой. Время от времени привлекают внимание журавли шадуфов — примитивных сооружений для орошения крестьянских полей, которые разноцветными заплатками выделяются на узкой зеленой полоске земли, протянувшейся вдоль канала. Четко видна граница между сочной зеленью и красноватым песком пустыни, в отдельных местах совсем близко подступающей к полям.

Геродот называл Египет «даром Нила». Действительно, вся жизнь египетских феллахов испокон веков неразрывно связана с этой удивительной рекой, мощные

разливы которой приносят живительную влагу и естественное удобрение — ил — на крестьянские поля. Можно сказать, что Нил, оставляющий во время разливов до 20 т ила на каждом гектаре полей, создал плодородную Нильскую долину. Древние египтяне обожествляли Нил (по-египетски — Хапи). Фараоны, уходя в дальние походы, приказывали доставлять им воду из Нила. В более поздние времена народная фантазия родила поверье: тот, кто испил нильской воды, непременно вернется в Египет.

Сегодня врачи не только не рекомендуют пить нильскую воду, но и купаться в Ниле и пресноводных каналах: в нильской воде обнаружены шистосомы — паразиты, вызывающие тяжелое заболевание шистосоматоз (или бельгарцию).

В Каире регулярно созываются международные конгрессы врачей, посвященные изучению методов борьбы с шистосоматозом — одним из наиболее распространенных заболеваний в египетской деревне. Но разве можно изолировать феллаха от Нила?

Вот и сейчас мы видим, как на глиняном откосе одного из маленьких каналов, отводящих воду к полям, копошится группа ребятишек. Рядом мирно жует траву труженик феллахских полей облезлый буйвол с круто выгнутыми рогами. По всей вероятности, дети не просто играют, а пасут его. Тут же неподалеку с мотыгой в руках трудится отец семейства в засученных до колена плотных штанах и короткой серой рубашке. Голова его прикрыта от палящих лучей солнца небольшой белой шапочкой. Полная, рано постаревшая от непосильной крестьянской работы мать семейства, одетая в черное, сидит в тени небольшого дома, крыша которого покрыта сухими пальмовыми ветвями, и на глиняном очаге варит что-то, помешивая ложкой в закопченном котле.

Останавливаемся передохнуть в тени пальмовой рощи. Тут же со всей округи сбегаются дети и взрослые. Каждый предлагает помощь. Смуглая озорная девочка в ситцевом платье тащит соломенную циновку. Ее отец, улыбающийся всеми морщинками своего коричневого, потрескавшегося от солнца лица, несмотря на все наши возражения, угощает нас чем бог послал: листьями салата и чашечкой забади — прохладной простокваши.

Египетские понятия о вежливости требуют степенного разговора о житье-бытье. Покончив с расспросами о здоровье самого Ахмеда (имя феллаха), его жены, родите-

лей и детей, спрашиваем, как ему удастся сводить концы с концами, имея такой маленький участок земли. Ахмед отвечает, что хотя его участок чуть больше одного феддана*, да к тому же он арендует его у крупного местного землевладельца, тем не менее ему и его семье хватает. Ахмед отнюдь не считает себя беднейшим из местных феллахов и даже чуточку гордится своим благосостоянием. Что ж, его можно понять, если учесть, что, по данным египетской печати, 45% сельского населения Египта живут ниже черты бедности.

Жизнь египетского феллаха всегда была трудной. Одна из основных его проблем — нехватка земли.

После ввода в строй Асуанской плотины площадь обрабатываемых земель увеличилась примерно на треть, однако еще более быстрыми темпами растет население страны. За последние четверть века оно удвоилось.

В настоящее время Египет не в состоянии прокормить себя и импортирует 70% продуктов питания из-за рубежа. Программы «продовольственной безопасности», выдвинутые в рамках инфитаха, оказались неэффективными главным образом потому, что местный и иностранный частный капитал не проявляют в них заинтересованности. Государственных же аграрно-промышленных комплексов, сооружение которых началось во времена Насера, во-первых, немного, а во-вторых, их рентабельность в связи с несовершенством управления оставляет желать лучшего.

Рост интенсивности сельскохозяйственного производства тормозит и обстановка, сложившаяся в египетской деревне. Аграрные реформы Насера несколько приглушили социальные контрасты, но тем не менее 52% доходов в сфере сельского хозяйства присваивается средними и крупными землевладельцами, в численном отношении составляющими не более 1/5 сельского населения. Этому способствовали и принятые в период правления Садата законы, серьезно подорвавшие прогрессивные завоевания 60-х годов. Конфискованные земельные угодья возвращались прежним владельцам, неоднократно повышалась арендная плата.

По данным официальной статистики, сегодня основную массу египетских феллахов составляют безземельные и малоземельные крестьяне. Чтобы как-то сводить концы с концами, им ничего не остается, как арендовать землю у крупных землевладельцев.

* Феддан = 0,43 га.

Вот на какие размышления навел нас короткий разговор с египетским феллахом. Ахмед проводил нас до обочины дороги, где в тени густых деревьев раскинулся небольшой крестьянский рынок. На повозках и грубо сколоченных деревянных помостах разложены всевозможные овощи и фрукты: помидоры, палочки сахарного тростника, зелень, манго, виноград, баклажаны. И конечно же душистые исмаильские дыни и арбузы. По поводу появления арбузов в Египте существует легенда, которую записал еще Порфирий Успенский со слов одного из своих многочисленных египетских собеседников:

«В Египте в незапамятные времена один мудрый и добрый фараон призвал к себе своих советников для рассуждения о государственных делах. В палату, где они сидели, внезапно вполз огромный змей и, приблизившись к фараону, смотрел на него с умилением и печалью и кивал головой, как кланяются люди. Фараон обратился к волхвам и сказал: „Узнайте, чего просит у меня этот ползлец?“ Волхвы по движению взгляда его угадали, что он заклинателями змей лишен самки и просит возвратить ее. Когда они истолковали немое прошение змея, фараон приказал им немедленно созвать всех заклинателей змей. Они пришли с пойманными змеями и начали показывать их поодиночке. Проситель, как только увидел свою самку, свистнул от радости, и она была возвращена ему. Спустя несколько дней у фараона опять собрался совет, и в палату вполз тот же змей. Приблизившись к царю, он положил на колено ему одно черное семя как дань благодарности и скрылся. Фараон приказал тотчас посадить это семя и тщательно беречь и поливать росток, какой выйдет из него. Вырос большой арбуз. Фараон, желая знать, не вреден ли сей овощ, велел отыскать в столице человека, который решился бы съесть его, получив предварительно богатый дар в обеспечение своего семейства. Искомый нашелся. Когда привели его к царю и предложили ему вкусить от плода, открытого змеем, он сказал: „Сто лет я прожил на этом свете и еще столько мне уже жить не можно, придет время, когда изнемогут мои силы и я склонюсь к матери-земле. Предваряя это время, охотно повинуюсь воле царя“. Волхвы разрезали арбуз священным ножом. Красота его восхитила всех. Самоотверженный старец съел ломоть арбуза, попросил другой, вымолил и третий и зарумянился. Все к нему с вопросами, и всем он отвечает: „Вкусно, сладко, благовожно, вся кровь во мне играет, другие сто лет я проживу,

еще бы ломтик, волхвы“. Но мудрые волхвы отложили опять до другого дня. С рассветом старик пробудился и стал бодрее и свежее против прежнего. В час обеда ему подали остальную часть арбуза, и он съел ее, благодаря бога и радуясь. Так мудрецы при посредстве немудрого человека узнали новое полезное и сладкое яство. Фараон, одарив старика, приказал посадить все семена, из них выросли прекрасные арбузы»²⁸.

Легенда окончена. Включаем первую скорость, медленно переползаем шаткий мост, поворачиваем направо — и перед нами на дорожном указателе надпись: «Исмаилия».

¹ Хождение Трифона Коробейникова. Цит. по: А. Н. Муравьев. Путешествие ко Святым местам в 1830-году. Ч. I. СПб., 1848, с. XXXV—XXXVI.

² И. П. Сахаров. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. Т. II, кн. VIII. СПб., 1849, с. 1.

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. II. М., 1949, с. 518.

⁴ Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие... СПб., 1819, гл. I, с. 257.

⁵ Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 году архимандрита Порфирия Успенского. СПб., 1856, с. 92.

⁶ Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле А. Уманца. Ч. I и II. СПб., 1850, с. 11 (далее — А. Уманец).

⁷ Н. В. Поггенполь. Путешествие на Синай. СПб., 1912, с. 30—31.

⁸ Там же, с. 35.

⁹ Палестинский сборник. Т. XX. Вып. 3. СПб., с. 387—389.

¹⁰ Д. Д. Смышляев. На пути к Синаю. Пермь, 1876, с. 27.

¹¹ А. Уманец, с. 6.

¹² Там же, с. 17.

¹³ Там же, с. 24—25.

¹⁴ Там же, с. 27—28.

¹⁵ Там же, с. 32.

¹⁶ Там же, с. 34.

¹⁷ Там же, с. 35—36.

¹⁸ Там же, с. 36—37.

¹⁹ Там же, с. 39—40.

²⁰ Там же, с. 49.

²¹ Там же, с. 89.

²² Там же, с. 136.

²³ Там же, с. 138.

²⁴ Там же, с. 55.

²⁵ Там же, с. 60.

²⁶ Там же, с. 56.

²⁷ Я. Э. Картавцев. По Египту и Палестине. Путевые заметки. СПб., 1892, с. 155.

²⁸ Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 году архимандрита Порфирия Успенского. СПб., 1856, с. 315—316.

ИСМАИЛИЯ — СТОЛИЦА СУЭЦКОГО КАНАЛА

Стри города, как бы чудом возникшие, утвердились вдоль канала...
Из болота вырос Порт-Саид,
Из степи выросла Исмаилия,
Из моря вырос Новый Суэц.

В. А. Соллогуб (1869 г.)

Каждый из городов, расположенных вдоль канала, имеет собственное лицо. Порт-Саид — грандиозное, многоязыкое, суетливое и шумное торжище, Суэц — порт-труженик, Исмаилия — столица Суэцкого канала.

Как и положено столице, Исмаилия — самый красивый из городов приканальной зоны. Исторически Исмаилия складывалась как город служащих, разрастаясь вокруг административных учреждений Суэцкого канала. Судя по старым путеводителям, в начале 70-х годов прошлого века из 5,5 тыс. жителей Исмаилии около 3 тыс. составляли европейцы, в основном служащие Всемирной компании морского Суэцкого канала.

И сегодня каждый второй исмаилиец так или иначе связан с Суэцким каналом. На берегу этого пресноводного канала, пересекающего весь город и соединенного шлюзом с оз. Тимсах, расположился целый комплекс современных административных зданий.

Широкое шоссе, по обеим сторонам которого тянутся финиковые пальмы, ведет к морскому клубу администрации Суэцкого канала. В жаркие дни немало исмаилийцев приезжают сюда отдохнуть. Разноцветные зонтики, защищающие от прямых палящих лучей солнца, воткнуты прямо в жесткую выцветшую траву. Под ними прищипанно могут расположиться целые семейства.

Впереди виден канал и западная оконечность оз. Тимсах, а вдали — врезавшийся в озеро мыс, густо посаженный пальмами. Темно-бурая вода канала слегка рябит

под порывами свежего ветра. У обрывистого противоположного берега стоит грузная японская драга.

Суэцкий канал — весьма своеобразен. Когда попадаешь сюда впервые, невольно обращаешь внимание на то, что вода в нем вровень с уровнем берега. Канал производит впечатление гигантской, наполненной до краев канавы. Кажется, малейшая волна — и вода выплеснется через край в серый прибрежный песок. Входя в воду, замечаешь микроскопические взвеси. Песок, постоянно поднимающийся со дна, мутит воду, делает ее темно-коричневой. Купаться в канале лучше всего тогда, когда пройдет караван судов и вода, отстоявшись, просветлеет. Очень занятно наблюдать за прохождением по каналу больших океанских кораблей. Возникает иллюзия, что они идут прямо по пустыне. Вот движется большой греческий сухогруз. Его обшарпанные борта высоко поднимаются над уровнем канала. Несколько матросов, стоящих около борта, одеты во что попало. На веревке, протянутой от капитанской рубки, сушатся тряпки, матросское исподнее. За сухогрузом через 200—250 м следует нарядный, белоснежный туристский теплоход под французским флагом, за ним — танкер, потом еще сухогруз... Вереница кораблей постепенно исчезает за зеленой рощицей слева от клуба. Через 4—5 часов караван будет в Порт-Саиде, а затем в бескрайних просторах Средиземноморья.

В настоящее время по Суэцкому каналу ежедневно проходят три каравана из 60—80 судов. Своеобразный рекорд был установлен здесь 22 января 1977 г. — по каналу проследовало 82 судна.

В 1978 г. Суэцким каналом пользовались 103 страны. Да это и неудивительно, он обеспечивает экономию топлива от 25 до 50%. Через канал осуществляется 15% мировой торговли, по нему проходят 97% всех сухогрузов мира и 27% всех нефтеналивных судов.

Восьмилетнее бездействие канала (1967—1975) нанесло мировой торговле ущерб, который оценивается приблизительно в 12—15 млрд. долл. Закрытие канала для судоходства отрицательно сказалось на экономике 65 стран. Убытки Египта за этот период исчисляются приблизительно в 1,3 млрд. долл. Судоходство по Суэцкому каналу возобновилось 5 июня 1975 г., однако этому предшествовала длительная и напряженная работа: расчистка канала от израильских мин.

В настоящее время доходы от Суэцкого канала со-

ставляют одну из главных прибыльных статей национального бюджета Египта. В 1980 г. поступления от него составляли 634 млн. долл., а в 1981 г. — 875 млн. долл. Число проходящих по каналу судов постоянно растет, так как этот морской путь продолжает оставаться более дешевым, чем путь вокруг мыса Доброй Надежды.

Во главе администрации Суэцкого канала стоит египетский инженер Машхур Ахмед Машхур, в чьем распоряжении находятся 280 лоцманов. Все они — египтяне (до 1967 г. здесь работало 230 лоцманов, из них 47 иностранцев).

Стремясь идти в ногу со временем, администрация канала развернула работы по его расширению и модернизации. Они были разбиты на два этапа: первый закончился в конце 1980 г., а второй рассчитан до 1985 г. На первом этапе работ ширина канала была увеличена примерно в 1,5 раза (в основном за счет сноса возведенной израильянами после войны 1967 г. укрепительной «линии Барлева» на восточном берегу) и фарватер углублен примерно на 45%. В настоящее время по каналу могут проходить суда с осадкой до 53 футов. Выступая в середине ноября 1980 г. на торжественной церемонии завершения первого этапа работ, инженер М. А. Машхур заявил, что с 5 июня 1975 г. по каналу прошло 104 500 судов. Объем работ, выполненных на первом этапе модернизации канала, на 125% превышает объем всех работ, осуществленных при строительстве канала в 1859—1869 гг. В результате в настоящее время каналом могут пользоваться суда водоизмещением 150 тыс. т, составляющие около 50% мирового торгового флота, и танкеры водоизмещением до 270 тыс. т с полной загрузкой. Естественно, что работы такого колоссального размаха потребовали и соответствующих капиталовложений (1 млрд. 275 млн. долл.).

Растет и интенсивность работы канала. В настоящее время караваны судов могут проходить Суэцкий канал одновременно только в одном направлении; чтобы сократить время ожидания каравана и прохода, администрация осуществляет проект строительства трех канальных ответвлений, как бы рукавов, которые позволят разводить суда, идущие встречным курсом. После завершения строительства этих ответвлений время прохода сократится на 4 часа. В настоящее время закончены работы на первом и наиболее крупном из этих ответвлений, которое сооружено при помощи Японии в районе Порт-Саида.

Общая длина его 36 км. Следующие два ответвления — в районе оз. Тимсах (5 км) и в районе Горьких озер (28 км).

Одна из наиболее сложных в техническом отношении проблем — проход по каналу современных супертанкеров. Один из проектов, которые широко обсуждались в египетской печати, предусматривает использование для этой цели нефтепровода мощностью 80 млн. т в год между Суэцем и Александрией, который был открыт в 1977 г. Согласно этому проекту, супертанкеры смогут сливать большую часть своего груза в Суэце. По нефтепроводу нефть будет доставляться в его конечный пункт — Сиди-Крейр, вблизи Александрии. Танкеры смогут порожняком проходить по Суэцкому каналу и вновь заправляться нефтью в Сиди-Крейр. Таким образом можно повысить и интенсивность использования нефтепровода Суэц — Александрия, в настоящее время загруженного только на 50%.

На втором этапе модернизации канала предусматривается значительно увеличить его поперечное сечение. Это потребует еще больших капиталовложений (они оцениваются примерно в 1,5 млрд. долл.). Существуют и значительные технические трудности: необходимо производить работы, не прекращая движения судов по каналу. В связи с этим одна из крупных японских фирм выдвинула в начале 1980 г. проект второго Суэцкого канала, который шел бы параллельно нынешнему и, по мнению японцев, обошелся бы дешевле, чем работы по расширению канала.

Внося значительную лепту в государственную казну Египта, Суэцкий канал положительно воздействует и на облик всей приканальной зоны. В настоящее время эта зона с ее тремя крупнейшими городами: Порт-Саидом, Исмаилией и Суэцем — является наиболее динамично развивающимся районом страны. За время восьмилетнего бездействия канала и войны, которая велась между Египтом и Израилем в 1967—1979 гг., она весьма пострадала. Было разрушено около 85% жилого фонда. Особенно большой ущерб был нанесен Суэцу, где к 1975 г. почти не осталось крупных зданий, которые не были бы повреждены в результате артобстрелов и бомбардировок израильской авиации. Однако за относительно короткий срок, прошедший со времени возобновления судоходства по Суэцкому каналу, вокруг него произошли разительные перемены. Привлеченные открывающимися здесь

возможностями, в Порт-Саид, Исмаилию и Суэц вернулось около 1 млн. египтян. В частности, население Исмаилии за этот период возросло со 145 тыс. (1975 г.) до 275 тыс. и продолжает увеличиваться.

Генеральный проект развития приканальной зоны на период до 2000 г. предусматривает увеличение населения Исмаилии до 1 млн. жителей. Для этого необходимо построить около 100 тыс. условных жилых единиц, усовершенствовать ирригационные сооружения для планируемого освоения больших сельскохозяйственных площадей на западной стороне канала, необходимых для снабжения населения продуктами питания. Предусматривается также создать фабрики по переработке и консервированию фруктов и овощей, восстановить ряд предприятий перерабатывающей промышленности, пострадавших во время военных действий, а также возвести современные аграрно-промышленные комплексы на восточной стороне канала, используя для орошения воду из Нила, которая будет подаваться по пяти тоннелям, проложенным под каналом.

25 октября 1980 г. было открыто движение по проходящему под Суэцким каналом автомобильному тоннелю им. Ахмеда Хамди (египетский генерал, погибший во время войны 1973 г.). Этот тоннель находится в 17 км севернее Суэца. Длина его — 1640 м. Пропускная способность тоннеля должна после завершения работ достигнуть 2 тыс. автомобилей в час. Начаты работы по строительству еще двух тоннелей под Суэцким каналом. Один из них будет предназначен исключительно для орошения сельскохозяйственных плантаций на Синайском полуострове пресной водой из Нила.

Однако, размышляя о реальности проектов, выдвигающихся египетскими специалистами, нельзя не учитывать ряда серьезных объективных факторов, которые могут негативно сказаться на их претворении в жизнь. Планы грандиозного переустройства всей приканальной зоны, создания вдоль Суэцкого канала стомильного «пояса процветания» с крупными, развитыми городами, родившиеся в период эйфории, наступившей после восстановления египетского суверенитета над Суэцким каналом в ходе октябрьской войны 1973 г. Египет после войны не скрывал, что рассчитывает на солидную помощь арабских стран в деле реконструкции канала. И действительно, от Объединенных Арабских Эмиратов в это время был получен заем в 100 млн. долл., Кувейт в 1974 г. дал

Египту 175 млн. долл., часть которых предназначалась для работ на канале. Заем в 250 млн. долл., полученный от Саудовской Аравии, также частично использовался для этой же цели. Однако после того, как Садат и его окружение, встав на путь сепаратных сделок, отказались от принципов и традиций общеарабской солидарности, этот канал притока валюты, естественно, оказался перекрытым. Арабы прекратили экономическое сотрудничество с Египтом.

К финансированию работ, связанных с Суэцким каналом, подключились западногерманские, японские, итальянские и другие фирмы. Однако уже в конце 70-х годов стало очевидно, что западные «друзья» Египта строят свое сотрудничество с ним на чисто коммерческой основе. Интерес, проявленный ими к восстановлению Суэцкого канала — важной артерии международной торговли, — вовсе не распространялся на коренное переустройство всей приканальной зоны.

И тем не менее заявления официальных лиц АРЕ о проектах реконструкции зоны Суэцкого канала были полны казенного оптимизма. В каирских газетах регулярно появлялись статьи, в которых «помощь» Запада изображалась как панацея от всех бед, как верное средство оздоровления египетской экономики. И невольно приходит в голову мысль о том, что ни мировая история, ни опыт, накопленный собственной страной, ничему не научили тех, кто еще вчера находился у руля государственного управления в Египте.

Давайте мысленно перенесемся на столетие назад, в памятные дни середины ноября 1869 г., когда впервые были открыты ворота «великого пути на Восток».

...15 ноября 1869 г. гавань Порт-Саида представляла собой любопытное зрелище. В ней сгрудились многочисленные турецкие, египетские, австрийские, французские, прусские, итальянские, шведские, датские, испанские фрегаты, яхты, почтовые и пассажирские пароходы. В гавани было тесно. Очистительные работы еще не завершились, и поэтому все суда выстроились по обеим сторонам широкого четырехсотметрового канала, прорытого посередине мелководной гавани. Свежий морской бриз развеивал разноцветные флаги и вымпелы. На реях стояли моряки в парадных мундирах, слышалась военная музыка, воздух вздрагивал от салютов, которыми представители королевских домов Европы приветствовали друг друга.

Оживленно было и на внешнем рейде, к которому вели два мола из огромных валунов, далеко выдававшихся в море и защищавших порт от нильского ила, наносимого морскими течениями. Застывшая здесь английская военная эскадра олицетворяла мощь Британской империи. За английскими кораблями виднелся нестройный лес мачт многочисленных пароходов, на которых не допущенная в гавань публика рангом пониже терпеливо дожидалась прибытия французской королевской яхты «Эгль» с императрицей Евгенией на борту.

Однако всей этой разноязыкой и разношерстной толпе пришлось долго ждать. Лишь ранним утром следующего дня, 16 ноября, через вход в гавань Порт-Саида, обозначенный двумя деревянными, выкрашенными под гранит обелисками, медленно прошла французская императорская яхта. На верхней палубе сидела императрица Евгения, одетая в белое, воздушное, кружевное платье и шляпу под синей вуалью. В ее свите особенно выделялся принц Мюрат, обряженный в костюм африканских египтян.

Артиллерийская канонада возобновилась с новой силой. Особенно усердствовали французские военные корабли. Грохот выстрелов заглушал воинские оркестры, дамы зажимали уши пальчиками, а на некоторых кораблях повывлетели стекла.

«Эгль» медленно прошла вдоль строя иностранных кораблей и стала на якорь в западной части гавани, вблизи бетонной башни незаконченного электрического маяка. Вдали, за плоскими крышами Порт-Саида, поблескивали воды большого озера Манзала, по которому медленно и плавно двигались фелюги — арабские рыбацкие лодки под косыми парусами. Первый визит императрице Евгении нанес ее троюродный брат, президент Всемирной компании морского Суэцкого канала Фердинанд де Лессепс. Несмотря на свои 64 года, он ловко взбежал по трапу и поднялся на верхнюю палубу. Затем настал черед вице-короля Египта хедива Исмаила. В отличие от Лессепса Исмаил — невысокий, полный, по-восточному вальяжный, с оплывшим лицом, обрамленным белокурой бородкой, — выглядел старше своих 39 лет. За вице-королем императрице нанесли визиты австрийский император, наследный принц Пруссии, принц Генрих Нидерландский, принц Людвиг Гессенский, послы различных европейских держав. Среди них был и затянутый в парадный мундир 37-летний русский посол в Константино-

поле Н. П. Игнатьев, прибывший в Порт-Саид на военном клипере «Яхонт».

Церемония торжественного открытия Суэцкого канала началась.

На внутреннем рейде Порт-Саида стояли и два русских парохода, «Коцебу» и «Владимир». Среди почетных гостей, приглашенных хедивом на церемонию открытия Суэцкого канала, находились директора Российского общества пароходства и торговли (РОПИТ) Н. М. Чихачев, оставивший заметный след в истории русского торгового мореходства (за несколько лет до этого он был на первом русском торговом судне в Суэц, а впоследствии возглавил первую русскую торговую экспедицию в Китай) и Н. Н. Суцев. В Порт-Саид прибыли также адмиралы Дюгамель, Горковенко, Мангари, художник Айвазовский, инженеры, журналисты. Здесь же был американский генерал Банко, председатель комиссии по иностранным делам американского сената, путешествовавший на борту русского корабля в сопровождении секретаря нью-йоркской торговой палаты Эплтона. Несколько позже к «Коцебу» и «Владимиру» присоединился клипер «Яхонт», где по приглашению Н. П. Игнатьева находился еще ряд почетных гостей, в том числе известный писатель В. А. Соллогуб, который оставил нам интересные воспоминания об этих днях в своей книге «Новый Египет» (СПб., 1871 г.). Занимательные репортажи об открытии Суэцкого канала, печатавшиеся в «Санкт-Петербургских ведомостях», вел журналист К. Скальковский, находившийся на борту «Коцебу».

В 3 часа дня 16 ноября все приглашенные собрались на берегу. За украшенной цветами триумфальной аркой открывался вид на три красивых павильона, выстроенных на песчаной отмели. Средний предназначался для особо почетных гостей, слева стоял голубой павильон, который католики после долгих и нудных распри с представителями православной церкви отвоевали для себя, справа — зеленый, где проходили мусульманские богослужения. Выстроенная для парада гвардия хедива Исмаила производила довольно странное впечатление: на солдатах были роскошные мундиры французского образца и белые перчатки. Однако это не придавало приличествующей моменту величественности вчерашним феллахам, изможденным тяжелой жизнью, поголовно пораженным глазными болезнями. В главном павильоне среди представителей королевских домов Европы живописно

выделялась фигура легендарного вождя Республики рифов Абдель Кадера в белом бурнусе. После того, как старый мулла из Аль-Азхара прочитал суру Корана, наступила очередь Бауэра, специально приглашенного знаменитого парижского проповедника, духовника императрицы Евгении. В пылу галльского красноречия Бауэр предложил считать день 17 ноября 1869 г. первым днем новой эры в истории человечества. Бросая пламенные взгляды в сторону британского посла, делавшего безразличное лицо, он долго разглагольствовал о том, что только варвары могли противиться сооружению Суэцкого канала.

Поздно вечером у входа в канал был устроен большой фейерверк. По ночному небу носились разноцветные шутихи. Народ ликовал. Однако организаторам торжеств в этот вечер было не до веселья. Они получили телеграмму одного из главных подрядчиков Лессепса Лавалье: «Все пропало, торжественная церемония прохода судов отменяется — пароход, совершавший пробный проход по каналу, сел на мель». Всю ночь на легком колесном пароходе хедива Исмаила шло совещание. Большинство его участников склонялись к тому, чтобы отложить торжественную церемонию открытия канала. Дело в том, что в страшной спешке, предшествовавшей открытию, оказались незавершенными некоторые работы по углублению основного русла канала и вместо предусмотренных 8 м глубины во многих местах она была значительно меньше. Это, естественно, ставило под угрозу проход кораблей с большой осадкой.

В этот критический момент только один человек — Фердинанд де Лессепс — сохранил хладнокровие. По его настоянию было принято решение идти ва-банк и пустить по каналу часть кораблей небольшого водоизмещения. Рано утром министр иностранных дел хедива Исмаила Нубар-паша, путаясь в фалдах парадного мундира, сам наблюдал за переносом чемоданов почетных гостей на небольшие пароходы.

Торжественная процессия тронулась с места не в 6 часов, как было намечено, а в 8 часов 15 минут утра. Первой шла яхта «Эгль». За ней суетливо выстраивались остальные суда, причем порядок неоднократно нарушал фрегат британского посла, который стремился занять самое почетное место. Весь день суда цинно шли по прямому, как струна, каналу. Фарватер был обозначен красными бакенами. Справа тянулся однообразный пейзаж

оазиса Манзала со стаями розовых фламинго на нем, слева — ровные барханы Синайской пустыни. Как и опасались организаторы, без инцидентов не обошлось. Около 8 часов вечера, недалеко от Исмаилии, каравану судов пришлось встать на якорь: пароход «Пелузий», на котором следовала администрация канала, сел на мель и загорелся, путь остальным кораблям.

Только 20 ноября яхта «Эгль» наконец достигла Красного моря. На пути возникали все новые осложнения. Выяснилось, что в нескольких местах канал был чуть не вдвое мельче обещанных 8 м. Вследствие этого, в частности, Н. П. Игнатьеву пришлось пересечь на русскую военную шхуну «Псезуа», так как его клипер «Яхонт» имел слишком большую осадку.

О пышности, с которой была обставлена церемония открытия Суэцкого канала, ходили легенды. Хедив Исмаил любил и умел пустить пыль в глаза. К. Скальковский, побывавший на его яхте «Махруса», пишет, что она занимала чуть ли не первое место в мире по богатству отделки. «Махруса», построенная в Англии, обошлась египетскому народу в 10 млн. фр. Скальковский отмечает, что «на ней были соединены все затей восточной роскоши с искусством европейского исполнения. Я заметил, что все часовые и матросы были в роскошных красных мундирах, но босые. Подобные одеяния есть лучшая картина современного состояния Египта. В то время, когда вице-король живет в роскоши, о которой не имеет понятия большая часть государей Европы, когда министры его получают жалованье по 300 и 400 тыс. фр. в год, т. е. в 6 раз больше русских министров, простой народ, феллахи пребывают в самой жалкой бедности»¹. За две недели непрерывных балов, приемов, фейерверков вице-король потратил около 80 млн. фр. Это и неудивительно, если учесть, что Исмаил взял на полное содержание всех приглашенных и неприглашенных гостей. Любый иностранец мог завтракать и обедать за счет хедива, при одном, впрочем, условии: за обедом он мог выпить не более пяти бутылок вина.

Гостям оплачивались не только обеды в ресторанах, но и номера в гостиницах, экипажи, пароходы, проезд по железной дороге. «Некоторые гости, — вспоминает Соллогуб, — доводили пользование гостеприимством до бесстыдства, требовали, чтобы хедив платил за их бритье, за их письма, за их прачек, за все их прогулки, и показывали туземцам, ожидавшим от них бакшиша,

свои пригласительные билеты». Несмотря на безумные траты, беспорядок был страшный. «Распорядители выбирались из молодых европейцев на египетской службе. У них не было ни настоящей инструкции, ни точных списков. Самозванные гости вытеснили повсюду приглашенных, заслуженные члены Французского института... оставались целую ночь без пристанища и пищи на прибрежном песке во время исмаилийского бала, на который были приглашены одними из первых. На железных дорогах места занимались абордажем, причем некоторые представители просвещения показывали друг другу револьверы»².

В Исмаилии специально для праздников был построен дворец, который обошелся почти в 3 млн. фр. Однако затеянный в нем хедивом бал не удался. «Духота, давка и неприличия,— пишет Соллогуб,— дошли до того, что высокие посетители должны были обратиться в бегство. На следующий день дорогие ткани, бронза, зеркала, вызолоченная мебель, все до последнего стула и до последнего гвоздя было куда-то вывезено — остались печальным остовом одни голые стены. На балах дворца Каср эль-Нил в честь австрийского императора и принца прусского поражала смесь пошлости и безвкусыя. Гостинные, обтянутые парчовым штофом, сверкали позолотой, зеркалами и освещением. Рядом с ними для танцев и ужина сколачивались балаганы, обтянутые разноцветным коленкором. Простые обручи, перевитые розовой или зеленой кисеей, изображали люстры. На трибуне, изукрашенной флагами, помещался оркестр и выступался, как на публичных балах, ярлык с изображением танцев. Тут уж не было ничего придворного, а выказывался ярмарочный праздник средней руки»³.

Зачем нужны были столь неимоверные расходы? Скорее всего, хедив Исмаил, который формально еще оставался подданным Турции, стремился «сойти за своего» с представителями европейской аристократии и тем самым упрочить свое неопределенное положение. Сыграла роль и специфическая восточная манера принимать гостей как можно пышнее и торжественнее. Хедиву, конечно, хотелось и напомнить о том, кто хозяин в стране, народ которой построил Суэцкий канал.

Однако его ждало разочарование. Большинство коронованных особ, приглашенных на торжество, не явились, даже не объяснив причин. О хедиве и египетском народе никто и не вспомнил: все дифирамбы пелись исключи-

тельно Лессепсу, и в довершение всех унижений сброд европейских авантюристов всех мастей и оттенков, как смерч промчавшихся по праздничным павильонам, дворцам и ресторанам, поднял в европейских газетах на смех самого Исмаила с его претензиями на светскость.

В этом трагикомическом празднике прослеживается определенная логика. Египту еще не раз придется оказываться в аналогичной ситуации, и не раз еще египетский «романтизм», как окрестят на Западе эмоциональную открытость, доверчивость египтян, столкнется с жестким прагматизмом его западных «друзей». Скальковский, на которого, как и на многих других, безумные траты хедива произвели удручающее впечатление, говорил: «Такая роскошь легко объясняет, почему какой-то феллах, встреченный мною в Исмаилии, жевал, должно быть от голода, стеариновую свечку, вытащенную в одном из фонарей, назначенном в бесчисленном множестве для иллюминации»⁴.

Композитору Джузеппе Верди была заказана специально для празднеств опера на египетскую тему — «Аида». Из одной книги в другую ходит легенда о том, что «Аида» впервые исполнялась на открытии Суэцкого канала. Однако хедиву Исмаилу и здесь не повезло. Верди не успел закончить оперу (он завершил работу над ней только в 1871 г.), и в Каирском оперном театре, строительство которого также было приурочено к этому случаю, давали «Трубадура». Скальковский замечает, что Каирский театр как по роскоши внутреннего убранства, так и по составу приглашенной труппы итальянских и французских певцов превосходил многие европейские театры того времени. Вообще он, несмотря на короткое пребывание в Каире, сумел достаточно объективно оценить эпоху хедива Исмаила, отмеченную, с одной стороны, преобразованиями и реформами, а с другой — безумной, бесконтрольной роскошью и коррупцией.

Однако, будучи опытным и одаренным журналистом, Скальковский оказался плохим экономистом. Воздав должное энергии и предприимчивости Лессепса, а также техническому мастерству его подрядчиков, и в первую очередь Барреля и Лавалье, он в то же время высказал сомнение в рентабельности этого грандиозного предприятия. Если учесть, что Скальковский вращался в обществе российских судовладельцев, то логично предположить, что его точка зрения сформировалась под воздействием высказываний в этих кругах. Скальковский и предста-

вить себе не мог, как он просчитался, когда после торжественной церемонии охотно смеялся над шуточками скептиков, предлагавших поставить в Исмаилии статую Лессепса, Барреля и Лавалье и выбить на них перефразированное изречение Наполеона: «Акционеры, с высоты этих статуй 400 млн. франков громко заявляют о том, что никогда не возвратятся в карманы ваши и ваших потомков».

Свою недалекость лишний раз продемонстрировала и русская буржуазия. В 1856 г. сразу после окончания Крымской войны Лессепс прибыл в Россию с целью собрать деньги для создания акционерной компании по строительству канала. Однако он не встретил той поддержки, которую ожидал. Лишь Н. А. Новосельский, основатель и первый директор РОПИТа, проявил внимание к идеям Лессепса, но и он не рискнул вложить свой капитал в показавшееся ему сомнительным дело.

Русские капиталисты в отличие от французских, а впоследствии и английских буржуа не почувствовали пульса времени, не сумели оценить далеко идущих последствий, которые повлекло за собой сооружение Суэцкого канала. Огромное значение, которое приобрел канал для мировой торговли, было предопределено тем обстоятельством, что во второй половине XIX в. активизировался раздел мира между крупнейшими империалистическими державами. Бурно развивавшаяся промышленность европейских стран требовала как новых рынков сбыта, так и новых источников сырья. Значительное развитие перевозок так называемых массовых грузов (руды, каменного угля, зерновых, леса) подняло вопрос о сокращении протяженности мировых коммуникаций.

Уже через несколько лет после открытия канала стало ясно, что его сооружение совершило переворот в международном судоходстве. Исключительно выгодное географическое положение канала привело к значительному сокращению расстояния между Европой и восточными странами. В частности, путь из Триеста в Бомбей стал короче на 37 дней, из Генуи — на 32, из Марселя — на 31, из Бордо, Лондона или Гамбурга — на 24. Восточная часть Средиземноморья превратилась в одну из наиболее оживленных зон международной торговли.

В этой связи возникает вопрос: почему же Суэцкий канал не был сооружен раньше?

Идея прорыть канал через Суэцкий перешеек возникла еще в глубокой древности. У античных историков, в

частности у Страбона и Плиния Старшего, упоминается о том, что канал, соединяющий правый, Пелузийский, рукав Нила с Красным морем, пытались соорудить еще фиванские фараоны эпохи Среднего царства. Первое достоверное историческое свидетельство соединения Средиземного и Красного морей связано с именем фараона Нехо II (конец VII — начало VI в. до н. э.). Расширение и усовершенствование канала Нехо производилось по приказам персидского царя Дария I, завоевавшего Египет, Птолемея Филадельфа (первая половина III в. до н. э.), а также Амра ибн аль-Аса. Однако в 767 г. система каналов, соединявшая Нил с Красным морем, была разрушена по приказу халифа аль-Мансура. С того времени крупных работ по восстановлению древнего морского пути не производилось. Реальные предпосылки для осуществления технически сложного и трудоемкого проекта прорытия канала через Суэцкий перешеек возникли только в новое время.

...В декабре 1956 г., после того как землю Порт-Саида покинул последний солдат английских оккупационных войск, жители Порт-Саида сбросили в море статую Лессепса, несколько десятилетий стоявшую на гранитном постаменте у самого входа в Суэцкий канал. Низвержение бронзовой фигуры Лессепса стало для миллионов египтян символом восстановления национального суверенитета над Суэцким каналом. Деятельность Лессепса, талантливый организатор и беспринципного дельца, принесла Египту неисчислимые бедствия. Его статуя покоится на дне Суэцкого канала, однако гранитный постамент сохранился. На нем и сейчас можно прочесть имя Фердинанда де Лессепса, вписавшего в историю Египта яркую и трагическую страницу.

Фердинанд де Лессепс родился в Версале 1 ноября 1805 г. и получил образование в привилегированном лицее Генриха IV.

В Египет Лессепс впервые прибыл в 1832 г. В связи с эпидемией холеры он был вынужден провести некоторое время в карантине на борту судна, которое доставило его в Александрию. Чтобы убить время, он взял у французского консула несколько книг, среди которых случайно оказались выполненные математиком Лепером, входившим в состав наполеоновской экспедиции, расчеты канала через Суэцкий перешеек. Они разожгли воображение молодого дипломата. На протяжении пятилетнего пребывания в Египте (он занимал пост вице-консу-

ла в Александрии с 1832 по 1833 г. и консула в Каире с 1833 по 1837 г.) Лессепс зондировал возможность практического осуществления задуманного им грандиозного предприятия по соединению двух морей. Благодаря своему обаянию он установил дружественные контакты с Мухаммедом Али и членами его семьи. Однако ни при Мухаммеде Али, ни при его преемнике хедиве Аббасе I Лессепсу так и не удалось убедить египетских правителей в необходимости прорытия канала.

Тем не менее судьба благоприятствовала Лессепсу. Впрочем, судьба ли? Забегая вперед, скажем, что вся карьера Лессепса прошла под знаком стремительного рывка, который осуществила французская буржуазия в первой половине XIX в. А Лессепс на всем своем жизненном пути выступал как ее ловкий и предприимчивый приказчик. Его грудь украшали несколько иностранных орденов, полученных за незаурядное дипломатическое искусство, проявленное им во время Каталонского восстания 1842 г., когда ему удалось спасти иностранных торговых представителей, находившихся в Барселоне, и их имущество. А торговая палата Барселоны даже поставила в своем здании бюст молодому французскому дипломату.

Лессепс был сыном своего времени, наиболее щекотливые свои делишки он нередко обделывал в будуарах супруг влиятельных сановников времен Второй империи. Успешно карабкаться по служебной лестнице Лессепсу помогали и его дальние родственные связи с супругой Луи-Наполеона — императрицей Евгенией.

Желанный фирман, предоставивший ему концессию на строительство Суэцкого канала, Лессепс получил 30 ноября 1854 г. от сменившего Аббаса I хедива Саида. Фирман представлял собой уникальный документ. Пожалуй, впервые в истории права, связанные с отчуждением обширных земельных владений, были предоставлены иностранцу, официальный статус которого определялся только словами «наш друг».

Среди членов правления Всеобщей компании морского Суэцкого канала, которую он лично возглавил, не было ни одного египтянина. Срок ее действия — 99 лет. Египетское правительство согласилось на получение от компании ежегодно лишь 15% дохода, согласившись с тем, что остальная его часть должна поступать в пользу компании (75%) и членов-учредителей (10%). На 10 лет компания полностью освобождалась от уплаты налогов

Египту, а затем обязывалась платить лишь 10% причитающихся с нее налогов.

5 января 1856 г. Лессепс заручился вторым фирманом, который фактически превратил Всеобщую компанию в государство в государстве. Первоначальный капитал Компании составил 200 млн. фр., разделенных на 400 тыс. акций по 500 фр. каждая. Наибольшее количество акций было приобретено Францией — 207 111. Англия, Австрия, Россия и США не приобрели ни одной акции, однако на их долю было оставлено 85 506 акций. В целях поддержки Компании хедив Саид по настоятельной просьбе Лессепса купил оставшиеся 177 642 акции, сосредоточив таким образом в своих руках почти половину (44%) всех акций.

Успехи Лессепса вызвали панику в Лондоне, где с подозрением относились к активизации деятельности Франции в Египте. Британский посол в Константинополе получил указание использовать все средства для оказания давления на турецкого султана, с тем чтобы приостановить действие фирмана. Это ему удалось. До 1865 г. Порта не одобряла фирманы, выданные хедивом Саидом. Однако сделать что-то большее английская дипломатия просто не успела: французские подрядчики Линнан де Бельфон и Мужель уже составили технический проект трассы Суэцкого канала.

Работы по прорытию канала начались в 1859 г. 25 апреля Лессепс с членами Совета компании и подрядчиком Мужелем, назначенным главным производителем работ, прибыли на место, где вскоре должен был вырасти новый город — Порт-Саид, названный так в честь хедива Саида. У каждого в руках была лопата, и Лессепс после краткой речи, посвященной знаменательному событию, прорыл первую борозду по линии, обозначавшей контур канала. Остальные последовали его примеру.

На сооружении канала одновременно было занято от 20 тыс. до 40 тыс. наемных рабочих, получавших в день всего лишь бутылку воды и хлебную лепешку. Особенно изматывающим был первый период земляных работ, когда почти все делалось вручную. Трудности усугублялись еще тем, что местность, выбранная для канала, была сырой и болотистой. Даже неглубокая траншея, вырытая с целью обозначить русло будущего канала, уже через час наполнялась водой. Работа проводилась следующим образом: феллахи выстраивались в цепь поперек постоянно углублявшегося русла канала, от одного его берега до

другого. Тем, кто находился в центре, вода доходила до пояса. Подцепив лопатой ком земли со дна траншеи, они передавали его вдоль всей цепи. На краю уже ожидали феллахи с холщовыми мешками за плечами. Наполнив мешок, они карабкались по откосу вверх, где и вываливали землю. Рыхлая почва не позволяла возить грунт в тачках, и феллахам приходилось поднимать тачку и на руках нести ее до места выгрузки. Французские инженеры отмечали необычайную выносливость и усердие египетских рабочих.

Лишь на заключительном этапе строительства были использованы паровые машины. Огромный объем выполненных здесь работ потребовал совершенствования землеройной техники. В частности, специально для работ на канале были изобретены гигантские по тем временам землечерпалки, транспортеры, экскаваторы, грузовые баркасы с подъемными устройствами. В 1863 г. в Порт-Саиде появились механические ремонтные мастерские.

Обеспечить строительство рабочей силой Лессепс смог, лишь добившись у Саида издания фирмана о принудительной мобилизации рабочей силы. Деревенским старостам было приказано сгонять на строительство крестьян из близлежащих деревень.

Хедив Исмаил, сменивший 30 января 1863 г. Саида, отменил фирман о принудительном труде. Тогда Лессепс, прибегнув к арбитражу своего покровителя Наполеона III, добился выплаты ему Исмаилом неустойки в возмещение ущерба, причиненного «изменением первоначальных условий концессии».

По некоторым данным, на строительстве Суэцкого канала из-за невыносимых условий труда погибло до 120 тыс. египтян. Естественно, что египетский народ имел впоследствии все основания утверждать, что канал был построен его потом и кровью.

В марте 1869 г. воды Средиземного моря хлынули в лежащие на трассе канала Горькие озера, а через полгода, 17 ноября, первые 48 иностранных кораблей прошли по Суэцкому каналу.

Окончательная стоимость канала составляла 560 млн. фр., т. е. почти вдвое превысила первоначальные расчеты. Благодаря интригам Лессепса Египет взял на себя более 60% финансовых расходов. Займы и кредиты, на которые пришлось для этого пойти, тяжелым бременем легли на экономику страны.

Выступая в день открытия Суэцкого канала, хедив

Исмаил сказал: «Я хочу, чтобы канал принадлежал Египту, а не Египет каналу». В устах Исмаила, приведшего свою страну на грань финансовой катастрофы, это было всего лишь красивой фразой. Воплотить ее в жизнь выпало на долю египетского народа.

СТЕРВЯТНИКИ НАД КАНАЛОМ

...И «бесхозной улицей» кажется мне не только Каир, но и весь Египет. Не видно хозяина, нельзя разобрат, где гости и где хозяева, и долгое время думается, что именно гости и есть хозяева.

С. Я. Елпатьевский (1911 г.)

19 ноября 1869 г., через два дня после выхода из Порт-Саида каравана судов во главе с яхтой французской императрицы британскому послу наконец-то удалось пристроиться в хвост яхты императрицы Евгении, т. е. занять самое почетное место на рейде Суэца. Посол старался ненапрасно: он намеревался взять реванш за несмолкаемые дифирамбы по адресу Лессепса и «цивилизаторской роли Франции». 19 ноября в Суэце состоялись торжества закладки памятника лейтенанту английского флота Вагхорну. Шумиха, с которой была обставлена эта церемония, говорила о том, что англичане придавали ей важное политическое значение, призванное развенчать претензии французоз на приоритет в создании нового морского пути.

Лейтенант Вагхорн, в честь которого в этот ноябрьский день в Суэце гремели орудийные залпы, был представителем той предприимчивой и отчаянной породы людей, с помощью которых Великобритания воздвигала форпосты своей колониальной империи. В 1840 г. ему удалось убедить британских парламентариев в выгоде создания прямой линии связи главной колонии британской империи — Индии с метрополией через Красное и Средиземное моря и территорию Египта. Сухопутное сообщение между Суэцем и Александрией осуществлялось сначала на дилижансах, которые застал еще Уманец во время своей поездки на Синай. Затем, благодаря англофильству Аббаса I, английское проникновение в Египет существенно активизировалось. 1 июля 1851 г. Аббас подписал контракт с британскими компаниями на строитель-

ство железной дороги между Александрией и Каиром. Она начала функционировать с 1857 г., а через несколько лет был введен в действие и участок между Каиром и Суэцем.

Естественно, что, обладая сухопутно-морским путем в Индию, Великобритания ревниво относилась к стремлению Франции соединить каналом Средиземное и Красное моря. В Лондоне опасались усиления французских позиций в Египте. И не без оснований. Для Франции эпохи Второй империи, страны складывавшегося ростовщического капитализма, Египет представлял собой заманчивую сферу приложения избыточного капитала. В процессе колониального закабаления Египта, когда хедив Исмаил делал в Париже один заем за другим, французские банки сосредоточили в своих руках до 2/3 египетских ценных бумаг. В этих условиях забота о дивидендах французской «финансовой аристократии» выдвинулась на первый план политики Франции в Египте.

В отличие от французской британская колониальная экспансия в Египте осуществлялась более широким фронтом. В начале 60-х годов прошлого века на плантациях Исмаилии был впервые высеян длинноволокнистый хлопок, являвшийся до этого монополией Америки. Опыт удался, и во время гражданской войны в Соединенных Штатах, когда экспорт американского хлопка резко сократился, Египет охватил «хлопковый бум». Начиная с этого времени хлопок неизменно занимал первое место в импорте Англии из Египта. К концу XIX в. Великобритания уже вывозила 63% произведенного в стране хлопка. Продукция английской хлопчатобумажной промышленности составляла треть всего египетского импорта. Англо-египетские отношения приобрели типично колониальный характер: из колонии поступало в метрополию сырье, а из метрополии — промышленные изделия.

Однако Египет привлекал внимание Англии и Франции не только в качестве объекта колониальной эксплуатации, но и в силу исключительно выгодного географического положения на перекрестке мировых торговых и военных коммуникаций, значение которых колоссально возросло с наступлением эпохи империализма. Особенно важное значение это обстоятельство имело для Великобритании, над колониальной империей которой, как говорили тогда в Лондоне, «никогда не заходило солнце». Сооружение Суэцкого канала подействовало на английских империалистов, как красная тряпка на быка.

Вопрос оккупации Египта Великобританией стал только вопросом времени. Однако путь английским солдатам, затянутым в красное сукно, был проложен своей стервятников — международным финансовым капиталом.

Историю приобретения Великобританией египетской доли акций Всеобщей компании морского Суэцкого канала апологеты британского империализма с ноткой своеобразной гордости называют «мастерским ударом» Дизраэли, премьер-министра Великобритании в 1874—1880 гг. Действительно, эта комбинация является классическим примером, но не дипломатического мастерства, а беспринципности и коварства. Используя затруднительное финансовое положение, в котором оказался Египет, Дизраэли организовал мощное психологическое давление на хедива Исмаила, призванное подтолкнуть его к продаже египетской доли акций во Всеобщей компании. Для этого английский премьер-министр не останавливался ни перед чем, вплоть до распространения заведомо ложных слухов о нерентабельности и полной бесперспективности нового морского пути.

Вскоре представился случай и для более активных действий. В ноябре 1875 г. хедив Исмаил в очередной раз ощутил настоятельную потребность в финансовых инъекциях для того, чтобы расплатиться со своими кредиторами. Британский генеральный консул в Египте генерал-майор Стэнтон, активно шнырявший по приемным хедива и его доверенных лиц, телеграфировал в Лондон, что Исмаил не исключает возможности продажи своей части акций общим числом 177 642 и переговоры на этот счет уже якобы ведутся с французским банком. Стэнтон тут же получил указание выяснить, насколько соответствуют эти слухи истине. Уже на следующий день он вновь доносил в Лондон, что эта информация достоверна, поскольку хедив остро нуждается в деньгах. 17 ноября он получил очередную телеграмму из Лондона, в которой говорилось: «Весьма важно, чтобы интересы вице-короля Египта в Суэцком канале не попали в руки иностранной компании. Добейтесь прекращения переговоров и доведите до сведения вице-короля, что правительство ее величества расположено приобрести его долю акций, если будет достигнута удовлетворительная договоренность».

Подготовка «мастерского удара» Дизраэли производилась в обстановке полной секретности. Только спустя длительное время стало известно, что еще в июле 1874 г.,

т. е. непосредственно после прихода к власти, Дизраэли в качестве нового главы кабинета тории вступил в неофициальный контакт со своим дальним родственником банкиром Натаниэлем Ротшильдом, попросив его выяснить у Лессепса, возможно ли полное приобретение Суэцкого канала Великобританией. Лессепс, как всегда беспринципный, ответил согласием, но заломил слишком большую сумму, что и сорвало намечавшуюся сделку.

Отступив в 1874 г., британская дипломатия не упустила свой шанс в 1875 г. Правда, дипломатам ее величества пришлось изрядно потрудиться, так как французы, в свою очередь, тоже активно осуществляли различные дипломатические комбинации с целью прибрать к рукам египетскую долю акций. Соответствующие переговоры велись банковской группой Дервье. Лессепс также предлагал Исмаилу различные варианты покупки или сдачи в залог его доли акций. Он называл даже сумму — 100 млн. фр. Однако к 23 ноября Стэнтон, не останавливаясь перед методами грубого нажима, добился согласия на продажу египетских акций Великобритании.

Дизраэли в своем стремлении обойти конкурентов пошел даже на нарушение установленного конституцией порядка заключения подобных сделок: не информируя парламент, он договорился с фирмой Ротшильда о займе. Окончательно согласованная сумма была смехотворна: всего 4 млн. ф. ст. Однако и она была снижена до 3 976 580 ф., после того как оказалось, что 1040 акций были уже несколько лет назад заложены в Париже. Разгильдяйство и бесхозяйственность в окружении Исмаила дошли до того, что министры хедива попросту забыли об этом.

26 ноября семь тяжелых ящиков с египетской долей акций во Всеобщей компании морского Суэцкого канала были переданы генералу Стэнтону. Значение этого события было оценено по достоинству только много лет спустя. Сегодня египтяне справедливо говорят, что хедив Исмаил, продав египетские акции в Компании Суэцкого канала, продал тем самым Египет. Вся операция, подготовившая коренной поворот в исторических судьбах Египта, заняла не более 10 дней.

В результате махинаций европейских держав Египет не получил ни одного процента по купленным им акциям. Более того, в 1880 г. он был вынужден продать свое право на долю в прибылях французскому банку за 880 тыс. фр. Только в 1933 г. между египетским прави-

тельством и Всеобщей компанией было достигнуто соглашение, по которому она взяла обязательство ежегодно выплачивать Египту 300 тыс. ег. ф. и включить в состав администрации канала египетских граждан.

Мы подходим к мрачному, но весьма поучительному периоду в жизни Египта. История возникновения проблемы египетского долга и ее разрешение европейскими державами настолько актуальна в условиях сегодняшнего Египта, чей государственный долг после возобновления активного сотрудничества с Западом увеличивается катастрофическими темпами, что на ней стоит остановиться подробно.

Во времена Мухаммеда Али Египет, в сущности, не имел серьезных долгов, несмотря на то что в стране были осуществлены значительные реформы. Начало залученным займам, послужившим причиной финансового закабаления страны, лишения ее независимости, положил хедив Саид, обратившийся в 1862 г. за займом в лондонскую банковскую контору Фрюлинг и Гошен. Деньги были взяты на нужды Всеобщей компании морского Суэцкого канала. Хедив получил ссуду в 3 млн. ф. ст. под довольно изрядные проценты (8%).

Обращаясь к лондонским банкирам, Саид, конечно, не предполагал, что один из них, Гошен, всего через 15 лет сыграет зловещую роль тюремщика, которому будет поручено посадить Египет в долговую яму. (Гошен был не только крупным финансистом, но и членом парламента. Ему впоследствии и было поручено провести переговоры об установлении контроля Англии и Франции над египетскими финансами и экономикой.)

К услугам Фрюлинга и Гошена, а также французских банкиров неоднократно обращался и преемник Саида — хедив Исмаил. Его займы имели вначале частный характер, поскольку Исмаил на первом этапе своего правления был связан известными ограничениями, введенными Портой при назначении его вице-королем. Он, к примеру, не имел права обеспечивать обязательства по получаемым им займам доходами государства. Вследствие этого условия, на которых он получал деньги, были крайне тяжелы. Общая сумма займов только за первые пять лет его правления достигла 25,5 млн. ф. ст. Проценты по ним колебались от 12 до 26. 25 сентября 1872 г. хедив Исмаил получил наконец-то желанный фирман от турецкого султана, дававший ему возможность делать государственные займы без предварительного разрешения

Константинополя. К 1876 г. он увеличил долг Египта до 98 млн. ф.

Балансирование Египта на грани финансовой катастрофы сопровождалось и ухудшением дел внутри страны. Уже в 1872 г. Исмаил под давлением кредиторов вынужден был прибегнуть к крайне пагубной финансовой мере, получившей название «мукабала»: было обещано «на вечные времена» сократить наполовину размер земельного налога для тех землевладельцев, которые согласятся авансом выплатить причитающийся с них в этом году налог в шестикратном размере. Затем, в 1874 г. была предложена пожизненная 9%-ная рента тем, кто подпишется на внутренний заем в 5 млн. ф., не подлежавший погашению. Все сильнее давил налоговый пресс: с 1863 по 1875 г. налоги возросли более чем в 4 раза. Однако предпринимавшиеся Исмаилом меры носили паллиативный характер. 8 апреля 1876 г. он был вынужден отсрочить платежи по международным обязательствам своего казначейства.

Прикрываясь лицемерными заверениями о желании сохранить доброе имя хедива Исмаила и защитить национальные интересы Египта, колонизаторы осуществили ряд политических комбинаций, в результате которых основные европейские страны — кредиторы Египта — Франция и Англия — получили право, по существу, неограниченного контроля за египетской экономикой и финансами. В правительство Египта были введены английский и французский «контролеры» в ранге министров. Была создана международная Касса египетского долга, обладавшая широчайшими полномочиями.

Пытаясь оправдать грубое вмешательство во внутренние дела Египта, апологеты колониализма утверждают, что всю ответственность за постигшую Египет национальную катастрофу несет один хедив Исмаил. Лорд Кромер, генерал-губернатор Египта в 1883—1907 гг., писал в своих воспоминаниях: «Можно сказать, что все заимствованные деньги, за исключением 16 млн., потраченных на Суэцкий канал, были промотаны». Подобное, прямо скажем, тенденциозное заявление понадобилось наиболее известному деятелю британской колониальной администрации для того, чтобы исказить действительный ход событий.

Академик Ф. А. Ротштейн в своем ставшем классическим труде «Захват и закабаление Египта» дал суровую отповедь Кромеру. Он писал: «Корыстолюбие и лег-

комыслие Исмаила и низкие происки европейских финансистов шли так тесно рука об руку в деле разрушения, к которому в конце концов пришел Египет, что разделять их и подчеркивать только роль Исмаила — значит грубо искажать историческую правду. Наоборот, решительно необходимо подчеркнуть тот факт, что хотя Египет к концу 1875 г. был обременен задолженностью кроме вексельных обязательств на сумму свыше 68 млн. фунтов стерлингов, действительная сумма, обозначаемая этой цифрой, т. е. чистая сумма, которая дошла до египетского казначейства, была меньше 44 млн. фунтов ст., а разница разошлась по карманам ростовщиков и их агентов в виде комиссионных, премий и множества других фантастических вычетов»⁵.

Многие объективные наблюдатели, в том числе в Великобритании, признавая «типично восточное» пристрастие хедива Исмаила к роскоши, сопровождавшееся безумными тратами, в то же время отмечают, что за первые три четверти XIX в. Египет так продвинулся вперед, как другие страны смогли лишь за пять столетий. Это относится и ко времени правления Исмаила. Между 1863 и 1875 гг. было завершено сооружение Суэцкого канала, прорыто 112 ирригационных каналов длиной в общей сложности 8400 миль. Была увеличена сеть железных дорог с 275 до 1185 миль, сооружено 430 мостов, включая сюда и Гезирский мост в Каире, который долго считался одним из лучших в мире; построена гавань в Александрии, водопроводы в Александрии и Каире, система водоснабжения приканальной зоны, построены доки в Суэце, 15 маяков и 64 сахарных завода. Это еще далеко не полный перечень достижений той эпохи: значительно увеличилась площадь обрабатываемых земель, активизировалась внешняя торговля, значительно возрос бюджет на народное образование. В 1863 г. в Египте существовало 185 начальных школ, а в 1875 г. их уже насчитывалось 4685. Впервые появились школы для девочек; в Каире была основана замечательная библиотека, открыт Музей египетских древностей.

Русские путешественники, посетившие Египет в последней четверти XIX в., как правило, обращали внимание на несоответствие той «цивилизаторской» роли, на которую претендовали в Египте европейцы, и в первую очередь англичане, их реальной политике. В частности, Григорий де Воллан, новгородский помещик, потомок известного деятеля екатерининской эпохи, посетивший

Египет во времена хедива Исмаила, писал о «громадных кушах, которые получают англичане, водворяющие порядок в стране фараонов. Директор таможни получает одного жалованья 100 тыс. франков. Французы говорят об этом с пеной у рта, но сами не прочь попользоваться такими же кушами»⁶.

Записки де Воллана являются любопытной иллюстрацией непоследовательности либеральных убеждений, присущих некоторым из побывавших в Египте представителям имущих слоев России. Выражая возмущение жестокостью установленных англичанами в Египте колониальных порядков, они в то же время не могли в силу классовой ограниченности объективно проанализировать существо начавшихся в стране сложных процессов, правильно оценить характер зарождавшегося египетского национально-освободительного движения.

Де Воллан, например, всерьез считал первое антиимпериалистическое восстание египетского народа под руководством полковника Ораби спровоцированным самими англичанами для того, чтобы создать предлог для последующей военной оккупации страны.

Сегодня уже нет необходимости растолковывать вздорность таких утверждений. «Революция Ораби» — так называют ее современные египетские историки — явилась естественным ответом на колониальное засилье. Она началась с выступления каирского гарнизона в сентябре 1881 г., потребовавшего сместить европейский кабинет и заменить его национальным. Хедив Тауфик (1879—1892), сменивший окончательно скомпрометировавшего себя Исмаила, под давлением Ораби, опиравшегося на патриотически настроенное офицерство и зарождавшуюся национальную буржуазию, был вынужден ввести в сентябре 1881 г. конституцию, созвать парламент и сменить реакционное правительство. Созданное в феврале 1882 г. первое в Египте национальное правительство, пост военного министра в котором занял Ораби, начало увольнять со службы иностранцев.

Англия и Франция, встревоженные ростом египетского национально-освободительного движения, потребовали отставки Ораби и направили свои эскадры в Египет. В мае 1882 г. английские военные корабли приблизились к Александрии. В качестве предлога для предпринятой ими в июле 1882 г. варварской бомбардировки Александрии с моря англичане использовали проводившееся войсками Ораби укрепление фортов Александрии. Египет-

ская армия под руководством Ораби и при поддержке народных масс оказала сопротивление английским захватчикам. Ожесточенное сражение состоялось в районе Кафр ад-Давара, затем англичане нанесли поражение армии Ораби на полпути между Суэцем и Александрией, под селением Тель-эль-Кебир. Началась военная оккупация Египта Великобританией.

Один из замечательнейших русских путешественников по Ближнему Востоку и Африке врач А. В. Елисеев, описывая вид Александрии после английской бомбардировки, отмечал: «Уже первое впечатление прекрасного города, лучшие кварталы которого были разрушены бомбардировкой, было не в пользу надменных англичан, гордо прохаживавшихся теперь по улицам Александрии. Дальнейшее знакомство с новыми порядками, введенными в Египте победителями Ораби-паши, еще более увеличило это нерасположение, и я скоро стал искренне разделять убеждение всех честных египтян, ненавидящих самозванных пришельцев-англичан...»⁷. А. В. Елисеев — разночинец, не имевший, подобно де Воллану, средств путешествовать по Египту в вагоне первого класса. Проникая в самую гущу народной жизни, он получал возможность выносить более верные суждения о происшедших в Египте событиях. С высказанными им оценками во многом перекликаются и путевые заметки известного журналиста-народника С. Я. Елпатьевского, посетившего Египет в 1911 г.⁸.

Оккупировав Египет, Великобритания под давлением международного сообщества была вынуждена подписать константинопольскую конвенцию 1888 г. о международно-правовом режиме Суэцкого канала, основой которого являлся принцип свободного прохода торговых и военных судов всех стран как в мирное, так и в военное время. Однако Англия, по существу, никогда не выполняла в точности условия константинопольской конвенции. После того, как в 1914 г. Англия объявила протекторат над Египтом, зона Суэцкого канала стала одной из крупнейших стратегических военных баз Британской империи, на территории которой разместилось свыше 80 тыс. солдат и офицеров.

Зона Суэцкого канала в годы британской оккупации превратилась, по существу, в авансцену, на которой разворачивались драматические акты борьбы египетского народа против колониального засилья. Этому способствовала и сильно возросшая эксплуатация десятков тысяч

рабочих, занятых на канале, на железных дорогах, хлопковых плантациях в районах, примыкавших к Суэцкому каналу, в городах приканальной зоны, в частности в Порт-Саиде. В их среде по примеру других крупных городов Египта начали создаваться социалистические и коммунистические группы, объединившиеся в 1922 г. в Египетскую коммунистическую партию.

Под напором национально-освободительного движения английские колонизаторы были вынуждены постепенно отступать. В 1922 г. Египту была формально предоставлена независимость и он был провозглашен конституционной монархией. Однако, сдавая позиции, англичане всеми силами цеплялись за Суэцкий канал. 26 августа 1936 г. был подписан англо-египетский договор, согласно которому Египет обязывался предоставить Англии право оставить в зоне Суэцкого канала десяти тысячную армию до тех пор, пока египетские вооруженные силы не смогут сами обеспечить безопасность канала; над зоной Суэцкого канала были разрешены полеты английских самолетов; английские офицеры формально отзывались из египетской армии, но создавалась английская военная миссия для обучения египетских военных.

Борьба за отмену договора 1936 г. стала стержневым моментом в национально-освободительной борьбе египетского народа после второй мировой войны. В зоне Суэцкого канала развернулось массовое партизанское движение, в котором приняли участие рабочие, крестьяне, учащая молодежь.

Однако Англия упорно отказывалась удовлетворить законные требования египетских патриотов. Да это и неудивительно. Суэцкий канал, как сказал премьер-министр Великобритании Дж. Макдональд, превратился в «основу, на которой строилась стратегия и оборона Британской империи». Даже на географические ориентиры английские колонизаторы смотрели сквозь призму своих имперских интересов: для них не существовало просто востока и запада, были лишь британские владения к востоку или к западу от Суэца. Лишь в результате египетской революции 1952 г. и вновь вспыхнувшей партизанской борьбы в зоне канала Англия была вынуждена подписать соглашение 1954 г. о зоне Суэцкого канала, которое предусматривало прекращение действия договора 1936 г. и вывод английских войск из Египта.

«СУЭЦ» И «АНТИСУЭЦ»

Суэцкий канал, который был построен ценой огромных жертв со стороны египтян, является и останется египетским каналом.

Г. А. Насер, 26 июля 1956 г.

19 июля 1956 г. государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес заявил египетскому послу в Вашингтоне Ахмеду Хусейну, что Соединенные Штаты пересмотрели данное ими ранее обещание финансировать строительство Асуанской плотины. Во врученной египетскому послу по этому поводу памятной записке высказывалось сомнение в способности египетской экономики осилить столь сложный и капиталоемкий проект. На те же аргументы сослались и представители Международного банка реконструкции и развития и правительство Великобритании, также отказавшиеся от взятых ими на себя обязательств по оказанию содействия Египту в строительстве Асуанской плотины. Однако в Каире понимали, что подлинные причины крылись не в сфере экономики. Это была политическая акция.

Насер узнал об ответе Даллеса по возвращении в Каир из Югославии, где на о-ве Бриони, в летней резиденции президента Тито, состоялась встреча трех видных деятелей созданного в 1955 г. в Бандунге движения неприсоединения: Насера, Неру и Тито. Выбор Даллесом времени недвусмысленно свидетельствовал о том, что оскорбительный шаг со стороны Соединенных Штатов был адресован не одному Египту, а всем тем развивающимся странам, которые осмелились избрать путь независимости.

Однако американский государственный секретарь явно забыл, в каком мире он живет. У Египта было к кому обратиться за помощью. В ответ на просьбу египетского правительства Советский Союз выразил готовность предоставить ему необходимую финансовую и технико-экономическую помощь для сооружения Асуанской плотины. Тем самым всему миру были продемонстрированы широкие возможности упрочения политической и экономической независимости, которые открывает молодым освободившимся государствам их сотрудничество с мировой системой социализма.

Обращение Насера к Советскому Союзу уже само по себе было достойным ответом США. Однако Насер не

был бы Насером, если бы остановился только на этом. Уже 21 июля, через два дня после демарша Даллеса, египетский президент отдал приказ о подготовке операции по полному и окончательному восстановлению египетского суверенитета над Суэцким каналом. Она проходила в обстановке полной секретности. В курсе планов Насера был только директор Египетской нефтяной компании Махмуд Юнис, бывший офицер инженерных войск египетской армии, человек смелый и решительный. По приказу Насера он создал несколько боевых групп, в состав которых входили солдаты, инженеры и представители египетской администрации Суэцкого канала. Они были приведены в состояние готовности по получении приказа захватить штаб-квартиру Всеобщей морской компании Суэцкого канала в Исмаилии, а также резиденций компании в Порт-Саиде и Порт-Тауфике. На случай необходимости были подготовлены и войсковые соединения. Условным сигналом, по которому этим группам надлежало начать действовать, было упоминание Фердинанда де Лессепса в речи Насера, намеченной на вечер 26 июля в Александрии. Все руководители боевых групп получили запечатанные конверты с точными инструкциями; конверты должны были быть вскрыты по условному сигналу Насера.

В 19 часов 40 минут Насер начал свою речь с балкона здания на площади Тахрир в Александрии, где собралось около 250 тыс. человек. Как только Насер упомянул имя Лессепса, боевые группы Махмуда Юниса приступили к действиям. Прочитав декрет о национализации Всеобщей морской компании Суэцкого канала, Насер сказал: «В этот момент ваши братья, сыновья Египта, берут в свои руки египетскую Компанию Суэцкого канала и начинают руководить ею. Мы приняли это решение для того, чтобы защитить наше национальное достоинство и честь».

Удар, нанесенный Насером по интересам империализма, был хорошо рассчитан. Даже на Западе многие признавали, что с юридической точки зрения акт национализации Всеобщей морской компании Суэцкого канала был абсолютно правомерным.

Хемфри Тревелиян, видный английский дипломат, занимавший в этот период пост посла Великобритании в Каире, в своих воспоминаниях также признает, что решение Насера о национализации Всеобщей морской компании Суэцкого канала было вполне законным.

В своих депешах в Лондон Тревелиян рекомендовал

осторожно подходить к начинавшемуся кризису. В этом его точка зрения совпала с настроениями значительной части английской общественности. Уже 13 августа так называемый «теневой кабинет» лейбористов решил, что национализация Суэцкого канала не дает основания для применения силы в отношении Египта. Однако находившееся у власти правительство консерваторов во главе с Иденом не прислушалось к голосу здравого смысла.

Правительство Идена выступило в качестве зачинщика и организатора империалистической агрессии против Египта. Британские консерваторы не без основания опасались, что национализация Суэцкого канала ускорит начавшийся после второй мировой войны процесс распада английской колониальной империи. Одна мысль о том, что Великобритания может утратить контроль над важнейшей имперской коммуникацией, лишала их способности трезво оценить ситуацию, толкала на безрассудные, истеричные действия.

Кроме того, здесь были замешаны деньги, и немалые. Правящие круги Великобритании с давних пор были тесно связаны с нефтяными монополиями, банками, страховыми компаниями, действовавшими на Ближнем Востоке.

Антиегипетская политика Великобритании нашла полную поддержку у правосоциалистического правительства Франции во главе с Ги Молле. Однако в правящих кругах Англии и Франции не было единодушия. Оппонентом Ги Молле был лидер группировки социалистов-радикалов Мендес Франс, выступавший, как и лидер английских лейбористов Гейтскел, за более сдержанную позицию в отношении Египта.

А как же реагировали на начинающийся Суэцкий кризис Соединенные Штаты, сами, образно выражаясь, выпустившие джинна из бутылки?

Линия поведения США в этот чреватый опасностью для всеобщего мира период не отличалась последовательностью. С одной стороны, интересы крупного американского капитала, активизировавшего в послевоенный период свое проникновение в египетскую экономику, требовали вытеснения английских и французских конкурентов, с другой — Соединенные Штаты были заинтересованы в сохранении контроля Запада над Суэцким каналом. Ведь уже в первые послевоенные годы объем американских транзитных перевозок через Суэцкий канал возрос в 20 раз по сравнению с довоенными.

Внутренне противоречивая сущность американской

политики в период Суэцкого кризиса обусловила и тактическую линию, которой США придерживались во время кризиса. Делая вид, что они играют посредническую роль между агрессорами и их жертвой, Соединенные Штаты на деле поддерживали инициаторов тройственной агрессии против Египта.

Явное стремление американской дипломатии воспользоваться Суэцким кризисом для того, чтобы потеснить одряхлевшего британского льва и заполнить «вакуум», образовавшийся на Ближнем Востоке в результате ослабления позиций Англии и Франции, получило в свое время должную оценку со стороны египетского руководства. Тем более странно выглядят предпринятые в конце 70-х годов некоторыми государственными деятелями Египта попытки переписать историю Суэцкого кризиса, скорректировав ее нужным для них образом. Ряд высокопоставленных египетских политиков, в том числе и Садат, в своих публичных выступлениях неоднократно подчеркивали, что конец тройственной агрессии положила якобы республиканская администрация Эйзенхауэра, переизбранного на второй срок в самый разгар Суэцкого кризиса — 8 ноября 1956 г. Одновременно они грубо и преднамеренно искажали роль Советского Союза в этот сложный для Египта период. Давайте же вспомним, как развивались события на самом деле.

Вскоре после национализации канала, в августе 1956 г. в Лондоне по инициативе Англии, Франции и США была созвана конференция 22 государств, на которой западные страны пытались протащить идею о так называемом международном контроле над Суэцким каналом. Египет категорически отказался принять участие в этой конференции.

Тогда в середине сентября Англия и Франция решили продемонстрировать всему миру неспособность Египта обойтись без услуг иностранных лоцманов на Суэцком канале. 15 сентября бывшая Всеобщая морская компания Суэцкого канала отозвала всех своих лоцманов и других специалистов из Египта. Однако эта провокационная затея окончилась полным провалом. На канал пришли египетские специалисты, а также лоцманы — добровольцы из многих стран, в том числе из Советского Союза и Югославии.

В сентябре Даллес выступил с предложением о создании Ассоциации пользователей Суэцким каналом с участием США, Англии и Франции. Это был плохо замаски-

рованный план захвата канала империалистическими державами, причем главная роль в Ассоциации явно отводилась Соединенным Штатам. Новая Лондонская конференция, в которой приняли участие 18 стран, одобрила после известных колебаний американский план, однако Египет отверг его. Этому плану был противопоставлен выдвинутый Индией проект сохранения суверенитета Египта над Суэцким каналом, который поддержал Советский Союз.

В этих условиях Англия и Франция начали усиленно готовиться к агрессии. В Восточное Средиземноморье было послано 18 эскадрилий, 185 боевых кораблей, 5 отдельных бригад, 2 армейские артиллерийские группировки, доставлено огромное количество военного снаряжения.

Была создана объединенная англо-французская «группа планирования», которая работала в сохранившемся со времен второй мировой войны бетонированном убежище под Темзой. Верховное командование силами вторжения было возложено на генерала Кейтли, главнокомандующего английскими силами на Ближнем Востоке. Его заместителем стал француз вице-адмирал Боржо. Силы вторжения разместились на Мальте и Кипре. Англичане обеспечили большую часть ударных средств: средние и легкие бомбардировщики, истребители, 50 тыс. солдат и более 100 военных кораблей. Французы направили на Мальту 30 кораблей и 30 тыс. солдат.

29 октября 1956 г. в 21 час Израиль начал военные действия против Египта. Координацию действий трех агрессоров в настоящее время не вызывает сомнений, несмотря на то что Иден в период Суэцкого кризиса и много лет спустя всячески отрицал наличие предварительной договоренности с израильтянами. Как отмечал американский историк Роберт Стифенс в монографии о Насере, вышедшей в Лондоне в 1971 г., 22 октября 1956 г. Бен Гуррион в сопровождении Даяна и других израильских военных тайно прибыл во Францию для того, чтобы завершить начатые сразу же после национализации канала переговоры с Ги Молле. На переговорах, проходивших на частной вилле в Севре, присутствовал и английский министр иностранных дел Ллойд. 25 сентября была заключена так называемая «Севрская договоренность между Великобританией, Францией и Израилем», в которой был изложен подробный сценарий агрессии против Египта. Роли между участниками агрессии распределились сле-

дующим образом: Израиль наносит массированный удар в направлении Суэцкого канала, а Англия и Франция под предлогом защиты важной международной морской коммуникации вводят войска в зону канала.

Вначале этот коварный план осуществлялся как по нотам. Израильские моторизованные части быстро продвигались по Синайскому полуострову в направлении Суэцкого канала. 30 октября в 16 часов 30 минут, через 19 часов после начала агрессии, правительства Англии и Франции, разыграв благородное беспокойство за судьбы международного судоходства, предъявили Египту ультиматум, содержащий требование приостановить военные действия, отвести войска на 10 миль от Суэцкого канала и согласиться на оккупацию английскими и французскими войсками ключевых позиций в Порт-Саиде, Исмаилии и Суэце; в случае отказа они будут вынуждены применить силу.

Как справедливо отмечает советский историк В. Г. Трухановский, англо-французский ультиматум, формально обращенный и к Израилю, должен был представить англичан и французам такими беспристрастными судьями.

Однако на деле этот документ фактически узаконивал территориальную экспансию израильской военщины, успевшей продвинуться по Синайскому полуострову на 160 миль. Более того, требуя, чтобы израильские и египетские войска остановились в 10 милях по обе стороны канала, Англия и Франция тем самым как бы открывали «зеленый свет» израильтянам, которые могли приблизиться к каналу вплотную.

Египет оказался в довольно сложной ситуации, поскольку был захвачен врасплох израильским нападением. Генерал Амер, главнокомандующий египетской армией, в это время находился с официальным визитом в Сирии.

Общая численность египетских вооруженных сил составляла примерно 90 тыс. человек, причем на Синайском полуострове обычно дислоцировались только три дивизии и одна бронетанковая бригада. Однако в течение августа — сентября две дивизии и бронетанковая бригада были переведены на западный берег канала. Ослабленные вооруженные силы Египта не могли оказать серьезного сопротивления бронированному израильскому «кулаку», состоявшему из шести пехотных бригад, бригады парашютистов и трех бронетанковых бригад общей чис-

ленностью 45 тыс. человек, которые имели к тому же мощную поддержку с воздуха французскими самолетами «Мираж».

30 октября в 21 час Насер принял британского посла Хемфри Тревелияна и заявил ему, что Египет отклоняет англо-французский ультиматум. В стране была объявлена всеобщая мобилизация.

Вечером 31 октября, после истечения срока ультиматума, английские бомбардировщики с Кипра и Мальты нанесли первые удары по египетским аэродромам. Атаки с воздуха продолжались в течение пяти дней.

С первых дней войны Насер понимал, что вооруженным силам Египта будет трудно отразить агрессию. Вечером 31 октября он приказал вывести все египетские части с Синая и сконцентрировать их на западном берегу канала. В тот же день президент отдал приказ раздать 400 тыс. винтовок народу. Началось формирование партизанских соединений.

1 ноября по приказу Насера в фарватере Суэцкого канала было затоплено 47 блокировочных кораблей. Канал оказался парализован. Одновременно Сирия, проявившая солидарность с Египтом, впервые применила против империалистической агрессии «нефтяное» оружие. Сирийцы взорвали нефтепровод, перекачивавший ближневосточную нефть к Средиземному морю, откуда она отправлялась в европейские страны. В поддержку Египта выступила и Саудовская Аравия, прекратившая поставку нефти Великобритании и Франции.

Ранним утром 5 ноября 600 британских парашютистов высадились в Порт-Саиде, а 487 французских командос — в Порт-Фуаде, на другом берегу Суэцкого канала. Их поддерживали авиация и военные корабли. Порт-Фуад оказался в руках французов, и командующий гарнизоном Порт-Саида в 3.30 утра потребовал прекратить огонь и обсудить условия капитуляции. Однако Насер приказал продолжать военные действия.

Оборона Порт-Саида стала одной из самых ярких страниц в антиколониальной, антиимпериалистической борьбе египетского народа. Защитники Порт-Саида, в рядах которых сражалось и гражданское население города, дрались с беспримерным героизмом. Парашютисты, передвигавшиеся в бронетранспортерах по улочкам Порт-Саида, находились под постоянным огнем; с балконов, из окон домов на них сыпались гранаты. О размахе и накале боев свидетельствуют следующие цифры: по офици-

альным данным, только среди гражданского населения города было убито 600 человек и ранено 2100.

Однако силы были слишком неравны. 6 ноября англо-французские части заняли Порт-Саид, откуда направились на юг, в сторону Исмаилии, и в это время генерал Кейтли получил из Лондона приказ о прекращении огня.

Важную, можно сказать, решающую роль в срыве планов организаторов тройственной агрессии сыграла твердая позиция Советского Союза. 5 ноября Министр иностранных дел СССР направил в Совет Безопасности ООН телеграмму с требованием немедленно прекратить военные действия и в трехдневный срок вывести войска с территории Египта. В тот же день Советское правительство потребовало от Англии, Франции и Израиля немедленно прекратить агрессию против Египта и предупредило о своей решимости применить силу для восстановления мира. Решительная позиция СССР во время Суэцкого кризиса получила высокую оценку руководства Египта и других арабских стран. Выступая в мае 1966 г. на митинге в Порт-Саиде, президент Насер подчеркнул, что поддержка СССР вселила в египетских патриотов уверенность в победе над империализмом и помогла отразить тройственную агрессию.

5 ноября Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о создании Чрезвычайных сил на Синае (ЮНЕФ). Первые соединения ЮНЕФ прибыли в зону канала 15 ноября. 22 декабря был завершен вывод англо-французских войск из зоны канала.

Подводя итоги провалившейся авантюры, Тревел्यान в своих воспоминаниях пишет: «Основная причина нашей неудачи заключалась в том, что в 1956 г. мы уже не могли действовать так, как действовали в 1882 г. У нас больше не было такой власти над миром...».

Национализация Всеобщей морской компании Суэцкого канала явилась событием исторического значения. Она ознаменовала новый этап в мощном подъеме национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке и показала угнетенным народам, что в современных условиях у них есть возможность эффективно противостоять диктату со стороны империалистических государств.

Новая эпоха рождает и новых руководителей. В эти критические дни ярко проявились выдающиеся личные качества Насера. Они были настолько очевидны, что не замалчивались даже буржуазными историками. Роберт

Стифенс пишет: «Насер столкнулся с ситуацией крайней опасности и сложности. Вдобавок к очевидному грандиозному израильскому наступлению, которое Египет не смог бы отразить, даже мобилизовав все наличные силы, он столкнулся с агрессией со стороны двух великих европейских держав, которые обладали значительно превосходящими возможностями. Говоря военным языком, он вряд ли мог в течение длительного времени сопротивляться такому напору. Однако он не дрогнул. По мере того как кризис разворачивался, он продемонстрировал как силу своего собственного характера, так и прочность своих позиций в Египте. Полностью доминируя над коллегами, он спокойно приводил в движение многие нити запутанной международной обстановки и в то же время принимал смелые военные решения. Он продемонстрировал качества, которые выделили его как лидера по сравнению с людьми меньшего калибра, окружавшими его: ум и моральное мужество, способность широко и быстро схватить существо дела и сконцентрироваться на нем, тонкое чувство времени, способность командовать и подчинять себе людей»⁹.

...В 14 часов 05 минут по каирскому времени 6 октября 1973 г. тишина обычного субботнего дня на синайском фронте была разорвана грохотом канонады. Тысячи египетских полевых орудий, минометов и ракетных установок открыли огонь по израильским позициям на восточном берегу Суэцкого канала. Огневой удар был настолько силен и внезапен, что израильская артиллерия открыла ответный огонь только через час с четвертью. Тем не менее действия израильских войск, защищавших «линию Барлева» — мощный оборонительный вал на восточном берегу Суэцкого канала, который стоил Израилю около 700 млн. долл., были в значительной мере дезорганизованы. В результате непрекращавшихся налетов египетской авиации, в которых участвовало около 300 боевых самолетов, был выведен из строя командный пункт израильской группировки, дислоцированной на Синайском полуострове. Передовые части израильских войск, расположенные в зоне Суэцкого канала, не только не смогли организовать оборону, но даже не успели получить приказ о приведении войск в состояние боевой готовности.

Через 15 минут после начала огневой подготовки около 8 тыс. египетских солдат и офицеров в надувных ре-

зиновых лодках переправились на восточный берег Суэцкого канала. В 15 часов был разрушен первый укрепленный пункт на «линии Барлева». Действия пехоты поддерживались метким огнем египетской артиллерии.

Одновременно с огневой подготовкой с западного берега Суэцкого канала в песчаный вал «линии Барлева» ударили струи воды. Мощные водометы за 3—5 часов проделали в «линии Барлева» 60 брешей, в которые немедленно устремилась пехота. Кроме того, в течение первых 10 часов египтянам удалось навести 10 переправ и организовать работу 15 паромов. Ответные действия израильтян были парализованы тем, что египетские войска форсировали Суэцкий канал по всей линии египетско-израильского фронта, протянувшегося на 140 км от Порт-Саида до Суэца.

Дезорганизации израильской обороны способствовали и дерзкие вылазки в тыл врага египетских «коммандос». Переброшенные сразу же после артподготовки на вертолетах на Синай около 50 подразделений «коммандос» выполнили поставленную перед ними задачу по дезорганизации коммуникаций противника. Кроме того, им удалось перерезать ведущие к каналу шланги цистерн с легковоспламеняющимися веществами, а затем и захватить их. Благодаря этому был сорван замысел израильского командования превратить Суэцкий канал в непроходимый огневой вал в случае, если египтяне попытаются его форсировать.

В 17 часов 10 минут были взяты в плен первые израильские солдаты. Это произошло севернее Исмаилии. В 19 часов 30 минут (всего через 5,5 часа после начала боевых действий) египетская армия заняла позиции по всей длине фронта, продвинувшись на 3—4 км в глубь Синайского полуострова.

С наступлением темноты египетские войска сумели зарыться в землю и занять оборону. К этому времени на восточном берегу уже было сосредоточено пять дивизий. Первый египетский танк прибыл сюда через 6 часов после начала операции «Бадр» (кодовое название операции по форсированию Суэцкого канала). К полуночи египтяне имели на восточном берегу уже около 300 танков и 1500 полевых орудий. В первый день египтяне уничтожили 14 укрепленных пунктов на «линии Барлева», во второй день — 9.

Израильтяне были явно застигнуты врасплох количеством и эффективностью противотанковых и противоса-

молетных ракет, находившихся в распоряжении египетских войск. Неожиданной для израильтян оказалась и высокая боевая подготовка египетской армии. Уже первая танковая атака нанесла израильской армии весьма ощутимые потери в технике и живой силе. Главнокомандующий израильскими военно-воздушными силами генерал-майор Пелед был вынужден вечером 6 октября отдать приказ своим боевым самолетам не приближаться к району Суэцкого канала ближе чем на 15 миль.

Утром 7 октября командование израильской группы войск на Синае отдало приказ всем войскам, дислоцированным в районе «линии Барлева», прекратить сопротивление и отступить. Египетские танки вышли к стратегически важным перевалам Митла и Гиди.

Операция «Бадр» развивалась успешно. Впервые после поражения в июньской войне 1967 г. египетские войска ступили на восточный берег Суэцкого канала. Крупное стратегическое преимущество было вырвано из рук израильских оккупантов, упорно пытавшихся в течение шести лет укрепить восточный берег канала и превратить его в неприступный для египетской армии вал.

Каковы же были причины военного успеха египтян на первом этапе октябрьской войны? Прежде всего следует признать, что этот успех был закономерным результатом высокого морального духа египетского народа, который был преисполнен решимости скинуть тяжкий груз, давивший на национальное достоинство египтян, — поражение в шестидневной войне 1967 г., в результате которой Израилем был захвачен весь Синайский полуостров. В анкете, проведенной прогрессивным египетским журналом «Ат-Талиа» в декабре 1973 г., на вопрос: «Были ли вы готовы к войне 6 октября 1973 г. и ее результатам?» 57,25% египетских рабочих ответили утвердительно; 24,55% сказали, что они ждали войну, но время ее начала явилось для них неожиданностью. Только 18,20% египетских рабочих ответили, что война явилась для них полной неожиданностью. Среди крестьян отмечалась примерно такая же картина.

Что же касается военной стороны дела, то успех операции по форсированию Суэцкого канала был в значительной мере предопределен тем, что политическому и военному руководству Египта и Сирии удалось договориться об одновременном начале военных действий против Израиля. На первом этапе октябрьской войны объединенное египетско-сирийское военное командование коор-

динировало действия, в результате чего израильтянам пришлось вести войну сразу на два фронта.

Кроме того, египтянам и сирийцам удалось нанести внезапный удар; операция «Бадр» хранилась в строжайшей тайне. За несколько дней до начала форсирования канала даже командующие армиями не знали подробности предстоящей операции. Видный египетский журналист М. Х. Хейкал, находившийся в октябрьские дни на командном пункте египетской армии, так называемом «Центре № 10», отмечал, что даже в день начала операции на стенах командного пункта висели не схемы операции «Бадр», а планы ежегодных общевойсковых осенних учений под кодовым названием «Ат-Тахрир-23».

Предпринимались и специальные меры по скрытной переброске войск и вооружения в район канала. Например, ночью на египетские позиции доставлялось крупное соединение, а днем демонстративно возвращался с позиций один батальон; создавалось впечатление, что выведены все соединения. Некоторые виды египетской боевой техники транспортировались в громадных деревянных ящиках и ночью опускались в заранее приготовленные ямы.

Удачно было выбрано и время для начала наступления. В арабских странах шел десятый день мусульманского праздника рамадана, в ходе которого правоверные обязаны поститься с восхода и до захода солнца, что, естественно, истощало физические и моральные силы египетских и сирийских солдат и офицеров. Израильтяне, зная силу религиозных традиций в арабском мире, не могли предположить, что арабы решатся начать войну во время священного для мусульман праздника. К тому же у них самих в субботу, 6 октября начался религиозный праздник йом киппур, во время которого жизнь в Израиле замирает.

Это, конечно, не означает, что октябрьская война явилась для израильтян полным сюрпризом. Ни для Тель-Авива, ни для его американских союзников не было секретом то, что в Египте и Сирии ведется подготовка к военной операции по освобождению своих территорий. 5 октября израильское правительство даже обсуждало, не следует ли нанести «превентивный удар» по позициям арабов, а утром 6 октября, за несколько часов до начала военных действий, в Израиле была начата всеобщая мобилизация.

И тем не менее, судя по всему, начало войны, ее раз-

мах, согласованность действий египтян и сирийцев, их возросшая боевая выучка оказались для израильтян неожиданными. Это дало арабам на первом этапе войны значительные преимущества. Однако они были сведены на нет последующими действиями египетского командования.

Заняв в первую неделю большую часть восточного побережья Синайского полуострова и имея на восточном берегу пять мотострелковых и две танковые дивизии, египтяне, по оценкам многих специалистов, могли бы развивать наступление в направлении стратегически важных горных перевалов, сменяя слабые заслоны противника. Однако вместо этого они остановились и начали сосредоточивать резервы, на что ушло несколько дней. Затем решение идти на штурм района перевалов все-таки было принято. После артиллерийской подготовки египетские войска перешли в наступление, однако атака захлебнулась. Начались затяжные кровопролитные танковые сражения, самые крупные на Ближнем Востоке после битвы при эль-Аламейне между англичанами и экспедиционным корпусом Роммеля во время второй мировой войны. Ожесточенность этих сражений доказывает следующий факт: обычно танковый бой ведется на расстоянии 1,5—2 км; на Синае же египетские и израильские танки сходились до 400—500 м, а иногда даже вплотную.

Представители египетского руководства впоследствии отмечали, что своей главной задачей они считали не немедленное освобождение территории Синайского полуострова, а обескровливание, изматывание противника. Однако на деле все получилось наоборот. Вместо изматывания израильских войск египтяне утратили инициативу. С одной стороны, это поставило в тяжелое положение их сирийских союзников, которым пришлось отражать удары израильских войск, активизировавших свои действия на сирийском фронте после того, как у них были развязаны руки на Синайском полуострове. С другой — просчеты египетского командования позволили израильтянам осуществить прорыв танковой группировки на западную сторону Суэцкого канала в районе Горьких озер, что привело к окружению египетской армии, дислоцированной в южной части Суэцкого канала.

Военная обстановка на египетско-израильском фронте начала быстро меняться. Израильтянам удалось нарушить коммуникации 3-й армии, перерезать дорогу Каир — Суэц. Израильские танки находились в нескольких часах

пути от Каира. Принятую 22 октября Советом Безопасности ООН резолюцию о немедленном прекращении огня и проведении переговоров для установления прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке израильская сторона игнорировала.

В этих условиях Садат обратился к СССР и США с просьбой предпринять срочные действия по обеспечению эффективного прекращения огня. 25 октября Советом Безопасности была принята резолюция о направлении на Ближний Восток Чрезвычайных вооруженных сил ООН (ЧВС). 26 октября первые контингенты ЧВС начали прибывать на Синай.

Четвертая арабо-израильская война закончилась.

Как часто бывает, впоследствии египетская пропаганда нашла массу «объективных причин» для того, чтобы оправдать грубые ошибки своего командования на заключительном этапе войны. Делались ссылки на ограниченный радиус действия противовоздушного «зонта», который мог быть обеспечен египетскими ракетами ПВО, находившимися по большей части на западной стороне Суэцкого канала. Высказывались сомнения в способности египетской авиации в течение длительного времени удерживать в своих руках преимущество в воздухе, столь важное в условиях боевых действий в пустынных районах. Что ж, очевидно, подобные объяснения имели под собой определенные основания. Обсуждать слабые и сильные стороны египетского военного командования — дело специалистов. Однако, оправдывая избранную им тактику пассивной обороны, египетское руководство обратилось к изобретению сомнительных аргументов политического свойства.

Президент Садат, объясняя причины, которые не позволили ему одержать победу в этой «почти выигранной», по выражению Хейкала, войне, заявил, что он был готов воевать против Израиля, но не мог вести боевые действия против США, которые, доставляя в Тель-Авив ежедневно 7—8 т военных грузов в течение всех 20 дней войны, превратились, по его словам, в фактического участника боевых действий. Одновременно в Египте подспудно набирала силу кампания по извращению предстории и хода октябрьской войны, лейтмотивом которой были заведомо лживые утверждения о том, что Советский Союз якобы не оказал необходимой военной помощи Египту.

Подобные измышления полностью противоречат действительности. После военного поражения Египта в

1967 г., когда он оказался, по существу, безоружным перед Израилем, опиравшимся на поддержку империалистических государств, Советский Союз и социалистические страны пришли на помощь египетскому народу в жизненно важном для него деле — восстановлении вооруженных сил. В самые короткие сроки был значительно усилен военный потенциал Египта, в частности созданы современные войска противовоздушной обороны, к началу 70-х годов начисто закрывшие египетское небо от налетов израильской авиации. Об этом, кстати, неоднократно заявлял во время октябрьской войны и сам президент Садат. В частности, 7 октября 1973 г. Садат говорил советскому послу в Каире: «Не могу найти слов, чтобы выразить глубокую благодарность советским руководителям — подлинным друзьям Египта. Это навсегда останется в моем сердце и в сердцах всех египтян». Народным собранием Египта была принята специальная резолюция с выражением благодарности Советскому Союзу за помощь, оказавшую решающее воздействие на ход войны. Общеизвестно, что помимо военной помощи Советский Союз в тесном сотрудничестве с арабскими странами предпринимал активные политические акции в ООН и вне ее в поддержку Египта и Сирии.

Тем не менее египетские органы пропаганды в течение целого ряда лет продолжали нагнетать антисоветскую истерию, извращая ход и итоги советско-египетского сотрудничества, в том числе в военной области. Спрашивается, в чем причина такого поворота? Интересный ответ дает на этот вопрос египетский журналист Гали Шукри, находившийся в оппозиции к садатовскому режиму. В 1979 г. в Париже он опубликовал книгу «Египет. Контрреволюция». Гали Шукри считает, что основная задача, которую должна была решить развязанная в Египте антисоветская кампания, состояла в том, чтобы навязать египетскому общественному мнению новую систему ценностей, призванную облегчить последующую сепаратную политику в области ближневосточного урегулирования, поставить крест на традициях советско-египетской дружбы и сотрудничества, оказавшихся слишком обременительным грузом для садатовского режима, избравшего прозападный курс и вступившего на путь капитулянтства и соглашательства.

Оценке политических, военных и экономических итогов октябрьской войны посвящены многочисленные исследования, опубликованные в нашей стране и за рубежом.

Многие авторы, в том числе египетский генерал С. Шазли, занимавший во время октябрьской войны пост начальника генерального штаба египетской армии, сходятся во мнении, что основную долю ответственности за то, что, так удачно начавшись, октябрьская война закончилась для арабов в военном отношении «вничью», несет лично Садат. Именно он, осуществлявший координацию военных действий Египта, Сирии, а также контингентов из Ирака, Иордании, Марокко и Саудовской Аравии, оставил без внимания просьбы сирийского руководства «предпринять какие-либо действия, которые бы вынудили израильтян перебросить часть сил на египетский фронт и тем самым сдержать натиск на сирийцев», против которых были брошены основные силы Израиля. По приказу Садата была остановлена уже начавшаяся операция по окружению и уничтожению израильской танковой группировки, прорвавшейся на западный берег канала. Перечисление вольных или невольных ошибок Садата во время октябрьской войны можно было бы продолжить.

Советский журналист Л. И. Медведко, всесторонне проанализировавший источники и обширную литературу по октябрьской войне, пишет: «В чем причина поразительной беспечности и самоуспокоенности Садата в роли главнокомандующего? Только ли в оперативно-тактических просчетах? Нет, большинство западных и арабских исследователей склонны считать, что дело здесь не столько в военных ошибках Садата, сколько в политических и стратегических целях, которые он преследовал в ходе войны... Все колебания и политические зигзаги Садата во время октябрьской войны и в последующий период были продиктованы его стремлением заключить закулисную сделку с Израилем при посредничестве США за счет или в обход интересов Сирии, палестинцев и в целом арабского революционно-освободительного движения»¹⁰.

Начавшиеся после октябрьской войны египетско-израильские контакты при американском посредничестве завершились подписанием 26 марта 1979 г. сепаратного мирного договора между Египтом и Израилем, основные положения которого были согласованы Садатом и Бегин-ом за полгода до этого в загородной резиденции Картера — Кэмп-Дэвиде. Таким образом, как заметил Г. Шукри, «октябрьская война стала военной прелюдией Кэмп-Дэвида».

В итоге кэмп-дэвидской сделки Египту был возвращен Синай — его исконная территория. Но какой ценой?

Кэмп-Дэвид серьезно осложнил обстановку на Ближнем Востоке, развязал руки сионизму и империализму для новых антиарабских происков, затруднил путь к всеобъемлющему урегулированию арабо-израильского конфликта.

В этой связи уместно вспомнить, что еще Насер, связывавший перспективы установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке с единством действий, антисионистской, антиимпериалистической солидарностью всех арабских патриотов, отчетливо понимал, что «ликвидация последствий израильской агрессии вовсе не сводится к выводу израильских войск с Синая». В апреле 1968 г. он подчеркивал: «Для того, чтобы освободить Синай, следовало бы принять американо-израильские условия, отдать на съедение Израилю Иерусалим, Западный берег Иордана и другие арабские земли... Останемся ли мы независимым государством, попадем ли в сферу влияния или отвергнем это — вот в чем вопрос»¹¹.

В свете последних событий на Ближнем Востоке эти слова выглядят просто пророческими.

Итак, мы вспомнили о двух битвах, разыгравшихся в промежутке в 17 лет на берегах Суэцкого канала. Они схожи тем, что велись Египтом против одного противника, на одном и том же рубеже. Однако сколь различными оказались политические плоды этих двух исторических битв.

Недаром современные прогрессивные египетские исследователи называли октябрьскую войну в отличие от Суэцкого кризиса 1956 г. «антисуэцем».

ПОРТ-САИД. МЕТАМОРФОЗЫ «СВОБОДНОЙ ЗОНЫ»

Ввиду великой будущности, ожидающей Порт-Саид, город строится по плану, в широких размерах.

К. Скальковский (1869 г.)

Порт-Саид появился на географической карте, можно сказать, случайно. В первом проекте трассы Суэцкого канала, представленном Лессепсом международной комиссии 30 октября 1855 г., предполагалось, что канал сомкнется со Средиземным морем несколько севернее, в том

районе, где в древности находился порт Пелузий. Однако район Пелузия оказался непригодным для строительства глубоководной морской гавани, где могли стоять корабли, проходящие Суэцким каналом. Дело в том, что Пелузий, знаменитый город эллинистического Египта, от которого сейчас остались лишь руины некогда великолепных зданий и обломки колонн, окружали болота. (Кстати говоря, Пелузий по-гречески означает «болото, топь», то же значение имеет и древнеегипетское название этого города — «Фероми».) Члены международной комиссии предложили обойти заболоченные места, и северная часть канала прошла западнее руин Пелузия. Здесь в 1859 г. и был основан город, получивший в честь хедива Саида название Порт-Саид.

Песчаная отмель шириной в 100—150 м, избранная для строительства нового города, казалось, совершенно не подходила для этой цели. Едва возвышаясь над уровнем моря, она во время приливов вся заливалась водой. Несколько деревянных барачков, временный маяк, небольшой лазарет и пекарня — вот все, из чего состояло первоначальное поселение. Однако мало-помалу сюда начали стекаться ремесленники, появились лавки, построенные на сваях домики сменились кирпичными зданиями. В конце 1867 г. уже 24 паровых пакетбота осуществляли регулярное сообщение между Порт-Саидом и Александрией. Годом позже правительства некоторых иностранных держав учредили в Порт-Саиде свои консульства.

Порт-Саид рос и хорошел по мере того, как возрастало значение Суэцкого канала. Менее чем за 100 лет он превратился из убогого селения на сваях в современный город. Население его в настоящее время достигло 250 тыс. человек.

Порт-Саид — самый молодой и бурно развивающийся из египетских городов. Однако не это обеспечило ему особое место в истории современного Египта. История Порт-Саида — это прежде всего история Суэцкого канала. В сознании каждого египтянина этот город ассоциируется со славной борьбой египетского народа против попыток колонизаторов превратить Суэцкий канал в оружие эксплуатации Египта и его национальных богатств. Порт-Саид — символ национальной гордости Египта, выдающихся успехов, которые были достигнуты под руководством Гамаль Абдель Насера в борьбе за обеспечение независимости страны.

...Впервые мы попали в Порт-Саид в декабре 1975 г.,

вскоре после возобновления судоходства по Суэцкому каналу. От Исмаилии до Порт-Саида всего 77 км; дорога проходит по зеленым оазисам, густо усеянными маленькими деревеньками. Каждая из них хранила печать недавно закончившейся войны. По обочинам дороги зияли воронки, встречались дома, полностью или частично разрушенные бомбардировкой. Вдали виднелся остов полуразрушенной мечети. Покосившийся минарет, казалось, вот-вот должен был рухнуть, но по изрешеченной пулями штукатурке стен уже ползли вверх строительные леса: приканальная зона медленно возвращалась к жизни.

Воронки и разрушений становилось больше по мере приближения к Суэцкому каналу. Особенно не повезло бедным лачугам крестьян, которые стояли на холмах и, очевидно, затрудняли обзор местности с израильской стороны. Большинство из них были полностью уничтожены.

А вот и оз. Манзала, отделенное от Суэцкого канала насыпной дамбой. Само озеро в настоящее время обмелело. Ближе к дороге оно давно уже превратилось в заболоченную лагуну с густыми зарослями тростника. Здесь нашли приют грациозные розовые фламинго да чайки, которые носятся над озером, выискивая мелкую рыбешку в его водах. Однообразие болотистой местности нарушается возведенными на одинаковом расстоянии друг от друга огромными песчаными брустверами, на которых во время «войны на истощение» была установлена египетская артиллерия и танки, обстреливавшие израильские позиции на восточном берегу канала.

Порт-Саид появляется из далекой лазоревой дымки, стершей грань между морем и сушей, неожиданно. Сначала начинают вырисовываться контуры четырех-пятиэтажных домов, затем за поворотом сразу вырастает большое здание таможни. Посещения Порт-Саида строго контролируются властями: все обязаны при въезде и выезде из него пройти таможенный и паспортный контроль, поскольку с 1974 г. в Порт-Саиде действует режим «свободной зоны», согласно которому товары, продаваемые в черте города, не облагаются таможенными пошлинами. Молодой таможенник за считанные минуты оформил все необходимые бумаги, и мы отправились дальше. Вдоль дороги тянулись длинные складские помещения; по правой стороне, за оштукатуренным забором, виднелись темные бараки.

Должен признаться, что поездка в Порт-Саид в 1975 г. доставила нам мало радости. И виной тому был не столь-

ко унылый декабрьский день и пронизывающий до костей зимний ветер, сколько вид самого города: неуютный, неприбранный, хранящий следы трудных военных лет. Порт-Саид только-только начинал отогреваться от ледяных ветров войны, настраиваться на ритм мирной жизни.

В нашем автомобиле от тряски на разбитой танковыми гусеницами дороге разболтался глушитель, и мы вынуждены были заехать в автомастерскую на одной из улиц в центральной части города. Хозяин суетливо выбежал нам навстречу. Мы разговорились. Оказалось, что владелец мастерской все эти годы не уезжал из Порт-Саида и перенес все тяготы и лишения, выпавшие на долю города. Во время бомбардировок он, его жена и старушка мать (дети учились в Каире) прятались в подвале. Через боковую дверь он вывел нас во внутренний двор и показал в глубине квартала дом, в который в 1973 г. попал снаряд, почти полностью разрушивший два верхних этажа. На первом этаже когда-то находилась аптека, сейчас в ее почерневших от пламени стенах зияли пробоины...

Радужный хозяин долго метался по мастерской, подыскивая, чем бы подвязать отвалившийся глушитель. Ни сварочного аппарата, ни более или менее пригодных инструментов у него не имелось. Из шести рабочих, которые трудились в мастерской до войны, остался всего один, 16-летний мальчик, смотревший на наш автомобиль как на техническое чудо XX в. и не знавший, каким образом к нему подступиться. Во всем городе мы увидели всего несколько допотопных, потерявших свой первоначальный цвет автомобилей, по виду похожих на наши довоенные «эмки». Основным средством транспорта в Порт-Саиде в то время был велосипед.

Но как же приветливо встречали нас в бедном, полуразрушенном Порт-Саиде! Хозяин единственной в городе более или менее приличной гостиницы вышел нам навстречу и помог выполнить необходимые формальности. Затем он торжественно проводил нас по ободранной, давно не крашенной лестнице на третий этаж. Любой из номеров был в нашем распоряжении, поскольку гостиница была пуста. Выбрать номер не составляло труда, так как все они были примерно равноценными: в небольшой комнате стояло две кровати с влажными сероватого цвета простынями и солдатскими одеялами, небольшой колченогий стол и обшарпанный умывальник в углу.

Проголодавшись с дороги, мы решили поужинать в ресторане при гостинице. Это вызвало настоящий переполох. Старичок метрдотель, одетый в допотопного вида смокинг, встрепнулся и, решив не посрамить Порт-Саид в глазах иностранцев, поднес нам меню, в котором на пожелтевшей от времени бумаге были отпечатаны по-французски названия нескольких блюд. Как ни странно, метрдотель изъявил готовность принести любое из них. Наш заказ его явно воодушевил. Услышав про креветки и бифштексы под соусом из шампиньонов, он выпрямился, в глазах его сверкнули искорки удали былых времен. Через минуту расторопный слуга стряхнул с нашей скатерти невидимые крошки и водрузил в центр стола блюдо, где во влажных листьях зеленого салата лежали ломтики помидоров, огурцов, политые соком лимона. Затем на столе действительно появились большие порт-саидские креветки, поджаренные на углях, а в ведерке со льдом бутылка молодого египетского вина.

Кстати сказать, этот прекрасный ужин с традиционной раздачей бакшиша стоил сравнительно дешево. Через пять лет за такой же ужин нужно было заплатить втрое дороже.

Уже в тот вечер мы обратили внимание на то, что наиболее динамичным, быстро разобравшимся в обстановке элементом городского населения были торговцы, зазывавшие редких прохожих из каких-то немислимых подворотен...

На следующий день утром мы решили прогуляться по берегу Средиземного моря и направились в сторону полуразрушенной гостиницы «Порт-Саид». Справа от нее тянулась традиционная для египетских пляжей линия маленьких купальных кабин, которые здесь называют на французский манер «шале». Обогнув их, мы вышли на плотно утрамбованный, бурый от мазута песок Средиземноморского побережья. Мазут прибывало к берегу длинными темно-коричневыми жгутами, и он лежал под ногами, как нильский ил. Тотчас же нас окружила стая галдящих полуголых мальчишек.

Мы пошли вдоль берега моря, и вся ватага устремилась за нами. Вдруг вперед выступил мальчик лет 14—15 и попытался что-то сказать нам по-английски, а затем показал рукой на не замеченный нами плакат, вбитый в плотный песок пляжа. На нем было написано: «Альгам» — «Побережье заминировано».

Естественно, это не располагало к продолжению про-

гулки. Впоследствии в газетах не раз печатались сообщения о том, что ребятишки или неудачливые рыбаки подрывались на минах на побережье Порт-Саида, несмотря на то что сразу же после окончания октябрьской войны египетские саперные части произвели разминирование берега.

Мы вернулись в город и на пароме переправились на восточный берег канала, где раскинулся небольшой городок Порт-Фуад. В Порт-Фуаде нам встретилось еще меньше египтян, чем в Порт-Саиде.

С тех пор произошли значительные перемены. Уже через два-три года дорогу от Исмаилии до Порт-Саида расширили настолько, что по ней можно было ехать, не опасаясь встречных многотонных грузовиков. Засыпаны воронки, совершенно другой вид приобрели окрестные деревни, быстро, как бы сами собой исчезли развалины разрушенных бомбами домов. Отремонтирована мечеть с покосившимся минаретом. Заметно больше стало людей. Жизнь закипела с новой силой. На обочинах дороги появились крестьяне, торговавшие со своих повозок апельсинами, огурцами, грейпфрутами, манго, арбузами, зеленью.

Преобразилась и таможня при въезде в город. Маленький старый домишко, очевидно, уже не удовлетворял потребностям разросшейся таможенной службы. Построено новое здание, упорядочено движение автомобилей. Оформление документов при въезде в Порт-Саид занимает уже не 5—10 минут, как раньше, а не менее получаса. Еще больше приходится ждать водителям, выезжающим из города. Здесь вереница автомобилей, ожидающих своей очереди, растягивается в воскресные дни, когда в Порт-Саид приезжает больше всего туристов и посетителей, на 200—300 м. Офицеры таможенной службы отработанными до автоматизма движениями открывают багажник, заглядывают за сиденья и даже в капот автомобиля.

Впрочем, они не особенно и стараются — понимают, что имеют дело, так сказать, с любителями, мелкой рыбешкой инфитаха. Задержать их и подвергнуть соответствующему наказанию не составляет труда. Другое дело — крупные, оптовые контрабандисты, обосновавшиеся в Порт-Саиде и сколачивающие на этом бизнесе многотысячные состояния.

Контрабанда в Порт-Саиде без преувеличения приняла чудовищные размеры. Интересные данные на этот счет приводятся в книге прогрессивного египетского экономиста Абдель Кадера Шухейба «Суд над экономическим инфитахом в Египте». Ссылаясь на официальную статистику, Шухейб отмечает, что только за первую половину 1977 г. в «свободную зону» Порт-Саида было ввезено товаров общей стоимостью 106 млн. ег. ф. Они должны были быть обложены при вывозе из города 100%-ным таможенным сбором, который, следовательно, должен составить также 106 млн. ег. ф. Однако проверка показала, что, по официальным данным, из Порт-Саида было вывезено за этот период товаров лишь на 6,4 млн. ф., а таможенных пошлин собрано всего 6 млн. ф. Путем несложных арифметических подсчетов можно убедиться, что только за полгода у государства контрабандистами было украдено около 100 млн. ф.

Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, что контрабанда и нарушение законов об уплате налогов стали в Египте, и в частности в Порт-Саиде, настоящим общественным злом. Шухейб отмечает, что контрабанда разрушает здоровую социальную структуру города. В сферу действий контрабандистов вовлечены десятки, сотни и даже тысячи людей. В одних только деревнях в окрестностях Порт-Саида около 10 тыс. жителей живут исключительно на доходы от контрабандного вывоза товаров из Порт-Саида и последующей их перепродажи за пределами города по завышенным ценам. Каким образом это делается, неизвестно, однако чуть ли не в каждой второй лавке на знаменитой улице Шаварби в Каире вы можете увидеть товары, контрабандным путем вывезенные из Порт-Саида. Да это и не удивительно, так как только в 1977 г. через «свободную зону» в Порт-Саиде в Египет было ввезено более половины всего объема потребительских товаров.

Повальная спекуляция приводит и к тому, что в городе, который в настоящее время насчитывает четверть миллиона человек, все более явно сказывается нехватка рабочей силы.

Египетские экономисты и общественные деятели бьют тревогу: «свободная зона» в Порт-Саиде, которая была создана, дабы придать импульс развитию национальной промышленности, способствовать импорту машин и оборудования, превратилась в полную противоположность первоначальному замыслу. Вместо того, чтобы содейство-

вать экономическому развитию страны, она стала его гигантским тормозом, источником неограниченного обогащения небольшой кучки людей, извлекающих колоссальные прибыли из торговли потребительскими товарами и предметами роскоши.

В официальных документах все в порядке. В них содержатся сведения, что 60% всех проектов, утвержденных главной инстанцией инфитах — Организацией по арабским и иностранным инвестициям, — находятся в Порт-Саиде. На деле же все обстоит, мягко говоря, не совсем так. За пять лет существования «свободной зоны» в Порт-Саиде в ней появилось лишь 11 объектов, построенных с привлечением иностранного капитала, да и то по большей части это складские помещения для хранения импортируемых товаров.

Нигде расхищение национальных богатств Египта, поощряемое инфитахом, не принимает таких наглядных форм, как в Порт-Саиде. Дело в том, что по законам инфитаха государство помогает торговцам приобретать за границей товары за твердую валюту, столь необходимую для развития экономики страны. Возмещение же полученных ссуд и кредитов торговцы производят египетскими фунтами. Порт-Саид превратился в черный рынок спекуляции валютой. В нем открыто действуют меняльные лавочки, ставшие своего рода центрами валютных спекуляций.

Шабаш, устроенный спекулянтами в Порт-Саиде, наносит тяжелый урон национальной экономике. Да и скажите на милость, какой здравомыслящий предприниматель будет вкладывать деньги в развитие национальной промышленности, если он может в 3 раза быстрее и без особых забот получить сверхприбыль, включившись в торговые операции? Подсчеты министерства финансов показывают, что торговля в Порт-Саиде приносит в 3 раза больше дохода, чем строительно-подрядные работы — наиболее прибыльная сфера бизнеса в Египте. Кроме того, разве может национальная промышленность выдержать конкуренцию огромного наплыва дешевых и разнообразных товаров развитых стран, выбрасываемых в Порт-Саиде по демпинговым ценам, а затем распространяющихся по всей стране?

Не стоит и говорить о том, насколько преобразился внешний облик Порт-Саида. Он все больше напоминает гигантский универмаг, хозяева которого болыны лихорадочной безудержного обогащения. На улицах Порт-Саида

теперь тесно от современных американских автомобилей с кондиционерами и дымчатыми стеклами.

Но что самое странное, в стране, внешний долг которой растет год от года, маленькая лавочка за пять лет превращается в шикарный универмаг, в котором сегодня даже среднему египтянину нечего делать, а налоговые органы смотрят на это сквозь пальцы. В Порт-Саиде в начале 1980 г. было уже несколько больших универмагов, в которых выложенные приказчики, говорящие на беглом английском (некоторые из них явно с университетским образованием, что, впрочем, неудивительно, так как здесь они получают в несколько раз больше, чем если бы работали по специальности), предлагают вам лондонские и парижские товары. Это магазины для элиты, для нового слоя египетской буржуазии и их отпрысков, желающих иметь последние новинки моды, появляющиеся в магазинах Парижа, Лондона, Нью-Йорка. Хозяин такого магазина уже не бросится к вам, не будет предупредительно раскладывать свои товары. Он целыми днями неподвижно, как на троне, сидит за конторкой или вычурным антикварным столиком, потягивая обжигающий кофе из маленькой чашечки. В спокойном взгляде, которым он сразу встречает и по достоинству оценивает своих посетителей, сквозит высокомерие. Он не спешит продать свои товары, так как уверен, что их у него купят, и купят за ту цену, которую назначит он. В Египте времен инфитаха есть люди, которым это по карману...

¹ К. Скальковский. Путевые впечатления в Испании, Египте, Аравии и Индии. СПб., 1873, с. 33.

² В. А. Соллогуб. Новый Египет. СПб., 1871, с. 22.

³ Там же, с. 22—23.

⁴ К. Скальковский. Путевые впечатления..., с. 45.

⁵ Ф. А. Ротштейн. Захват и закабаление Египта. М., 1959, с. 46.

⁶ Г. де Воллан. По белу свету. СПб., 1894, с. 41.

⁷ А. В. Елисеев. По белу свету. Т. II. СПб., 1895, с. 98.

⁸ С. Я. Елпатьевский. Египет. СПб., 1911.

⁹ Robert Stephens. Nasser. N. Y., 1971, с. 229.

¹⁰ Л. И. Медведко. К востоку и западу от Суэца. М., 1980, с. 218, 221.

¹¹ Г. А. Насер. Проблемы египетской революции. М., 1979, с. 9.

КАИР: ЗАБОТЫ ГОРОДА — ЗАБОТЫ СТРАНЫ

Каир шумен, богат, многолюден.

И. А. Бунин (1907 г.)

Египетский климат отличается умеренностью. На широте Каира, например, средняя минимальная температура зимой — около 9° , средняя максимальная летом не превышает 34° . Количество солнечных дней в году достигает 340. Небо — чисто-голубое, не опаленное зноем, а глубокое, прохладное. Тучи в Египте — редкие гости. В Верхнем и Среднем Египте дождей почти не бывает, а зимой случаются три-пять дождливых дней. Средний уровень осадков, выпадающих в районе Каира в зимнее время, составляет около 6 мм. Правда, к северу, в Нижнем Египте, количество годовых осадков резко возрастает и достигает в Александрии 130—140 мм в год.

Мягкий и в общем-то благоприятный для человека климат Египта формируется под воздействием знойных пустынь, которые с трех сторон окружают долину Нила, несущего свои прохладные воды с Абиссинского плоскогорья в Средиземное море. Точны и образны замечания о климате Египта, сделанные уже упоминавшимся русским метеорологом И. Н. Клингенем. Он пишет: «Действуя большую часть года как гигантский огненный костер, песчаная пустыня устанавливает летом грандиозную тягу вертикального воздушного столба, образуя над собою обширнейшую площадь низкого давления, куда устремляется со всех сторон воздух соседних районов атмосферы с высоким давлением (Средиземное море), и в силу этого летом же устанавливается ток на Египет со сторон Средиземного моря... а так как ветры северных румбов дуют в году приблизительно около 300 дней, то ими главным образом, и главным образом северным ветром, и определяется характер местного климата; он отличается в общем умеренностью температуры, умеренной влажностью необыкновенно прозрачного воздуха и

безоблачным темно-синим небом. Только весной устанавливается в Сахаре постоянный ток с юга, и через это в Египте дует почти около 2 месяцев, начиная с марта и по конец апреля, горячий южный и юго-восточный ветер, перемежаясь иногда с северным и восточным. С этого же времени начинается, также с перерывами, тянуть знойный, пыльный юго-западный хамсин»¹.

Время хамсинов в Египте — самое тяжелое время года. Хамсин в переводе с арабского означает «пятьдесят». Этот знойный ветер пустыни назван так арабами потому, что он дует 50 дней в году. Предвестником хамсина является обычно резкое повышение температуры. Ртутный столбик поднимается выше отметки 40° . Затем небо постепенно затягивается белесой пеленой, воздух насыщен мельчайшими частичками песка и пыли, силуэты домов сначала теряют свою четкость, а потом и вовсе исчезают в пыльной пелене. Дышать трудно, пыль проникает в нос и в рот. Египтяне, спешащие домой на велосипедах, обычно закрывают лицо шарфом, ветер взвывает на улицах маленькие смерчи, в которых кружатся обрывки газет, сухие листья и уличная пыль. Город погружается в болезненно-дремотное состояние, которое, впрочем, продолжается не более одного-двух дней: у египетского хамсина имеется то преимущество, что он сменяется прохладной погодой, приносящей облегчение людям и природе. Домашние хозяйки начинают выметать пыль, набившуюся в жилища даже через плотно притворенные двери и окна. Дня через два повторяется то же самое: жара, пыльная буря и прохлада.

Еще тяжелее переносятся хамсины в Верхнем Египте и в Нубии, где их иногда называют по-судански — «хабуб» (ураган). Тучи песка, поднимающиеся там весенними ветрами, покрывают города и селения сплошными шапками кирпично-красного цвета. Невозможно разглядеть даже предметы, находящиеся на расстоянии 10—15 м. А если учесть, что температура в Верхнем Египте на добрых 10° выше средней температуры в Каире, то и периоды прохлады, наступающие после хабубов, редко приносят облегчение.

Однако давайте перейдем от разговоров о погоде к более серьезным вещам. Поговорим о политическом хамсине, сгустившемся над Египтом в 70-е годы. С самого начала оговоримся: этот сложный и противоречивый период истории современного Египта, который журналисты уже сейчас называют «временем президента

Садата», еще, несомненно, станет предметом фундаментальных научных исследований. Мы же остановимся лишь на некоторых, наиболее характерных чертах общественно-политической жизни Египта 70-х годов.

Начнем с Каира. Сложные проблемы, встающие перед сегодняшним Египтом, нигде не проявляются так ярко, как в столице. Да это и естественно. Каир наших дней — крупнейший город Египта да и всего Африканского континента. Сегодняшний Каир — мегалополис, в котором проживает 11 млн. египтян. Цифра, конечно, не рекордная, на нашей планете есть города и покрупнее, однако надо принять во внимание, что население всего Египта составляет 45 млн. человек. Каждый четвертый египтянин живет в пределах Большого Каира. В сознании простого народа Каир отождествляется со всей страной. Если в египетской провинции спросить крестьянина, едущего в столицу, куда он направляется, он ответит: «Иля Маср» («В Египет»). В просторечии египтяне испокон веков называют Каир не арабским его названием «Эль-Кахира», а «Маср» (Египет). Сегодняшний Каир — скопление всех радостей и бед Египта, средоточие его наиболее жгучих проблем.

Обратимся к свидетельству прессы, притом той, для представителей которой в Египте во второй половине 70-х годов были созданы льготные условия. Американский журнал «Тайм» от 2 января 1978 г. По многолетней традиции, его редакция в начале каждого года определяет наиболее популярного, естественно на ее взгляд, политического деятеля в мире. В 1978 г. выбор «Тайма» пал на президента Садата, всего за полтора месяца до этого совершившего вояж в Иерусалим.

По этому поводу «Тайм» опубликовал пространную статью, посвященную проблемам садатовского Египта. Статья сопровождается вкладкой с фотографиями, которые как бы иллюстрируют будни Каира эпохи инфлята. Вверху большое панорамное фото центральной части города, задыхающейся в белесом смоге. На переднем плане — полуобвалившееся здание, окруженное жалкими лачугами. Многоэтажные облупленные дома уходят к горизонту, где видны силуэты трех пирамид Гизе. Здесь же помещена фотография, на которой пятеро оборванных ребятишек копошатся в мусорной куче. Рядом фотограф снял традиционную полуденную молитву — на коврике, расстеленном прямо на тротуаре, каирцы совершают молитву. Далее типичная сценка в «народном»

кафе: несколько мужчин повернули лица к фотографу. Это завсегдатаи каирских кофеен, как их называют египетские социологи, «шахсият фахлявия» — балагуры и всезнайки, решающие за чашкой кофе самые сложные проблемы мировой политики. Чуть ниже сцена шикарной буржуазной свадьбы. Невеста одета в вечернее платье (не исключено, что оно доставлено специально для этого случая из Парижа); на лоснящейся физиономии жениха, поглупевшей от счастья, стрелками изогнулись тщательно подбритые усики. Присутствующие здесь же маленькие, одетые в смешные длинные платья девочки играют, очевидно, ту же роль, что и ангелочки на картинах Рафаэля. Это престижная фотография. Понимающий человек знает, что за такую свадьбу в отеле «Меридиан» или «Найл-Хилтон» отец невесты выложил не менее 4—5 тыс. ф. Следующая фотография сделана в одной из аудиторий Каирского университета. Задумчивые лица студентов, слушающих профессора. На фотографии рядом с ней типичная уличная сценка: незадачливый прохожий гонится за переполненным обшарпанным автобусом, с которого, как гроздь винограда, свисают люди. Стоящий на подножке мальчишка в традиционном для каирской улицы наряде — полосатой пижаме — сверкает белозубой улыбкой. Он счастлив, чего нельзя сказать о его взрослых попутчиках, мрачные лица которых видны сквозь лишенное стекол окно. А вот группа египетских солдат, совершающих утреннюю пробежку. На следующем снимке одетый в короткую полотняную рубашку крестьянин погоняет буйвола, впряженного в ворот устройства для подъема воды — сакии. Сакия верой и правдой служит феллаху со времен фараонов. И, наконец, фотография величественной высотной Асуанской плотины — основы экономики Египта, а рядом с ней — саудовский сухогруз, проходящий по Суэцкому каналу.

Что ж, журналистам удалось поймать в объектив своих фотоаппаратов многие существенные заботы этого гигантского города. Он страдает от колоссальной перенаселенности, плохих коммуникаций, систематически выходящей из строя канализации, плохо работающих телефонов, остро го жилищного кризиса.

Как же складывались эти проблемы?

Еще в начале прошлого века Каир, как свидетельствовали участники наполеоновской экспедиции, представлял собой город, в укладе жизни которого оставалось еще много патриархального. Наполеон разрушил воро-

та, разделявшие городские кварталы и запиравшиеся на ночь, срыл мешавшие движению глиняные скамейки у дверей домов, приказал состоятельным горожанам вести и поддерживать в порядке уличные фонари. Однако с уходом французов каирцы уничтожили непривычные нововведения «франков».

Тем не менее модернизация Каира стала веянием времени. Это хорошо понял Мухаммед Али. В 1845 г. он одобрил первый план развития столицы («Танзым»). Были начаты работы по перепланировке города, создана первая сквозная магистраль в районе Аль-Азхара под названием «Сикка аль-Джадида».

Активное втягивание Каира в систему мировой торговли после завершения строительства железной дороги Александрия — Каир и сооружения Суэцкого канала поставило на повестку дня и необходимость быстрого обновления жилого фонда и создания современного коммунального хозяйства. В 1865 г. европейская акционерная компания занялась созданием водопроводной системы, которая была в основном завершена в 1875 г. С 1867 г. каирские улицы освещаются газовыми фонарями. Строительство пресноводного канала Исмаилия — Каир в 1867 г. создало условия для расширения города в восточном и северном направлениях.

Немало было сделано для придания Каиру облика современного города хедивом Исмаилом. За годы его правления в столице в сравнительно короткий срок выросли первые дома европейского типа. Строились они в районе между нынешними площадями Эзбекие и Ат-Тах-рир, названном в честь хедива Исмаилией.

На Исмаила, посетившего Всемирную выставку в Париже в 1867 г., произвела большое впечатление реконструкция Парижа, которую произвел знаменитый префект Гаусман. Однотипные и в то же время разнообразные в деталях дома-«сундуки» сегодняшних Парижских бульваров органично вписались и в ансамбль торгово-административного центра Каира.

Франкофильствующему хедиву Каир обязан и преобразованием площади Эзбекие: находившееся в центре ее озеро было осушено в середине прошлого века и на его месте был разбит парк с маленькими прудами, гротами и мостиками. Для руководства работами из Франции был приглашен знаменитый Парье де Шамб, чье имя связано с созданием Булонского леса. Ему принадлежит и план большого парка, украсившего о-в Гезиру, а так-

же идея строительства легкого металлического моста, соединившего Гезиру с Булаком (построен в 1869 г.).

После 1869 г., когда Исмаил, мягко говоря, поиздержался, темпы городского строительства замедлились. Однако и в этот период продолжались работы по модернизации города. В частности, на карте Каира появилась новая улица, названная в честь Клот-бея, лейб-медика Мухаммеда Али, которая вела от железнодорожного вокзала Баб эль-Хадид к площади Эзбекие. После июльской революции она была переименована в улицу Гумхурия (Республика).

Начатый Исмаилом процесс «европеизации» Каира повлек за собой и значительный скачок в численности его населения. Если в середине прошлого века количество жителей Каира не превышало 200—230 тыс., то к 1882 г. — началу английской оккупации — в столице Египта насчитывалось уже 375 тыс. жителей.

К этому времени относятся первые серьезные перебои с городским транспортом. Фаятоны и фиакры отжили свой век, и в 1894 г. бельгийскому финансисту барону Ампену была предоставлена концессия на строительство трамвайных линий, которое в основном было завершено к 1917 г. Их насчитывалось около 30 общей протяженностью 65 км. В 1902—1907 гг. были построены три новых моста через Нил.

В колониальный период в Каире появился ряд районов, предназначенных исключительно для иностранцев и египетской элиты. Первый из них возник между улицей Каср аль-Айни, где были расположены министерства и иностранные посольства, и набережной Нила. Его центром стала резиденция британского верховного комиссара в Каире, роскошный сад которой спускался прямо к Нилу. Этот район начал сооружаться в 1906 г. на английский манер и получил название «Гарден-сити». Постепенно он превратился в деловой и административный центр Каира.

Помимо Гарден-сити привилегированным районом стал Замалек, расположенный на о-ве Гезира. Банки, адвокатские конторы, приемные частных врачей находились в районе Исмаилии. На левом берегу Нила, в Гизе, а также в новом пригороде Каира Гелиополе выросли европейского типа виллы египетской буржуазии.

Кстати, Гелиополь — первый город-спутник Каира. Его строительство было начато в 1906 г. уже упоминавшимся бароном Ампеном, купившим большой участок

земли в северо-восточном пригороде Каира. К 1947 г. в Гелиополе жило уже 50 тыс. человек, преимущественно иностранцев.

Эпоха английской колониальной оккупации Египта была отмечена насильственным втягиванием страны в сферу мирового капиталистического разделения труда. По мере того как Каир превращался в важный торговый и промышленный центр Ближнего Востока, росло и его население. Если в 1882 г. в Каире проживало 375 тыс. человек, то в 1937 г. — более 1,3 млн. Резко увеличилось и количество иностранцев. В 1882 г. их насчитывалось 18 289, а в 1927 г. — уже 59 460.

Население Каира впервые удвоилось в период с 1882 по 1914 г. (32 года); затем с 1917 по 1942 г. (25 лет), с 1947 по 1966 г. (т. е. всего за 19 лет). Заметно возросла и доля Каира в общем населении страны. В частности, с 1936 по 1976 г. она увеличилась с 6 до 16%. В результате этого «демографического взрыва» образовался как бы новый Каир, мегалополис со своими проблемами, которые, с одной стороны, присущи всем большим городам мира, а с другой — имеют чисто египетскую специфику.

Французский историк Жак Берк в своей книге «Египет: империализм и революция» называл Египет «прерванной страной». Это очень емкий образ. Действительно, множество, если не большинство тех сложных проблем, которые встали перед Египтом в XX в., так или иначе связаны с тем, что естественный ход развития страны был прерван оккупацией.

В полной мере это относится и к Каиру. Колониальные власти смотрели на проблемы египетской столицы сквозь призму своей заинтересованности в эксплуатации природных богатств Египта и его выгодного стратегического положения. Городские коммунальные службы строились из расчета увеличения населения египетской столицы до 3 млн. Поэтому, когда уже в начале 70-х годов число жителей Каира приблизилось к 8 млн., эти службы начали трещать по всем швам. Система канализации, строительство которой было начато в 1909 г., достигла предела своих возможностей уже в 1930 г. С тех пор очистные сооружения и канализация работают со все возрастающими перебоями.

Ошибки городских служб еще более усугубились патриархальностью, средневековой застойностью уклада жизни египетской столицы.

Вот один из многочисленных примеров. Вплоть до последней четверти XIX в. все коммунальные работы в Каире выполнялись различными корпорациями. Восемь корпораций водоносов доставляли горожанам питьевую воду из Нила. Корпорация мусорщиков вывозила мусор из города. Существовали три корпорации погонщиков ослов и верблюдов. Интересно отметить, что рудименты архаичной системы организации муниципального хозяйства сохранились и в современном Каире. Каирский муниципалитет явно не справляется с задачей очистки города, несмотря на то что за последнее время были закуплены значительные партии современной техники. Поэтому каждое утро в Каире начинается с того, что бесчисленная армия мусорщиков совершает на ослах и скрипучих телегах свой привычный маршрут на городскую свалку. Не исключено, что каирские мусорщики до сих пор объединены в нечто вроде корпорации.

Муниципалитет Большого Каира был создан в 1949 г., однако только после июльской революции 1952 г. египетские власти начали серьезно заниматься проблемами коммунального хозяйства. С 1952 г. муниципалитет приступил к планомерной работе по расширению и модернизации каирских улиц. Пожалуй, самое серьезное достижение в этой области связано с благоустройством центральной площади Ат-Тахрир, где были снесены английские казармы и проведены работы по упорядочению транспортных магистралей.

Тем не менее эти меры уже недостаточны. В часы «пик» по площади Ат-Тахрир невозможно проехать. Автомобильные пробки на ней растягиваются на многие сотни метров. Чтобы дать возможность пешеходам пересекать площадь, вокруг нее возведена пешеходная дорожка над уровнем улицы.

Однако, несмотря на автомобильную и пешеходную толчею, площадь Ат-Тахрир по-своему красива. В центре ее возвышается Монумент независимости, а вокруг стоят вплотную друг к другу здания отелей «Найл-Хилтон», административный центр «Мугамаа», бывшая резиденция Лиги арабских государств, особняк министерства иностранных дел, здание Египетского музея. Отсюда планируется начать строительство подземных линий метрополитена, который должен связать центр египетской столицы с пригородами. Вот уже несколько лет ведутся переговоры с французскими компаниями, однако ясности относительно начала строительства пока нет.

Транспортная проблема — это, пожалуй, первое из муниципальных бедствий Каира, которое бросается в глаза приезжим. Я. Э. Картавец, служащий РОПИТа, посетивший Каир в 1891 г., добрался с железнодорожного вокзала Баб эль-Хадида до отеля «Шепард», который был расположен поблизости от площади Ат-Тахрир, за несколько минут на извозчике. Сейчас для того, чтобы преодолеть то же расстояние, потребуется в лучшем случае не менее полчаса, а в часы «пик» и того больше.

А между тем в Каире не так уж много автомобилей. В 1978 г. здесь было зарегистрировано 216 тыс. частных автомашин, да еще примерно столько же государственных. Однако пробки на каирских улицах, кажется, никогда не рассасываются. Особенно невыносимы они в томительно жаркие летние дни, когда к безжалостному солнечному зною добавляются еще и выхлопные газы. (Кстати, общая загазованность воздуха в центре города давно уже превышает все санитарные нормы. Согласно заявлению представителя министерства здравоохранения АРЕ, дышать воздухом в центре Каира — все равно что выкуривать ежедневно 22 сигареты.)

Основными причинами тяжелого положения, в котором ныне оказался каирский транспорт, являются, во-первых, сравнительно узкие, не рассчитанные на мощные транспортные потоки улочки центральной части города, а во-вторых, малая эффективность работы дорожной полиции. Впрочем, зная каирских автомобилистов, регулировщикам дорожного движения в египетской столице можно только посочувствовать.

Для каирца за рулем ничего не стоит резко повернуть налево, скажем, из крайнего правого ряда, даже не включив при этом сигнала поворота. Единственная мера предосторожности, принятая у каирцев, — это высунутая из окна автомобиля рука, пальцы которой собраны в щепоть: он как бы говорит своим коллегам-автомобилистам «Махляк, махляк» («Потише, потише») и невозможно следовать своим путем. Понятие рядности отсутствует, и дискуссии с каирскими водителями на эту тему абсолютно бесполезны.

Каирский автомобилист останавливает свою машину там, где ему надо, даже если он при этом загораживает дорогу следующему за ним транспорту и за его машиной выстраивается длиннющий хвост. Негодующие гудки стоящих за ним автомобилей несколько его не волнуют, и, пока он не сделает того дела, ради которого ос-

тановился (не купит хлеба или не поговорит со случайно встреченным на улице приятелем), он не тронется с места. Он может мчаться по дороге с односторонним движением навстречу довольно интенсивному потоку транспорта. Естественно, что в таких условиях для регулировщиков уличного движения наиболее правильная линия поведения — постараться полностью устранить от того, что происходит на улице, и попытаться хотя бы таким образом сохранить душевное равновесие. Как правило, это им удается.

Остается загадкой, каким образом в условиях невообразимого хаоса на каирских улицах происходит не так уж много дорожных происшествий. Может быть, причина заключается в постоянной психологической готовности водителей к тому, что его коллега в любой момент может выкинуть неожиданный номер? Впрочем, и в случаях столкновений египтяне редко прибегают к услугам полиции. Они, как правило, договариваются сами.

Положение с общественным транспортом в Каире еще более тревожное. Так называемое «метро», электричка, связывающая северо-восточные районы Каира с Хелуаном, где расположен большой металлургический комплекс, явно пришло в негодность. Каирские газеты регулярно публикуют сообщения об авариях и даже крупных катастрофах «метро».

Не лучше обстоят дела и с телефонной сетью. Нередко случается так, что легче навестить соседа, чем позвонить ему по телефону. Огромный район Гелиополь с миллионным населением вообще отрезан от Каира: дозвониться туда невозможно, так как телефоны в Гелиополе работают только в его пределах. Работа телефонной сети является постоянной мишенью для острот каирских журналистов. Журнал «Роз аль-Юсеф» опубликовал историю одного горемычного японского бизнесмена, который приехал в Каир заключить торговую сделку с одной из египетских компаний. Обсудив предварительные условия контракта, он несколько дней провел в безуспешных попытках связаться по телефону с Токио. Однако все его усилия ни к чему не привели. Потеряв терпение, он вынужден был слетать в Афины для того, чтобы оттуда переговорить с руководством своей фирмы по телефону, а затем вернуться в Каир и подписать контракт.

Однако все эти неурядицы не идут ни в какое сравнение с настоящим бичом Каира — жилищной проблемой.

Не будет преувеличением сказать, что жилой фонд Каира находится в катастрофическом состоянии. По самым скромным подсчетам, около 300 тыс. зданий требуют срочного ремонта. Ежегодно выходит из строя 2—3 тыс. жилых домов. Буквально ежедневно в одном, а то и в нескольких районах Каира обваливаются ответшалые старые здания. Иногда они погребают под своими обломками жителей. Время от времени рушатся и новые дома, поскольку домовладельцы, движимые жаждой быстрой и легкой наживы, не особенно заботятся о строительстве фундаментов или же надстраивают старые дома, фундаменты которых нередко не выдерживают нагрузки.

Дефицит жилья в Каире составляет около 1 млн. условных жилых единиц, а к 2000 г. по оценке специалистов эта цифра увеличится до 4 млн. Строительство жилья хронически отстает от роста населения египетской столицы. Это, впрочем, и неудивительно. Число жителей Каира сейчас ежедневно увеличивается в среднем на 420 человек, т. е. в месяц на 12 800. Статистика утверждает, что к 2000 г. в египетской столице будут жить 16,5—20 млн. человек.

В этих цифрах отражаются характерные для всей страны тревожные демографические тенденции. По переписи населения, проведенной 1 июня 1976 г., каждые 14,5 месяца население Египта увеличивается на 1 млн. человек, т. е. каждые 37,5 секунды в стране рождается новый гражданин. Основная «кузница» детей — египетская деревня, где программа ограничения рождаемости, действующая в Египте с середины 60-х годов, не дает пока ощутимых результатов.

Плотность населения в Каире, еще в 1927 г. не превышавшая 7 тыс. человек на 1 кв. км, в настоящее время достигла 25 тыс. человек. Если в центре города положение еще более или менее терпимо, то окраины Каира и его пригороды чудовищно перенаселены. В частности, плотность населения в одном из районов городской бедноты, Род эль-Фараг, составляет 106 тыс. человек на 1 кв. км.

Парадоксальность складывающегося положения особенно ярко понимаешь, если вспомнить, что в Египте, общая площадь которого составляет 997 700 кв. км, заселено всего 5,5% территории. Средняя плотность населения в обжитой части страны составляла в 1976 г. 727 человек на 1 кв. км.

Председатель Центрального статистического управления Египта в интервью газете «Аль-Ахрам» 8 февраля

1979 г. сказал, что в настоящее время каирские муниципальные власти не могут остановить рост так называемых «нелегальных городков» — районов глинобитных мазанок, возникающих на окраинах Каира, бидонвелей, появляющихся чуть ли не в центре города. Это места, где селится бездомная городская беднота. Некоторые из этих районов, в частности район Ишаш ат-Таргуман, оказались в настоящее время в непосредственной близости от центра города и окружены кварталами современных зданий. Кстати, по статистике 1976 г., в районе Ишаш ат-Таргуман 4032 семьи никогда не имели кухни, 4156 — не имели ни ванн, ни туалетов.

В 60-х годах предпринимались попытки создать новые крупные микрорайоны на окраинах Каира. Однако начатый в 1956 г. большой жилой массив на Мукаттамских холмах не был завершен. Наиболее крупный из новых жилых районов — Мадинат-Наср — насчитывал к 1976 г. около 70 тыс. квартир. Однако застройка его также оказалась слишком дорогостоящей для того, чтобы считать строительство подобных районов реальным выходом из создавшегося кризиса.

В последние годы заметно возросло внимание, которое городские власти уделяют проблемам египетской столицы. В Каире регулярно проводятся международные конференции «Каир в 2000 году». В настоящее время специалисты, с учетом опыта, накопленного в этой области другими странами, считают, что наиболее перспективным путем коренного решения проблем Каира является строительство городов-спутников. Строительство семи таких городов уже началось.

А пока ученые размышляют над проблемами будущего египетской столицы, жизнь выдвигает новые, еще более сложные задачи. Пожалуй, самой трудной и актуальной из них является задача ограничения въезда в Каир феллахов, покидающих родные места и приезжающих в столицу в поисках лучшей доли. Миграция сельского населения Египта в промышленные центры вызвана как общим кризисом египетской экономики, так и тем социально-политическим климатом, который установился в стране в начале 70-х годов. Она в той или иной мере затронула все египетские города, однако Каир в наибольшей степени, поскольку он абсорбировал более 80% общего числа сельских мигрантов. Миграция египетского сельского населения обусловлена не превращением египетских городов в промышленные центры, а скорее про-

цессами, которые происходят в деревне. Статистика показывает, что не менее 80% вчерашних феллахов, переселившихся в Каир, несмотря на жалкое существование, которое им приходится владеть здесь, у себя дома, в провинции, жили еще хуже. Приток в Каир сельского населения влечет за собой неуклонный рост безработицы. В конце 70-х годов в Египте насчитывалось 2,3 млн. безработных. Более 2 млн. египтян вынуждены выезжать на заработки за пределы страны, в основном в нефтедобывающие арабские страны.

Приток неквалифицированной рабочей силы из деревни обуславливает и отсталую структуру городского населения Каира и других египетских городов. По статистике 1976 г., 66,8% активного городского населения Египта не имело определенных занятий, 21,5% работали в сфере услуг и только 7,5% были заняты на производстве.

Да в иных случаях грань между этими категориями населения провести крайне трудно. Куда, например, отнести «мунади», присматривающих за оставленными у обочины тротуаров автомобилями? Их в Каире великое множество. Центр Каира, например, поделен ими на сферы влияния. Каждый действует на своем участке, куда не допускаются конкуренты. Все машины, которые останавливаются в его районе, — его добыча. Иногда на узких каирских улочках его помощь оказывается действительно необходимой водителю для того, чтобы выехать со стоянки на проезжую часть. За это он получает законную мзду — 4—5 пиастров.

А каирские баввабы? Бавваб в Каире — это нечто среднее между парижским консьержем и нашим дворником. Он имеется практически в каждом доме. Его функции чрезвычайно разнообразны. Он и сторож, и дворник и, как правило, выполняет мелкие поручения жильцов.

В то же время бавваб — это и лицо дома, как швейцар в хорошем ресторане. В богатых домах с мраморными подъездами, каких немало, например, на набережной Гамалея в Замалеке или на улице Гизе, баввабы — солидные, осанистые, одеты, как правило, в дорогие, из тонкого сукна галабеи. Такой бавваб не суетлив, глаз у него цепкий, наметанный. Он может часами ждать, но если действует, то без промаха. Особенно жалует он нефтяных князьков, снимающих в Каире на летний период квартиры за несколько тысяч фунтов в месяц. Увидев солидного мужчину в белоснежной галабее и с «укалем»

на голове, вылезавшего из сверкающего никелем «Ролс-Ройса», он степенно предлагает ему свои услуги (они принимают, даже если из машины нужно вынести лишь небольшую целлофановый пакет). Получив «на чай» солидное вознаграждение, бавваб снова погружается в безмятежное созерцание окружающего.

Для выполнения черной работы у него всегда под рукой несколько человек, готовых выполнить любое поручение за мизерную плату. Называют они его не иначе, как пашой или беем, подчеркивая тем самым существующую между ними разницу в социальном статусе.

В домах попроще бавваб, как правило, выполняет роль прислуги. Часто можно наблюдать такую картину: с балкона 3-го или 4-го этажа мать семейства, одетая в традиционное черное платье, дает поручение баввабу сбежать в овощную лавку или в уличную гладильню (работают в них, кстати, в основном мужчины). Когда поручение выполнено, с балкона на длинной веревке спускается корзина, куда бавваб и кладет овощи или выглаженное белье.

Баввабами в Каире служат, как правило, нубийцы, или «саиди», которых сразу узнаешь по высокому росту, гордой осанке и темному цвету кожи.

Место бавваба даже в скромном доме — недостижимая мечта для большинства вчерашних феллахов. Журналист Хусни Абдель Муаты, автор вышедшей в 1972 г. в Каире книги очерков «Приключения журналиста на дне общества», подробно описывает действующие в египетской столице нелегальные «биржи труда», на которых предприимчивые мошенники «трудоустраивают» молодых здоровых крестьянских парней прислужкой в «приличные семьи» за 25—30 пиастров в день.

Многие исследователи современного Египта, глубоко изучившие условия жизни сельских мигрантов, считают естественным, что эти отвергнутые обществом люди рано или поздно приходят к игнорированию законов общества, в котором они живут. Каирский социолог Бахира Мухтар в статье, опубликованной в газете «Аль-Ахрам» 5 февраля 1979 г., утверждает, что немалая часть осевших в Каире вчерашних феллахов рано или поздно совершают уголовные преступления, вплоть до убийств. Чрезвычайно велик среди них процент наркоманов. Цель этих преступлений одна: раздобыть хотя бы немного денег на кусок хлеба для себя и для своей семьи, поскольку около 60% феллахов приезжают в столицу с семьями.

Мы перечислили далеко не все из тех сложных проблем, которые встают сегодня перед Каиром и Египтом в целом. Однако, думается, и их вполне достаточно для того, чтобы понять, что проблемы эти носят чрезвычайно серьезный характер.

РАЗНЫЕ ЛИКИ КАИРА

Египет — страна контрастов, где картины самой бойкой, ключом кипящей жизни помещаются рядом с ландшафтами мертвенными...

А. Н. Краснов (1898 г.)

У кинематографистов есть такое выражение — «стереотип зрительного ряда». Так называют кадры, которые ассоциируются у зрителя с каким-то определенным событием, местом или эпохой. Скажем, нужно показать, что действие фильма происходит в Париже, — и на экране возникает изящная ажурная Эйфелева башня, в Лондоне — Вестминстерский дворец с Биг-Беном, в Нью-Йорке — панорама Манхеттена со столпившимися на нем небоскребами.

Для Каира таким стереотипом, своеобразной «визитной карточкой» города служит вид, открывающийся с каменного моста, соединяющего административный центр города с о-вом Гезира. Спокойный, подсвеченный синевой Нил, стройные, белоснежные силуэты современных отелей «Меридиан», «Найл-Хилтон», округлый корпус министерства информации, а между ними — контуры многоэтажных административных и жилых зданий из серо-бежевого песчаника, расположившихся вдоль протянувшихся на 50 км гранитных набережных Нила. Хорош и сам мост, подъезды к которому стережет четверка львов, равнодушно взирающих на нескончаемый поток автомобилей.

Именно таким Каир знаком миллионам людей по красочным туристическим открыткам, глянцевым обложкам рекламных изданий и альбомов. Однако этот парадный фасад — лишь один из ликов бесконечно разнообразного города, живущего насыщенной и интенсивной, но противоречивой жизнью.

Каир многогранен. Он весь соткан из контрастов. Непомогающая бедность — и бесстыдно выставленное напоказ богатство. Невежество — и три крупнейших в араб-

ском мире университета (Каирский, Айн-Шамский и Аль-Азхар), строгая красота древних памятников — и пошлая безвкусица навязчивой рекламы.

Поздним вечером его улицы расцветаются тысячами неоновых реклам. Ночь скрывает мусор на тротуарах, облупившуюся штукатурку стен. Центральные улицы — Каср ан-Нил, Шериф-паша, Имад эд-Дин производят впечатление огромной торговой ярмарки. Сотни частных магазинчиков, или, как их здесь называют на парижский манер, «бутиков», сияют яркими витринами, в которых выставлено все, что можно увидеть в больших европейских городах. За дымчатыми полароидными стеклами «Бутик Мухаммед» поблескивают хромированные бока современных японских магнитофонов, бесчисленные антикварные лавочки предлагают ампирные кресла, туалетные столики и козетки. На мраморных подоконниках цветочных магазинов стоят букеты бархатных, с каплями воды на лепестках роз. Если к этому добавить сотни застывших по обе стороны улиц автомобилей, то невольно складывается впечатление о благоденствии и достатке жителей «великого и пресловутого града Египта», как назвал Каир Василий Григорович-Барский.

Однако это впечатление неверно.

Каир — как лабиринт. Вы идете по его улицам и не знаете, что ждет вас за углом: нарядный проспект или замусоренный проулок. Сверните в любой переулок с улицы Каср ан-Нил — и перед вами убогие, давно не ремонтировавшиеся дома, неказистые лавчонки, у входов в которые с раннего утра выстраиваются длинные очереди женщин и детей. Они стоят часами, чтобы купить лишь пачку дешевого, перемолотого в пыль черного чая да кусок брынзы — все, что может позволить себе простоя египетская семья.

Нелегко выделить самые существенные черты в облике этого города. Пожалуй, основное из того, что не стирается с течением времени, — ощущение постоянного движения в этом огромном человеческом муравейнике. Движение автомобилей по узким каирским улочкам, их нетерпеливое разноголосое гудение, безостановочно катящиеся толпы пешеходов, с раннего утра до поздней ночи заполняющих каирские улочки, — все это удивительным образом уживается с типично восточной флегматичностью. Толпа бурлит, а каждый отдельный прохожий вроде бы никуда и не спешит; он добродушен и нетороплив. Каирец с улыбкой уступит дорогу, с готовностью оста-

новится, чтобы объяснить, как пройти по городу, а то и проводит вас.

Каир — как оборотень. Перед туристом он один, перед заезжим бизнесменом — другой, перед феллахом, бежавшим в столицу из родной деревни в поисках лучшей доли, — третий.

Пять раз в день — с первым лучом восходящего солнца до наступления ночной темноты — с минаретов его 20 тыс. мечетей репродукторы разносят заунывные азаны — призывы к пяти ежедневным обязательным для мусульман молитвам. В пятничных проповедях хатыбы не устают призывать к воздержанию и строгому выполнению канонов мусульманской морали. В последние годы в египетском парламенте все настойчивее раздаются требования изменить действующее законодательство с учетом норм шариата, согласно которым вора́м отрубает руки, а женщину, уличенную в прелюбодеянии, забрасывают камнями. В 1979 г. египетский парламент принял поправку к конституции, провозгласившую шариат основой законодательства, а несколько ранее принял закон, запрещающий продажу спиртных напитков в публичных местах. Однако вино по-прежнему продается везде, за исключением разве лишь районов, примыкающих к Аль-Азхару, а вора́м пока никто рук не отрубал.

С резными минаретами и ажурными оконными решетками мечетей мирно уживаются броские рекламы ночных клубов, кинотеатров, где демонстрируются преимущественно иностранные фильмы. Кстати, из нескольких десятков каирских кинотеатров лишь немногие показывают египетские фильмы, хотя местная кинопромышленность выпускает на экраны ежегодно до 60 полнометражных художественных фильмов.

В одном из этих кинотеатров — «Майами» на улице Каср ан-Нил — в конце 1980 г. демонстрировался фильм выдающегося египетского режиссера Юсефа Шахина «Возвращение блудного сына», ставший, пожалуй, наиболее заметным явлением египетского кино последних лет.

В том же здании, что и кинотеатр «Майами», находится театр того же названия, где дает представления труппа под руководством Фанза Халаяви и Тахии Кариоки. В последнее время Фаиз Халаява сам сочиняет пьесы для своего театра, что, впрочем, является делом несложным, так как все они строятся из набора мещанских пошлостей, сомнительных шуток и черносотенной морали. Примечательно, что именно в этом театре шла

стяжавшая себе печальную известность пьеса «Да здравствует делегация», в которой были вылиты ушаты грязи на египетско-советское сотрудничество в 60-е годы.

Театр «Майами» — это лишь один из множества коммерческих театров, появившихся в Каире в начале 70-х годов. Небольшие, как правило не имеющие постоянной труппы, театры появляются и исчезают по воле моды. Единодушно отмечая их низкий художественный уровень, египетские критики связывают появление этих театров с теми процессами, которые начались в египетском обществе в эпоху инфитаха. «Либерализация» не ограничилась областью экономики, она затронула и духовную жизнь египтян, сферу культуры.

Положение дел в египетском театре, как и в искусстве в целом, определяется в настоящее время обострившейся борьбой двух тенденций: стремлением части творческой интеллигенции отстоять и укрепить демократические и прогрессивные элементы, плодотворно развивавшиеся в 60-е годы, и проникновением духа голой коммерции, порождающего произведения-однодневки, рассчитанные на потребу мелкого буржуа.

Египетская интеллигенция много спорит о кризисе, охватившем египетскую литературу и искусство в эпоху инфитаха. Прогрессивная писательница и общественная деятельница Латыфа аз-Заят обратила внимание на то, что подъем египетского искусства всегда совпадал с приливами национально-освободительного движения. И наоборот — в годы реакции, безвременья оскудевала и палитра египетских мастеров искусства. В 20-е годы подъем национально-освободительного движения сопровождается появлением замечательных, ставших классическими произведений египетской литературы, таких, как пьесы «Незванный гость» Тауфика аль-Хакима и его знаменитый роман «Возвращение духа», в котором резко осуждается английская оккупация Египта. Поиски египетской самобытности, стремление к возрождению национальной культуры находят свое яркое отражение в творчестве Мухаммеда Теймура, пьесы которого пользуются в Египте заслуженной популярностью.

Сложные и противоречивые процессы осмысления интеллигенцией своего места в обществе, места в общей борьбе против колонизаторов передаются и в автобиографических произведениях египетских романистов, появившихся в 30-х годах. Такова повесть Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя», произ-

ведения Таги Хусейна, среди которых особое место занимает завоевавший всемирную известность роман «Дни».

Значительный вклад в становление реалистических тенденций в египетском искусстве внесли и романисты Яхья Хакки и Нагиб Махфуз. Первый из них опубликовал в 1943 г. роман «Лампа Умм-Хашим», посвященный сложной проблеме адаптации египтянина, получившего образование в Европе, к египетским условиям. Второй — Нагиб Махфуз, пожалуй, один из популярнейших в настоящее время египетских литераторов, также опубликовал в середине 40-х годов свой первый роман, «Переулочек Мидакк». Популярность завоевали реалистические произведения «Земля» (1954 г.) Абдуррахмана Шаркави, «Смерть водоноса» (1952 г.) Юсефа Сибаи, «Грех» (1960 г.) Юсефа Идриса и целый ряд других произведений.

Одним из интереснейших современных египетских прозаиков является Гамаль Гейтани. В 1975 г. он опубликовал свой нашумевший роман «Аз-Зейни Баракат», в котором в стилизованной форме средневековых хроник нарисовал яркие картины жизни мамлюкского Египта. В 1976 г. появился новый его роман — «Хроника квартала Заафарани». Это сложное и противоречивое произведение, в котором Гейтани пытается осмыслить проблемы свободы и справедливости, конформизма и социального протеста. Однако роман Гейтани силен не расплывчатой и запутанной философской концепцией, а удивительным для сравнительно молодого литератора мастерством в описании массовых сцен, в которых повседневная жизнь народных кварталов Каира предстает как живая.

Демократизм, народность, реализм стали теми направлениями египетского искусства, которые развивались в 60-е годы. Тогда египетский театр и кино впервые получили поддержку государства. В 1966 г. была создана государственная театральная организация, в состав которой вошли крупнейшие каирские театры. Государство начало субсидировать около 10 национальных трупп, в частности Оперу, труппу Народного театра, симфонический оркестр и цирк.

К этому периоду относится и зарождение тесных связей в области культуры между Египтом и Советским Союзом. Видные специалисты советского балета, оперы, кино оказали весьма значительную помощь в развитии национального египетского искусства. Труппа египетского классического балета, каирский симфонический ор-

кестр приобрели европейскую известность, совершили ряд успешных гастрольных поездок.

Вместе с тем следует отметить, что период, начавшийся после июльской революции 1952 г., был непростым для египетской интеллигенции.

Власти пытались найти взаимопонимание с интеллигенцией, предоставляя ей возможности для широкого обмена мнениями по волнующим ее вопросам. Весной и летом 1961 г. на страницах газеты «Аль-Ахрам» происходили дискуссии о насущных проблемах египетского искусства, в которых участвовали представители самых различных слоев египетской интеллигенции, начиная от консерваторов и кончая левыми. Однако эти дебаты не решились, да и вряд ли могли решить весь сложный комплекс взаимоотношений между интеллигенцией и насеровским режимом. Для нового же, молодого поколения египетской интеллигенции, с энтузиазмом воспринявшего идеи июльской революции, время, когда в жизни Египта наиболее последовательно развивались революционно-демократические тенденции, оказалось слишком коротким историческим сроком, для того чтобы уверенно заявить о себе, обрести свое место в египетской культуре.

Трибуной наиболее прогрессивных представителей египетской интеллигенции стали в середине 60-х годов каирские журналы «Ат-Талиа» (политический и литературный ежемесячник) и «Аль-Кятиб» (орган Союза литераторов). О популярности «Ат-Талиа» говорит хотя бы тот факт, что после закрытия его президентом Садатом в марте 1977 г. из самых различных арабских стран последовали протесты. Закрытие «Ат-Талиа», реорганизация «Аль-Кятиба», смена состава редакционного совета леволиберального каирского журнала «Роз эль-Юсеф», редакций практически всех каирских газет свидетельствуют о том, что процесс складывания новой формации египетской интеллигенции, воспитанной в духе насеровских идей, был искусственно прерван.

В ходе коренного изменения политического курса Египта в начале 70-х годов в руководство творческими союзами литераторов, театральными деятелями, музыкантов были введены лица, полностью разделявшие идейно-политические установки садатовского режима и навязывавшие творческой интеллигенции служение им. Волну возмущения вызвало у прогрессивно настроенных представителей интеллигенции одобрение Народным собранием в сентябре 1975 г. Закона № 65 относительно Союза пи-

сателей, запретившего членам Союза «вступать в дискуссии по политическим и религиозным вопросам» и потребовавшего от его членов «благопристойного поведения». Этот закон был справедливо квалифицирован интеллигенцией как подавляющий свободу творчества и ограничивающий поле деятельности писателей сферой «чистого искусства».

Представители египетской интеллигенции, критически относившиеся к саатовской действительности, пытались создать собственные творческие объединения. В частности, молодые писатели прогрессивных убеждений сформировали вне Союза писателей творческую группу «Писатели завтрашнего дня». Однако ее активность, как и деятельность других подобных групп, крайне ограничена.

В этих условиях, как нередко бывает на поворотных этапах развития общества, часть египетской творческой интеллигенции, утратив социально-классовые ориентиры, погрузилась в мистику, формализм, проявила стремление уйти от реальной действительности.

На это как на одну из наиболее примечательных черт египетского искусства времени инфитаха указывал ряд ведущих египетских философов и социологов в ходе дискуссии о «кризисе идеологии» в Египте, организованной весной 1977 г. журналом «Роз эль-Юсеф». В частности, философ-позитивист профессор Заки Нагиб Махфуз отмечал, что интеллигенция Египта «не находит пути для того, чтобы достичь своих целей, поскольку существуют препятствия, обусловленные рамками, в которые ставят интеллектуальную жизнь как власти, так и большая часть населения». Он утверждал, что Египет поражен «параличом мысли». Схожее мнение было высказано и профессором философии Айн-Шамского университета доктором Мурадом Вахба, а также известным искусствоведом и публицистом Фуадом Закария.

Однако было бы неверно думать, что среди египетской творческой интеллигенции не нашлось людей, способных верно оценить причины нынешнего кризиса. Один из видных египетских прозаиков, Юсеф Идрис, отмечал на страницах журнала «Сабах аль-Хейр» 25 ноября 1976 г., что в основе тех «вопиющих противоречий в идеологии и экономике», которые характеризуют Египет 70-х годов, лежат процессы, порожденные политикой инфитаха.

Есть в Египте и люди, нашедшие в себе гражданское

мужество открыто выступить в защиту прав трудящихся, против наступления капитала. Вот начало одного из стихотворений египетского поэта Ахмеда Фуада Нигма, написанного в виде тюремной анкеты:

Имя — Терпеливый,
Обвинение — египтянин,
Возраст — младше современного,
Цвет кожи — смуглый,
Место рождения — любое убогое жилище
Под небом на земле Египта,
Под сенью пальмы
В долине или дельте Нила,
Только не во дворце.

(Пер. А. Васильева)

Стихи Нигма пользуются огромной популярностью в Египте, несмотря на то что их не осмелилось опубликовать ни одно местное издательство. Они выходят в Бейруте, в Париже; строки Нигма, проникнутые болью за египетского труженика, положены на музыку слепым музыкантом шейхом Имамом.

Поэзия Нигма неразрывно связана с жизнью, мыслями и заботами простых египтян. Его стихи звучат не в роскошных буржуазных гостиных, а в кварталах, где ютится трудовой люд. Один из них — Булак. Этот маленький уголок Каира расположен между шумной, многолюдной улицей аль-Гаяа и набережной Нила, довольно близко от центра города и граничит с самыми престижными его районами. Однако, попав в Булак, оказываешься в другом мире.

Узкие, совсем не городского типа улочки, беспорядочно пересекающиеся друг с другом. На некоторых не могут развезти не только два встречных автомобиля, но и две повозки. Большинство из улиц немощеные.

Кое-где стоят дома, построенные в прошлом веке. Их легко можно узнать по каменным фундаментам, большим окнам, толстым кирпичным стенам. К ним прилепились постройки более позднего времени; самые высокие из них — четырехэтажные. Как правило, они строятся между крепкими стенами старых домов из дешевых и низкокачественных строительных материалов. Нередко на крышах старых домов возводятся убогие строения из небрежно сколоченных досок, бочек, жестяных коробок и всякого тряпья. Эти жилища бедноты не защищают от солнца летом и холода зимой, но дают хоть какое-то пристанище. Нижние этажи домов заняты, как правило, небольшими лавочками. Они вполне удовлетворяют непритязательные

нужды булакцев. В случае же необходимости, например накануне главного мусульманского праздника рамадана, можно пойти и на ближайший «сук» — рынок.

Булак населен портными, прачками, гладильщиками, столярами, слесарями, цирюльниками, здесь же много корзинщиков, которые плетут свои изделия из веток финиковой пальмы. В маленьких лавчонках старики мастертят домашние коврики из старых разноцветных тряпочек. Уличные торговцы, продавцы керосина, дешевых кушаний — *фуля* и *таамии* — со своими маленькими тележками, точильщики ножей, набивальщики матрасов занимают свои места на улице с раннего утра и наперебой предлагают свои услуги. По улицам бродят тощие козы и бараны в поисках пропитания.

Вечером жители Булака выходят из своих тесных перенаселенных каморок и устремляются в многочисленные кофейни. Впрочем, любителей чая и кофе в этих кофейнях можно увидеть не только вечером, но и в любое время дня. Они сидят за маленькими столиками и пьют из маленьких стеклянных стаканчиков крепкий до черноты и очень сладкий чай. Старики любят сыграть вечером в нарды или домино. Молодежь группами собирается после работы на углах улиц или сидит в кофейнях и смотрит старый, обшарпанный телевизор; такие телевизоры есть почти в каждой кофейне. Это удовольствие стоит 1—2 пиастра.

Дети весь день проводят на улице. Мальчики играют в футбол тряпичными мячами, а девочки нянчат своих младших братьев и сестер или бегают за покупками. Матери семейств удовлетворяют свою тягу к общению тем, что выходят на порог дома и, не отходя далеко от кухни, переключаются с соседками.

Одна из главных проблем Булака — перенаселенность. Американская исследовательница Андреа Ру пишет, что 80% булакских семей живут в одной комнате, 15% — в двух, 2% — в трех и только одна очень большая семья имела четырехкомнатную квартиру. В большей части домов нет электричества, туалет, как правило, один на этаж и находится либо под лестницей, либо в закутке двора. Если в доме есть водопроводный кран, то он расположен так, чтобы все жители дома могли им пользоваться. Четвертая часть зданий, расположенных в Булаке, не имеет ни водопровода, ни электричества. В 55% зданий есть электричество, но нет водопровода, а в 63% домов — наоборот. Электрическое освещение — мечта

каждого жителя Булака, поскольку плата за него до сих пор сравнительно низка.

Весь район Булака разделен на 19 так называемых шейхств. Несмотря на то что жители Булака знают по имени лишь своих ближайших соседей, у них сильно развито привнесенное из деревни чувство общинной сплоченности. Одна из обитательниц Булака сказала Андреа Ру: «Мы живем в Булаке, как в нашей деревне. Мы знаем наших соседей и помогаем друг другу. В Шубре (соседний квартал) все по-другому. Люди там богаче и живут свободнее».

Интересно наблюдать за тем, как распределяется вода в Булаке. Для многих престарелых жителей добыть воду — одна из самых трудных проблем, а те счастливицы, которые имеют свой собственный водопровод, обычно продают своим соседям воду большими консервными банками, по пиастру за каждую банку. Это одна из наиболее доходных статей для женщин в Булаке. Другая возможность подработать заключается в том, чтобы принести банку воды для своих соседей. За это также платится один пиастр. Вода для булакца — большая проблема, поскольку в этом районе очень часто случаются перебои с водоснабжением. Нужно сказать, что хозяева домов, которые строятся в этом районе, предпочитают не проводить в них воду, так как трубы обычно бывают низкого качества. В случае аварии это приводит к быстрому разрушению дома. В семье вода для питья и приготовления пищи сохраняется в больших глиняных кувшинах — «зарах». Исползованную воду домохозяйки просто выплескивают в окно.

Проблема жилья в Булаке, как, впрочем, и в других районах Каира, стоит очень остро. Освобождающиеся комнаты заселяются мгновенно, поскольку арендная плата за немеблированные помещения довольно низка. Однако не следует забывать о довольно значительной сумме так называемых «отступных денег», или «платы за ключ», которые, по традиции, выплачиваются домовладельцу при вселении в квартиру. Кроме того, домовладельцы обязательно требуют депозит при заключении контракта на аренду.

Одеваются булакцы очень просто. Женщины носят хлопчатобумажные, вельветовые или шелковые платья с длинными рукавами, голову прикрывают платками или шальями. По-арабски такая шаль называется «мелайя», она покрывает голову и плечи женщины. На ногах сан-

дали без чулок. Мужчины обычно одеваются в традиционные длинные полосатые рубахи с длинными рукавами — галабеи. Летом они носят белые галабеи, зимой — более темных цветов. На голове обычно маленькая круглая шерстяная шапочка или шарф, замотанный как тюрбан, концы которого свободно спадают на плечи. На ногах различного вида обувь — от пластиковых сандалий до ботинок на босу ногу.

Интересны свадебные обычаи и обряды в Булаке. Жених должен подарить невесте свадебный подарок, по-арабски «шабка», обычно золотое кольцо или украшение, стоимостью до 50 ф. Он обязан также заплатить «махр» — выкуп семье невесты, обычно не менее 150 ф. Родители невесты покупают мебель, посуду, горшки, кастрюли, постельное белье. Невеста оплачивает расходы на вечеринку в честь обручения. Это стоит ей около 50 ф. А жених выкладывает свои 50 ф. на свадебную церемонию. На обязанности жениха лежит найти квартиру и отремонтировать ее.

Вот типичный случай женитьбы по-булакски. Невеста из семьи продавца фруктов с ограниченным доходом. Она занимала с отцом, матерью и братом небольшое полуподвальное помещение. Несмотря на то что она была привлекательной и работающей, она смогла подумать о замужестве, только когда ей исполнилось 19 лет. Это сравнительно поздний возраст для булакских девушек. Для того чтобы свести до минимума свадебные расходы, ее отец решил одновременно женить и сына. После долгих поисков была подыскана семья, в которой также были сын и дочь. На всех этапах между ними шел жестокий торг за стоимость каждого подарка, каждой части туалета. От обручения до свадьбы прошло два года. За все это время девушка видела своего будущего мужа всего несколько раз. «Ты любишь его?» — спросила ее Андреа Ру. «Посмотрите на его фотографию, — ответила она. — Он не очень красивый, у него ужасный характер. Конечно, он не такой хороший, как жених моей подруги», — и она показала на хорошенькую подругу, стоящую рядом. Подруга была дочкой владельца небольшого магазина, человека по булакским стандартам сравнительно зажиточного. Он собрал достаточно денег, чтобы обеспечить дочери приличное приданое.

Когда наконец-то дочка продавца фруктов вышла за

муж, то основную часть ее приданого составляла старая мебель из родительского дома. В убогой комнатенке стариков осталась лишь одна кровать.

В 1976 г. журнал «Ат-Талиа» провел социологическое исследование условий жизни низкооплачиваемых слоев населения Каира. В течение года в каждом номере журнала публиковались пространные интервью с представителями городских «низов». Это исследование, будучи первой работой такого рода в Египте, вызвало большой общественный резонанс. Социолог Сейид Ясин, прочитав первое интервью «Ат-Талиа» с 34-летним рабочим Абд ат-Таввабом, воскликнул: «Как можно жить на зарплату 12 фунтов в месяц?!» На это доктор Рифаат ас-Саид, историк-марксист, ответил: «Абд ат-Тавваб — еще не самый бедный из египтян».

Признания Абд ат-Тавваба потрясают. Он, в частности, заявил корреспондентам «Ат-Талиа», что самый худший для него день — день зарплаты. Он настолько опутан долгами, что вынужден тут же отдавать почти все полученные им деньги. «Когда меня дома спрашивают, получил ли я зарплату, я говорю: „Нет еще“ — ведь у меня уже все отобрали». «Иногда мой сын, — продолжает он, — просит: „Купи мне апельсин или гуаву“. Он твердит об этом два дня подряд. Мне ничего не остается, как сказать: „Хорошо“. Недавно он попросил меня никогда больше не говорить ему „Хорошо“».

Еще более горько прозвучал рассказ медсестры Набият Мухаммед эль-Бахр, имеющей в свои 37 лет восемь детей. Муж ее работает гладильщиком и зарабатывает 40—45 пиастров в день, т. е. около 10 ф. в месяц. В Институте кардиологии, где она работает, ей платят 4 фунта 70 пиастров в месяц. Корреспондент «Ат-Талиа» взял интервью у Набият:

— Сколько вы платите за жилье?

— Сто семьдесят пять пиастров за одну комнату, в которой живет вся моя семья. Я с мужем и взрослые дети спим на кровати, остальные дети под ней.

— У вас отдельная комната или часть коммунальной квартиры?

— Часть коммунальной квартиры. В одной комнате живет женщина с детьми, в другой старушка, всего в квартире три семьи.

— Вы получаете четыреста семьдесят пять пиастров, платите сто семьдесят пять за жилье, у вас остается три фунта, кроме того, ваш муж дает каждый день на рас-

ходы двадцать пять пиастров. Значит, всего у вас остается девять фунтов каждый месяц. Как вы их расходуете?

— Каждый день, возвращаясь домой, я покупаю хлеба на пятнадцать пиастров, потом кое-что на рынке.

— На чем вы готовите?

— На растительном масле, разбавленном водой.

— Есть ли в вашем рационе мясо?

— Иногда я приношу немного ребрышек и обрезков.

— Сколько раз в месяц?

— Один раз.

— Сколько вы тратите на мясо?

— Сорок пять пиастров.

— За сколько?

— За полкилограмма; как раз хватает по кусочку каждому.

— Что вы едите на завтрак, например?

— Готовлю для больших детей бобы, делаю с ними бутерброды, и они идут в школу. Кроме того, даю им по «таарифе» (полпиастра). Потом готовлю для маленьких малюхию* или картофель, когда они недорогие.

— Сколько вы тратите на фрукты?

— Мы не едим фрукты.

Примерно такими же были ответы и других египтян из городских «низов», опрошенных «Ат-Талиа».

Журналисты, проводившие опрос, обратили внимание на то, что эти задавленные беспросветной нуждой люди и не помышляют о том, чтобы изменить свое положение. Окружающую их действительность они воспринимают с типично восточным фатализмом, как нечто predetermined. Наверное, отсюда же, от сознания predeterminedности судьбы идет и то, что социологи называют «комплексом маалейшизма» («маалейш» — «ничего, ладно, ну и пусть»). Один из примеров такого отношения к окружающей действительности представляют собой ответы Хильми Заки ас-Сейида, водопроводчика государственной компании «Идеал», корреспондентам того же журнала «Ат-Талиа».

— Вы слышали об улице Шаварби?

— Слышал, только я там не был.

— А что вы слышали о ней?

— Я слышал, там торгуют импортными вещами, однако у меня нет денег. Там могут покупать только богатые люди.

* Малюхия — вид любимой египтянами похлебки.

— А как вы думаете, улица Шаварби и дальше будет существовать?

— И да и нет. Будет существовать для тех, у кого есть деньги, нет — для тех, у кого их нет.

— А те, у кого их нет, туда не заглядывают?

— Почему же, они тоже ходят туда, из любопытства. Ходят, чтобы посмотреть, как люди покупают, как одеваются... Им становится жалко себя. Если бы у меня были деньги, я бы тоже одевался и жил как следует. Однако у меня их нет. Это возможно лишь в том случае, если бы правительство пришло на такую улицу и сказало: «Продавайте бедным то, что продаете богатым»...

— А кому принадлежит улица Шаварби?

— Она принадлежит народу.

— Как же она принадлежит народу, если он не в состоянии там покупать?

— Магазины на ней принадлежат тем же людям, которым принадлежит частный сектор, и хотя я не бываю на улице Шаварби, я читаю о ней в газетах...

Способность мириться с самыми на первый взгляд непереносимыми вещами, терпеть страшную, бесчеловечную нужду и не жаловаться, не роптать на судьбу, а думать о будущем, о благе своих детей — в этом проявляется своеобразие национального характера простых египтян.

Однако, отдавая должное врожденному оптимизму египетского народа, не надо забывать, что в трудную минуту он способен постоять за свои права. История Египта хранит память о мужестве и самопожертвовании, проявленном его сынами в борьбе за свободу, справедливость, лучшую жизнь.

«КАДИЛЛАК» ФУАДА МУХАНДИСА

Египетский капитализм возглавил движение к политической коррупции и фальшивой демократии.

Г. А. Насер, 23 июля 1961 г.

Сегодня странно вспомнить, как буднично начался он, этот день 18 января 1977 г. Все было как всегда: по улицам сновали автомобили, в многочисленных лавках зеленщиков шла оживленная торговля, завсегдатаи кофейни заняли свои обычные места. Но вечером нам понадо-

билось по каким-то домашним делам съездить в центр города. В Докки было настолько спокойно, что нас не насторожил даже полицейский наряд у маленького моста, соединяющего Докки с Гезирой. Решив, что проезд по мосту закрыт из-за ремонтных работ, мы двинулись в центр кружным путем, через район аль-Агуза. Только миновав Замалек и очутившись на восточном берегу Нила, мы поняли, что в городе творится что-то неладное. Вся набережная перед громоздким зданием, в котором в то время помещался ЦК Арабского социалистического союза, была запружена автомобилями. Почему-то не горели уличные фонари. Двигаясь в сплошном транспортном потоке, мы медленно подъехали к гостинице «Найл-Хилтон» и только здесь увидели отблески огромных пожаров. Группа полицейских, одетых в бронежилеты, разворачивала автомобили в сторону Гизе. В начавшейся беспорядочной суете мы успели лишь услышать глухой рокот далекой толпы и голоса, выкрикивавшие какие-то лозунги. Около здания Лиги арабских государств догорал опрокинутый набок автобус. Рядом валялось несколько искореженных, перевернутых лимузинов.

Вернувшись домой, мы узнали, что египетское телевидение уже передавало репортажи о народных волнениях, начавшихся в различных районах Каира. События, всколыхнувшие огромный город, стали темой номер один египетских органов информации. Однако в эти дни в Египте еще мало кто мог осознать подлинные причины и масштабы случившегося. Было ясно лишь одно: со времен знаменитого пожара Каира 26 января 1952 г. египетская столица не знала народных волнений такого размаха.

Официальная пресса, как это не раз бывало в периоды обострения внутреннего положения в стране, немедленно выдвинула версию о том, что волнения спровоцированы «коммунистическими заговорщиками». Особенно подозрительным для властей было то обстоятельство, что они вспыхнули не только в Каире, но и в других городах страны. Махровые антикоммунисты, окопавшиеся в редакции газеты «Аль-Ахбар», изо всех сил раздували версию о некоем невидимом, но могущественном дирижере, который якобы стоял за спиной бушующих народных масс.

Среди прочего упоминалось и имя известного египетского комедийного актера Фуада Мухандиса, чей «Кадиллак» был сожжен толпой на мосту Абуль Иля, соединяющем Булак с Гезирой. Журнал «Роз эль-Юсеф» опубли-

ковал интервью с Фуадом Мухандисом, в котором актер, апеллируя к общественному мнению, вопрошал: «Ну ладно, жгли полицейские участки, громили ночные клубы на улице Пирамид — все это понятно, но меня-то, всеми любимого, меня-то за что?»

Казалось бы, ответ напрашивался сам собой: не ездил в «Кадиллаке», когда миллионы людей не могут найти себе места в автобусе. Однако не все обстояло так просто, ведь всего в нескольких десятках метров от «Кадиллака» Фуада Мухандиса горели автобусы, обычные рейсовые автобусы, на которых рабочий люд добирался на работу. Что же вызвало бурю народного гнева? Конечно же, не популярный актер с его американским автомобилем.

Египетский журналист Хусейн Абдель Разик, всесторонне исследовавший январские события в своей книге «Египет 18—19 января», вышедшей в Бейруте в 1979 г., отмечает, что лозунги, которые демонстранты скандировали на каирских улицах, были по большей части направлены против инфтахы — становой хребта всей политики, проводившейся в Египте во времена президента Садата. Знаменательно и то, что январские события произошли менее чем через три года после начала осуществления инфтахы, последовавшего сразу за принятием в 1974 г. так называемого Закона № 43 «Об арабских и иностранных инвестициях». Египетскому народу не понадобилось много времени, чтобы разобраться в антинациональной сущности новой экономической политики.

Да это было и несложно. По своей сути инфтахы выступал как антипод прогрессивным социально-экономическим мероприятиям, осуществлявшимся в эпоху Насера в интересах широких трудящихся масс. Официальная пропаганда, трубившая о том, что инфтахы призван вывести страну из тупика, в котором она якобы оказалась к началу 70-х годов, не мог скрыть того неопровержимого факта, что эта политика отвечала интересам только египетской буржуазии.

Насер впервые в истории Египта предпринял попытку ограничить стихийное развитие капитализма, ввести его в рамки, контролируемые государством, и наметить социалистические перспективы. Антикапитализм Насера диктовался логикой борьбы за упрочение национальной независимости. Объявляя «социалистические декреты» в июле 1961 г., Насер заявил, что «египетский капитализм возглавил движение к политической коррупции и фальшивой демократии».

Однако бурные политические события 60-х годов, и в первую очередь арабо-израильская война 1967 г., не давали возможности египетскому руководству полностью сосредоточить внимание на внутренних проблемах. В этих условиях наиболее предприимчивые слои египетской буржуазии, действовавшие в первую очередь в сфере торговли и подрядов, использовали сложившееся тяжелое для страны положение для того, чтобы, во-первых, любыми средствами набить кошелек, а во-вторых, обеспечить себе более эффективное участие в решении политических судеб Египта.

К началу 70-х годов, т. е. к тому времени, когда египетское руководство наметило коренной поворот в своей экономической и социальной политике, участие частного сектора в производстве потребительских товаров составляло 34,5% всего объема их производства в АРЕ. Еще более высокой была доля частного капитала в сфере распределения, где она составляла 40,3%. В сельском хозяйстве частный сектор давал 90,6% общего объема сельскохозяйственного производства. Выступая в Народном собрании 6 октября 1976 г., президент Садат сказал, что из общей суммы капиталовложений в египетскую экономику в 1970—1975 гг. в 3 млрд. 172 млн. ег. ф. на долю местного частного сектора приходится 21%, или 433 млн. ег. ф.

Во второй половине 70-х годов в Египте был принят целый ряд законов, которые открыли неограниченный простор частнопредпринимательской инициативе, сняли существовавшие в насеровские времена ограничения на деятельность местного и иностранного капитала и предоставили им ряд важных привилегий. Египетское правительство фактически отказалось от применявшегося в 60-е годы централизованного планирования экономики, были серьезно подорваны позиции государственного сектора — основы национальной экономики, произошла переориентировка торгово-экономического сотрудничества на Запад.

Однако расчеты, связывавшиеся с новой экономической политикой, не оправдались. В первую очередь это относится к финансово-экономической помощи западных стран Египту. Помощь Египту предоставляется в дозированном виде, только для того, чтобы удержаться на поверхности и не утонуть под грузом тяжелых экономических проблем. Политическая подоплека этого вполне очевидна: такая линия призвана обеспечить долговременную

зависимость Египта от американской политики на Ближнем Востоке.

Не лучше обстоят дела и с частными западными инвесторами, на которых творцы инфитаха возлагали особые надежды. Понадобилось совсем немного времени для того, чтобы египтяне вспомнили: частные западные компании — отнюдь не благотворительные организации. Они вкладывают деньги лишь в отрасли с гарантированной и быстрой отдачей капитала. Банки, нефтеразведка да, пожалуй, строительство крупных отелей и туристических комплексов — вот сферы, в которые западных инвесторов не надо уговаривать вкладывать капиталы. За годы инфитаха в Египте начали действовать 17 иностранных и смешанных банков, чей капитал достигает 40,6 млн. ег. ф. Десять крупнейших контрактов, заключенных египтянами с американскими монополиями в годы инфитаха, связаны с разведкой нефти. США финансируют в настоящее время 70% производящихся в Египте нефтеразведывательных работ.

Что касается производительных отраслей экономики, то в них сотрудничество западного и египетского частного капитала, по существу, еще и не начиналось. Пытаясь приукрасить положение дел, египетские эксперты утверждали, что до конца 1977 г. в рамках инфитаха были приняты 112 экономических проектов. Внушительная цифра, не правда ли? Однако в большинстве своем эти проекты представляют собой мелкие полукустарные предприятия. В частности, согласно статистике, в их число входят 22 предприятия, формально относящихся к химической промышленности, а на деле производящие дешевые пластмассовые изделия (сандалии, домашнюю утварь).

Издержки, негативные стороны инфитаха с лихвой перекрывают скромные достижения этой политики. Безудержно растет дефицит платежного баланса Египта. Если во второй половине 50-х годов он не превышал 300 тыс. ег. ф., то в 1974 г., в первый год проведения в жизнь политики инфитаха, он подскочил до 1 млрд. ег. ф., а к началу 80-х годов перевалил за 2 млрд. ег. ф.

Ко времени январских событий в 1977 г. внешний долг Египта увеличился в 8 раз по сравнению с 1973 г., достигнув 16,5 млрд. долл. В январе 1983 г. внешняя задолженность АРЕ, по свидетельству египетской газеты «Аш-Шааб», составила уже 22,3 млрд. долл. Главным кредитором Египта в настоящее время являются США, на долю которых приходится 36% всей суммы долга.

В свете приведенных цифр становятся понятней многие зигзаги египетской политики в 70-х годах. Западная «помощь» превратилась в рычаг не только экономического, но и политического давления на Египет, сила которого возрастала по мере того, как страна увязала в долгах.

При этом следует учитывать, что в обстановке, сложившейся в Египте в 70-е годы, внешние займы никак не способствовали расширению производства, оздоровлению египетской экономики. Темпы увеличения внешней задолженности далеко опередили темпы роста национального дохода страны. Если в 1974 г. внешний долг составлял менее трети национального дохода, то в 1983 г. он превысил его почти в 1,5 раза. По мнению специалистов, основная причина резкого ухудшения финансово-экономического положения Египта заключается в том, что значительная часть внешней финансовой помощи идет на импорт продовольствия, предметов роскоши, оседает в карманах различного рода маклеров и посредников.

Западные журналисты пытаются оправдать эти глубоко негативные стороны инфитаха издержками процесса «первоначального накопления капитала», который де всегда и везде был чреват эксцессами. Однако в саатовском Египте эти эксцессы перешли всякие рамки.

Судите сами: в начале 60-х годов в Египте было всего два миллионера, лишь 1536 человек обладали более 10 тыс. ег. ф. А к концу 70-х годов, т. е. всего через пять-шесть лет после начала осуществления политики инфитаха, в стране, по данным французской газеты «Монд», насчитывалась не одна тысяча миллионеров.

В результате резкого ослабления контроля государства за деятельностью частного сектора страна с более чем двухмиллиардным дефицитом платежного баланса позволяла себе импортировать легковых автомобилей более чем на 500 млн. ег. ф. ежегодно. Корреспондент газеты «Монд» в Каире метко сравнил эпоху инфитаха в Египте с периодом «Директории и совпадающими с ней по времени годами „сумасшедшего обогащения“ во Франции».

Невольно напрашиваются и другие, пожалуй, более правильные аналогии — с периодом правления хедива Исмаила, завершившимся финансово-экономическим крахом Египта. Западные экономические советники ведут себя сегодня в Египте так же вольготно, как и их предшественники во времена существования «касс египетского долга». Несмотря на то что экономическая поли-

тика Египта в отношении иностранных инвестиций признается в настоящее время специалистами одной из самых «либеральных» в мире, западные бизнесмены на проводящихся в последние годы в Каире конференциях представителей местного частного и иностранного капитала требуют все новых и новых уступок, льгот, гарантий. На конференции иностранных инвесторов, проходившей в Каире в феврале 1978 г., было принято 17 рекомендаций; 14 из них связаны с требованиями послаблений в пользу иностранного капитала.

И эти послабления предоставлялись, несмотря на то что некоторые из них граничили с ущемлением национального суверенитета Египта. Почему это происходило?

В первую очередь, очевидно, потому, что в состав так называемой «новой египетской буржуазии», наживающейся на инфитахе, входят руководители различных экономических ведомств и даже лица, ранее занимавшие министерские посты, чиновники различных рангов, сумевшие использовать свое служебное положение в собственных корыстных интересах. В частности, по данным прогрессивного египетского экономиста Абдель Кадера Шухейба, в списках посредников и служащих иностранных фирм в Египте фигурировали в 1979 г. 22 бывших министра, значительное число высокопоставленных чиновников компаний государственного сектора. Газета «Аль-Ахрам» сообщила 15 апреля 1978 г., что руководитель головной организации инфитаха — Организации по арабским и иностранным инвестициям — одновременно являлся и членом административных советов в Египетско-иранском банке, Египетской компании туристического развития, Египетско-американском банке, а также консультационной компании с капиталом из Абу-Даби.

Инфитах делает более наглядными и выпуклыми специфические реакционные черты египетского капитализма, рождавшегося как крайне отсталый, колониальный придаток развитых капиталистических стран, вынужденный развиваться в условиях ограниченности местного рынка, большой конкуренции товаров, импортируемых из промышленно развитых стран. Современный египетский капитализм — это капитализм торгово-спекулятивный, вызвавший к жизни колоссальный рост паразитических доходов.

Наиболее прибыльной сферой приложения капитала в Египте времен инфитаха являются импортно-экспортные операции. В 1979 г. в торговой палате Египта было за-

регистрировано 524 лицензии на импорт и экспорт и всего 22 лицензии на подрядные работы.

Инфитах создает в стране атмосферу вседозволенности, игнорирования законов, разнузданного обогащения. В середине 70-х годов внимание египетской общественности было привлечено целой серией сенсационных разоблачений, связанных с махинациями высокопоставленных чиновников и обнаживших колоссальный размах коррупции, охватившей высшие слои египетского общества. Простое перечисление ставших достоянием общественности скандальных дел, связанных с незаконной деятельностью «жирных котов» инфитах, дает представление об их широком диапазоне. Здесь и взятки, полученные крупными египетскими чиновниками от американских компаний «Вестинтауз» и «Локхид», и злоупотребления со строительством текстильного комплекса в окрестностях Александрии, и скупка в обход законов земель в каирском районе Булак под комплекс гостиниц и пансионатов для туристов, и подвергнутая резкой критике оппозиционной печатью полуторамиллионная сделка с западноевропейскими компаниями о реконструкции каирской телефонной сети.

Бурю возмущения в кругах египетской общественности вызвали ставшие достоянием гласности планы распродажи принадлежащих государству египетских кинотеатров предприимчивому саудовскому бизнесмену. Вслед за этим планировалось продать саудовцам и государственную кинокорпорацию Египта.

В 1978 г. депутат Народного собрания Каббари Абдалла сделал запрос относительно продажи огромного земельного участка, расположенного в непосредственной близости от знаменитых пирамид Гизе, гонконгской фирме, возглавляемой канадским дельцом Питером Мунком. Этот проект предусматривал сооружение туристического комплекса, стоимость которого должна была составить около 460 млн. долл. Выступая в Народном собрании, К. Абдалла заявил, что «жирные коты» инфитах готовы продать с молотка даже пирамиды Гизе. Под давлением общественности правительству пришлось расторгнуть сделку как с саудовским бизнесменом, так и с канадским предпринимателем.

Однако число скандальных разоблачений не только не уменьшалось, но и существенно увеличивалось с каждым днем. Достаточно сказать, что были обвинены в злоупотреблении служебным положением и получении «ко-

миссионных» от западных компаний два бывших заместителя премьер-министров Египта, 16 бывших министров и несколько десятков правительственных чиновников рангом ниже.

Коррупция в Египте началась не вчера. Восточная бюрократия всегда славилась искусством превращать в наличные свое служебное положение. Однако многие египтяне еще помнят ту борьбу, которая велась с этим в насеровские времена. Поэтому размах скандальных разоблачений египетская общественность с полным основанием связывает с началом осуществления политики инфитах. Прогрессивный египетский экономист Адиль Хусейн писал в журнале «Ат-Талиа» (февраль 1976 г.), что, когда Египет сотрудничал с социалистическими странами, в стране не существовало базы для такого пышного расцвета коррупции, поскольку социалистические страны не платят «комиссионных» при заключении сделок. Адиль Хусейн прямо отмечал, что политика инфитах стала возможной в Египте лишь благодаря тому, что она принесла вполне определенные и немалые выгоды представителям всемогущей египетской бюрократии.

Пожалуй, это несколько упрощенный взгляд на вещи. Вряд ли политика инфитах могла бы проводиться в жизнь в течение длительного времени, если бы она была выгодной только паразитическим слоям торговой и бюрократической буржуазии. Живучесть инфитах объясняется тем, что он предоставляет возможность наживы весьма широкому кругу дельцов самого различного ранга. Здесь и администраторы госпредприятий, вокруг которых, как грибы, паразитируют частные компании, и различного рода посредники и подрядчики, и частные владельцы такси, и содержатели ночных клубов и кабаре и т. п.

На углу тихой каирской улочки, каких немало в квартале Мухандисин, расположился так называемый «симсар» — посредник по съему меблированных квартир. Ободранный соломенный стул, прислоненный к чешуйчатому стволу пальмы, росшей посредине клумбы, разбитой на маленькой тихой площади, — вот и вся «контора» устаза Махмуда. Сам устаз Махмуд занимался своим делом долгие годы и знал наперечет все квартиры, которые сдавались внаем в близлежащем районе. Его заработка вполне хватало на то, чтобы прокормить семью из девяти человек. Однако в годы инфитах, по мере того как на улицах Каира начали появляться деловитые аме-

риканцы или спокойные, рассудительные японские бизнесмены, подыскивающие приличное жилье, устасз Махмуд преобразился. Его «комиссионные» росли вместе с ростом квартирной платы, а она подскочила в несколько раз. Если еще в начале 70-х годов хорошую квартиру европейского типа можно было снять за 100, максимум 120 ф., то в настоящее время она стоит 1200—1500 ф. в месяц. Устасз Махмуд матерел прямо на глазах. Раньше он сам бегал по домам, яростно торгуясь с домовладельцами, чтобы сбавить 5—10 ф. со сравнительно скромной квартирной платы, а сейчас за него бегают несколько помощников. Исчез и соломенный стул под кудрявой пальмой. Устасз Махмуд снял для своей конторы небольшую квартиру, в которой и восседает целыми днями.

Примерно такая же история произошла и с нашим знакомым, владельцем кустарной автомобильной мастерской. До инфитаха он перебивался грошовыми заказами, но, после того как количество частных автомобилей в Каире резко возросло, его дела пошли в гору. Он не только нанял трех рабочих, но и смог сколотить достаточный капитал, чтобы купить подержанный «Мерседес».

Вряд ли стоит говорить, что и устасз Махмуд, и владелец автомастерской — искренние приверженцы и почитатели инфитаха. Русский путешественник де Воллан, которого нам уже приходилось цитировать, заметил, наблюдая за отношением египтян к англичанам: «Не надо забывать, что английская оккупация держится теми же египтянами, которые под покровом Англии ловят рыбу в мутной воде. Если мы от аферистов и сановников перейдем к низшим классам населения, то и там найдутся люди, которые имеют благодаря англичанам хорошие заработки (погонщики ослов, кучера, прислуга)»². С определенными поправками наблюдения де Воллана можно спроецировать на сегодняшнюю египетскую действительность.

Инфитах привел к очень быстрому и значительному расширению пропасти, разделяющей имущих и неимущих в египетском обществе. В настоящее время, по данным известного египетского экономиста Фуада Мурси, на 9,8% населения Египта приходится 44,5% потребления, в то время как на долю остальных 90,2% — лишь 55,5%. 27 млн. египтян (66% населения страны) получают доход ниже прожиточного минимума. В опубликованном в марте 1979 г. заявлении Национально-прогрессивной партии об экономической политике правительства признавалось,

что за годы инфитаха имел место некоторый рост среднего дохода на душу населения. В период с 1975 по 1978 г. он возрос со 128,4 до 148 ег. ф. Однако на деле это повышение доходов было полностью съедено инфляцией и ростом цен, увеличившихся за этот период не менее чем на 40%. В результате жизненный уровень населения упал.

Каким же образом египтянам-труженикам удастся сводить концы с концами?

Ответ на этот вопрос непрост. Фиксированный уровень минимальной заработной платы рабочих и служащих госсектора составляет в настоящее время 16 ег. ф. Фактический доход многих из них и того меньше. И тем не менее потребности египетского простого люда, привыкшего в течение долгих веков довольствоваться лишь самым необходимым, настолько скромны, что подхлестнутая инфитахом волна подорожания проходит как бы поверх их голов. Житель каирских трущоб с детства приучается обходиться лепешкой хлеба, чашкой горячих бобов, куском брынзы и двумя-тремя стаканами крепкого сладкого чая. Благодаря теплоте климату перед ним не стоит проблема зимней одежды или кроватки над головой на случай суровой зимы. Единственный магазин, который ему доступен, — это «таавуния» — лавка египетской потребительской кооперации, где можно купить самые необходимые продукты питания.

Собственно, именно в этой системе кооперативных лавок и кроется, пожалуй, один из секретов того шаткого социального баланса, который существовал в саатовском Египте. Еще в насеровские времена государство установило определенный уровень цен на целый ряд товаров широкого потребления, для того чтобы сделать их доступными для большинства населения. По заявлениям официальных лиц, дотации на товары широкого потребления (такие, как, например, хлеб, хлопковое масло, сахар) только в 1979 г. составили 1177 млн. ег. ф.

Государственные субсидии в сегодняшнем Египте, как и многие другие стороны правительственной политики, — вещь чрезвычайно запутанная. Газета «Сиясий» 14 января 1979 г. писала: «Несмотря на то что только весьма ограниченная часть населения Египта имеет право покупать товары в кооперативных лавках, в 1978 г. в Египте при 40 млн. населения имели хождение 45 млн. кооперативных карточек». Правительство давно вынашивает план замены продовольственных карточек, чтобы

прекратить спекуляцию субсидированными товарами, однако до претворения этого плана в жизнь дело пока не доходит.

Архитекторы знают, что в фундаменте каждого здания есть так называемые критические точки. Стоит лишь ослабить их, вынув один-другой камень, и здание рухнет. Такой критической точкой в социальной политике египетского руководства и являются дотации на товары широкого потребления. Отступление от этой политики чревато самыми непредвиденными последствиями. Это со всей очевидностью доказали январские события 1977 г.

Накануне январских событий правительство Мамдуха Салема вело себя так беспечно, что впоследствии его действия были расценены многими политическими обозревателями чуть ли не как провокационные.

В течение первой половины января 1977 г. каирские газеты регулярно публиковали заявления официальных лиц о том, что правительство собирается поддерживать цены на прежнем уровне и предпринять решительные меры для улучшения материального положения трудящихся масс.

Предложение о снятии дотации на целый ряд товаров широкого потребления, таких, как хлеб, дешевые ткани, чай, сигареты, керосин и сахар, внесенное известным своими давними связями с финансовыми кругами Запада заместителем премьер-министра по экономическим вопросам доктором Абдель Монеимом аль-Кайсуни на рассмотрение парламента вечером 17 января 1977 г., прозвучало как гром среди ясного неба. Утром 18 января в газетах было опубликовано решение правительства о ликвидации дотаций. В первой половине дня этим сообщением мало кто верил, однако после того, как торговцы начали поднимать цены на продукты питания, сомнения сразу рассеялись.

Первые демонстрации рабочих и студентов появились в центре Каира во второй половине дня 18 января. Сначала они носили мирный характер. Однако к вечеру страсти разбушевались и разъяренные толпы начали крушить все, что попадалось им на пути. Манифестации набирали силу.

В это время президент находился вне Каира. Получив в Асуане сообщение о начавшихся народных волнениях, охвативших не только столицу, но и Александрию, да и все крупные египетские города, Садат немедленно вылетел в Каир. Однако обстановка была настолько

тревожной, что президентский самолет в течение двух часов кружил над столицей, не совершая посадки. Служба безопасности не была уверена в том, что власти контролируют положение в стране.

Именно в этот момент и был отдан приказ полиции и войскам открыть огонь по демонстрантам. Официальные органы информации заявляют, что во время январских событий было убито 80 и ранено 200 человек. Однако корреспонденты ряда иностранных, и в первую очередь западных, газет и журналов, находившиеся в эти дни в Каире, отмечают, что эти цифры сильно занижены.

Днем 19 января правительство вынуждено было аннулировать свое решение об отмене дотаций на предметы первой необходимости. Тем не менее народные выступления не прекращались. Вечером этого дня на всей территории Египта было введено военное положение.

Каир превратился в безлюдную пустыню. Движение замерло. Лишь на перекрестках расхаживали солдаты в форме специальных войск с автоматами наперевес.

Однако, несмотря на предпринятые меры, и в этот день на окраинах Каира продолжали звучать отголоски народного гнева. Объектами народного возмущения становились те места, которые в сознании народа были связаны со сладкой жизнью «жирных котов» инфитаха. Толпы разгромили несколько ночных клубов и казино на улице Пирамид, где египетские нувориши за ночь проигрывали в рулетку десятки тысяч фунтов.

Исследователь садатовского Египта Гали Шукри пишет: «Каковы были формы народного насилия в январе 1977 г.? В деревне были прерваны коммуникации, захвачены представители власти, в городах организовывались демонстрации. Все развивалось, как в дни революции 1919 г., с той только разницей, что в 1977 г. число демонстрантов в египетских провинциях намного возросло. В городах толпы народа направлялись к полицейским участкам, казино, отелям, резиденциям ответственных лиц — словом, в места, которые символизировали социальную несправедливость и лицемерную мораль. Они направлялись к кооперативным лавкам, продовольственные товары которых разворовывались бюрократами и прихвостнями властей. Они направлялись к американскому университету, расположенному в центре Каира. Нет необходимости говорить о том, что он символизирует. В то же время ни один египетский университет, ни одна школа не подверглись ни малейшему насилию».

Январские события явились полной неожиданностью как для Садата, так и для его западных друзей и покровителей. В своих публичных выступлениях Садат в свойственной ему демагогической манере пытался принизить значение январского народного восстания, свести его к выступлению хулиганствующих элементов. Одновременно в полном противоречии с логикой власти пытались возложить ответственность за происшедшее на левые силы. Были произведены массовые аресты, однако длившийся более двух лет процесс над «участниками январских событий» закончился полным провалом. Все они были оправданы за отсутствием улик.

События 18 — 19 января продемонстрировали шаткость садатовского режима, непопулярность его политики. Западные органы информации, еще недавно певшие дифирамбы Садату, на первых порах явно не могли оправиться от неприятного сюрприза. Американские и английские газеты затеяли в эти дни дискуссию на странную тему: были январские события политической акцией или стихийной экономической массовой демонстрацией? Трудно понять, где здесь проходит грань между политикой и экономикой. Разве можно сомневаться в том, что январские события явились прямым следствием всей политики Садата?

То, что представлялось Фуаду Мухандису, а вместе с ним и официальной египетской пропаганде бессмысленными актами вандализма, на деле было протестом, направленным против политики инфитаха, которую в народе справедливо считали главной причиной тех глубоких социальных контрастов, которые характеризуют сегодня жизнь египетского общества. Американский «Кадиллак» последней модели, принадлежавший Фуаду Мухандису, был в глазах народа символом того паразитического обогащения, которое пыльным цветом расцвело под сенью инфитаха. Сожженные автобусы — это тоже как бы символ, обратная сторона той же политики. Всякий, кто видел сцены, происходящие на автобусных остановках, и сами каирские автобусы, в которых люди свисают из окон, с подножек и едут на крышах, могут легко представить себе ту ненависть, которую питает рабочий люд к этому, с позволения сказать, средству транспорта. Те, кто жег эти автобусы, несомненно, помнили о гнусной афере, разыгравшейся несколько лет назад, когда городские власти закупили по явно завышенным ценам большую партию старых иранских авто-

бусов. При этом, как выяснилось, кое-кто получил огромные «комиссионные».

Впоследствии, однако, выяснилось, что у январских событий есть и другой аспект. На ликвидацию дотаций погрязшее в долгах египетское правительство пошло под сильным давлением со стороны США. Корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» Генри Теннер прямо признал в своей корреспонденции из Каира 21 января 1977 г.: «На том, чтобы президент Садат повысил цены, настаивали Международный валютный фонд, правительство США, частные американские банки, которые являются его кредиторами...».

Вот какая получается история. Так что, если Фуад Мухандис надумает потребовать компенсацию за издержки, которые он понес в связи с сожженным «Кадиллаком», то счет ему лучше всего предъявить в Вашингтон.

ХАМСИН ДУЕТ 50 ДНЕЙ

Последствия хамсина очень печальные: все задыхаются, страдают головной болью и ожидают, пока пройдет ветер, к счастью продолжающийся очень недолго.

«Египет». СПб., 1882 г., с. 40.

Хамсин над Египтом... Действительно, наиболее характерная черта прошедшего десятилетия заключается в том, что политические и социальные ориентиры, намеченные июльской революцией 1952 г., как бы затянуло пыльной пеленой песчаной бури. Потеряли свои четкие очертания, а затем и деформировались контуры той политики, которую Египет проводил на международной арене в 50-е и 60-е годы. Стрелка политического барометра постоянно скакала, показывая то бурю, то обманчивое затишье. Но периоды кратковременной живительной прохлады были слишком коротки, чтобы сгладить то общее гнетущее впечатление, которое оставляет после себя хамсин.

В основе потрясений, обрушившихся на Египет в 70-е годы, лежало, в сущности, то же явление, которое порождает хамсин: противоборство ветров. Политическая атмосфера в стране в прошедшее десятилетие определялась борьбой сторонников и противников курса июльской революции. Однако в пыльной мгле, окутавшей Египет,

было нелегко разглядеть участников сложных противоречивых событий, происходивших на политических подмостках, распознать в наэлектризованной бурей атмосфере скрытые, а порой и тщательно скрываемые намерения и мотивы их действий.

В кругах каирской интеллигенции в начале 70-х годов ходил такой анекдот. Придя к власти после смерти Насера, Садат решил прокатиться по городу в президентском автомобиле. Машина следовала обычным маршрутом, пока не достигла перекрестка, откуда одна улица уходила направо, а другая налево. Шофер, служивший еще у Насера, поинтересовался у нового президента, по какой дороге ему ехать. Тогда Садат спросил: «А какую дорогу выбирал Насер?» Шофер ответил, что Насер всегда ездил налево. Немного подумав, Садат приказал: «Включай левый поворот, но поезжай направо».

Судя по этому анекдоту, уже вскоре после того, как Садат обосновался в президентском дворце Абдин, в Египте были люди, понимавшие, в каком направлении будут развиваться события. Однако включенный Садатом левый поворот еще в течение длительного времени дезориентировал многих.

В начале 70-х годов каирские газеты любили порасуждать о демократии, свободе печати, которые обрели в садатовском Египте действенные гарантии.

Однако период иллюзий, который переживали определенные круги египетской интеллигенции, продолжался недолго. Уже к весне 1977 г. либерально-демократическая оболочка режима изрядно полиняла. В марте этого года журнал «Ат-Талиа» был закрыт за публикацию статьи, в которой подвергалась острой критике политика правительства, приведшая к январским волнениям.

Столь же неизбежно выродились в свою полную противоположность и другие лозунги, под которыми Садат пришел к власти. Первой, широко разрекламированной официальной пропагандой акцией президента было символическое разрушение в феврале 1971 г. здания тюрьмы ат-Тора — каирской Бастилии, — в которой во времена английской оккупации пришлось побывать и самому Садату. Однако уже через год, в 1972 г. властями был принят первый антидемократический закон, введший жесткие ограничения на деятельность массовых организаций. Впоследствии, после январских событий 1977 г. принятие подобных антинародных актов, «законность» которых штамповалась безотказно работавшей машиной проведе-

ния референдумов, вошло в норму. Они принимались, по существу, ежегодно и в конце концов превратили и без того иллюзорную свободу политической деятельности в нечто совершенно противоположное.

Сам Садат предпочитал отрешиваться от той разнужданной антинасеровской кампании в печати, которая, конечно же, не могла вестись без одобрения властей. В одной из своих речей он даже резко одернул особо зарвавшихся антинасеристов. В то же самое время он вносил свою лепту в дискредитацию самого существа насеризма — документов июльской революции. В своей речи 1 мая 1976 г. Садат заявил, что не только радикальная мартовская декларация 1968 г., но и Хартия национальных действий 1962 г. — идейно-политическая программа насеризма — «носили конъюнктурный характер» и, по существу, никогда не выполнялись. Дальше — больше. В автобиографической книге «В поисках себя» Садат заявил о том, что «ошибки июльской революции в 60-х годах были столь же велики, сколь и ее победы в 50-х годах». Однако и это оказалось не пределом. В одном из своих последних выступлений по телевидению Садат поведал зрителям о том, что и в 1956 г. он был «внутренне несогласен» с историческим решением Насера о национализации Всеобщей Компании морского Суэцкого канала.

Столь же фальшивыми оказались и другие идейные установки, которыми Садат пытался подкрепить свою политику. Со страниц газет продолжали настойчиво звучать призывы к «социалистическому решению встающих перед страной проблем» — и в то же время наносились удары по госсектору, всемерно поощрялась частнопредпринимательская деятельность, набирали силу паразитические слои буржуазии. Власти твердили о своем стремлении к социальному миру — и проводили политику, резко обострявшую социальные контрасты египетского общества. Быстро обнаружил свою несостоятельность лозунг национального единства, прикрываясь которым режим тайно вел линию на поощрение деятельности мусульманских кругов, политику, завершившуюся крупными межобщинными столкновениями.

За 11 лет пребывания Садата у власти он коренным образом переориентировал не только внутреннюю, но и внешнюю политику Египта. Подорвав отношения с Советским Союзом и странами социалистического сотрудничества, сыгравшими действительную роль в упрочении национальной независимости Египта, Садат, по существу,

разоружил Египет перед лицом диктата империализма и сионизма.

В конце своей политической карьеры он, как всякий политический банкрот, был вынужден подписывать краткосрочные векселя, которые заведомо не мог оплатить. Чтобы приглушить ширящееся общественное недовольство явно дискриминационными условиями мира, который он подписал в Вашингтоне с Бегинем, Садат был вынужден пообещать народу невыполнимое: благоденствие и процветание уже в следующем, 1980 году. Однако чуда не произошло. Мир не принес благоденствия, и в этом, пожалуй, заключался главный стратегический просчет президента.

Выполнив свою главную политическую миссию, заключив мир с Израилем на условиях, выгодных прежде всего слоям паразитической буржуазии, Садат, сам не ведая того, подписал свой смертный приговор. Лишившись возможности объяснить народу растущие экономические трудности, отсутствие обещанной демократизации, он вызвал огонь на себя. То, что произошло 6 октября 1981 г. на площади у памятника героям октябрьской войны, было в какой-то мере неожиданно, но крах Садата, который сам загнал себя в тупик своей антинародной политики, неизбежен и закономерен.

Вызревание предпосылок, вызвавших этот крах, нагляднее всего прослеживается на примере эволюции, вернее, кризиса саатовской политической системы в 70-е годы. Думается, что ее можно разделить на три основных этапа. Начало первого из них чисто условно можно связать с принятием в октябре 1974 г. так называемого «Октябрьского рабочего документа» (до этого времени режим Садата остерегался открыто говорить о необходимости корректировки политического курса, проводившегося при Насере). В «Октябрьском рабочем документе» впервые было официально объявлено, что политика режима будет базироваться на инфитахе, являющемся антиподом насеровскому курсу. Этот период продолжался до январских событий 1977 г. В эти годы власти еще не потеряли надежды найти «демократическую» формулу организации общественно-политической жизни, эквивалента того принципиально нового курса в экономических делах, который начал проводиться в Египте с законодательным оформлением политики инфитаха. Режим как бы проверял на прочность идейно-политическое наследие насеровской эпохи, не исключая еще, что планировавшиеся им шаги

по коренной переориентации внутренней и внешней политики страны можно было бы провести в жизнь с сохранением видимости «демократии».

Пожалуй, главным событием внутривнутриполитической жизни Египта в этот период явилось появление концепции так называемой «контролируемой демократии», опираясь на которую Садат попытался ввести политическую жизнь страны в удобные для себя рамки. Дело в том, что такие шаги режима, как начало осуществления политики инфитаха, подписание с Израилем первого и второго соглашений о разводе войск, активный флирт с американцами, одностороннее расторжение советско-египетского Договора о дружбе и сотрудничестве, повлекли за собой заметную активизацию деятельности оппозиции.

Власти не могли не считаться с тем фактом, что социальный спектр оппозиционных сил был достаточно широк. В их рядах находились марксисты, насеристы, представители экстремистских мусульманских группировок, видные члены ранее распущенных, а затем возобновивших свою политическую деятельность дореволюционных партий типа Вафд, «Молодой Египет» и т. п.

Разрешая в марте 1976 г. в виде эксперимента сформировать три платформы внутри Арабского социалистического союза — левую, правую и центристскую, — Садат начал поиск той «демократической» модели, которая, с одной стороны, позволяла бы контролировать действия оппозиции, а с другой — затрудняла бы создание широкого блока оппозиционных сил. Одновременно это привело бы к окончательной ликвидации Арабского социалистического союза, последнего хоть и формально, но все же действовавшего оплота насеровской политической системы. 11 ноября 1976 г., выступая на открытии первой сессии Народного собрания нового созыва, Садат объявил о преобразовании созданных платформ в политические партии. Впервые почти за четверть века в Египте начали действовать партии: левая — Партия национально-прогрессивного юнионистского блока (НПП), правая — Партия социалистов-либералов (ПСЛ) и центристская — Арабский социалистический Египет (АСЕ).

Решение о создании трех политических партий было кульминацией саатовского «демократического эксперимента», его высшей точкой. Несколько лет подряд египетская общественность ожидала провозглашения общанной полной свободы деятельности политических партий. Однако этим надеждам не суждено было сбыться,

несмотря на то что происходившие в стране процессы явно не уместались в рамки искусственной трехпартийной системы. Неуклонно набирало силу студенческое движение. Выступления египетских студентов в январе 1973, 1974, 1975 гг. проходили под лозунгами в защиту завоеваний июльской революции, против наступления властей на права трудящихся. Ухудшение материального уровня жизни народа, особенно заметное на фоне оживления паразитической деятельности «жирных котов» инфитаха, привело в движение и рабочую массу. Только в 1976 г. египетские рабочие провели крупные забастовки на автомобильном заводе «Наср», на текстильном и металлургическом заводах в Хелуане, в государственной табачной компании, на доках Александрии и Порт-Саида, текстильной фабрике в Александрии и т. д. Наиболее значительная забастовка была организована профсоюзом транспортников в Каире 18—19 сентября 1976 г. Знаменательно, что она произошла уже через 24 часа после переизбрания Садата на пост президента республики. Однако все эти выступления явились лишь прологом к народным волнениям 18—19 января 1977 г., в ходе которых выступления рабочих, студентов, интеллигенции впервые слились в единый мощный поток.

Январские события знаменуют начало второго этапа кризиса садатовской политической системы, продолжавшегося вплоть до подписания египетско-израильского «мирного» договора в марте 1979 г. Его отличительной чертой явилось прежде всего коренное изменение тактики режима в отношении оппозиции. 10 февраля 1977 г. в результате глубоко антидемократического как по своей форме, так и по содержанию референдума был принят пресловутый закон «О защите социального мира и национального единства», ст. 7 которого предусматривала пожизненные каторжные работы для организаторов забастовок и массовых демонстраций. 21 мая 1978 г. состоялся новый референдум, на основании которого была лишена права заниматься политической деятельностью большая группа оппозиционеров, в том числе бывших видных деятелей доиюльских политических партий.

В июне 1977 г. Народное собрание одобрило Закон о партиях. Разрешение на формирование новых партий было оговорено рядом трудновыполнимых условий. В частности, создаваемые партии должны были иметь не менее 20 депутатов Народного собрания в составе членов-учредителей, что само по себе серьезно осложняло про-

цесс формирования партий. Партиям запрещалось иметь самостоятельную социальную или религиозную основу, все они были обязаны действовать в рамках единых принципов сохранения в стране социального мира и национального единства, что в переводе с языка официальной пропаганды означало обязательство не подвергать критике существенные аспекты политики властей.

Вся фальшь затеянного Садатом «демократического эксперимента» обнаруживается уже при первом взгляде на отношение властей к сформированным партиям. НПП стала постоянной мишенью для нападок со стороны официальной печати, излюбленным объектом гонений и репрессий. Неоднократно конфисковались и изымались из обращения номера газеты «Аль-Ахали» — органа НПП. Свой первый, Учредительный съезд партия смогла провести только в апреле 1980 г., хотя подготовительная работа была проведена много раньше. Тем не менее НПП оказалась единственной жизнеспособной из искусственных партий, созданных властями. В работе ее первого съезда принимало участие более 500 делегатов от 21 провинции Египта. Они представляли широкий конгломерат сил, оппозиционных садатовской политике: от марксистов до радикально настроенных представителей мусульманских кругов. Популярность НПП, думается, объясняется тем, что она, несмотря на условия самых жестоких репрессий, оказалась единственной политической партией современного Египта, нашедшей в себе силы последовательно выступать против основных аспектов антинационального политического курса садатовского режима: политики инфитаха, курса на сближение с США, египетско-израильского сепаратного договора.

В отличие от НПП партия центра — АСЕ — имела все условия для успешной работы, поскольку на начальном этапе ее существования Садат явно рассчитывал на помощь АСЕ в расширении и укреплении своей социально-политической базы. Центристскую партию возглавил премьер-министр Мамдуг Салем. Однако уже к началу 1978 г. эта партия стала на глазах распадаться, раздираемая противоречиями между различными группировками буржуазии и чиновничества, составлявшими ее основной костяк. В основе этих противоречий лежала ожесточенная борьба за «теплые» места и выгодные контракты. В рядах центристов, сосредоточивших к 1978 г. около $\frac{2}{3}$ из 360 мест в Народном собрании, постепенно сформировалась группа представителей национальной буржуа-

зии, которая выступила против распродажи с молотка национального достояния страны под ширмой инфитаха. В парламенте участились стычки и ожесточенные дискуссии членов парламентской фракции центристов относительно как экономических, так и политических вопросов.

Крах центристской партии имел и еще один крайне неприятный для садатовского режима аспект. Он свел на нет усилия властей по созданию идеологической концепции, которая могла бы заполнить своеобразный «идеологический вакуум», образовавшийся в результате кампании по дискредитации идейного наследия насеровской эпохи. Буржуазно-реформистская теория «демократического социализма», взятая на вооружение центристской партией, была подвергнута резкой критике со стороны представителей самых различных политических течений. Известный египетский писатель и публицист, придерживающийся буржуазно-либеральных взглядов, Ихсан Абдель Куддус писал в журнале «Октобр»: «Центр всегда и во всех странах мира был самой сильной и близкой к властям организацией... Что такое центр? Это нечто среднее между реакцией и прогрессом, социализмом и капитализмом, демократией и диктатурой, распространением спиртных напитков и их запрещением, разрешением иметь четыре или одну жену»³.

В этих условиях Садат считал необходимым спешно реорганизовать ряды сторонников своего режима. 22 июля 1978 г. он обнародовал решение о формировании новой Национально-демократической партии (НДП), которую возглавил лично.

Первоначальный замысел президента был не лишен определенного смысла. Он намеревался воссоздать оставившую яркий след в истории национально-освободительного движения Египта первую египетскую политическую партию — Национальную партию, — возглавлявшуюся широко известным своими антиколониальными выступлениями Мустафой Кямилем. Садат даже собирался основать штаб-квартиру партии в бывшем доме Кямиля, расположенном в одном из народных районов Каира, и тем самым как бы поставить ее ближе к массам, к их нуждам и чаяниям.

Однако и этот замысел оказался неосуществленным. В рядах центристов, неожиданно оказавшихся не у дел, началась паника. Еще не ознакомившись с политической программой новой партии президента, они толпой начали покидать ряды своей бывшей партии и подавать заявле-

ния о приеме в НДП. Ажиотаж, который был поднят вокруг вопроса о переходе центристов в НДП, и явная беспринципность, проявленная членами бывшей правящей партии, вызвали возмущение даже в консервативно настроенных общественных кругах Египта.

Центристская партия развалилась как карточный домик. Нескольким ее бывшим руководящим деятелям, пожелавшим сохранить организационную самостоятельность, было отказано в их просьбе сохранить АСЕ в качестве самостоятельной партии. Остановить лавину центристов, стремившихся правдами и неправдами пробиться поближе к президенту, оказалось невозможно. НДП превратилась в самую многочисленную партию в парламенте и приняла бразды правления от центристов.

Характерно, что уже через какие-то полгода никто и не помнил о широко рекламировавшихся планах превращения НДП в массовую народную партию. Вместо скромного домика Мустафы Кямиля, где Садат намеревался дважды в неделю принимать представителей народа, НДП обосновалась под крылышком президента во дворце Абдин якобы временно, до окончания ремонта в бывшем доме Мустафы Кямиля. Однако прошло несколько лет, а НДП так и не решилась покинуть уютный президентский дворец и поселиться поближе к массам.

Многие наблюдатели в Каире отмечали, что идея воспользоваться авторитетом Национальной партии Мустафы Кямиля в интересах укрепления собственного режима появилась у Садата, скорее всего, по аналогии с явившимся для него, да и для многих в Египте, неожиданным успехом партии «Новый Вафд», добившейся разрешения на свое формирование 4 февраля 1978 г. «Новый Вафд» — единственная из египетских политических партий, созданная не решением «сверху», а скорее вопреки воле властей. Ее учредители, главную роль среди которых играл бывший генеральный секретарь дореволюционного Вафда, крупный землевладелец Фуад Сираг эд-Дин, выдвинули политическую программу, которая в своих основных пунктах на первый взгляд совпадала с концепцией «демократического социализма», принятой на вооружение как центристами, так и НДП. Главное место в ней занимали требования осуществления буржуазно-демократических свобод, и в первую очередь создания демократического многопартийного парламентского государства. Однако это совпадение было чисто формальным. По существу же, неовафдисты выступали за корен-

ное преобразование саатовского режима на базе ограничения прерогатив президента, существенного расширения конституции АРЕ 1971 г., предоставления гарантий действительной, а не фиктивной независимости парламента и действующих политических партий.

Естественно, что такой партии не могло быть места в рамках саатовской «демократии». После майского референдума 1978 г., лишившего политических прав таких лидеров неовафдистов, как Фуад Сираг эд-Дин, Ибрагим Хасан, Ибрагим Фараг и Абдель Фаттах Хасан, партия приняла решение о самороспуске. «Новый Вафд», мелькнувший как метеор на политическом небосклоне Египта 70-х годов, остался в истории как «партия 100 дней».

Тягостное впечатление, которое произвели власти своими акциями в отношении «Нового Вафда», они попытались загладить подчеркнуто доброжелательным отношением к учредителям Социалистической партии труда, сформированной летом 1978 г. бывшим министром ирригации в правительстве Мамдуха Салема Ибрагимом Шукри. Президент даже отдал указание ряду депутатов правящей партии войти в состав СПТ, чтобы она смогла выполнить требование Закона о партиях о необходимости иметь среди членов-учредителей не менее 20 парламентариев. В своих выступлениях Садат неизменно подчеркивал, что ожидает от СПТ «конструктивной оппозиции». Однако подыгрывать властям в условиях, когда правящие круги после поездки Садата в Иерусалим начали проводить явно антинародную, противоречащую национальным интересам политику, было уже невозможно. СПТ и ее орган газета «Аш-Шааб» активно включились в критику саатовского политического курса.

Третий и последний этап эволюции саатовской политической системы начался после подписания сепаратного египетско-израильского мирного договора в марте 1979 г. На следующий же день после того, как договор был проштампован парламентом (против него выступило всего 16 человек), Садат распустил Народное собрание. Его уже не устраивал даже тот минимальный уровень критики, который могла противопоставить немногочисленная парламентская оппозиция огромной машине правящей партии. В результате новых парламентских выборов, проведенных в мае 1979 г., в состав Народного собрания попали всего два человека из тех, кто голосовал против египетско-израильского договора.

Однако рост оппозиционных настроений продолжался. В феврале 1980 г. 40 видных политических деятелей Египта выступили с призывом бойкотировать израильское присутствие в Каире. Через год, в феврале 1981 г. под «Обращением к египетскому народу», осуждавшим унижительные условия договора с Израилем, стояли подписи уже 100 известных деятелей оппозиции.

С лета 1980 г. начали предприниматься попытки подвести организационную базу под фактически уже действовавший блок оппозиционных сил, выступавших за обеспечение демократических свобод, против развития политических и экономических контактов с Израилем в условиях сохранявшейся оккупации израильскими войсками части Синая и постоянных уступок египетских представителей на проходивших в то время переговорах по так называемой автономии для палестинцев.

Новым и, как оказалось, крайне опасным для саатовского режима элементом развития внутривластной обстановки явилась активизация деятельности мусульманских группировок, открыто заявивших о своем несогласии с целым рядом аспектов саатовской политики, и в первую очередь с мирным договором с Израилем. К концу 1980 г. мусульманские экстремисты настолько окрепли, что перешли к открытой демонстрации своих сил. Страну начали лихорадить ставшие регулярными стычки между коптскими общинами и мусульманскими боевиками в Асьюте, Минье, Каире.

Активизация мусульманской оппозиции обнажила всю глубину не только стратегических, но и тактических просчетов Садата, в течение длительного времени закрывавшего глаза на растущую активность мусульманских группировок в надежде задуть с их помощью левых и насеристов, особенно в молодежной среде.

Понимая, что подобное развитие событий несет в себе реальную угрозу его режиму, Садат решился на крайний шаг: в ночь со 2 на 3 сентября 1981 г. по его приказу были арестованы 1536 наиболее активных деятелей оппозиции всех направлений. В тюрьме оказались не только лидеры исламских группировок, но и руководители коптской церкви. Там же очутились и такие известные деятели оппозиции, как председатель СПТ Ибрагим Шукри, его заместитель Хильми Мурад, бывший главный редактор газеты «Аль-Ахрам» Мухаммед Хасанейн Хейкал, Фуад Сираг эд-Дин, десятки левых деятелей, видные представители интеллигенции.

Это было начало конца. Бросив в тюрьму широко известных и популярных в народе деятелей оппозиции, Садат не только поставил крест на «демократических экспериментах», но и, по существу, открыто противопоставил свой режим широким кругам египетской общественности.

Точку в агонии скомпрометировавшего себя по всем статьям режима поставили как раз те, на кого Садат пытался опереться в своих происках против наиболее последовательных борцов за социальный прогресс и демократию — левых сил. 6 октября 1981 г. на площади около памятника героям октябрьской войны во время традиционного военного парада лейтенант Халед аль-Исламбули, член мусульманской секты «Ат-Такфир уаль-Хигра», и четверо его сторонников буквально изрешетили президента Садата, всадив в него пять автоматных пуль.

...Хамсин затихает в Египте обычно в конце апреля. Однако египтяне знают, что сухой ветер пустыни может неожиданно налететь и в мае, июне, покрыв город густой пеленой пыли. Если даже метеорологи не могут гарантировать точного прогноза на несколько дней вперед, то кто возьмет на себя смелость предсказать, какой будет политическая погода в Египте завтра?

Целый ряд шагов, предпринятых руководством страны после убийства Садата, свидетельствуют о стремлении преодолеть наиболее одиозные, идущие вразрез с национальными интересами издержки садатовской политики. Это стремление встречает поддержку египетских патриотов, но в Египте по-прежнему сильны круги, которые стояли у истоков инфитаха и кэмп-дэвидской сделки.

И тем не менее наш рассказ о Египте хотелось бы закончить на оптимистической ноте. Оптимизм — основа национального характера египтян — этого древнего и вечно молодого народа. Может быть, отчасти поэтому чужеземные захватчики всегда были на его земле лишь временными гостями.

Вся семитысячелетняя история Египта свидетельствует: так было, так будет и впредь. Залог этого — стойкость и трудолюбие, оптимизм и неиссякаемая жизненная сила египетского народа.

¹ И. Клингген. Среди патриархов земледелия. СПб., 1898, с. 137—138.

² Г. де Воллан. По белу свету. СПб., 1894, с. 83.

³ «Октобр». 1.11.76 (на араб. яз.).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Улыбка сфинкса	5
У подножия «рукотворных гор»	18
Чертовщина вокруг пирамид	32
«Японская» пирамида на плато Кафр ас-Самман	
Грабители, ученые и наполеоновские гренадеры	53
Размышления в Египетском музее	66
Недолгое царствование Султана эль-Кебира	82
«Ослов и ученых — на середину!»	89
Генри Солт против Бернара Дроветти	97
Каир, улица Шампольона	
Город тысячи минаретов	109
Старый Каир	123
От мечети ибн Тулуна до Баб ан-Наср	136
Вид со стены Цитадели	145
Русские при дворе Мухаммеда Али	
К Черному морю вслед за русскими «путепроходцами»	158
Русские паломники на Синае	175
От Каира до Суэца на верблюде	187
От Каира до Исмании на автомобиле	
«Великий путь на Восток»	198
Исмаилия — столица Суэцкого канала	215
Стервятники над каналом	225
«Суэц» и «антисуэц»	241
Порт-Саид. Метаморфозы «свободной зоны»	
Хамсин над Египтом	250
Каир: заботы города — заботы страны	264
Разные лики Каира	277
«Кадиллак» Фуада Мухандиса	291
Хамсин дует 50 дней	

Петр Владимирович Перминов

УЛЫБКА СФИНКСА

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор Л. З. Шварц
Младший редактор Л. В. Исаева
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор В. П. Стуковнина
Корректор Н. А. Моисеева

ИБ № 14979

Сдано в набор 27.12.83. Подписано к печати 28.11.84. А-13579. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Иллюстрации отпечатаны по офсету. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 15,96+0,84 илл. Усл. кр.-отт. 17,43. Уч.-изд. л. 18,17. Тираж 50 000 экз. Изд. № 5459. Зак. № 4175. Цена 1 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Красно-пролетарская, 16.